

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЧТЕНИЯ ОТДЕЛА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVIII ВЕКА**

Выпуск 7

**М. В. ЛОМОНОСОВ
И СЛОВЕСНОСТЬ ЕГО ВРЕМЕНИ**

**ПЕРЕВОД И ПОДРАЖАНИЕ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА**

Альянс-Архео
Москва — С.-Петербург
2013

Чтения отдела русской литературы XVIII века. — Вып. 7: М. В. Ломоносов и словестность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / Отв. ред.: А. А. Костин, А. О. Дёмин. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. — 304 с.

ISBN 978-5-98874-084-1

Ответственные редакторы:

А. А. Костин, А. О. Дёмин

*Издание осуществлено при поддержке Совета по грантам Президента РФ
для поддержки молодых ученых (номер гранта МК-1573.2013.6)*

ISBN 978-5-98874-084-1

© Коллектив авторов, 2013
© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) РАН, 2013
© ООО «Альянс-Архео», 2013

lib.pushkinskiydom.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник составлен по материалам чтений, проведенных Отделом русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Это были: круглый стол «М. В. Ломоносов и русская литература» (Санкт-Петербург, 27 октября 2011 г.), организованный к 300-летию Ломоносова при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, и международная научная конференция «Перевод и подражание в русской литературе XVIII века» (Санкт-Петербург, 17–18 сентября 2012 г.). Поэтому возникло двойное заглавие сборника и образовались два самостоятельных раздела (ответственные редакторы, соответственно, — А. А. Костин и А. О. Дёмин).

В первом разделе читатель найдет анализ современного состояния изучения литературного творчества Ломоносова (Н. Ю. Алексеева); опыты атрибуции писателю произведений, ранее не связывавшихся с его именем (А. А. Костин, Н. А. и Н. П. Копаневы); новые биографические сведения о нем (А. А. Костин, П. И. Хотеев); исследования, посвященные ломоносовской Риторике (Л. И. Сазонова, К. Н. Лемешев, А. А. Костин и С. И. Николаев), проблеме восприятия ломоносовской поэзии рядовыми читателями второй половины XVIII века (Е. И. Кислова).

Во второй раздел вошли работы российских, итальянских и американских исследователей. Ряд из них касается судьбы перевода на русский язык и перенесения на русскую почву отдельных произведений западной художественной литературы в XVIII веке (М. К. Брагоне, М. Вендитти, А. О. Дёмин, Е. Д. Кукушкина, Л. Росси, Н. Д. Кочеткова). С ними соседствуют широкие тематические обзоры. Адаптацию западноевропейской гравюры в русских лубочных изданиях прослеживает М. К. Пезенти. Похвальные речи А.-Л. Тома в русских

переводах рассматривает П. Р. Заборов. Языковые проблемы, связанные с переводами трактатов по садово-парковому искусству, подготовившие становление русской описательной поэзии, освещает А. Ю. Веселова. Цензурная история переводов Ж.-Ж. Руссо в XVIII–XXI веках значительно обогащается работой А. А. Златопольской. Наблюдения М. Г. Альтшуллера над кругом чтения и литературных пристрастий А. С. Пушкина позволяют скорректировать и углубить комментарий к роману «Евгений Онегин». Наконец, исследование Дж. Ларокка является первым научным очерком биографии первого переводчика произведений А. П. Сумарокова на итальянский язык — О. Перини.

Представленные в сборнике работы, основанные на архивном поиске, обобщении широкого фактического материала, глубоком анализе единичных фактов, свидетельствуют о внутреннем единстве разнообразных явлений литературного процесса в России XVIII века, отмеченного глубоко творческим самостоятельным отношением к богатому культурному наследию Запада и созданием своеобразных форм словесной художественной выразительности, получившей впоследствии международное значение.

Приносим искреннюю благодарность Екатерине Игоревне Кисловой за помощь в издании сборника.

**ЛОМОНОСОВ
И СЛОВЕСНОСТЬ ЕГО ВРЕМЕНИ**

**ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА
(Общие наблюдения)**

Русская филологическая наука возникла и развивалась на изучении литературного наследия М. В. Ломоносова. Само ее рождение можно связывать с первым русским критическим изданием сочинений Ломоносова, выпущенным в 1778 году Дамаскином Семеновым-Рудневым.¹ В нем впервые были поставлены и на своем уровне решены текстологические вопросы литературного наследия писателя. В постраничных примечаниях Дамаскином приведены варианты строк, ставшие результатом выбора им основного текста.

В 1784 году начало выходить академическое издание Ломоносова, готовившееся О. П. Козодавлевым.² Оно издавалось по поручению Академии наук и было вызвано стремлением опубликовать новые, ставшие доступными со смертью в 1783 году Г. Г. Орлова и с открытием хранящегося у него архива Ломоносова, материалы. Главным образом они касаются не литературных его сочинений, а ученых. Широко используя архив Орлова, издатели предприняли разыскание писем Ломоносова у его корреспондентов и их наследников. Изданные впервые Ко-

¹ *Ломоносов М.* Собр. разных сочинений в стихах и прозе: В 3 кн. М., 1778.

² *Ломоносов М.* Полн. собр. соч. С приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений: В 6 т. СПб., 1784–1787.

зодавленным письма Ломоносова стали первыми в России частными письмами, получившими значение литературных памятников. Это первое академическое издание открывалось первым жизнеописанием писателя, специально составленным М. И. Веревкиным.

Взыскательный подход к текстам Ломоносова в конце XVIII века заметно отличался от отношения в то время к текстам других авторов. Так, Н. И. Новиков, издавший Сумарокова вторым изданием в 1787 году, то есть уже после издания Козодавлева, не поместил в нем писем Сумарокова, хотя, наверное, сам, состоя с ним в переписке, хранил его письма. Не включил Новиков, в отличие от Козодавлева, в свое издание и биографии Сумарокова. И, конечно, в отношении его издания никак нельзя говорить о критике текстов изданного им писателя.

Уже первые два посмертных издания Ломоносова были определены складывавшимся тогда отношением к Ломоносову как к классику, одновременно они закрепляли такой на него взгляд. В согласии с проявленным в изданиях отношением к Ломоносову как классику было отношение к языку Ломоносова как классическому, образцовому, отразившееся в «Словаре Российской академии».³ В новый XIX век русская культура вошла, осененная гением Ломоносова как классика русского слова. В первую половину века изучение литературного наследия Ломоносова сменяется осмыслением его литературной критикой. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский выразительно восхищаются его лирикой и ораторским искусством.

Только со второй половины XIX века открылся новый период изучения Ломоносова. Начиная с этого времени мы видим непрерывный процесс освоения его наследия и его биографии, представляющий лестницей восхождения к сегодняшнему о нем знанию. Важнейшими ее ступенями стали изданные в 1865 году «Материалы для биографии Ломоносова» П. С. Билярского и исследование В. И. Ламанского «Ломоносов и Петербургская Академия наук»,⁴ а также и монографии

³ Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб., 1887. Вып. 8. С. 28. По подсчетам Сухомлинова, «из 438 примеров в первых двух частях Словаря 404 взято из стихотворений Ломоносова, что составляет 94% примеров».

⁴ Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; Ламанский В. И. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865.

А. С. Будиловича конца 1860-х — начала 1870-х годов⁵ и, наконец, жизнеописание Ломоносова, составленное по архивным материалам в 1873 году П. П. Пекарским.⁶ В 1891 году начало выходить академическое издание сочинений Ломоносова под редакцией М. И. Сухомлинова.⁷

В 1911 году великолепно праздновался юбилей Ломоносова,⁸ оставивший след в изучении Ломоносова в виде трех научных Ломоносовских сборников⁹ и знаменитой выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», подготовленной по инициативе и под руководством Б. Л. Модзалевского и сохранившей память о себе в путеводителе и 17 каталогах представленных на ней материалов.¹⁰ Русская филология не только родилась с изучением Ломоносова, она вместе с ним росла и мужала.

Революция, хотя может быть на первых порах замедлила это уже ставшее привычным восхождение вверх, не остановила его. Как теперь явственно видно, на 30-е годы XX века приходится новый расцвет в изучении Ломоносова. В этот период над его изучением работают три выдающихся ученых, и что замечательно, совершенно разных по типу своей ученой личности. Это Л. Б. Модзалевский, Л. В. Пумпянский и П. Н. Берков. Ими были разработаны три совершенно разных направления в изучении Ломоносова.

Носитель лучших традиций русской академической науки Л. Б. Модзалевский воплотил в своих исследованиях академические принципы

⁵ Будилович А. С. 1) М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности. СПб., 1869; 2) М. В. Ломоносов как писатель. СПб., 1871.

⁶ Пекарский П. Жизнеописание М. В. Ломоносова // Пекарский П. История имп. Академии Наук в Петербурге. СПб., 1873. С. 259–963.

⁷ Сочинения М. В. Ломоносова / С объяснительными примеч. М. И. Сухомлинова. СПб., 1891–1902. Т. I–V.

⁸ См.: Кулябко Е. С. Ломоносовский юбилей 1911 г. // Литературное творчество М. В. Ломоносова. М.; Л., 1962. С. 300–312.

⁹ Ломоносовский сборник. Архангельск, 1911; Ломоносовский сборник. СПб., 1911; М. В. Ломоносов. 1711–1911 / Сб. статей под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911.

¹⁰ Ломоносов и Елизаветинское время. Путеводитель и каталоги (XVII). СПб., 1912.

изучения Ломоносова. Он завершил соби́рание его рукописей в Архиве Академии наук, скрупулезно изучил их и дал образцовое научное их описание в издании 1937 года.¹¹ Он же подготовил издание писем Ломоносова и писем к нему, вышедшее в 1948 году как Восьмой том академического издания, начатого за 60 лет до того академиком Сухомлиновым.¹² Текстология и комментарии писем Ломоносова доведены Л. Б. Модзалевским до такого уровня, который превзойти едва ли возможно. Наконец, Л. Б. Модзалевскому принадлежит монография «Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук», которая, долгое время оставаясь неизданной, была подготовлена сотрудниками Архива Академии наук и вышла в 2011 году.¹³ Можно говорить о том, что Л. Б. Модзалевский довел академическое изучение Ломоносова до его вершины. После него оно остается на заданном им уровне только в лучших своих выражениях. Отчасти этот уровень проглядывается в Полном собрании сочинений Ломоносова, выпущенном в 1950-х годах, и в Летописи его жизни и творчества, изданной в 1961 году. С работами Л. Б. Модзалевского и изданием Летописи канва жизни и деятельности Ломоносова, насколько это в науке возможно, в целом была завершена.

В 1950-е годы работы о Ломоносове стали испытывать на себе тлевающее влияние начавшейся еще в 1940-е годы канонизации Ломоносова. Но, как ни странно, в 1940-е годы в науку путь ей был прегражден. В этом трудно не увидеть заслуги Л. Б. Модзалевского, ведущего тогда ломоносоведа, и его влиятельного соратника президента Академии наук С. И. Вавилова. После их смерти — Л. Б. Модзалевского в 1948 году и С. И. Вавилова в 1951-м — вульгаризация Ломоносова, которая заключалась в обелении его личности, в противопоставлении его коллегам по Академии наук и собратьям по перу, стала широко распространяться. Лишив изучение Ломоносова необходимой для мысли

¹¹ Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание / Составил Л. Б. Модзалевский. М.; Л., 1937.

¹² Сочинения М. В. Ломоносова. М.; Л., 1948. Т. VIII. Письма / Под ред. С. И. Вавилова. Ст., подгот. текста к печати и коммент. Л. Б. Модзалевского.

¹³ *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук. СПб., 2012.

свободы, канонизация Ломоносова в конце концов привела к утрате живого чувства его поэзии. На этом отрицательном примере нельзя не увидеть связи мысли, науки с эстетическим восприятием. Мысль выхолащивалась, чувство остывало. Место живого восхищения перед величием ломоносовского слова заняло признание его гражданственной и мировоззренческой непогрешимости. Именно поэтому вопрос о мировоззрении Ломоносова, о философской его позиции остается одним из самых неизученных вопросов, хотя он и поднимался во многих работах, начиная со статьи В. Тукалевского в «Ломоносовском сборнике» 1911 года под редакцией В. В. Сиповского.¹⁴ В степени своей неизученности проблема мировоззрения Ломоносова может сравниться лишь с вопросом о его гражданственности. Впрочем, обе эти проблемы взаимосвязаны. Прояснение реальной позиции Ломоносова в отношении государства Российского и гражданской власти может быть осуществлено лишь с учетом контекста эпохи, с учетом общего исследования отношения русских середины XVIII века к царю и отечеству. А отнюдь не из опыта XX века (как это делалось еще сравнительно недавно) или опыта усредненного европейца XVIII века (как это делается порой сейчас). Парализующая научную мысль канонизация Ломоносова отразилась в той или иной степени на большинстве исследований о Ломоносове хрущевско-брежневского периода. Склонность к ней наблюдается и сегодня. Наиболее явно идеологические узы связали издание сочинений Ломоносова 1950-х годов. Стоит отметить, что послевоенная канонизация Ломоносова отнюдь не была выдумкой советской культурной политики, а прямо продолжила тенденции XIX века с характерным для него при взгляде на прошлое русской литературы ломоносовоцентризмом. Среди довольно интенсивного изучения в послевоенные годы фактологической стороны творчества Ломоносова были несомненные удачи, первостепенной из них стала монография А. А. Морозова «Путь к зрелости».¹⁵ Но в целом изучение Ломоносова в 1960–1970-е годы не переживало расцвета.

¹⁴ *Тукалевский В.* Главные черты мирозерцания Ломоносова // М. В. Ломоносов. Сб. статей / Под ред. В. В. Сиповского. С. 13–32.

¹⁵ *Морозов А. А.* М. В. Ломоносов: Путь к зрелости. Л., 1962.

В этих условиях в 1977 году появилась первая из опубликованных посмертно работ Л. В. Пумпянского о пушкинском «Памятнике», изданная, как и следующие его работы, трудами Н. И. Николаева.¹⁶ Не только Ломоносов, не только его изучение, но и филологическая наука в целом, ее возможности и назначение открылись тогда для русского читателя в новой невиданной перспективе. За «Памятником» последовали не менее, а для изучения Ломоносова более значительные работы Л. В. Пумпянского «Ломоносов и немецкая школа разума» (1983)¹⁷ и «Поэтика Ломоносова» (1983).¹⁸

Работы Л. В. Пумпянского, всколыхнувшие мысль о Ломоносове в 1980-е годы, в действительности были написаны им в 1930-х годах и явились тогда вторым из названных — после строго академического подхода Л. Б. Модзалевского — направлением в изучении Ломоносова. В самом общем виде можно сказать, что Л. В. Пумпянский дал образец изучения поэтики Ломоносова в контексте поэтики современной ему немецкой поэзии и русской поэзии послеломоносовского времени, прежде всего Державина и Пушкина. В работах Л. В. Пумпянского Ломоносов — поэт, прежде всего европейский, поэт европейского Гуманизма и Нового времени, поскольку он отражал в своих стихах проблемы европейской поэзии. В то же время он поэт глубоко русский, поскольку он разрешал эти проблемы, а это, по мнению Л. В. Пумпянского, особенность русской литературы. Здесь надо иметь в виду, что над Л. В. Пумпянским тяготела его концепция русского слова как последнего, завершающего. Работы Л. В. Пумпянского раздвинули горизонты восприятия поэзии Ломоносова, напомнив нам, что она принадлежит не только нашей русской культуре, а культуре европейской, что она бесконечна и вечна. Между тем причислять описание поэтики Л. В. Пумпянского к исторической поэтике, что нередко делается, на мой взгляд, не совсем верно. Историческая поэтика предполагает изу-

¹⁶ Пумпянский Л. В. Об оде Пушкина «Памятник» // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 136–151.

¹⁷ Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 3–44.

¹⁸ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма (Поэтика Ломоносова) // Контекст-1982. М., 1983. С. 112–137.

чение представлений о поэзии поэтов, направленное на приближение к пониманию их дела изнутри. Л. В. Пумпянский этим не занимался. Его наблюдения основаны на сопоставлениях, параллелях, глубоком внутреннем прочтении поэзии, а не на фронтальном ее изучении, включающем в себя и изучение теории поэзии. Невнимание Л. В. Пумпянского к современной Ломоносову истории литературы не могло не привести к изолированности Ломоносова в общем литературном процессе. Творчество современника Ломоносова и ближайшего его собрата по перу Сумарокова Л. В. Пумпянский не учитывается совсем. Творчество другого современника Ломоносова В. К. Третьяковского, которое описано Пумпянским не менее блестяще, чем поэзия Ломоносова, в его трудах никак с Ломоносовым не связано. То же можно сказать и о А. Д. Кантемире. Работы Л. В. Пумпянского — великолепные непревзойденные портреты поэзии. Не парадные, потому что глубокие, однако и не жанровые. Каковой в действительности была жизнь литераторов с ее литературно-бытовыми подробностями, взаимоотношением авторов и их созданий, литературными дрызгами, кухонной неприглядностью, по ним не узнаешь.

Это явное отсутствие историко-литературной материальности в подходе к поэзии, отличающее Л. В. Пумпянского, было возмещено в работах третьего, как уже говорилось, ведущего в 1930-е годы специалиста по Ломоносову П. Н. Беркова. Именно им в намеченной еще П. П. Пекарским традиции комплексного подхода к творчеству Ломоносова, подразумевавшего историческую реальность, изучение взаимоотношений Ломоносова с современниками, взаимовлияния их творчества, поэзия Ломоносова была вписана в литературную жизнь его времени. Я разумею его монографию 1936 года «Ломоносов и литературная полемика его времени».¹⁹ Пусть отдельные факты, приведенные в ней, оказались ошибочными, пусть общая концепция литературной борьбы, в понимании автора непосредственно связанной с классовой борьбой, сомнительна, пусть даже чрезмерная, на мой взгляд, увлеченность П. Н. Беркова убогой и вульгарной литературной перебранкой,

¹⁹ *Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.: Л., 1936.*

каковая имела место у нас в 50-е годы XVIII века, вызывает тягостное чувство — именно П. Н. Берков включил Ломоносова в контекст литературного процесса его эпохи. И в этом состоит несомненная его заслуга. Впоследствии в концепцию П. Н. Беркова вносились коррективы, иногда существенные, но другим полотно литературной жизни середины века, кроме написанного П. Н. Берковым, мы не располагаем. Книга П. Н. Беркова знаменательна тем, что это была блестящая попытка преодоления в исследовании о Ломоносове господствующего в XIX веке и, как мы отмечали, в XX-м, ломоносовоцентризма. Разрушение П. Н. Берковым ломоносовоцентризма шло в согласии с концепцией, предложенной Г. А. Гуковским, первым переставившим основной акцент развития поэзии XVIII века с Ломоносова на Сумарокова.²⁰ Концепцию Гуковского–Беркова можно считать одним из самых значительных событий в русской науке XX века о литературе века XVIII, поскольку она легла в основу всего дальнейшего изучения литературы этой эпохи, вплоть до сегодняшнего дня. Помимо своей притягательности, заключающейся в простоте, ясности, яркости изложения, триумфальное шествие сумароковоцентристской концепции Гуковского–Беркова определено ее органическим единством с выработанным в то время пониманием литературного процесса, а также с тем, что исследования Л. В. Пумпянского и Л. Б. Модзалевского дошли до читателя много позднее. Имеет значение также и вошедшая в анналы педагогическая деятельность Г. А. Гуковского и П. Н. Беркова, создание ими школы, воспитание непосредственных учеников. Причем учеников замечательных.

Возникает вопрос, каким образом канонизация Ломоносова в послевоенные десятилетия, о которой говорилось ранее, могла согласоваться с господствующим в те же годы сумароковоцентризмом или иначе, с признанием Сумарокова ключевой фигурой в развитии поэзии XVIII — начала XIX века. Это странным образом сосуществовало, проходя, так сказать, по разным канцеляриям. Так, в академическом издании

²⁰ *Гуковский Г.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. Об этом см.: *Алексеева Н. Ю.* Лев Борисович Модзалевский и его вклад в изучение Ломоносова // Модзалевский Л. Б. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук. СПб., 2012. С. 261–278.

1950-х годов и в последовавших за ним изданиях Ломоносова (в том числе и в «Библиотеке поэта») его поэзия рассматривается изолированно, как будто других поэтов в его время не было, или они не имели никакого на него влияния. Приведу только один пример явного искажения историко-литературной действительности. Еще в 1911 году В. И. Резанов показал зависимость трагедий Ломоносова, в особенности «Демофонта», от драматического опыта Сумарокова.²¹ Однако ни в академическом издании 1959 года, ни в «Библиотеке поэта» об этом не упоминается ни словом. А в то же время в книге 1966 года И. З. Сермана «Поэтический стиль Ломоносова»,²² ставшей одним из самых значительных явлений в изучении Ломоносова в последние полвека, влияние Сумарокова на поэтический стиль зрелого и позднего Ломоносова кажется преувеличенным. Внутренние симпатии И. З. Сермана, верного ученика Гуковского, склоняются к Сумарокову, к его так называемому «рационалистическому» стилю. Исследователь убежден и в том, что «ни Сумароков со своей школой, ни ученики самого Ломоносова, такие, как Поповский, не продолжили разработку открытых Ломоносовым возможностей русского поэтического стиля».²³ И. З. Серман рассматривает проблемы стиля и развития поэзии в своих монографиях и в частично написанной им «Истории русской поэзии»²⁴ в полной мере в соответствии с концепцией Г. А. Гуковского о перво-степенной и прогрессивной роли Сумарокова в развитии поэзии. После работ Гуковского–Беркова ломоносовоцентризм был существенно поколеблен, а в историях литературы фактически разрушен. Гипотеза Г. А. Гуковского о школе Сумарокова укоренилась практически во всех исследованиях о русской поэзии, что и определяет восприятие Сумарокова как ключевой фигуры в развитии поэзии. Она же лежит в основе всех историй литературы, учебников, пособий и даже отчасти «Словаря русских писателей XVIII века». Получается так: Ломоносов велик,

²¹ Резанов В. И. Трагедии Ломоносова // Ломоносовский сборник. СПб., 1911. С. 231–256.

²² Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. Л., 1966.

²³ Там же. С. 120.

²⁴ Серман И. З. Русская поэзия XVIII века. Гл. 1–3 // История русской поэзии: В 2 т. Л., 1968. Т. 1.

а поэты пошли вслед за Сумароковым. Между тем Л. Б. Модзалевский в неопубликованной части своей книги убедительно показывает влияние Ломоносова через Поповского на молодых поэтов круга Московского университета, в том числе и на И. Ф. Богдановича. Вопрос о школе Сумарокова, как уже приходилось писать, требует серьезного пересмотра. Генеалогия русской поэзии, которая с выходом книги Л. Б. Модзалевского должна быть заново исследована, имеет исключительно важное значение для понимания русской поэзии. Центром в этой работе не может не стать Ломоносов.

Итак, в академическом изучении Ломоносова за последний век было четыре главных достижения: 1. Собрание рукописей и научное их описание; 2. Издание переписки Ломоносова — все это трудами Л. Б. Модзалевского; 3. Издание полного собрания сочинений Ломоносова 1950-х годов, восьмой том которого, посвященный поэзии и ораторской прозе, подготовлен Г. П. Блоком и его группой;²⁵ 4. Издание Летописи его жизни и творчества коллективом авторов под руководством В. Л. Ченакала.²⁶

Из названных работ стоит остановиться на издании литературного наследия Ломоносова, Восьмом томе Полного собрания сочинений 1950-х годов. Это прекрасное в своем роде издание, которое, боюсь, не скоро удастся превзойти. К основным его достижениям относится его высокий текстологический уровень в плане скрупулезного изучения всех вариантов текстов. Однако сразу надо сказать, что существенный изъян издания также связан с текстологией, с нарушением основного текстологического принципа. В формировании основного корпуса текстов Ломоносова Г. П. Блок в целом следовал за М. И. Сухомлиновым. Оба они включили в основной корпус произведения, авторство которых Ломоносова далеко не бесспорно. В отличие от установленных правил признавать авторство лишь в том случае, когда оно непреложно доказывается документальными свидетельствами, они

²⁵ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи.

²⁶ *Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова / Сост. В. А. Ченакал, Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова.* М.; Л., 1961.

включили в основной корпус тексты, принадлежность которых Ломоносову носит большую или меньшую вероятность. Тем самым для Ломоносова было сделано неоговоренное исключение из эдических норм конца XIX — XX века. Два академических издания закрепили в отношении Ломоносова специальные нормы, пересмотреть которые потребует не меньшего труда, чем смелости. К произведениям, в отношении которых авторство Ломоносова сомнительно, относятся, например, весь комплекс текстов, связанных с «Гимном бороде», приписываемый Ломоносову по преданию и исходя из предположений Синода. К вызывающим сомнение текстам относятся произведения, включенные в издания Дамаскина Семенова-Руднева и Козодавлева, но не имеющие документальных подтверждений авторства Ломоносова. Вопрос о них осложняется тем, что в распоряжении Дамаскина и особенно Козодавлева могли находиться рукописи, впоследствии утраченные. Несмотря на все трудности, науке в будущем предстоит пересмотреть вопрос об авторстве Ломоносова произведений, приписываемых ему по традиции, пересмотреть с точки зрения принятых принципов текстологии.

Важным результатом подготовки издания Г. П. Блока стала впервые проведенная им и его группой документированная обоснованная датировка практически всех произведений Ломоносова, прежде всего надписей и небольших стихотворений. Понятно, что в отдельных случаях, как указывал и сам Г. П. Блок, датировка небесспорна и требует уточнений. Такие уточнения вносились, например, В. М. Жирмунским²⁷ и А. А. Морозовым,²⁸ вносятся и, надо надеяться, будут вноситься. Что касается комментариев Г. П. Блока и его сотрудников, то помимо своей идеологической скованности (или развязности), обусловленной эпохой, они грешат односторонностью. Их отличает, прежде всего, историко-политический характер, и в этом отношении их трудно превзойти. При этом историко-литературная составляющая в комментариях почти отсутствует. Вопросы поэтики они не касаются совсем,

²⁷ Жирмунский В. М. Оды Ломоносова «Вечернее» и «Утреннее размышление о Божием величестве». К вопросу о датировке // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С 27–30.

²⁸ Морозов А. А. К истории надписей М. В. Ломоносова «К статуе Петра Великого» // Русская литература. 1965. № 4. С. 111.

почти не учитываются в них и литературные взаимосвязи. Комментарии Г. П. Блока отразили восприятие творчества Ломоносова как писателя исключительного и потому изолированного в современной ему литературной жизни. Это было, по-видимому, установкой всего издания, не случайно к работе над ним не был привлечен П. Н. Берков. Для исправления этой несправедливой и исторически неверной односторонности необходимо углубленное изучение предшествующей и современной Ломоносову литературы, в первую очередь изучение наследия Сумарокова и Тредиаковского, которое должно привести к пониманию взаимосвязей творчества поэтов-современников. Изучение предшествующей и современной Ломоносову русской поэзии отчасти восполнит недостаток в интертекстуальных примечаниях, до сих пор в изданиях Ломоносова отсутствующих.

Однако изучение только русской поэзии не может решить другого вопроса, вопроса об источниках или ориентирах отдельных произведений Ломоносова. Прозрения Л. В. Пумпянского связи Ломоносова с немецкой поэзией и одами Малерба выявили заимствования лишь из части громадного корпуса поэзии, на которую мог ориентироваться и из которой мог черпать Ломоносов. В этой связи в первую очередь встает вопрос о прямых источниках его текстов, далеко еще не решенный. Остаются неизвестными источники его анакреонтических од. В каком переводе анакреонтические оды были оригиналом его переводов четырех од из «Разговора с Анакреонтом»? Не выяснены до сих пор и непосредственные источники его переводов из «Риторики». Хотя для издания 1950-х годов большая часть источников была установлена Я. М. Боровским и А. И. Доватуром, остались отрывки, не проявленные и ими. А главное, неизвестно, откуда Ломоносов черпал тексты для своих переводов. Прежде всего, отрывков. Едва ли непосредственно из Овидия или Сенеки. В этой связи нельзя не назвать статью В. Д. Рака, установившего непосредственный источник эпиграммы Ломоносова об астрономе и поваре.²⁹ Работа В. Д. Рака показывает, что предстоит обследование возможного круга чтения Ломоносова, пока ни в отношении него, ни в отношении его современников не сделанного.

²⁹ Рак В. Д. Возможный источник стихотворения Ломоносова «Случились вместе два астронома в пиру...» // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 217–219.

Помимо непосредственных источников, остается открытым вопрос и об образцах ряда ломоносовских стихотворений. Так, мы не знаем, на какие образцы ориентировался Ломоносов в создании своих парафрастических од. Замечательные исследования об источниках парафрастических од Ломоносова Б. Унбегауна³⁰ и Г. Кайперта³¹ касаются не вопросов жанра его духовных од, а показывают, что в своей работе Ломоносов использовал разные переводы псалтири, прежде всего Псалтирь Лютера. Не знаем мы также, на какие образцы ориентировался Ломоносов и при создании своих размышлений о Божием величестве и «Оды, выбранной из Иова», а такие образцы, по-видимому, были. Очень ценное исследование В. Шамшулы об источниках космологических од Ломоносова затрагивает вопросы стиля, а не жанра.³² Вообще изучение духовных од Ломоносова из всех жанров его поэзии представляется наиболее насущным и трудным.

Возвращаясь к обзору исследований о Ломоносове в последние полвека, следует сказать, что в этот период оформилось сравнительно новое направление, связанное с изучением Ломоносова в контексте русской литературы предшествующего ему периода. К наиболее заметным результатам здесь пришли Г. Н. Моисеева³³ и Л. И. Сазонова.³⁴

Новейшее направление в изучении Ломоносова связано со все более нарастающим интересом к его риторике. Изучение риторики Ломоносова, предпринимаемое и языковедами, и литературоведами, должно подвести нас к пониманию творчества Ломоносова с позиций исторической поэтики, позиций, к которым русская наука только подходит.

³⁰ *Unbegaun B. O. Lomonosov und Luther // Zeitschrift für slavische Philologie. 1973. № 37. S. 159–171.*

³¹ *Keipert H. Курица не птица, а кит не змий. Zu M. V. Lomonosovs «Preloženie psalma 103» // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia. XVI–XVIII secolo. A cura di G. Brogi Bercoff, M. Di Salvo [u. a.]. Alessandria, 1999. S. 349–374.*

³² *Schamschula W. Zu dem Quellen von Lomonosows «kosmologischer» Lyrik // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1969. Bd 34. S. 225–253.*

³³ *Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.*

³⁴ *Сазонова Л. И. От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 103–126.*

**РИТОРИКА ЛОМОНОСОВА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РИТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XVIII ВЕКА**

В литературной культуре XVII–XVIII веков риторика занимает важное место. Всякий стремившийся к образованию не мог не приобрести к риторике — «царице всех наук», как ее тогда называли. Воспитанные на риторике выученики Славяно-греко-латинской академии — Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов — развивали представление о том, что совершенствование литературной культуры достигается заботой «о грамматике доброй и исправной», «о Лексиконе полном» и «о Риторике и Стихотворной науке <...>».¹

Ломоносов стал автором первой в России риторики, написанной на русском языке. Для того, чтобы в полной мере оценить исключительно важное значение данного историко-культурного факта, следует отметить, что до Ломоносова в восточнославянской среде имели хождение западно-европейские риторики и поэтики постренессансной поры на латинском, греческом и церковнославянском языках. Они обслуживали школьную практику,² входили в состав личных библиотек представи-

¹ Сочинения Тредьяковского. СПб., 1849. Т. 1. С. 259–260 (Полн. собр. соч. русских авторов / Изд. А. Смирдина).

² См., например: *Маслюк В. П.* Латиномовні поетики і риторики XVII — першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ, 1983.

телей восточнославянского просвещения.³ Первая в России кодифицированная в виде трактата/учебника «Риторика» на церковнославянском языке (1617–1619), приписываемая вологодскому епископу Макарию, восходит к латинской «Риторике» Филиппа Меланхтона⁴ и принадлежит добарочному этапу риторической традиции.⁵ Составленная Симеоном Полоцким в 1653 г. польско-латинская «Практическая риторика» («*Rhetorica practica*»)⁶ предстает как ценный документ, отразивший программу риторического класса высшего учебного заведения.

Известны у восточных славян риторики в переводе с греческого языка на церковнославянский. Для преподавания в высших классах московской Славяно-греко-латинской академии Софроний Лихуд составил «Риторику», положив в ее основу вышедшее на греческом языке в 1681 г. в Венеции сочинение Франческо Скуффи (Франциск Скуфос)

³ Так, в богатейшей книжной коллекции Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева имелись: «Риторика» (1573) М. Дрессера; «Диалектика и риторика» (1563) Ф. Меланхтона, сподвижника Лютера; «Поэтика» (1582) М. Неандера — И. Волланда; гданьское издание «Искусства риторики» (1645) испанского иезуита К. Соареса, черпавшего из наследия Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана; «Риторика» М. Радау в контрафактном издании Г. Бекхера (1650). Описание названных изданий (кроме книги Ф. Меланхтона) см.: *Hippisley A. and Luk'janova E. Simeon Polockij's Library: A Catalogue.* Köln; Weimar; Wien, 2005. P. 58, 106, 134, 30. (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Bd 22).

⁴ См.: Булангина Т. В. Риторика в Древней Руси: Сведения о теории красноречия в русской письменности XI–XVI веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 16.

⁵ Публикацию текста см.: *Die Makarij-Rhetorik (Knigi sut' ritoriki dvoji po tonku v voprosech spisany')* / Hrsg. R. Lachmann. Köln; Wien, 1980; см. также исследование: Лахманн Р. 1) Два этапа риторики «приличия» («*decorum*»): Риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в. М., 1989. С. 149–169; 2) Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. С. 45–85.

⁶ См.: РГАДА. Собр. рукописей моск. Синодальной тип. Ф. 381. № 1791. Рукопись-автограф Симеона Полоцкого (лат., польск.). Поэтика («*Commendatio brevis Poeticae*», 1646); Практическая риторика («*Rhetorica practica de omnium trium generum demonstrativi, deliberative et judicialis speciebus composita per me Samuelem Piotrowski Sitnianowicz*», 1653).

«Искусство риторики» (Σκοῦφος. «Τέχνη ῥητορικῆς»)⁷ Греческую традицию амплифицированного стиля Скуффи соединил с традицией барокко. Козьма Грек (Афоноверский), монах Чудова монастыря, перевел в 1698 г. «Риторику» Лихуда с греческого языка на церковнославянский.⁸ К слову сказать, Козьма Грек (Афоноверский) создал и собственную редакцию труда Скуффи (1710), пространно русифицируя многочисленные примеры. По словам Д. Чижевского, «это — одно из высших достижений барокко в России <...> Риторика Козмы и сегодня — один из самых богатых русских источников для изучения поэтики барокко».⁹

Риторика создавались восточнославянскими авторами и на латыни. Таковы, например, «Риторическая рука» Стефана Яворского (курс, прочитанный им в 1690/1691 гг. в Киево-Могилянской коллегии и переведенный в 1705 г. на церковнославянский Федором Поликарповым),¹⁰ «De arte rhetorica» (1706) Феофана Прокоповича.¹¹

На церковнославянском языке составлены компилятивные сочинения Николая Спафария «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» (1672),¹² труды поляка Яна-Андрея Белобоцкого «Риторика» (середина 90-х гг. XVII века), частично совпадающая с ней «Великая наука Раймунда Люллия» (1698/1699) и содер-

⁷ Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 52; ср.: Яламан Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. С. 21–24, 26.

⁸ См.: Софроний Лихуд. Риторика (1698 г.); парадная рукопись хранится в ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 98-1°.

⁹ Čiževskij D. History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque. s'-Gravenhage, 1960. P. 377–378.

¹⁰ См.: Стефан Яворский. Риторическая рука / Пер. с латинского Федора Поликарпова. [СПб.], 1878 (ОЛДП. Т. XX).

¹¹ См.: Prokopovič F. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706 / Hrsg. nach zwei Handschriften aus den Beständen der Kiever Zentralen Akademie-Bibliothek von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982 (Slavistische Forschungen. Bd 27/II; Rhetorica Slavica. Bd 2).

¹² См.: Спафарий Н. Эстетические трактаты / Подгот. текста и вступ. статья О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 25–47.

жащая краткий трактат по риторике «Книга философская»,¹³ а кроме того также старообрядческая Риторика-свод. Известные расколоучители братья Денисовы, отступив от заветов Аввакума, основали в начале XVIII века в Выго-Лексинской пустыни первые на русском старообрядческом Севере школы риторики. Гуманитарные науки в срочном порядке понадобились старообрядцам следующего поколения для дальнейшей борьбы с церковно-государственной идеологией, выступавшей во все более организованной, риторически и грамматически оснащенной форме. Старший из братьев — Андрей, прошедший выучку в Киево-Могилянской академии, где слушал курсы риторики и поэтики, — передал свои знания младшему Семену, штудировавшему также словесные науки самостоятельно, и Мануилу Петрову. Из известных им трудов по риторике они составили обширную компиляцию — так называемую Поморскую риторикку, в состав которой вошли «в больших объемах Риторика Софрония Лихуда, Козьмы, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Андрея Белобочко (Риторика Раймунда Люллия), Георгия Даниловского».¹⁴

Ломоносов предстает не только как автор литературной теории, впервые сформулированной на русском языке, но и как автор *оригинальной* Риторики, опирающейся на многовековую традицию теоретико-литературного знания.

Еще в московской Славяно-греко-латинской академии Ломоносов слушал в 1733/1734 учебном году курс преподавателя риторики, украинского монаха Порфирия Крайского. Сохранилась рукопись этого курса («*Artis Rhetoricae praecepta tres in libros divisa atque ad instruendum oratorem selectoribus Eloquentiae fundamentis ad elegantiam styli in omni genere tradita Moscoviae. Ex Anno 1733 in Annum 1734 Octobris 17*»¹⁵),

¹³ См.: Горфункель А. Х. Андрей Белобочский — поэт и философ конца XVII — начала XVIII века // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 194–196; Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII веков. М., 1988. С. 38–62.

¹⁴ См.: Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1981. Т. 36. С. 159.

¹⁵ РГБ. Ф. 183. Собр. рукописей на западноевропейских языках. № 279. Л. 160–287; фотокопия — СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 6. № 61. В названной рукописи помещены также курсы риторики, читанные в московской академии в 1739/1740 и в 1740/1741 гг.

переписанная, как полагают, «частично рукой Ломоносова»,¹⁶ хотя, по замечанию М. И. Сухомлинова, «нельзя утверждать это положительно, так как латинские тетради некоторых из питомцев московской академии того времени представляют по почерку довольно много сходства между собой». ¹⁷ Следует попутно отметить, что в Славяно-греко-латинской академии с самого момента ее основания наукам тривиума уделялось особое внимание. Для нужд новооткрытой академии — «славяно-российских Афин» — было приобретено, как следует из архивного документа 1687 г., значительное число книг: «...у гречанина Македонской земли Анастаса Иванова сына Мухоя были куплены и отданы Иоанникию и Софронию Лихудам в новыя каменные школы, построенныя в Спасском монастыре <...> 12 греческих грамматик ласкаревых, 5 грамматик латинских еммануиловых, 24 кандидатов риторических латинских... риторика Аристотелева греко-латинская, диалектика Аристотелева... книга грамматика Феодора Гацкаго греко-латинская». ¹⁸ Под упоминанием «24 кандидатов риторических латинских», по-видимому, имеется в виду руководство по риторике «Candidatus rhetoricæ» французского иезуита Франсуа-Антуана Помея (François-Antoine Pomey, 1619–1673), преподававшего риторiku в различных колледжах Франции; его книга неоднократно переиздавалась, начиная с 1659 г. Ломоносов обращался к ней, составляя впоследствии свою риторiku. ¹⁹

Будучи в Германии, Ломоносов штудировал трактаты по риторике Псевдо-Лонгина «De sublimate» (в переводе Буало), Николая Коссена (Nicolaus Caussin, 1580/1583–1651), Ф.-А. Помея и Иоганна Кристофа Готшета (Joh. Christ. Gottsched, 1700–1766). Сохранились его

¹⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 2011. Т. 7. С. 645.

¹⁷ Сочинения М. В. Ломоносова / С объяснительными примеч. М. И. Сухомлинова. СПб., 1895. Т. 3. С. 27 (втор. паг.). Характеристику латинского варианта почерка Ломоносова см.: Мусеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 35–36.

¹⁸ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. М., 1991 (Репринтное воспроизведение издания: Казань, 1904). С. 197–198.

¹⁹ См.: Сочинения М. В. Ломоносова... Т. 3. С. 32 (втор. паг.).

собственноручные выписки из трактатов Псевдо-Лонгина²⁰ и Готшеда, чье руководство по риторике («Ausführliche Redekunst»)²¹ вышло в период с 1728 по 1759 г. несколькими изданиями. Известно, что в письме, отправленном Ломоносовым из Марбурга 15 апреля 1741 г., он просил своего товарища по заграничной командировке Д. И. Виноградова переслать ему оставленные во Фрайбурге книги и среди них — «Nicolai Causini Rhetoricam»;²² имеется в виду книга «De eloquentia sacra et humana» (1630) Николая Коссена, французского иезуита, блестяще преподававшего риторик в Париже; она получила широкое распространение и пользовалась авторитетом. Ломоносов познакомился с ней еще в курсе лекций Порфирия Крайского.

Приобретенный Ломоносовым теоретический опыт в области риторики весьма пригодился ему при создании собственного риторического учения. В 1744 г. появился краткий рукописный вариант его Риторики, за которым в 1748 г. последовал пространный печатный текст.²³

Труд Ломоносова принадлежит многовековой культурной традиции. Риторика — одна из древних и наиболее разработанных дисциплин науки о словесности, ведущая начало от Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана. Система риторики и ее история складывались в процессе разработки трех понятий: *docere* (учить) — *delectare* (услаждать) — *movere* (волновать). Риторика — это нормативные теории, определяв-

²⁰ Конспект трактата Псевдо-Лонгина в переводе Буало опубликован: *Серман И. З.* Неизданный конспект М. В. Ломоносова «Трактата о возвышенном» Псевдо-Лонгина в переводе Н. Буало // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 333–346.

²¹ См.: СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 4. № 30. Конспект «Gottscheds ausführliche Redekunst» опубликован: Сочинения М. В. Ломоносова... Т. 3. С. 33–40 (втор. пар.).

²² См.: *Данько Е. Я.* Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 251.

²³ Об истории создания двух вариантов Риторики см. комментарий в изд.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М., 2011. Т. 7. С. 647–648, 663–664. Анализу риторического учения Ломоносова посвящена диссертация Аманды Мартин: *Martin A.* Lomonosov's Rhetoric. A dissertation in the Department of Slavic Languages and Literatures submitted to the faculty of the Graduate School of Arts and Science in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy at New York University under the supervision of Professor Roman Jakobson. New York, June 1974.

шие формы высказывания, жанры словесности и принципы их построения. Кроме описания способов и приемов порождения текста, риторика выполняет также роль регулятора коммуникативных форм и функций. Ориентируясь на внеязыковые, этические и эстетические нормы, принятые в данном социально-культурном контексте, риторическое учение *decorum* устанавливало строгую систему соответствий между предметом речи, назначением текста, характеристиками коммуникативного акта, с одной стороны, и риторическими средствами, с другой.²⁴

Классическая риторика состоит из пяти частей: *inventio* (изобретение), *dispositio* (расположение), *elocutio* (систематика стилистических приемов), *memoria* (память, запоминание), *pronuntiatio* (произнесение). Наиболее важными являются *inventio*, *dispositio* и *elocutio*, самые значительные из них — *inventio* и *elocutio*, известные как *res et verba*, — два основных единства, образующие высказывание, речь.²⁵ По словам Ломоносова, сила и действенность всякого слова зависят от *inventio* — изобретения (§73).²⁶

Риторика предопределяла тему произведения, предметное членение текста, «термины» — «простые идеи», из которых составляется тема. Механизм действия риторического принципа как организующего текст произведения осуществляется следующим образом: понятие, тема, идея, составляющие «материю» сочинения, сопрягаются с другими понятиями, темами и идеями на основе так называемых общих риторических мест, к ним Ломоносов относит: «1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя,

²⁴ См.: *Prokopovič Feofan. De Arte Rhetorica libri X... S. XXXVIII–XLIII; Живов В. М.* [Рец.] *Feofan Prokopovič: De Arte Rhetorica libri X. Kijoviae 1706* // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44. № 3. С. 277; *Ляхманн Р.* Два этапа риторики «приличия»... С. 150.

²⁵ См.: *Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. 3. Auflage 1990. Mit einem Vorwort von Arnold Arens. Stuttgart, 1990. S. 40–48. §32–43.*

²⁶ См.: *Lachmann R. Lomonosovs inventio-Lehre unter textpragmatischem Aspekt* // *Die Welt der Slaven. 1976. Jh. XXI. Heft 2. S. 98–106; Ляхманн Р.* Демонтаж красноречия... С. 145–151.

б) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобию, 15) противные и несходные вещи, 16) уравнивания» (Риторика 1748 г., «О изобретении», §5). Задача автора произведения состояла в том, чтобы максимально полно провести через риторическую парадигму предмет своего высказывания. Риторически организованный текст представлял собой своего рода «морфологию идей» (выражение В. В. Виноградова) — комплекс понятий, связанных системой стандартных, типических связей, преобразуемых «силой соображения», соединенной с «рассуждением», в «первые», «вторичные», «третичные» и «сложенные» идеи (см. §26–93). Риторика устанавливала необходимое соответствие между идейно-образными представлениями и словами, типами фразеологических сцеплений, синтактико-семантическими фигурами.

Наряду с пятичастным разделением риторического учения традиции известна триадная структура (*inventio, dispositio, elocutio*). Риторика петровского времени, в частности, «Риторическая рука» (1705) Стефана Яворского и «Искусство риторики» (1706) Феофана Прокоповича представляют пятичастную систему. Для второй своей Риторики Ломоносов избрал трехчастную и сосредоточился на разделах, имеющих в виду мысль, выражение и порядок (последовательность) изложения: правила риторики показывают, по его определению, «как изобретать», т. е. «что о предложенной материи говорить должно», «как изобретенное украшать» и «как оное располагать надлежит», «и посему разделяется Риторика на три части — на изобретение, украшение и расположение» (§2). Подобное строение имеют и труды, на которые он ориентировался, например, курс лекций Порфирия Крайского, риторики Коссена и Готшеда. Ломоносов поменял местами части: раздел «О украшении», посвященный рассмотрению стилистических приемов (*elocutio*), традиционно занимающий в риториках третье место, он поместил на второе, а раздел «О расположении», содержащий аспекты учения о *dispositio*, передвинул со второго места на третье. Отмеченная перестановка отражает мысль автора о последовательности стратегий, применяемых при составлении текста. Понятие речи у Ломоносова ориентировано, по словам А. Мартин, «на выбор правильного стиля, и процесс этот предшествует поиску способов

группировки слов в предложениях».²⁷ Принятая Ломоносовым последовательность разделов: сначала — *elocutio*, затем — *dispositio* знаменательна тем, что подтверждает особый, специальный интерес Ломоносова к вопросам стиля.²⁸

По замечанию М. И. Сухомлинова, «нередко в одном параграфе Риторике 1744 г. заключается в самом сжатом виде то, что гораздо пространнее изложено в двух, трех и даже четырех параграфах Риторике 1748 г., и т. д.».²⁹ Если в первой части Риторике 1744 г. пять глав («О изобретении простых идей», «О сложении простых идей», «О изобретении распространений», «О изобретении доводов», «О изобретении витиеватых речей или замыслов»), то в издании 1748 г. их стало восемь («О изобретении вообще», «О изобретении простых идей», «О сопряжении простых идей», «О пополнении периодов и о распространении слова», «О изобретении доводов», «О возбуждении, утолении и изображении страстей», «О изобретении витиеватых речей», «О вымыслах»). Во второй части Риторике 1744 г. — три главы («О словах риторических», «О умножении и перемене слов», «О изображении сложных идей»). В Риторике 1748 г., во второй части — семь («О украшении вообще», «О течении слова», «О тропах речений», «О тропах предложений», «О фигурах речений», «О фигурах предложений», «О соединении и смешении фигур»). В третьей части Риторике 1744 г. — три главы («О расположении вообще», «О расположении слов публичных», «О расположении частных речей и писем»). В Риторике 1748 г., в третьей части — шесть («О расположении вообще», «О хрии», «О расположении по силлогизму», «О расположении по разговору», «О расположении описаний», «О расположении и порядке периодов»). В Риторике 1744 г. — 140 параграфов, в Риторике 1748 г. — 326. Более пространным стало в издании 1748 г. посвящение

²⁷ См.: *Martin A. Lomonosov's Rhetoric...* P. 139–140.

²⁸ О значении Риторике в разработке теории трех стилей, сформулированной Ломоносовым позже, в 1758 г., в предисловии «О пользе книг церковных в российском языке», см.: *Волперский В. П.* 1) *Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей.* М., 1970; 2) *Риторике в России XVII–XVIII веков...* С. 134–170.

²⁹ *Сочинения М. В. Ломоносова...* Т. 3. С. 20 (втор. паг.).

вел. кн. Петру Федоровичу, включившее в себя похвалу «словесным наукам» и «российскому слову». Кроме того, в печатном варианте появились главы, каких не было в рукописном, например, обширная глава «О возбуждении, утолении и изображении страстей», основывавшаяся главным образом на теории Готшеда, которую Ломоносов штудировал в Марбурге,³⁰ и «О хрии».

Новая редакция Риторики отличается также значительным расширением иллюстративного материала. Для объяснения теоретических положений Ломоносов привел многочисленные выдержки из произведений знаменитых писателей античности, раннего Средневековья, Возрождения и Нового времени. В качестве примеров он использует часто русский материал, в том числе и собственные произведения.

На протяжении длительной эпохи риторика была поставлена в связь с поэтикой и определяла поэтическую практику, «границы между двумя этими учениями о слове оказывались неустойчивыми».³¹ К концу XVI века в Европе старая система «свободных искусств» пережила кризис, результатом чего явилось вычленение поэтики как особой дисциплины из состава тривиума. В практике школьного преподавания предметы поэтики и риторики преемственно связаны между собой, причем поэтические штудии предшествовали занятиям риторикой. Так обстояло дело и на латинском Западе, и на греко-славянском Востоке Европы, а с XVII века — и в России вместе с распространением здесь учения о «семи свободных художествах» и появлением кодифицированной риторики, выступающей в виде учебника. Длительное существование поэтики в недрах риторики, их функциональное и тематическое соприкосновение выразилось, в частности, в приурочивании, приспособлении иерархии родов ораторской речи к иерархии поэтических родов. Через систематику лирических родов в литературной теории явственно проступает риторическое учение о функциональных родах красноречия: торжественно-похвальная (эпидейктическая) речь (*genus demonstrativum*), совещательная речь (*genus deliberativum*), судебная речь (*genus judiciaire*). Латинская школьная риторика рекомендовала

³⁰ См.: *Martin A. Lomonosov's Rhetoric*. P. 11.

³¹ *Виноградов В. В. Поэтика и риторика // Виноградов В. В. Избр. труды: О языке художественной литературы. М., 1980. С. 98.*

в соответствии с советами Квинтилиана превращать прозу в стихи и стихи в прозу. В Риторике Ломоносова также фиксируется момент близости между этими видами творчества.

В соответствии с устойчивой традицией Ломоносов не делал принципиального различия между ораторским искусством и поэзией, считая, что они «общую материю» имеют, «ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами» (Риторика 1748 г., §9). Учение о красноречии, писал он, «до прозы и до стихов касается» (§10). Показательно, что изложение теории ораторской речи Ломоносов иллюстрировал примерами из своих од. Так, например, в Риторике он впервые опубликовал оду «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния». Отличие поэзии от прозы сводится к формальному признаку — метру: «поэма состоит из частей, известною мерою определенных, и притом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению» (§8). По словам В. В. Виноградова, «утвержденное авторитетом Ломоносова выделение общих основ красноречия для поэзии и прозы долго еще отражается в последующей традиции на определении задач риторики и на ее построении».³²

На протяжении многих веков система литературно-теоретического мышления носила общеевропейский характер. В понимании природы словесности, ее места в культурной жизни авторы риторик и поэт-конца XVI — XVII веков исходили из всей предшествующей традиции, переосмысляя античное, ренессансное и постренессансное теоретическое наследие в духе новых идейных тенденций. Данная рецепция отразилась и в многочисленных учебниках по риторике и поэтике на латинском языке, созданных в это время в восточнославянской среде. По замечанию М. И. Сухомлинова, «Риторика Ломоносова представляет много сходных черт с учебными руководствами по этой науке, бывшими у нас в употреблении в конце семнадцатого и в начале восемнадцатого столетия. Но главными пособиями служили Ломоносову труды Каусина и Готшеда, имевшие весьма важное значение для современной им литературы»; «Ломоносов пользовался также и Риторикой Поменя».³³ Начиная с трудов Белобоцкого, Лихуда, Козьмы Грека,

³² Виноградов В. В. Поэтика и риторика. С. 99.

³³ См.: Сочинения М. В. Ломоносова... Т. 3. С. 26, 27 (втор. паг.).

стремившихся найти применение своей учености в Московской академии — «славяно-российских Афинах», культивируемая здесь литературная теория продолжала приспосабливать к русской традиции XVIII века наследие европейских барочных риторик и поэтик.³⁴

В обоих вариантах Риторики наблюдается наличие таких поэтологических понятий, как «витиеватые речи», «замысловатые слова», «острые мысли». По определению Ломоносова, «витиеватые речи» — «суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезъестественным образом и тем составляют нечто важное или приятное» (Риторика 1748 г., §129). Остроумие понимается им как творческий принцип, как поэтическая способность к воображению, к нахождению и изобретению идей: «Сочинитель слова тем обильнейшими изобретениями оное обогатить может, чем быстрейшую имеет силу совоображения, которая есть душевное дарование с одною вещью, в уме представленною, купно воображать другие, как-нибудь с нею сопряженные <...> Сие все действуем силою совоображения, которая, будучи соединена с рассуждением, называется остроумие» (§23). В главе седьмой «О изобретении витиеватых речей» Ломоносов признает, что «ныне не имеющее острых мыслей слово уже не так приятно кажется, как бы оно впрочем велико и сильно ни было» (§130). Как показал В. В. Виноградов, «витиеватые речи» в понимании Ломоносова представляют собой приемы стилистической орнаментации, действующей на тех же самых принципах, что и «извитие словес» в киево-могилянкой литературной культуре XVII–XVIII веков, где эти приемы развились под влиянием латино-польской литературной традиции, в свою очередь, испытавшей воздействие немецкой литературы.³⁵ Р. Лахманн соотносит «витиеватые речи», «замысловатые слова», «острые мысли» с понятием *acumen*

³⁴ См.: Lewin P. 1) Poetyka moskiewska z roku 1722 // *Slavia Orientalis*. 1967. № 4. S. 381–390; 2) Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII wieku (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław etc., 1972; Левин П. Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII века // *Wiener Slav. Jh.* 1977. Bd 23. S. 180–198.

³⁵ Виноградов В. В. Из истории изучения синтаксиса: от Ломоносова до Потебни и Фортунатова. М., 1958. С. 29–31; Martin A. Lomonosov's Rhetoric. P. 69.

(остроумие), прошедшим на своем пути из Польши ассимиляцию «от риторико-поэтических учебников украинских и русских центров образования до Риторики Ломоносова».³⁶

Acumen выступает в качестве одного из основных элементов риторической/поэтической теории Киево-Могилянской академии и московской Славяно-греко-латинской академии. Представление об *acumen* у Феофана Прокоповича («Ars poetica») сформировалось под влиянием литературной теории Мацея Казимежа Сарбевского (иезуит, преподаватель риторики и поэтики в Риме), сформулированной им в трактате «De acuto et arguto» (1619/1623). Неопубликованные в XVII веке трактаты Сарбевского по риторике и поэтике были тем не менее достаточно хорошо известны, передавались из рук в руки в рукописном виде, ходили в списках, в студенческих записях вроде тех, что оставил Симеон Полоцкий.³⁷ В печати идеи трактатов Сарбевского впервые увидели свет в учебнике польского педагога и теоретика красноречия Михаила Радау (ок. 1616–1687) «Orator extemporaneus». Книга, изданная в 1650 г. в Амстердаме, получила чрезвычайно широкое распространение и до 1741 г. вышла двадцатью пятью изданиями во многих европейских странах.³⁸ Из этого учебника, как установила П. Левин, Ломоносов перевел стихотворение «На белых волосах у Аппия зима»³⁹ (см.: Риторика 1748 г. §133), отсюда же, как указал С. И. Николаев, он перенес в свою

³⁶ Лахманн Р. Демонтаж красноречия... С. 128.

³⁷ По наблюдениям Р. Лужного, сохранившийся в записи Симеона Полоцкого краткий трактат «Commendatio brevis Poeticae», 1646 г. (РГАДА. Собр. рукописей моск. Синодальной типографии. Ф. 381. № 1791. Л. 9–16), представляет собой компиляцию седьмого раздела трактата Сарбевского «De acuto et arguto» (*Łuźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska: Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich w XVII–XVIII w. Kraków, 1966. S. 29–30*). О воздействии теории Сарбевского на литературно-эстетическое сознание восточных славян XVII–XVIII вв. см.: *Lewin P. Teoria akuminu w estetycznej świadomości Wschodniej Słowiańszczyzny XVI–XVIII wieku a traktat Sarbiewskiego // Literatura staropolska i jej związki europejskie. Wrocław etc., 1973. S. 309–322; Левин П. Барокко в литературно-эстетическом сознании... S. 180–198.*

³⁸ См.: *Николаев С. И.* Кирияк Кондратович — переводчик // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 78.

³⁹ См.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich... S. 116–117.*

Риторикой выражение «И о Домитиане, кесаре, сказано, что он был неприятель мухам, а неприятелям муха» (см.: Риторика 1748 г. §144). Отсюда следует вывод, что Ломоносов знал Сарбевского через посредство М. Радау и, таким образом, «для сопоставления теоретических построений Сарбевского и Ломоносова (например, о „витиеватых речах“) имеются не только типологические, но и генетические основания». ⁴⁰

Понятие *аситен* присутствует и в латинских учебниках поэтики и риторики учителей Ломоносова — «Clavis poetica» («Поэтический ключ») Федора Кветницкого⁴¹ и «Ars rhetoricae praescepta» («Наставление к риторике») Порфирия Крайского,⁴² которые «в основных пунктах следуют концепции иезуитов. Среди этих концепций предпочтение отдается, однако, тем, которые придерживаются позиций умеренного барокко»; таким образом, «концепция остроумия, которую Ломоносов впервые сформулировал по-русски, отнюдь не была новостью для публики первой трети XVIII века, прошедшей школу риторики». ⁴³

Риторика — нормативная литературно-теоретическая наука — предполагает определенную систематику, классификационные схемы, понятийный аппарат, формулировку правил. Требование оригинальности к такому жанру, как риторика, не стоит на первом месте. Риторика — это прежде всего традиция, хотя риторика не оставалась неизменной, и жанр этот трансформировался. Составляя руководство по риторике, автор каждой историко-культурной эпохи, включая и век XVIII, не мог

⁴⁰ Николаев С. И. Кириак Кондратович — переводчик... С. 78. См. также: Софронова Л. А. М. В. Ломоносов и М. К. Сарбевский (К опыту сопоставления двух систем) // М. В. Ломоносов и русская культура: Тезисы докладов конференции. Тарту, 1986. С. 7–11.

⁴¹ См. изд.: Kvetnickij F. Clavis poetica: Eine Handschrift der Leninbibliothek Moskau aus dem Jahre 1732 mit einer Einleitung hrsg. von B. Uhlenbruch. Köln; Wien, 1985 (Slavistische Forschungen. Bd 27. Rhetorica slavica. Bd III. S. 177); см. также: Жуков В. М. Актуальные проблемы истории русской риторической традиции (По поводу издания поэтики Ф. Кветницкого) // Советское славяноведение. 1988. № 2. С. 94–99.

⁴² См.: РГБ. Ф. 183. № 279. Р. 42.

⁴³ Лахманн Р. Демонтаж красноречия... С. 130–131; см. также: Lewin P. Teoria akuminu...; Софронова Л. А. М. В. Ломоносов и М. К. Сарбевский...

не ориентироваться на сочинения, имевшиеся в данной области знания. В его распоряжении находились также многочисленные антологии, «суммы», компендиумы «общих мест» (*loci communes*) — своего рода инвентари культурного опыта, предоставлявшие примеры с цитатами и ссылками на источники, перечни, подборки, каталоги тем, изречений, списки слов, тропов, фигур, которые помещались в помощь авторам в приложения к пособиям по риторике и поэтике.

Какими источниками пользовался Ломоносов, создавая свою Риторику, — сложный и до сих пор не решенный со всей определенностью вопрос, впервые поставленный еще митрополитом Евгением (Болховитиновым), указавшим на то, что «она „собрана“ из тех книг, по которым эта наука преподавалась в школах на латинском языке».⁴⁴ Однако через какое посредство Ломоносов получил определения понятий или примеры, установить трудно, поскольку его Риторика — «это прежде всего труд по теории литературы»,⁴⁵ а «именно в области риторической теории приверженность традициям была особенно глубокой».⁴⁶ Не только учение, но также и цитаты передаются из поколения в поколение и могут встречаться в разных компендиумах, которые не всегда прямо зависят друг от друга, но принадлежат к общей традиции. Мы имеем дело с пересекающимися источниками, и в таком случае точное установление источника цитирования становится проблематичным.

Несомненно, что Ломоносов работал в весьма устойчивой традиции, которую и воспроизводит. Традиция эта включает использование готовых определений риторических понятий, правил, цитат, примеров. Как изучать ее? Здесь можно указать на Лаусберга,⁴⁷ хотя ссылки на него не слишком помогают делу, поскольку Лаусберг описывает все же классическую традицию, а Ломоносов стоит от нее далеко и посредствующие звенья в большинстве случаев важнее, чем истоки, хотя

⁴⁴ Цит. по: Сочинения М. В. Ломоносова... Т. 3. С. 286 (втор. пар.).

⁴⁵ Оришин А. Д. О значении Риторика Ломоносова // XVIII век. Л., 1966. Сб. 7. С. 94–95.

⁴⁶ Граудина Л. К., Мискевич Г. И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989. С. 31.

⁴⁷ См.: Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik...

в перспективе следовало бы проследить и риторические традиции от античности до тех источников, которыми пользовался Ломоносов.

Поясняя правила, он цитирует античных авторов (Гомер, Геродот, Аристотель, Демосфен, Деметрий Фалерский, Теренций, Цицерон, Овидий, Вергилий, Курций Руф, Ювенал и др.), раннехристианских латинских писателей (Тертуллиан, Лактанций и др.), Отцов Церкви (Василий Великий, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин). Они отмечены в издании Риторике в седьмом томе академического «Полного собрания сочинений» Ломоносова (1952). Однако из чтения комментариев у читателя может создаться впечатление, что Ломоносов цитирует непосредственно из оригиналов (первоисточников), прорабатывая собрание речей Цицерона, всего Овидия, Вергилия, Курциуса Руфа, Теренция и т. д. Возможно, это справедливо,⁴⁸ но, пожалуй, только для отдельных случаев. Очень вероятно, что наибольшая часть правил и примеров восходит к текстам-посредникам. Отсылая к первоисточникам, издание 1952 г. изымает тем самым обе Риторике Ломоносова из многовековой традиции составления риторик и тем самым из европейского культурного контекста XVIII века, что, впрочем, понятно и отражает дух времени, когда осуществлялось второе академическое собрание сочинений Ломоносова.

При сравнении с первым академическим изданием, подготовленным академиком М. И. Сухомлиновым, это становится еще более очевидно. Пытаясь поставить теоретико-литературный труд Ломоносова в контекст риторической традиции, Сухомлинов привел к соответствующим параграфам Риторике на 300 страницах своего комментария к названному изданию множество параллелей из трудов по риторике XVII–XVIII веков — Франсуа Помея, Никола Коссена, Порфирия Крайского, Иоганна Кристиана Готшеда, о которых известно, что Ломоносов штудировал их еще на студенческой скамье, либо они имелись у него со времени учебы в Германии.

⁴⁸ См. замечание М. И. Сухомлинова: «Сравнение показывает, что Ломоносов обращался к подлинному тексту речей Цицерона, не ограничиваясь извлечениями из них, находящимися у Каусина и Помея» (Сочинения М. В. Ломоносова... Т. 3. С. 484).

Однако между цитируемыми Сухомлиновым пассажами и текстом Ломоносова часто можно наблюдать значительные расхождения, и, кроме того, полные или частичные совпадения между сопоставляемыми фрагментами не обязательно свидетельствуют об их прямой генетической связи, но могут объясняться принадлежностью к общей риторической традиции. Трудность определения источников Риторики Ломоносова объясняется самой природой данного жанра, предполагающего наследование традиции: сходные формулировки правил, одинаковые иллюстрации могут повторяться в десятках различных руководств по риторике. Приведем пример. Обсуждая в §98 приемы, которые помогают оратору взволновать слушателей, Ломоносов пишет, что «разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать, как искусный боец: уметь в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы тем приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно» (Риторика 1748 г., §98). Сравнение ритора с воином известно риторикам предшествующей поры, это место сохранилось в средневековых рукописях; оно восходит к трактатам Цицерона «Оратор» (XXXVII, 128–129) и Квинтилиана «Наставление оратору» (XII, 9, 20–21), где этот образ входит в «портрет идеального оратора», являющийся частью учения о пафосе. Та же метафора присутствует и у святого Августина, опиравшегося на учение Цицерона (*De doctrina Christiana*, IV, XX, 42).⁴⁹

По наблюдениям Г. Кайперта, когда Ломоносов в §223 использует те же фрагменты из Цицерона, которые приведены Коссеном и Помеем, то это не обязательно свидетельствует о том, что у них он заимствовал данный пример, но только о том, что в риторическом обучении такие *exempla* были известны. Особенности цитирования Ломоносовым греческих авторов указывают на то, что он пользовался латинским промежуточным переводом. Анализируя приведенную Ломоносовым в §283 цитату из Лукиана («Разговоры в царстве мертвых», разговор 12), Г. Кайперт пришел к выводу, что Ломоносов использовал здесь также, конечно, не греческий оригинал или полный латинский перевод, но переработанное, сокращенное и парафразированное изложение, какое

⁴⁹ См.: Евдокимова Л. В. Риторика и поэзия в «Искусстве сочинять» Эсташа Дешана // Кентавр. Centaurus. Studia classica et mediaevalia. М., 2005. № 2. С. 181–182.

было общепринято в учебниках по риторике. По заключению ученого, проблема действительных источников Риторике Ломоносова, несмотря на обширные приведенные М. И. Сухомлиновым цитаты из трудов по риторике, окончательно не решена. Вопрос о том, из каких источников он исходил, составляя свою Риторику, остается открытым.⁵⁰

О проблеме источников второй Риторике Ломоносова писал также Х. Грасгофф, сопоставивший ее текст с трактатом Готшета «Ausführliche Redekunst», выдержавшим в XVIII веке несколько изданий. По его наблюдениям, Ломоносов дословно перевел из немецкого автора на русский язык цитаты из Цицерона, Демосфена, Флешье, И. Мосхейма.⁵¹ Отдельные приведенные им примеры представляются очень убедительными, хотя это не обязательно означает, что та или иная отмеченная цитата восходит непременно к Готшету. В распоряжении Ломоносова могли находиться и другие руководства по риторике.

Влияние западноевропейских риторик XVII–XVIII веков на обе Риторике Ломоносова несомненно. Его не могло не быть, поскольку, подчеркнем еще раз, риторика — учение нормативное. Жанр риторики не предполагает оригинальности, хотя оригинальность не исключается. Авторы создают риторики, сообразуясь с задачами искусства своей эпохи.

Важная роль в передаче риторической традиции принадлежит *loci rhetorici*. Как велика эта зависимость, еще предстоит исследовать. Сопадения с авторами риторик XVII–XVIII веков наблюдаются у Ломоносова главным образом в определении риторических понятий⁵² (пред-

⁵⁰ См.: Keipert H. Zur Quellenfrage von Lomonosovs zweiter «Rhetorik» // Festschrift für M. Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. S. 134–143.

⁵¹ Grasshoff H. Lomonosov und Gottsched. Gottscheds *Ausführliche Redekunst* und Lomonosovs *Ritorika* // Zeitschrift für Slawistik. 1961. 6. S. 498–507.

⁵² Автор новейшей статьи предложил сравнительный анализ понятия силлогизма в трудах по риторике — у Цицерона, в ближайшей к Ломоносову риторической традиции и в его Риториках 1744 и 1748 гг. (Лемешев К. Н. К вопросу об источниках «Риторики» М. В. Ломоносова // Русская литература. 2012. № 3. С. 107–122), подтверждая сделанное еще в 1869 г. наблюдение А. С. Будиловича о том, что «Ломоносову в Риторике принадлежит группировка материала, „совершенно оригинальная или, по крайней мере, очень отличная от расположения тех же материалов в источниках“» (Там же. С. 122). Однако для столь принципиального вывода необходима более широкая доказательная база.

мет риторики, три вида красноречия, риторические периоды, имя, причины, подобия, тропы, риторические фигуры и др.). Так, конспектируя, к примеру, труд Готшеда «Ausführliche Redekunst», Ломоносов выписал приведенное в нем определение риторики, данное французским теоретиком XVII века Бернардом Лами (Lamy): «M. Lami hat die Rhetorik also definirt: L'idée de la Rhetorique comprend l'art de persuader, aussi bien, que celle de parler». ⁵³ К этому понятию близко сформулированное Ломоносовым определение в первом параграфе вступления к Риторике 1748 г.: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению». ⁵⁴

Понятно, что когда мы имеем дело с текстом Риторика — учебника, построенного на риторических принципах с установкой на «готовое слово» (т. е. черпающего из разных других относящихся к теме трудов), проблема источников крайне усложняется. При подготовке новейшего переиздания трудов Ломоносова по филологии в седьмом томе Полного собрания сочинений (2011) совместно с его научным редактором В. М. Живовым было принято решение учесть комментарии М. И. Сухомлинова (не воспроизводя их, естественно, целиком) как широкий сравнительный материал.

В переиздании 2011 г. в примечаниях к отдельным параграфам Риторика введены отсылки к цитируемым Сухомлиновым текстам, которые рассматриваются именно как параллели, но не как прямые источники Ломоносова. Указаны соотносимые с текстом его Риторик (1744 и 1748 гг.) цитаты и параллельные места из трактатов по риторике XVII–XVIII веков, составляющих контекстуальное поле работы Ломоносова. В тех случаях, когда близость текстов очевидна, соответствующие места цитируются. Когда же совпадения ограничиваются только ключевыми словами и выдержки из трактатов по риторике далеко отстоят от текста Ломоносова, представляя собой вариации на одни и те же темы, или когда цитаты слишком обширны (занимают в первом академическом издании несколько страниц), в комментарии делаются

⁵³ Цит. по: Сочинения М. В. Ломоносова... Т. 3. С. 34 (втор. паг.).

⁵⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 2011. Т. 7. С. 675.

отсылки к материалам, приводимым у Сухомлинова, чтобы обратить внимание читателя на все же имеющую место общность. В новейшем переиздании, в отличие от Полного собрания сочинений Ломоносова 1952 г., нашли также отражение пометы В. К. Тредиаковского, оставленные им в принадлежавшем ему экземпляре ломоносовской Риторике 1748 г.⁵⁵

Автор первой русской Риторике Ломоносов выступает как представитель русской и европейской учености. В том же самом году, когда завершилась работа над второй редакцией труда, «ориентация русской риторики на западную модель была официально узаконена затем „Регламентом Академии наук и художеств“ 1747 г., где говорится (в §48): „Реторики русской или элоквенции особливо не обучать [в Академическом университете], ибо кто знает, в чем элоквенция на латинском языке состоит, тот знать может и на всех языках оные правила...“; таким образом, правила русской и латинской риторики должны были в принципе совпадать».⁵⁶

Риторика 1748 г. издавалась до конца XVIII века неоднократно. С указанием на титульном листе 1748 г. книга выходила также в 1765, 1766 и 1784 гг. Отдельными изданиями Риторика 1748 г. была напечатана также в 1788, 1791, 1797 гг. Она вышла в свет также в составе «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе», опубликованном в 1759 г. в типографии Московского университета, а в 1787 г. — в Полном собрании сочинений Ломоносова в Санкт-Петербурге.⁵⁷

Исключительно большим спросом на Риторику Ломоносова объясняется то, что наряду с несколькими печатными изданиями XVIII века она имела хождение также в рукописном виде. В библиотеке Паннонхальма в Венгрии хранится список со второго издания Риторике 1759 г.

⁵⁵ Этот экземпляр с владельческой записью («Василья Тредиаковского») хранится в РНБ, см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. Т. 2: К–П. М., 1964. С. 168.

⁵⁶ *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. С. 147, примеч. 146.

⁵⁷ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. Т. 2: К–П. М., 1964. С. 168, 169; 163, 166.

(№ 118 F 47). Из приписки следует, что книга переписана «иеромонахом Софронием Богословским в общежительном монастыре Бешенове лета Господня 1775». Примечания, помещенные в конце рукописи, и разного рода пометы свидетельствуют о значительном интересе, с каким читалась Риторика.⁵⁸

Риторика Ломоносова послужила образцом для последующих русских учебников красноречия. Ф. И. Буслаев отметил: «Ломоносов написал *лучшую у нас Риторику*, по которой, более или менее, писаны все прочие».⁵⁹

В заключение следует подчеркнуть, что проблемы установления точных источников Риторике Ломоносова до конца не решены и нуждаются в дальнейшем исследовании.

⁵⁸ См.: *Danci J.* О списке «Риторике» М. В. Ломоносова, найденном в Венгрии // *Studia Slavica.* 1962. Т. VIII/1–2. С. 141–147.

⁵⁹ *Буслаев Ф.* О преподавании отечественного языка. 2-е изд. М., 1867. С. 269; о значении Риторике Ломоносова см. также: *Оришин А. Д.* О значении *Риторике* Ломоносова... С. 94–98; *Граудина Л. К., Мискевич Г. И.* Теория и практика русского красноречия... С. 45–61.

А. А. Костин, С. И. Николаев

**НЕУЧТЕННЫЙ
ИСТОЧНИК РИТОРИКИ ЛОМОНОСОВА
(«Оратор без подготовки» М. Радау)**

Основные источники Риторике М. В. Ломоносова выявлены давно, это труды Псевдо-Лонгина, Н. Коссена, Ф.-А. Поменя и И. К. Готшеда. Соответствующие параллельные места были опубликованы в издании М. И. Сухомлинова еще в конце XIX века и затем учтены в академическом издании Полного собрания сочинений Ломоносова.¹ Это, разумеется, не значит, что работа по выявлению ломоносовских источников завершена, что с понятной осторожностью отмечено во 2-м издании Полного собрания сочинений (2011), исправленном и дополненном: «Мы отнюдь не знаем еще всех источников второй Риторике Ломоносова, но что очевидно — очень важные образцы (оригиналы) остаются еще не открыты».² Тем более досадно, что в этом издании не был учтен источник, выявленный еще четыре десятилетия назад.

¹ См.: *Ломоносов М. В.* 1) Сочинения / С объяснительными примеч. М. И. Сухомлинова. СПб., 1895. Т. 3. Примеч. С. 281–567; 2) Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 805–839. Далее в статье Полное собрание сочинений Ломоносова цитируется по 1-му изданию.

² *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2011. С. 673. См. также: *Keipert H.* Zur Quellenfrage von Lomonosovs zweiter «Rhetorik» // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag / Hrsg. von P. Brang. Heidelberg, 1967. S. 134–143.

В 1972 г. вышла книга польской исследовательницы П. Левин «Лекции поэтики в русских учебных заведениях XVIII века (1722–1774) и польские традиции», в которой автор указала неизвестный источник Риторики Ломоносова — пособие «Оратор без подготовки» польского педагога и теоретика красноречия XVII века Михаила Радау (ок. 1616–1687).³ Впервые учебник был издан в 1650 г. (под чужим именем) и до 1741 г. выдержал 25 изданий (издавался в Германии, Италии, Голландии, Чехии, Польше, Венгрии).⁴ Именно в этой книжке П. Левин был обнаружен оригинал стихотворения «На белых волосах у Аппия зима...», которое перевел Ломоносов и ошибочно усвоил его Марциалу.⁵ Ср.:

In niveis Appi iam regnat bruma capillis,
Inque oculis semper vino flammantibus aestas,
Vaccifer autumnus pingit nasumque genasque,
Cumque bibit florum dulce illi ad tempora ver est;
Sic potans totum in vultu gerit Appius annum.⁶

На белых волосах у Аппия зима,
И лето на глазах, горящих от вина;
Как пьет, то по носу фиалки расцветают
И точно тем весны средину представляют;
Как в осень, щеки все брусники полны зрелой.
Не всяк ли видит: год изображен тут целой?

Между тем у Марциала такой эпиграммы нет, поэтому в Полном собрании сочинений Ломоносова в примечании к этому стихотворению в составе Риторики сказано кратко: «источник цитаты не установлен».⁷

³ См.: *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 116–117. Ср.: *Lewin P.* Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej Słowiańszczyzny XVII–XVIII wieku a traktat Sarbi-ewskiego // *Literatura staropolska i jej związki europejskie*. Wrocław, 1973. S. 322–323.

⁴ См.: *Estreicher K.* Bibliografia polska. Kraków, 1915. T. 26. S. 24–26.

⁵ См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 207–208, 824.

⁶ *Radau M.* Orator extemporaneus seu artis oratoriae breviarum bipartitum. Amsterdam, 1684. P. 46. При работе с изданиями XVI–XVII веков использованы фонды БАН, электронные коллекции немецких университетов и поисковые возможности ресурса Google Books.

⁷ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 824.

В томе поэтических произведений комментариев несколько отличается: «Эпиграмма принадлежит, по-видимому, самому Ломоносову».⁸ Во втором издании Полного собрания сочинений (2011) в соответствующих томах эти комментарии повторены без изменений и дополнений.

Трудно сказать, почему Ломоносов приписал эпиграмму Марциалу. Если он действительно перевел ее из латинского пособия, то псевдо-эпиграф можно объяснить тем, что у Радау эта эпиграмма напечатана сразу после эпиграммы, действительно принадлежащей Марциалу, а эпиграмму об Аппии отделяют только слова: «Item in ebrium Appium» («Также на пьяницу Аппия»). Так могла возникнуть аберрация, но это только догадка.

Сам Радау не был автором эпиграммы, он взял ее из сборника эпиграмм другого иезуита — фламандского новолатинского поэта Бернарда ван Баухюйсена (1575–1614/1619; Bernhard van Bauhuysen, Bauhuys, Bauhuis, Bahusius).⁹ Эта эпиграмма привлекла внимание и

⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 925. К сожалению, находка П. Левин не была учтена и в кн.: Ломоносов М. В. Избр. произведения. Л., 1986. С. 455 («Библиотека поэта». Большая серия). Здесь источником эпиграммы по-прежнему назван Марциал. Но находка П. Левин почти сразу была учтена в примечании к эпиграмме Ломоносова в кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX века. Л., 1975. С. 631 («Библиотека поэта». Большая серия). М. Ф. Мурьянов приписал честь установления латинского источника В. Е. Васильеву, готовившему данный раздел книги, см.: Мурьянов М. Ф. История одной эпиграммы из «Риторики» Ломоносова // Русская речь. 1986. № 6. С. 29 (то же: Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России. Очерки: В 2 ч. СПб., 2008. Ч. 2. С. 418). Недоразумение объясняется тем, что В. Е. Васильев в своем примечании не сослался на книгу П. Левин, что не противоречит характеру примечаний в «Библиотеке поэта». Между тем на книгу польской исследовательницы В. Е. Васильев ссылается в примечаниях к анонимным эпиграммам (см.: Русская эпиграмма. С. 677). Нет сомнений, что и в примечании к эпиграмме Ломоносова была использована находка П. Левин, поскольку вслед за ней В. Е. Васильев пишет о четверостишии Радау: в своей книге польская исследовательница приводит не пятистишие, а четверостишие, с пропуском второго стиха.

⁹ См.: Bauhuis B. Epigrammata libri V. Monachium, 1634. P. 9. См. о нем: Biographie nationale / Publ. par L'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. Bruxelles, 1866. Т. 1. P. 849–850. Этот сборник эпиграмм Баухюйсена впервые был издан в 1616 г., а затем переиздан в 1619, 1620 и 1634 гг.

другого теоретика барочного остроумия, на этот раз немецкого иезуита Якоба Мазена (1606–1681), который включил ее в свой труд об эпиграммах и надписях.¹⁰ Первым в России эпиграмму на Аппия процитировал, видимо, Исаакий Хмарный в своих лекциях по поэтике 1726 г. в Славяно-греко-латинской академии.¹¹ Исаакий Хмарный приехал в московскую академию из Киево-Могилынской академии в начале 1725 г. и вернулся в Киев в 1729 г.¹² Как и Ломоносов, он приписал эпиграмму Марциалу; скорее всего, у него в руках тоже было пособие Радау, с которым он мог познакомиться еще в киевской академии.¹³ Позднее эпиграмму об Аппии цитировали уже по Риторике Ломоносова, например, так поступил преподаватель поэтики в Холмогорах в 1756–1757 гг.¹⁴

К находке польской исследовательницы можно сделать несколько дополнений, позволяющих с большой уверенностью говорить о том, что Ломоносов пользовался именно пособием Радау, а не взял эпиграмму непосредственно из книги Баухюйсена или иного неустановленного источника.

Рассуждая об «изобретении витиеватых речей», «которые могут еще назваться замысловатыми словами или острыми мыслями»,¹⁵ Ломоносов среди многочисленных способов «изобретения» называет и такой, при котором «противные и несходственные вещи рождают витиеватые речи», в частности, «когда одно противное или несходственное

¹⁰ См.: *Masenius I. Ars nova argutiarum eruditae et honestae recreationis in duas partes divisa.* Coloniae, 1668. P. 92.

¹¹ См.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie.* S. 78, przyp. 89.

¹² См.: *Харламович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 659.

¹³ Об известности пособия Радау в киевской академии см.: *Lewin P. Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej Słowiańszczyzny XVII–XVIII wieku a traktat Sarbiewskiego.* S. 315; *Циганок О. М.* Про риторику Міхала Радава як джерело епітафій в українських поетиках XVII–XVIII ст. // Україна та Польща: минуле, сьогодення, перспективи. Луцьк, 2012. № 1. С. 36–39.

¹⁴ См.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie.* S. 78.

¹⁵ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 204.

к другому относится или на оное переменяется». Это положение Ломоносов иллюстрирует следующим примером: «И о Домициане, кесаре, сказано, что *он был неприятель мухам, а неприятелям муха*».¹⁶ В комментариях к этому месту обычно дается ссылка на жизнеописание Домициана у Светония.¹⁷ Это вряд ли справедливо. Курсив в ломоносовской фразе, предваряемый словом «сказано», подразумевает цитату, между тем никакой игры слов или остроты у Светония нет.¹⁸

Источник отыскивается опять в учебнике Радау. Автор, также рассматривая способы изобретения острых мыслей, приводит следующий пример, иллюстрирующий такой способ, при котором «великой вещи приписывается незначительность, а драгоценной — малоценность»: «*Sic de Domitiano muscas quotidie mactante dictum: Hostis fuit muscis, hostibus musca*»,¹⁹ т. е. «Так о Домициане, каждый день убивавшем мух, сказано: он враг был мухам, врагам — муха». Радау не указал, кому принадлежит это речение. Поскольку «*Thesaurus linguae latinae*» не фиксирует подобного употребления, можно предположить, что мы имеем дело не с классической латынью, а с новолатинским сочинением.²⁰ Гораздо важнее другое — две цитаты из Радау в «Риторике» Ломоносова позволяют поставить вопрос об «Ораторе без подготовки» как источнике Риторики Ломоносова. Фраза о Домициане напечатана пятью страницами ранее эпиграммы об Аппии, т. е. оба отрывка находятся рядом друг с другом и оба относятся к чрезвычайно важной для Ломоносова теме «изобретения витиеватых речей».

Двумя выявленными источниками ранее не атрибутированных примеров у Ломоносова связь его Риторики с учебником Радау не ограничивается. При сличении главы «О изобретении витиеватых речей» «Краткого руководства к красноречию» и соответствующих разделов учебника Радау («Несколько способов в изобретении пуантов» и «Как

¹⁶ Там же. С. 217, 218.

¹⁷ См.: Ломоносов М. В. 1) Сочинения. СПб., 1895. Т. 3. Примеч. С. 435–436 (приведен текст Светония на латинском языке); 2) Полн. собр. соч. Т. 7. С. 825.

¹⁸ См.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 211.

¹⁹ Radau M. Orator extemporaneus seu artis oratoriae breviarum bipartitum. P. 41.

²⁰ См. подробнее: Николаев С. И. Об эпиграмме К. Ф. Рылеева на австрийского императора // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 219–221.

следует оратору вводить в речь пуанты») выяснилось, что значительное число примеров совпадает в обоих руководствах. Эти параллели приведены в Приложении. Как представляется, эти совпадения позволяют считать пособие Радау одним из несомненных источников Риторике Ломоносова.

Ломоносов был не единственным читателем учебника Радау в России XVII–XVIII веков. Первое издание «Оратора без подготовки» вошло в книжное собрание Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева;²¹ амстердамское издание 1655 г. сохранилось в библиотеке архиепископа Феофилакта Лопатинского, который более двадцати лет преподавал в московской Славяно-греко-латинской академии.²² Читателем и даже переводчиком примеров из учебника Радау был выученик киевской академии К. А. Кондратович,²³ знакомый с Ломоносовым по службе в Академии наук. Таким образом, знакомство Ломоносова с учебником Радау вполне вероятно и познакомиться с ним он мог еще во время обучения в московской академии.

Выявленные цитаты из учебника Радау в Риторике Ломоносова не только позволяют включить книгу польского теоретика в круг ломоносовских источников. У Ломоносова все эти примеры относятся к проблеме «остроумия» и «витиеватых речей». В разделах «Оратора без подготовки», откуда они заимствованы, впервые были изложены идеи неизданных трактатов выдающегося теоретика барочной эстетики М. К. Сарбевского, в частности, об остроумии («De acuto et arguto».²⁴ Таким образом, эти идеи могли стать известны и Ломоносову, поэтому для сопоставления теоретических построений Сарбевского и Ломоносова имеются не только типологические, но и генетические основания.²⁵

²¹ См. статью Л. И. Сазоновой в настоящем сборнике, с. 21.

²² ОРК БАН, шифр: 321л.

²³ См.: Николаев С. И. Кириак Кондратович — переводчик польской поэзии // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 73–80.

²⁴ См.: *Otwinowska B.* «Concors discordia» Sarbiewskiego w teorii konceptyzmu // *Pamiętnik Literacki*. 1968. № 3. S. 81–110.

²⁵ См.: *Lewin P.* Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej Słowiańszczyzny XVII–XVIII wieku a traktat Sarbiewskiego. S. 309–324; *Софронова Л. А.* М. В. Ломоносов и М. К. Сарбевский (к опыту сопоставления двух систем) // М. В. Ломоносов и русская культура. Тезисы докладов конференции. Тарту, 1986. С. 7–11.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении публикуются примеры из главы «О изобретении витиеватых речей» «Краткого руководства к красноречию» и их соответствия в разделах «Несколько способов в изобретении пуантов» (*Praxes aliquot inveniendi acuminis*) и «Вопрос IX. Как следует оратору вводить в речь пуанты» (*Questione IX. Quomodo orator Acumena in oratione ponere debeat*) «Оратора без подготовки». Помимо самих примеров, приводятся также сведения об их источнике, сообщаемые как Ломоносовым, так и Радау. Текст Ломоносова взят из Полного собрания сочинений (М., 1952. Т. 7. С. 204–219); текст Радау — из амстердамского издания 1684 г. (Р. 40–60). Примеры помещены в последовательности текста Ломоносова с указанием соответствующих параграфов. Знаком астериска (*) отмечены примеры, где ссылки Ломоносова на древних авторов раскрываются в Полном собрании сочинений. В остальных случаях приводятся необходимые краткие сведения об источниках примеров у Радау.

§129

* С. 204: *Александр, толиких государей и народов победитель, побежден был своим зневом и все имел в своей власти кроме страстей своих и не знал, что большая всех власть есть повелевать себе самому* (Сенека в посл. 119).

P. 52–53: *Exempla dat Seneca: Epist. 119. Alexander victor tot Regum & populorum irae succubuit: id enim egerat, ut omnia potius haberet in potestate quam affectus, nec sciebat imperare sibi, maximum imperium esse.*

§133

С. 207: *Для чего слепой лучше прочих слышит, глухой лучше видит? для того, что оный ушми видит, а сей глазами слышит.*

P. 48: *Sic et Poeta: Cur oculis pollet surdus caecusque quid aure? Ille oculis audit, auribus iste videt.*

Двустипшие представляет собой переделку эпиграммы Дж. Оуэна (1564–1622) «Глухой и слепой» («*Surdus et caecus*»): «*Cur oculis pollet magis hic, magis auribus ille? / Hic oculis audit, auribus ille videt.*»²⁶

²⁶ *Oven J. Ioannis Audoeni Epigrammatum / Ed. by J. R. C. Martyn. Leiden, 1976. Vol. 1. P. 71.*

С. 207–208: Пример из Марциала: <i>На белых волосах у Антия зима, И лето на глазах, горящих от вина; Как пьет, то по носу фиалки расцве- тают</i> <i>И точно тем весны средину представ- ляют;</i> <i>Как в осень, щеки все брусники полны зрелой.</i> <i>Не всяк ли видит: год изображен тут целой?</i>	P. 46: Et Martial. l<iber> 8. epigr. 46 <...> Item in ebrium Appium: <i>In niveis Appi iam regnat bruma capillis, Inque oculis semper vino flammantibus aetas,</i> <i>Baccifer autumnus pingit nasumque ge- nasque</i> <i>Cumque bibit florum dulce illi ad tempora ver est;</i> <i>Sic potans totum in vultu gerit Appius an- num.</i>

См. с. 42–44 настоящего издания.

§134

С. 209: <i>Тебя мы любим все, и все тебя боимся, Тебя наш любит страх, сама любовь страшится.</i>	P. 47–48: Sic de nuptiis Honorii, Claudian: <i>Non odium terrore moves, nec fraena re- solvit</i> <i>Gratia, diligimus pariter pariterque time- mus,</i> <i>Iipse metus te noster amat.</i>

Claud. Nupt. X: 330–332.²⁷

§136

* С. 210–211: И следующее у Сенеки, в 119 послании: <i>После победы над Дарием и по завоева- нии Индии Александр был беден. Ищет себе приобретения, испытует моря не- известные. Что натуре довольно, того недовольно смертному. Нашелся такой человек, который, получив все, еще был недоволен.</i>	P. 52–53: Exempla dat Seneca: Epist. 119 <...> Et: <i>Post Dareum & Indos pauper est Alexan- der, quaerit quod suum faciat, scrutatur maria ignota; Quod naturae satis est, homini non est. Inventus est qui concupis- ceret aliquid post omnia. Ibidem. <т. е. из Сенеки></i>

²⁷ Источник этого перевода через посредство учебника Радау установлен в работе: Шмаркаков Р. Л. Поэзия Клавдиана в русской рецепции конца XVII — начала XX веков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. С. 104–105.

С. 211: *Безрукый и безоружный Сцевола войну привел к окончанию и сожженною рукою своею над двумя королями одержал победу.*

P. 40: v. g. sic moralis philosophus Seneca in Epist. 66, in fin, acute dixit, *Scaevola confecit bellum inermis ac mancus & illa manu trunca reges duos vicit.*

Несколько измененный текст окончания письма Сенеки (Ep. LXVI: 53): имя Сцеволы в нем отсутствует и введено Радау, поскольку он не мог расширить текст для включения имеющегося несколько ранее в исходном фрагменте указания: «*Quidni ego feliciorum putem Mucium?*» («Отчего мне не считать более счастливым Муция?»).

С. 211:
Когда тебя уязвит безумный поношением, раны лечить не старайся, то скоро исцелеешь.

P. 42: Tale est & illud Poetae:
Si forte stultus per calumniam laesit, Curare noli, & vulnus omne curasti.

Двустихие в пособии Радау переделано из более пространной эпиграммы новолатинского поэта Антония Стратия (1593–1636):

Rixatus, et jurgatus, et redux caena
E liberali, non parum vacillantibus,
Amynthe, cerebri notus omnibus Lempus,
Tuamne famam per calumniam laesit?
Curare noli, et vulnus omne curasti.²⁸

§137

С. 212: *Не верь обманчивой тишине: во мгновение ока море изменяется и в то же время корабли пожират, когда они по оному спокойно шествуют.*

P. 55: E. C. *Noli huic tranquillitati confidere; momento mare evertitur & eodem die, ubi luserunt navigia, sorbentur: cogita posse & latronem & hostem iugulo tuo admovere gladium.* Idem Epist. 4. <т. е. у Сенеки>

Sen. Ep. IV: 7–8.

²⁸ «О Аминт! Лемпус, всем известный своим весьма нетвердым умом, побранился с тобой и обругал тебя, возвращаясь с обильного пира, и клеветой уязвил твою репутацию? Не лечи — и ты уже вылечил все раны» (Antonii Stratii ... Selectorum epigrammatum libri tres. Monasterii, 1640. P. 27). За перевод этой эпиграммы, как и за помощь в подготовке латинских текстов, сердечно благодарим В. В. Зельченко.

§138

С. 213: Или: *Малый человек и на горе мал; исполин велик и в яме.*

P. 55–56: Et alibi: Epist. 76: *Parvus pumilio est, licet in monte constiterit; Colossus magnitudinem suam servabit etiam in puteo.*

Sen. Ep. LXXVI: 31.

* С. 213: Патеркул о Помпее говорит: *Толь несогласно само с собою счастье было, что тот не имел гроба, кому все-ленные на победы недоставало.*

P. 51: *Acutum & illud: Tantum a se discordavit fortuna, ut cui defierat ad victoriam terra, deesset sepulchrum.* Paterculus in Pompejo

* С. 213: И Виргилий о пчелах: *В толь маленькой плоти великий дух имеют.*

P. 49: E. G. de apibus poeta. Virg.: *Ingentes animos augusto in corpore versant.*

С. 213: *Сократ таким же лицом вступил в темницу, каким прежде тридцать тиранов привел в порядок, чтобы отнять от оногo места бесславие, и темница, в которой был Сократ, не могла быть темницею.*

P. 53: Et alibi, de Consol. ad Helviam cap. 13: *Socrates eodem illo vultu, quo aliquando solus triginta Tyrannos in ordinem redegerat, carcerem intravit, ignominiam ipsi loco detracturus, neque enim poterat carcer videri, in quo Socrates erat.*

Sen. Consol. ad Helviam. XIII: 4.

§139

С. 213: Или: *Без всякой мы вины любовь зовем слепою: Рождается в очах, прельщенных красотою.*

P. 49–50: Sic Poeta: *Gignitur ex visu, non ergo, Firmice, caecus, Nascitur ex oculis, cum generatur, Amor.*

Двустишие в пособии Радау взято из более пространной эпиграммы Дж. Оуэна.²⁹

§140

* С. 214: Или: *Дай нищему землю, дабы получить небо; дай пенязь, дабы приобрести царство;*

P. 54: Et Chrysologus Serm. 8. *Da pauperi terram, ut accipias coelum, da nummum, ut accipias regnum, da pauperi, ut des tibi,*

²⁹ Oven J. Ioannis Audoeni Epigrammatum. Vol. 2. P. 9.

дай нищему, дабы ты дал себе; дай, ибо, что ты дашь нищему, то сам иметь будешь; чего не дашь, достанется другому (Златоуст).

da, quia quicquid pauperi dederis Tu habebis, quidquid pauperi non dederis, habebit alter.

§143

С. 216: *Добро не познается, как только потерянное, и на солнце тогда только смотрят, когда оно затмевается.*

P. 55: *Senec. Natur. quaest. I. 7. c. 1. non cognoscitur bonum, nisi amissum, sol spectatorem nisi cum deficit, non habet; adeo naturale est magis nova quam magna mirari.*

Компиляция из нескольких фрагментов «Исследований о природе» Сенеки (Sen. Natur. quaest. VII: 1, 2–4); вводный тезис (*non cognoscitur bonum, nisi amissum*) в сочинении римского философа отсутствует.

С. 217: *Грешник есть земля, но против неба воюет, сено с огнем брань имеет, брение противится своему создателю.*

P. 57: *Sic v. g. Peccator cum terra sit, in Coelum pugnat; cum faenum sit, cum igne bella gerit; cum lutum sit, adversatur ei, qui illum finxit. Chrysostom.*

Пример у Радау восходит к латинскому переводу «Толкований на псалмы» Иоанна Златоуста, осуществленному Годфруа Тильманном (ум. 1561)³⁰ и входившему до конца XVIII века в собрания сочинений этого отца церкви, в том числе в полное собрание, предпринятое иезуитами в 1609 г. под редакцией Фронтоня дю Дюка (1558–1624).³¹ В помещенном здесь Толковании на 2-й псалом о кидающем камни в небо и дротики в солнце сказано, что встретивший его будет или смеяться, или рыдать: рыдать, поскольку перед ним грешник, а смеяться, как над пьяницей; далее подобный человек характеризуется «витиеватыми речами», порядок которых изменен Радау относительно оригинала.³² Толкование на 2-й псалом приписывалось

³⁰ D. Ioannis Chrysostomi homiliae in partem multo meliorem Daudici Psalteri / quas omneis priva recognitione & marginariis annotatiunculis ... illustravit Godefridus Tilmannus. Parisiis, 1550. P. 7.

³¹ Сверено по изданию: Divi Joannis Chrysostomi Opera omnia ... iis quae per Frontonem Ducaem ... pridem recognita sunt, locuperata. Parisiis, 1687. T. 1. P. 173.

³² Quemadmodum qui in Solem iaculatur & in coelum iacit lapides, rem vanam & inanem aggreditur & quiunq; eum aspicit, vel ingemiscit, vel ridet. Ingemiscit quidem,

Иоанну Златоусту ошибочно. Автором гомилии является, по-видимому, Астерий Софист (ум. после 341).³³

§144

С. 217: *Скупой богач есть убог, ибо не он златом, но злато им владеет.*

P. 48: *Sic si divitem dicas esse pauperem, eo quod aurum non habeat sed ipse habeatur ab auro.*

Вероятно, измененный стих из эпиграммы Иоганна Поста (1537–1597) на богача:

Quid prodest homini frumenti copia, si non
Audeat esuriens inde levare famem?
Non habet ille aurum, proprio sed habetur ab auro,
Auro qui nescit, divitisque frui.³⁴

Ср. также в толковании Блаженного Августина на 123-й псалом (PL 37, 1646): «qui autem auro uti non novit, habetur, non habet; possidetur, non possidet» («ибо кто не умеет пользоваться золотом — не имеет, но сам имуществу; не владеет, но подвластен»).

С. 217: *Тот беден в свете сем, кто беден не бывал.*

P. 47: *Et alibi: Miserum te judico qui nunquam fuisti miser. Seneca*

Sen. Provid. IV: 2.

С. 218: *И о Домитиане, кесаре, сказано, что он был неприятель мухам, а неприятелям муха.*

P. 41: *Sic de Domitiano muscas quotidie mactante dictum: Hostis fuit muscis, hostibus musca.*

ut adversus peccantem, ridet autem, tanquam ebrium, quod cum terra sit, in coelum bellum gerit; quod cum sit lutum, adversetur ei qui ipsum finxit, quod cum sit faenum, cum igne pugnet.

³³ Repertorium pseudochrysostomicum / Collegit J. A. de Aldama. Paris, 1965. P. 211. В XVII веке гомилия печаталась также в составе сочинений Иоанна II Иерусалимского (до 356–417): Joannis Nepotis Sylvani, Hierosolym. Episcopi XLIV ... Opera omnia / in unum collecta ... per A. R. P. Petrum Wastelium. Bruxellae, 1643. T. 1. P. 400.

³⁴ Io. Posthii Germeshemii paregorum poeticorum. [Heidelberg], 1595. Pars 2. P. 179. Перевод: «На что человеку множество зерна, если он, мучимый голодом, даже не отваживается его утолить? Не владеет золотом, но у своего же золота во власти тот, кто не умеет извлекать пользу из золота и богатства».

В «острой» крылатой форме с перекрестной заменой дательного и именительного падежей выражение появилось в новолатинской литературе не позднее 1619 г. в собрании стихотворных надписей на римских императоров «*Literarii apparatus, id est duodecim Caesares*» Эммануэле Тезауро (1592–1675); Домициан охарактеризован здесь так: «*Hostibus musca, muscis hostis fuit*» (Врагам муха, мухам враг был).³⁵ Другую эпиграмму с той же остротой фиксирует Якоб Мазен, не указывая ее автора: «*Caesar qui muscis fuit infensissimus hostis, / Hostibus ille suis non nisi musca fuit*» (Цезарь, что был самый яростный враг мухам, врагам же своим он был лишь муха).³⁶

§145

С. 218: *Убогий, ничего не желающий,* Р. 51: *E. C. Par est pauper nil cupiens,*
равен есть владельцу, все имеющему. *Principi omnia habenti. Idem.* <т. е. у Сенеки>

Такое место в сочинениях Сенеки не обнаружено.

³⁵ Цит. по: *Emmanuelis Thesauri ... Inscriptiones. Francofurti & Lipsiae, 1688. P. 92.*

³⁶ *Masenius I. Ars nova argutiarum... P. 165.*

КОНСПЕКТ «AUSFÜHRLICHE REDEKUNST» И РИТОРИКА ЛОМОНОСОВА

Об обстоятельствах создания Риторике М. В. Ломоносова¹ известно чрезвычайно мало. Не найдем мы и у самого Ломоносова — в его сочинениях, письмах, служебных бумагах — каких-либо комментариев, посвященных работе над Риторикой. Тем большую ценность представляют документы и материалы, так или иначе связанные с созданием его риторических трактатов. Одним из таких документов является ломоносовский конспект риторики И. К. Готшеда «Ausführliche Redekunst» (1736).²

О Риторике Готшеда как об одном из непосредственных источников ломоносовских трактатов известно давно. Однако следует заметить,

¹ Имеется в виду рукописное «Краткое руководство к риторике» 1744 г. и изданное в 1748 г. «Краткое руководство к красноречию». (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. С. 19–79, 89–378). Далее для их обозначения используются следующие обозначения, соответственно: Риторика 1744 и Риторика 1748; ссылки на них приводятся в тексте с указанием страницы и сокращением ПСС.

² Конспект представляет собой дословные выписки из «Ausführliche Redekunst» общим объемом чуть менее 1800 словоупотреблений. Текст опубликован М. И. Сухомлиновым в Академическом собрании сочинений (*Ломоносов М. В.* Сочинения. СПб., 1895. Т. 3. С. 32–40 (втор. паг.) и цитируется нами по этому изданию).

что текстуальные совпадения и соответствия между текстами Готшета и Ломоносова ограничиваются в основном главой 6 «О возбуждении, утолении и изображении страстей» первой части Риторика 1748, которой соответствует глава IX «Von Erregung und Dämpfung der Gemüthsbewegungen» трактата Готшета. В статье «Ломоносов и Готшед», посвященной соотношению риторик немецкого и русского ученого, Х. Грасгофф сначала сопоставляет трактаты в целом, затем проводит подробное сравнение текстов двух указанных выше глав, однако о ломоносовском конспекте Готшета он только упоминает, никак не сопоставляя его ни с Риторикой 1744, ни с Риторикой 1748.³ Между тем, этот документ, составленный Ломоносовым во время его учебы в Германии, безусловно, является важным источником, помогающим лучше представить историю создания его руководств по красноречию.

Порядок, в котором сделаны выписки, соответствует порядку следования немецкого текста. Весь материал можно разделить на две группы:

- 1) извлечения из немецкого текста, принадлежащего Готшеду;
- 2) цитаты, как из сочинений античных авторов, так и текстов более поздних (в том числе принадлежащих современникам Готшета, например, Иоганну фон Мосхейму).

Перед исследователями творчества Ломоносова встает таким образом закономерный вопрос: учел ли автор первой оригинальной русской риторики материал собственноручного конспекта в своих трактатах?

Что касается примеров из сочинений античных риториков, то они в большинстве своем не только широко использовались в руководствах по риторике, но и входили в состав различных сборников цитат и антологий. Распространенность и общеизвестность существенно ограничивает возможности их использования при определении источника заимствования. Большее значение для сопоставления риторики Готшета, ее конспекта и риторических трактатов Ломоносова имеют извлечения из немецкого текста, принадлежащего самому Готшеду, —

³ *Grasshoff H.* Lomonosov und Gottsched (Gottscheds «Ausführliche Redekunst» und Lomonosovs «Ritorika») // *Zeitschrift für Slavistik.* 1961. № 6. S. 501.

более развернутые и обладающие известной специфичностью в содержательном плане. Рассмотрим в качестве примера два немецких фрагмента из Ломоносовского конспекта. Первый посвящен качествам истинного оратора и выписан из §1 главы II трактата Готшеда:

«Durch einen Redner verstehe ich einen gelehrten und rechtschaffenen Mann, der die wahre Beredsamkeit besitzt. Ich schliesse also aus der Zahl der Redner die Sophisten und alle Schwätzer aus, die entweder eine falsche Beredsamkeit besitzen, oder nur viel Worte machen, aber keinen Menschen dadurch überreden, vielweniger etwas zu thun oder zu lassen bewegen. Die Beredsamkeit begreift zwar die Wohlredenheit in sich, aber nicht umgekehrt».⁴

Основная мысль данного отрывка заключается в противопоставлении понятий *Beredsamkeit* (красноречие) и *Wohlredenheit* (природная красноречивость, умение говорить) применительно к характеристике оратора. Данное противопоставление подробно рассматривается в главе I риторики Готшеда, посвященной основным понятиям риторической теории. Для определения *Beredsamkeit* принципиальным является то, что оно основывается на определенных правилах: «eine künstliche Beredsamkeit, die nach gewissen Regeln ihren Vortrag einrichtet»⁵ («искусное красноречие, которое предполагает построение речи по определенным правилам»). Что же касается понятия *Wohlredenheit*, то о нем Готшед пишет: «die natürliche Wohlredenheit gewisser Leute, bloß auf das Naturell, den Umgang und die Übung ankommt»⁶ («природная красноречивость, которой обладают некоторые люди, зависит только от при-

⁴ Ломоносов М. В. Сочинения. СПб., 1895. Т. 3. С. 35 (втор. паг.). Пер.: «Под оратором я понимаю мужа ученого и достойного, который обладает истинным красноречием. Я исключаю таким образом из числа ораторов софистов и всех болтунов, которые или владеют ложным красноречием, или только производят много слов, но никого этим не убеждают и тем более не побуждают что-либо делать или не делать. Красноречие (*Beredsamkeit*) включает в себя природную красноречивость (*Wohlredenheit*), но не наоборот». (Здесь и далее перевод мой. — К. Л.).

⁵ *Gottsched Johann Christoph*. Ausführliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer, geistlichen und weltlichen Rednern zu Gut, in zween Theilen verfasst und mit Exempeln erläutert. Leipzig, 1736. S. 31–32.

⁶ *Ibid.* S. 32.

родных свойств, круга общения и практики»). В интерпретации Готшеда *Beredsamkeit* — это способность достигнутая, обработанная в процессе организованного обучения; это искусство, овладеть которым должен истинный оратор и которое предполагает наличие определенных правил. *Wohlredenheit* не является искусством, не требует специального обучения и не строится по правилам; это естественная способность, и для ее поддержания и реализации нужна лишь речевая практика.

Обратим внимание на технику конспектирования. Сначала Ломоносов выписывает фрагмент (от слов «Durch einen Redner» до слов «zu thun oder zu lassen bewegen»), в котором базовое понятие *Beredsamkeit* используется для определения истинного оратора. Далее в конспекте лакуна, а в тексте готшедовского трактата эта исходная мысль продолжает развиваться. В заключительной фразе содержится некоторое обобщение, итог, относящийся и непосредственно к теме «качества оратора», и к риторической теории в целом: «Die Beredsamkeit begreift zwar die Wohlredenheit in sich, aber nicht umgekehrt» («Красноречие (*Beredsamkeit*) включает в себя природную красноречивость (*Wohlredenheit*), но не наоборот»). И эта ключевая, итоговая фраза опять выписывается. Произведенное таким образом сокращение текста свидетельствует о том, что Ломоносов верно понял основную мысль отрывка и существо подхода немецкого ученого: дать определение «истинному оратору», исходя из базового противопоставления «*Beredsamkeit* — *Wohlredenheit*». Однако в трактатах Ломоносова во фрагментах, посвященных качествам оратора, текст и содержание этих выписок не отражается. В Риторике 1744 в §2 находим краткое замечание о том, «что ритор, который большее познание имеет настоящего и прошедшего света, то есть искусен во многих науках, тот изобильнее материи имеет к своему сладкоречию. И для того, кто желает быть совершенным ритором, тот должен обучиться всем знаниям и наукам, а особливо истории и нравоучительной философии» (ПСС: 23). Во «Вступлении» к Риторике 1748 эта же мысль, хотя и в несколько иных выражениях, повторяется в §7 (ПСС: 96). Более близкими к смыслу рассматриваемого немецкого фрагмента можно было бы признать отдельные замечания из §2 и §4 «Вступления»: «К приобретению оного <красноречия> требуются пять следующих средств: первое — природные

дарования, второе — наука, третье — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук. <...> Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию» (ПСС: 92–93). Упоминание «науки», «правил» и «подлинного пути к красноречию», состоящего в изучении и следовании этим правилам, переключается с тем, как данные понятия соотносятся между собой в риторике Готшеда. Однако очевидных текстуальных параллелей здесь все-таки нет, и кроме того, как видно из приведенных цитат, ни в Риторике 1744, ни в Риторике 1748 противопоставление «искусно выстроенного красноречия» и «природной красноречивости», отчетливо обозначенное в заключительной фразе немецкого фрагмента, не применяется для характеристики оратора. Более того, само это противопоставление, актуальное для Готшеда, отсутствует в изложении ломоносовских трактатов.

Рассмотрим теперь фрагмент конспекта, в котором из «Ausführliche Redekunst» выписаны правила построения вступления — одной из четырех частей ораторского слова:

«I) Der Eingang musz ganz ungezwungen und natürlich zur Rede passen: so dasz es scheine, man habe ihn nicht anders machen können. II) Der Eingang musz nicht gemein seyn, so dasz man ihn schon von andern, oder doch von demselben Redner mehrmals gehöret hätte. III) Musz der Eingang einer Rede nicht mit dem Eingange einer andern vertauschet werden können, sondern sich so genau zu ihr schicken, als kein andrer; zu einer andern aber sich gar nicht reimen. IV) Daher musz denn ein guter Eingang mit seiner Materie so fest verbunden seyn, dasz er gleichsam ein Glied von dem ganzen Körper der Rede auszumachen scheine. V) Endlich musz er auch nicht zu lang seyn, damit er nicht den Zuhörer vor der Zeit überdrüssig mache. VI) Er musz auch nicht wieder die Absichten des Redners laufen, indem er irgend den Zuhörer weder aufmerksam noch gelehrig, und den Redner nicht angenehm macht».⁷

⁷ Ломоносов М. В. Сочинения. СПб., 1895. Т. 3. С. 36–37 (втор. паг.). Пер.: «I) Вступление должно совершенно естественным образом сочетаться с остальным словом; так, чтобы казалось, что иначе его и нельзя было составить. II) Вступление не должно носить общий характер, чтобы его не могли услышать много раз от других или от того же оратора. III) Вступление к слову не должно легко заме-

В Риторике 1748 раздел с описанием композиционных частей ораторской речи (в терминологии Ломоносова — слова) отсутствует: он должен был войти в книгу «Оратории», так и оставшуюся ненаписанной. На это указывает замечание самого Ломоносова, сделанное им в главе 1 части III «О расположении»: «О частях великого прозаического слова <...> здесь не предлагаем, ибо сие собственно надлежит до оратории, в которой о том пространно покажем» (ПСС: 295). В Риторике 1744 вступлению посвящены §115 и §116. Из приведенных шести пунктов немецкого текста только пятый — о том, что вступление не должно быть слишком длинным («muß er auch nicht zu lang sein») — имеет некоторое соответствие в тексте этих двух параграфов. Ломоносов указывает, что оратору «должно остерегаться, чтобы вступление было не весьма долго, и всегда помнить, что оно чем короче, тем лучше» (ПСС: 66). Можно найти параллель и для второго пункта, однако не в описании вступления, а в §117, где говорится о следующей после вступления структурной части ораторской речи — истолковании. Ломоносов перечисляет, чего должен опасаться ритор, составляя истолкование, и заключительная формулировка этого параграфа похожа на второй пункт из приведенного выше немецкого списка: «должно опасаться, <...> чтобы истолкование не весьма просто и низко было и несвязными речью и весьма много раз повторенными теми же словами не скучно казалось» (ПСС: 67). Что касается остальных пунктов перечня, представленных в конспекте, то они не находят никаких текстуальных или содержательных параллелей в Риторике 1744, и тем не менее определенный интерес для сопоставления представляют пункты 1, 3 и 4. В этих трех пунктах разными словами выражается, в сущности, одна и та же мысль о необходимости вступлению наилучшим образом

няться на вступление от какого-либо другого <слова>, но должно так точно подходить к своему <слову>, как никакое другое; с другим же <словом> совсем не должно сочетаться. IV) Таким образом, правильное вступление со своим предметом должно быть так крепко связано, чтобы казалось, что оно соединено со словом, подобно как член с телом. V) Наконец, не должно оно быть слишком длинным, чтобы не наскучить слушателю раньше времени. VI) Также не должно оно вступать в противоречие с целями оратора, оставляя слушателя равнодушным, невнимательным и непонимающим и самого оратора не делая слушателю приятным».

сочетаться с остальными частями слова. Отношение Ломоносова к данному аспекту вступления нельзя признать столь же определенным: в конспекте все три пункта представлены, однако в Риторике 1744 мы не находим ни их перевода, ни близкого к тексту переложения. В целом следует признать, что при описании вступления в Риторике 1744 Ломоносов не учитывает собственные выписки из немецкой риторики: текстуальные совпадения слишком незначительны, разрозненны и не образуют, в отличие от готшедовского текста, единого блока. И особенно важно, что в тексте ломоносовского трактата отсутствует тезис об «идеальном соответствии частей», отчетливо и детально сформулированный в трех пунктах описания Готшеда, воспроизведенных Ломоносовым в конспекте.

Таким образом, сравнение фрагментов составленного Ломоносовым конспекта «Ausführliche Redekunst» с текстом самого немецкого трактата, с одной стороны, и с тематически соответствующими фрагментами Риторики 1744 и Риторики 1748 — с другой, показывает следующее. Выписки из трактата сделаны осознанно и корректно. Они точно передают основную мысль конспектируемого текста. Очевидно, для Ломоносова это был действительно важный материал, и его фиксация в конспекте не являлась формальной процедурой; это результат работы заинтересованного и квалифицированного читателя. Однако в тексте Риторики 1744 и Риторики 1748 рассмотренные нами фрагменты не нашли отражения. Дальнейшие исследования должны показать, относится ли данный вывод ко всему корпусу выписок, и тем самым приблизить нас к пониманию того, как использовал Ломоносов имеющиеся в его распоряжении источники, в какой степени привлекал содержащийся в них материал и на что ориентировался при подготовке своих риторических трактатов.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова (лингвистический и историко-культурный аспекты)» (Грант РФФИ № 12-04-00109).

**СТИХОТВОРНЫЕ НАДПИСИ
В ОПИСАНИЯХ ФЕЙЕРВЕРКОВ 1758 И 1759 ГОДОВ
(опыт атрибуции Ломоносову)**

Участие Ломоносова в подготовке описаний фейерверков и иллюминаций конца 1740-х — начала 1750-х гг. хорошо известно. Из корпуса 77 достоверно ломоносовских стихотворных сочинений, созданных в период с 1747 по 1754 г. (исключая неточно датируемые стихотворения из «Риторики»), сорок, т. е. более половины, напрямую связаны с описаниями фейерверков и иллюминаций — будь то переводы немецких надписей, собственные проекты со стихами, надписи к официальным или частным фейерверкам и иллюминациям. Достаточно исследовано также, как постепенно изменялась роль Ломоносова в подготовке фейерверков и иллюминаций:¹ если в 1747–1750 гг. он лишь переводил немецкие стихи к описаниям Х. Крузиуса и Я. Я. Штелина, то с начала 1751 г. начал по указанию Академической канцелярии «сочинять» собственные стихи к штелинским иллюминациям. С 1752 г. Канцелярия стала поручать составление проектов огненных представлений одновременно и Штелину, и Ломоносову. Проекты рассматривались императрицей, и утверждался один из них. В 1752–1753 гг. победителем в этом своеобразном конкурсе оказывался Ломоносов, однако, начиная

¹ Павлова Г. Е. Проекты иллюминаций Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Л., 1960. Сб. 4. С. 219–237.

с иллюминации на день рождения императрицы (18 декабря) 1753 г. предпочтение стало отдаваться Штелину. Последним известным случаем, когда Ломоносов готовил проект фейерверка для артиллерийского ведомства, стала подготовка празднования дня рождения Елизаветы Петровны в 1754 г. Инвенция Ломоносова не получила одобрения, как и шесть представленных ранее. Когда по заведенному порядку Академическая канцелярия в марте 1755 г. вновь запросила Ломоносова вместе со Штелином составить проект к иллюминации, он ответил на него категорическим отказом: «Стелин ... жаловался, что я у него должности отнимаю, делая проекты к иллюминациям и фейерверкам, а я то чинил по ордерам Канцелярии Академии Наук. А чтобы ... Стелин не имел причин впредь на меня жаловаться, то Канцелярию ... прошу, чтоб меня впредь от того уволила».²

По-видимому, просьба Ломоносова была удовлетворена: в документах Академической канцелярии имя Ломоносова в связи с созданием описаний фейерверков и иллюминаций более не появлялось. Стихотворные надписи Штелина с конца 1752 и до отъезда в начале 1755 г. в Москву переводил Н. Н. Поповский; впоследствии, по меньшей мере до лета 1757 г., эту должность принял на себя А. И. Дубровский.³

Однако странным образом сам Ломоносов упоминает о своем участии в составлении описаний огненных представлений в последующие годы. Так, в отчете о работах за шесть лет (начало ноября 1756 г.) он говорит, что в 1756 г. «делал проект со стихами для фейерверка к 18 декабря сего года».⁴ 1758-м г. датируется исследователями письмо Ломоносова к Штелину, где сообщается о переводе русского описания фейерверка на немецкий язык и высказывается просьба о стихотворном переводе прилагаемых стихов, а также о последующем переводе описания и стихов на французский язык.⁵ Кроме того, по словам

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 350.

³ Наиболее полные сведения о переводах Поповского см: *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и его ученик Поповский (о литературной преемственности) // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 125–126, 145–147; переводы Дубровского см.: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 208. Л. 33 об.; № 225. Л. 17.

⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 393.

⁵ Там же. С. 532–533, 844–845.

Г. Е. Павловой, «в одной из ведомостей Канцелярии главной артиллерии и фортификации за 1759 г. имя Ломоносова занесено на получение вознаграждения за составление проекта иллюминации».⁶ Наконец, известна переписка Ломоносова с М. И. Воронцовым о подготовке частной иллюминации на въезд в Петербург Екатерины II при возвращении ее из Москвы после коронации.⁷ Однако неизвестность текстов соответствующих описаний склоняла исследователей к выводу, что участие Ломоносова в подготовке описаний к огненным представлениям в указанное время если и имело место, то лишь эпизодически.

В изучении данного вопроса можно отметить несколько проблем. Прежде всего, и М. И. Сухомлинов, и Л. Б. Модзалевский, и авторский коллектив под руководством Г. П. Блока при подготовке изданий сочинений Ломоносова⁸ основывались в первую очередь на богатейших данных академического архива. В их распоряжении не было ряда пособий, появившихся во 2-й половине XX века, и в первую очередь такого важнейшего справочника, как «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», благодаря которому стало возможным ознакомиться с рядом изданий описаний фейерверков и иллюминаций.⁹ Помимо этого история фейерверков оценивалась названными

⁶ Павлова Г. Е. Проекты иллюминаций Ломоносова... С. 237.

⁷ Архив князя Воронцова. М., 1872. Т. 4. С. 492, 498–500.

⁸ Ломоносов М. В. 1) Сочинения. СПб., 1891–1948. Т. 1, 2, 8; 2) Полн. собр. соч. Т. 8–10.

⁹ Так, например, описание фейерверка перед домом П. И. Шувалова 11 июня 1758 г., хранящееся в БАН (АкР/2756 (16)), что отмечено в указателе Д. А. Ровинского (*Ровинский Д. А. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций.* СПб., 1903. С. 259), охарактеризовано комментаторами Полного собрания сочинений Ломоносова как «величайшая библиографическая редкость, которую не удалось отыскать даже в самых крупных наших библиотеках» (Т. 10. С. 845). Также хранится в БАН (с указанием у Ровинского: С. 246; шифр: 32424д) и характеризуется как «библиографическая редкость, не отыскано» (Т. 8. С. 1039) описание иллюминации перед домом П. И. Шувалова 26 октября 1754 г. Как впервые опубликованные П. П. Пекарским указаны ломоносовские стихи в описании фейерверка на новый 1749 г. (Т. 8. С. 944–945; указание на экземпляр БАН есть у Ровинского: с. 242; шифр Отдела редких книг: 472, алл. 4). Последнее издание хранится также в РНБ (шифр 330/7). Ср. описания «Сводного каталога»: № 3763, 4994, 8483.

исследователями прежде всего с точки зрения Академии наук, и почти не уделялось внимания основной организационной инстанции в подготовке официальных фейерверков, в конце 1750-х — начале 1760-х гг. находившихся в ведении Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Как следствие, ни в одном из авторитетных изданий сочинений Ломоносова для описания его «фейерверочной» деятельности не были использованы архивные материалы артиллерийского ведомства, хранящиеся в ВИМАИВиВС. Между тем, сопоставление материалов академического и артиллерийского архивов и внимательное ознакомление с печатными описаниями фейерверков и иллюминаций (как русскими, так и иноязычными), как кажется, позволяет расширить представления об этой сфере деятельности Ломоносова в конце 1750-х — начале 1760-х гг.

В первую очередь обращение к материалам артиллерийского ведомства позволяет сделать два замечания общего характера, уточняющие контекст предполагаемой работы Ломоносова над огненными представлениями рассматриваемого периода. Первое уточнение касается устройства подготовки фейерверков и иллюминаций в артиллерийском ведомстве. Все описания, рассматриваемые в настоящей статье, пришлись на период, когда должность генерал-фельдцейхмейстера занимал граф Петр Иванович Шувалов, в биографии Ломоносова известный горячей поддержкой его мозаичных проектов в Сенате. В эту должность Шувалов вступил в мае 1756 г. и прекратил активное руководство артиллерией лишь в октябре 1761 г. в связи с тяжелой болезнью. Как руководитель артиллерии Шувалов прославился более всего активизацией работы по созданию новых видов вооружений — наиболее известны так называемые шуваловские секретные гаубицы и шуваловские единороги, но работа по изобретению и испытаниям новых артиллерийских орудий шла под его руководством постоянно; различные артиллерийские новшества этого времени исчисляются десятками.¹⁰ В этом свете должны рассматриваться и новации, введенные Шуваловым в подготовку фейерверков и иллюминаций. Уже в начале 1755 г. им был приглашен в Россию итальянский специалист Джузеппе

¹⁰ *Оточкин В. В.* П. И. Шувалов и русская армия 40-х — начала 60-х годов XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

Сарти, ставший известным благодаря обширному описанию фейерверочной машины, представленной впервые в Лондоне в 1749 г.¹¹ В феврале 1755 г. образец фейерверочного искусства Сарти был представлен в частном фейерверке, устроенном братьями Шуваловыми,¹² а в мае того же года Сарти был принят на русскую службу для введения в России «новофейерверочного искусства».¹³ Именно сложные фейерверочные машины стали основой фейерверков на наступление нового года в 1756, 1758, 1759 и 1760 гг.; летом 1760 г. Сарти был уволен от службы, поскольку было подготовлено новое поколение российских фейерверкеров.¹⁴ Изменился при Шувалове и порядок подготовки фейерверков: очевидный упор делался не столько на содержательную, сколько на техническую сторону огненного представления. Если до него на протяжении более 20 лет порядок работ над иллюминациями и фейерверками предполагал, что сперва у Академии наук запрашивался проект фейерверка или иллюминации и их предварительный чертеж, и его просили представить по возможности скорее, чтобы в том числе как можно ранее можно было начать закупать необходимые материалы, то при Шувалове содержательная часть фейерверка стала лишь дополнением к основной — артиллерийской его составляющей; описание запрашивалось на последнем этапе подготовки. В этом отношении особенно показателен фейерверк на новый 1761 г., работы над которым полковник Петр Мелиссино начал в июле, 10 октября в Академию наук были направлены три рисунка для гравирования, а упоми-

¹¹ *Ruggieri G., Sarti G.* A Description of the machine for the fireworks; with all its ornaments, and a detail of the manner in which they are to be exhibited. London, 1749.

¹² Изображение и описание фейерверка при высочайшем и всемилостивейшем присудствии ея императорскаго величества Елисаветы I самодержицы всероссийския представленнаго внутрь двора его превосходительства действительнаго камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова в Санктпетербурге февраля дня 1755 года. СПб., 1755.

¹³ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 475. Л. 82–87.

¹⁴ Указ Шувалова об увольнении Сарти «в рассуждении того, что в сочинении фейерверков и без него обойтится можно, и нет ему на жалованье излишних сумм», был дан 5 мая 1760 г.; между тем, из-за расхождений в финансовых документах о расходовании материалов к фейерверку 1756 г. он формально не был уволен до 6 октября (ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 2598. Док. 70).

вание об описании фейерверка появилось в бумагах артиллерийского ведомства лишь 4 декабря, причем сообщалось, что Штелин его еще только сочиняет.¹⁵ Следует отметить, что последним случаем, когда Канцелярия главной артиллерии и фортификации формально запрашивала Академию наук о подготовке проекта, стали иллюминации на 5 и 20 сентября 1757 г.:¹⁶ в следующий раз подобный документ пришел в Академию наук лишь в декабре 1761 г., когда тяжело больной Шувалов уже прекратил руководить артиллерией.¹⁷ Из документов артиллерийского ведомства становится понятно, что Шувалов лично курировал подготовку фейерверков, и дело не только в том, что указы об их подготовке поступали от него. Важнее то обстоятельство, что если в начале 1750-х гг., когда должность генерал-фельдцейхмейстера оставалась вакантной, в документах о рассмотрении фейерверков как утверждающая проекты инстанция неизменно упоминалась императрица (известен, например, ее развернутый отзыв на ломоносовский проект к иллюминации 5 сентября 1754 г.¹⁸), то при Шувалове проекты стали утверждаться лично им.¹⁹

Существенным для вопроса о поздних трудах Ломоносова в подготовке описаний фейерверков и иллюминаций является также то обстоятельство, что наши сведения о поэтическом наследии Ломоносова последних лет жизни во многом ограничены. Последний авторизованный корпус его художественных сочинений был составлен, судя по всему, к лету 1756 г. (время создания «Надписи на новое строение Сарского Села»): более поздние достоверно датированные произведения в московском издании «Сочинений и переводов» отсутствуют.²⁰

¹⁵ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 2598. Док. 5; № 2600. Док. 26.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 225. Л. 4–19.

¹⁷ Там же. № 265. Л. 75.

¹⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 1033–1034.

¹⁹ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 452. Л. 64, 112, 244; № 476. Л. 229.

²⁰ Об обстоятельствах издания прижизненных собраний сочинений Ломоносова см.: Андреева Г. А. Издания собраний сочинений М. В. Ломоносова в XVIII–XX веках // Книга. Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 3. С. 203–229; Тюлицев Д. В. Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Л., 1983. Сб. VII. С. 49–75.

Этим, как кажется, во многом объясняется незначительное число надписей среди известных нам поздних стихотворных сочинений Ломоносова. Из 8 стихотворных надписей за период с конца 1756 по 1764 г. две были обнаружены В. П. Степановым и С. И. Николаевым после выхода в свет Полного собрания сочинений,²¹ еще по меньшей мере две только за 1759 г. остаются неизвестными.²² Об объеме неизвестного нам эпиграмматического наследия Ломоносова этого периода — как рукописного, так и печатного — остается лишь догадываться. Поэтому обращение к печатным материалам описаний фейерверков рассматриваемого периода кажется особенно актуальным.

* * *

В первую очередь вызывает интерес описание фейерверка на новый 1759 г. В финансовых документах артиллерийского ведомства имеются данные об участии Ломоносова в подготовке одного из фейерверков 1759 г. Указание на это Г. Е. Павловой не было замечено исследователями; между тем, комплекс материалов, в который входит и использованный ею документ, в сопоставлении с двумя изданиями описания фейерверка на новый 1759 г. позволяет довольно уверенно говорить об атрибуции Ломоносову по меньшей мере одного содержащегося в них поэтического текста.

В январе 1759 г. П. И. Шувалов, по-видимому, при сожжении новогоднего фейерверка получил у императрицы разрешение раздать трудившимся в его подготовке награждения из «всемиловитейше пожалованных» 5000 рублей. Известно несколько вариантов соответствующего наградного списка. Наиболее ранним, по-видимому, является «Именной список бывших при деле фейерверка обер- и унтер-офицерам и рядовым», составленный руководившим всеми работами полковником

²¹ *Степанов В. П.* Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова // Русская литература. 1978. № 2. С. 111–115; *Николаев С. И.* Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3–7.

²² «Сочинил краткие стихи: <...> 2) на ландкарту его высочества государя великого князя Павла Петровича, 3) на ораниенбаумские эскерции» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 395–396).

Матвеем Григорьевичем Мартыновым.²³ Список этот содержит лишь упоминания нескольких десятков лиц и краткие указания на проделанную ими работу; в нем отсутствуют суммы, предлагаемые для награждения, и — что особенно важно — упоминания лиц, ответственных за идейное наполнение фейерверка: его главных устроителей (самого Мартынова и Дж. Сартти), а также авторов и переводчиков описания. Сведения о них появляются лишь в утвержденном в марте Шуваловым «Расписании из всемилостивейше пожалованных от Ее императорского величества трудившимся при фейерверке, представленном сего году генваря 1 дня пяти тысяч рублей, кому колико получить надлежит». В начале этого реестра выделяется группа лиц, судя по структуре документа и величине полученного ими награждения (более половины всей выделенной на награждения суммы), отвечавших за общее устройство и содержательное наполнение фейерверка:

советнику Стелину — 400
советнику и профессору Ломоносову — 200
артиллерии подполковнику Мартынову — 1000
италиянцу Сарттию — 600
оберфейерверкеру Глебову — 300
подпоручику Немову — 300²⁴

Участие в подготовке фейерверка всех этих лиц, кроме Ломоносова, документировано в материалах Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Полковник Мартынов с 11 сентября 1758 г. руководил всеми работами над фейерверком; им был составлен план, утвержденный П. И. Шуваловым «с некоторою в трофеях от надворного советника Штелина по приличности переменею»;²⁵ его имя значится на гравюре к описанию фейерверка: «Фейерверк сочин. подполк. Мартынов»;²⁶ что касается Сартти, то из документов по подготовке фейерверка следует,

²³ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 958. Л. 147.

²⁴ Там же. № 902. Л. 156.

²⁵ Там же. Оп. ГП. № 486. Л. 113; № 488. Л. 26.

²⁶ Аллегорическое изображение фейерверка в честь ее императорского величества Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския и прочая, и прочая, и в знак всеподданнейшаго и усерднейшаго желания в новый год 1759 представленнаго пред Императорским Зимним домом. СПб., 1758.

что он непосредственно отвечал за изобретение и создание одного из разделов фейерверка;²⁷ Глебов и Немов ведали закупкой материалов и обеспечением работы сотен вольнонаемных рабочих и армейских чинов.²⁸ Какое место отводилось в подготовке фейерверка Ломоносову? Ответить на этот вопрос помогает третий вариант списка, составленный, по-видимому, также Мартыновым в начале 1760 г. для определения аналогичного награждения за работы над фейерверком на новый 1760 г.: «Реестр, кто именно в прошлом 1759 и в нынешнем 1760м годах генваря 1 чисел находился при деле фейерверка и как кто трудился и какое время и сколько кому в награждение денег произведено и произвести надлежит». Данные списка 1759 г. внесены здесь в левую часть листа и использовались для справки, а новый список записан справа. Как и в 1759 г., первые позиции в нем отведены лицам, отвечавшим за содержательную подготовку фейерверка:

Бригадиру Соморокову, который сочинял стихи к фейерверку	400
Кадетского корпуса капитану Остервальду, который переводил фейерверочные стихи на французский и немецкий языки	200
Артиллерийским:	
Полковнику Матвею Мартынову	500
Майору Петру Мелисину	500
италиянцу Сартию	200 ²⁹

Почти все указанные лица, кроме Х. Д. Остервальда, указаны в печатном описании фейерверка: «Троекратное огней играние исполнения г. Сартия; Представление четырех зеленых деревьев, Франкфуртское сражение и гербы с прочими огненными украшениями исполнения г. Мелисина; Слава, подающая Верности два лавровых венца и храм

²⁷ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 488. Л. 26.

²⁸ Там же. Оп. ШГФ. № 958. Л. 147.

²⁹ Там же. № 959. Л. 15. Именно этот документ был использован Г. Е. Павловой. Написание слова «чисел» в названии документа допускает прочесть его как «числа», что и не позволило, по-видимому, исследовательнице однозначно соотнести указание работ Ломоносова с новогодним фейерверком 1759 г.

славы Петра Великого с прочими огненными украшениями исполнения г. Мартынова; описание огненного представления г. Сумарокова».³⁰ Сумароков, автор текста описания,³¹ оказывался таким образом в списке в той же позиции и должен был получить такое же награждение, как и Штелин, автор текста описания предшествующего года;³² а с переводческой работой Остервальда в 1760 г. соотносятся труд и награждение Ломоносова 1759 г., из чего следует заключить, что он каким-то образом отвечал за русскую часть печатного описания, немецкий текст которого был составлен Штелином.

Вряд ли возможно предположить, что Ломоносов переводил основной прозаический текст описания: за время его службы в Академии наук, несмотря на активное участие в переводе стихотворных надписей

³⁰ Описание огненного представления в первый вечер нового года, 1760. СПб., 1759.

³¹ Описание в списке труда Сумарокова как исключительно поэтического заставило Шувалова обратиться к Мартынову за разъяснениями: «бригадир Сумороков только ль стихи к фейерверку сочинял, или он и прожектовал, или ж прожектовал советник Штелин», на что Мартыновым был дан ответ: «Г[оспо]д[и]н бригадир Сумороков по идее от меня и по общему согласию сочинил стихи и описание, а на французский и немецкий язык перевел кадетский капитан Остервальд, а г[оспо]д[и]на советника Штелина идеи сей год во употреблении не было» (ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 959. Л. 19). Это обстоятельство заставило Шувалова в итоговой наградной ведомости (ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 902. Л. 198; соответствующая правка внесена в рабочий список: Там же. № 959. Л. 15) изменить сумму награждения Сумарокова с 400 на 300 рублей, однако Сумарокову и Остервальду были также пожалованы табакерки. Подробнее о подготовке новогоднего фейерверка 1760 г. см.: *Костин А. А.* Участие А. П. Сумарокова в подготовке фейерверка на новый 1760 год (по материалам Архива ВИМАИВиВС) // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции.* СПб., 2013. Ч. II. С. 367–374.

³² Несмотря на то, что проект новогоднего фейерверка 1759 г. разрабатывался Мартыновым и Штелином, описание его было составлено последним, о чем можно судить по запросу о печатании тиража описания и гравюру к нему, отправленному артиллерийским ведомством в Канцелярию Академии наук: «на [план, представленный Мартыновым], также и на сочиняемый итальянцем Сартием план же описание со стихами требовать ... от члена преждеписанной канцелярии академии надворного советника Штелина, дабы оные учинены были ко объявленному времени неотменно» (ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 488. Л. 26–26 об.).

Штелина, подобная (по сути, канцелярская) работа Ломоносову никогда не поручалась; в середине 1750-х гг. ее выполняли младшие академические чины — переводчик Иван Голубцов и студент Иван Федоровский.³³ Более вероятно, что Ломоносову принадлежало стихотворное русское оформление описания. И если в случае с двустушием, содержащимся в основном тексте описания, такое заключение может быть поставлено под сомнение,³⁴ то можно предположить, что Ломоносов — автор пространной русской стихотворной надписи, приложенной к описанию.

Приуроченная к фейерверку брошюра была издана в двух вариантах — русско-немецком и русско-французском с различной пагинацией: первый включает лишь 7 страниц, а последний — 9.³⁵ Различие заключается в том, что в русско-немецкое издание вошел лишь текст собственно описания, завершающийся двустушием, в то время как в русско-французском издании на отдельном листе без французского перевода помещены следующие стихи:

Желаний наших зришь, МОНАРХИНЯ, в сей день
В блистающем огне одну лишь только тень:
Они все вымыслы и силы превосходят,
Превыше звезд самих плененный дух возводят
И приближаются пред Вышнего престол,
Прося, чтобы возрел в земных деяний дол:
О Боже, свыше нам Ты дал ЕЛИСАВЕТУ

³³ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 204. Л. 104–114; № 208. Л. 22–35; № 214. Л. 293–303; № 216. Л. 50–59; № 225. Л. 4–6, 13–19.

³⁴ Немецкие стихи: «Dein Ruhm, Elisabeth! Und was durch Dich geschehen / Läßt unsern Wunsch voraus noch größte Hoffnung sehen»; русский перевод: «Как славные дела твои Господь венчает / Надежда наша так желаньи возвышает». Ср. также французский перевод: «Elisabeth! Ton nom, Tes Vertus, Tes Hauts faits, / Sources de notre Espoir, annoncent nos souhaits». Можно осторожно предполагать, что, как и предыдущие известные стихотворные надписи Штелина к иллюминациям, на русский язык эти два стиха были переведены А. И. Дубровским.

³⁵ Аллегорическое изображение фейерверка ... в новый год 1759 = Abriss und erklärte Beschreibung der allegorischen Feuerwercks-Vorstellung ... zum Neuen-Jahr 1759. СПб., 1759 (СК № 94); Аллегорическое изображение фейерверка ... в новый год 1759... = Description des représentations allégoriques du feu d'artifice ... à l'occasion du nouvel an 1759. СПб., 1759 (СК № 95).

На радость, на покой, на украшение свету.
Ты силою ЕЯ сотри противных рог,
Как на престол взойти судил, велел, помог.
Злодеев разруши намеренья высоки,
Ее добротами низвергни все пороки.
Чем чаще в ум ЕЕ мы тщимся представлять,
Тем больше чувствуем Твою к нам благодать.
Хотя изыщет все усердна наша ревность:
Как добродетели изображала древность,
Что в нынешние смысл постигнул времена,
Что в свете каждая произвела страна,
Хотя в поля, в моря свой разум простираем
И с высоты небес примеры собираем;
Но видим купно все яснее в НЕЙ одной,
В НЕЙ чтим подобие, в НЕЙ светит образ Твой.

По-видимому, эта русская надпись, не обнаруживающая прямых соответствий в изобразительном плане фейерверка,³⁶ и стала той работой, за которую Ломоносов в начале 1759 г. получил награждение в 200 рублей.

* * *

Материалы печатных описаний фейерверков и иллюминаций времени руководства П. И. Шувалова над артиллерийским ведомством

³⁶ Судя по описанию, фейерверк состоял из шести планов, в двух первых представляла картина победы добродетелей императрицы над пороками, олицетворявшими враждебную сторону в войне (к этим планам могут быть отнесены стихи «Злодеев разруши намеренья высоки / Ее добротами низвергни все пороки»), третий представлял «приятную тихую страну, где в середине виден прекрасный сад ... в котором Покой ... наслаждается ... безопасностью и довольствием»; в четвертом появлялась колоннада со статуями Геройского Намерения, Храбрости, Презрения опасности, Неусыпности, Чести, Славы, Благодарности и Почитания, а также трофеями и прочими знаками военных побед 1758 г. Пятое явление представляло удивление всего мира перед свершениями императрицы, а последнее — образ России, ожидающей прихода мира, залогом которого должна стать Елизавета Петровна. Только к последнему плану может быть отнесен общий сюжет обширной стихотворной надписи: возносимые подданными мольбы о благополучии императрицы.

в совокупности с приведенными выше свидетельствами Ломоносова позволяют сделать предположение об участии Ломоносова и в других фейерверках.

Особый интерес представляет его записка к Штелину, которую следует процитировать полностью: «Его сиятельство г. граф П[етр] И[ванович] требует, чтобы описание фейерверка было напечатано на немецком и французском языках. Стафенгаген его перевел, но мне не нравятся стихи в прозе. Прошу ваше высочородие ради чести Академии просмотреть их. Стихи я дословно перевел на латинский. Было бы желательно, чтобы и по-немецки они были также переложены на стихи. наших французских переводчиков я могу склонить к переводу с немецкого на французский, что же касается его, то вы располагаете большей властью приказать ему это выполнить. Когда стихи будут переведены на французский прозой, я завтра же добуду и какого-нибудь поэта».³⁷

На основании упоминания в записке имени Петра Шувалова ее датируют июлем — октябрем 1758 г., поскольку предположительно именно в этот промежуток времени сочинялось печатное описание фейерверка, представленного во дворце Шувалова 12 июня 1758 г.³⁸ Между тем, это описание было напечатано лишь на русском языке,³⁹ что заставляет искать другое издание, которое бы более соответствовало содержанию ломоносовской записки. Издание это (или совокупность изданий, как в случае с рассмотренным выше фейерверком на новый 1759 г.) должно удовлетворять следующим условиям:

³⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 532–533. Цитируется перевод; оригинал на нем. яз.

³⁸ Санктпетербургские ведомости. 1758. № 48 (16 июня). С. [2]. На титульном листе описания указано, что фейерверк был представлен 11 июня.

³⁹ Описание фейерверка, представленного при высочайшем присудствии... Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския пред домом генерала фельдцеймейстера, сенатора, генерала адъютанта, действительного камергера, лейбкомпаний подпорутчика, государственного межевщика и разных орденов кавалера графа Петра Ивановича Шувалова июня 11 дня 1758 году. СПб., 1758 (СК № 4994).

1. описывать фейерверк, представленный лично П. И. Шуваловым или артиллерийским ведомством в период с мая 1756 по октябрь 1761 г.;⁴⁰

2. содержать по меньшей мере текст прозаического описания фейерверка на трех языках — русском, немецком и французском;⁴¹

3. соответствовать указанию на перевод немецкого текста академическим канцеляристом И. Л. Стафенгагеном;⁴²

4. при этом сведения об авторстве прозаического текста не должны противоречить указанию на то, что он был составлен на русском языке.⁴³

Всем этим условиям удовлетворяет лишь одно издание — описание фейерверка на новый 1758 г.⁴⁴ Подготовка этого фейерверка была

⁴⁰ Известны следующие удовлетворяющие этим требованиям описания фейерверков, изданные в это время: на новый 1757, 1758, 1759, 1760 и 1761 гг.; фейерверк перед домом Шувалова 11 июня 1758 г.; фейерверк на день рождения великой княжны Анны Петровны 9 декабря 1758 г.; увеселительные огни на годовщину бракосочетания великокняжеской четы 21 августа 1760 г. (помимо указанных ранее, № по СК: 1046, 4288, 4993, 4991, 4688, 4689).

⁴¹ Этому требованию удовлетворяют только описания фейерверков на новый 1758, 1759, 1760 и 1761 гг. Описание фейерверка на новый 1757 г. было опубликовано только на русском и немецком языках (Канцелярия главной артиллерии и фортификации запрашивала Академию наук и о французском переводе, но получила ответ, что «описания на французском языке напечатано быть не может за неимением искусного для сего дела переводчика»: ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 465. Л. 89), как и в случае с фейерверком на рождение Анны Петровны 1758 г.; описания шуваловского фейерверка 1758 г. и фейерверка на годовщину бракосочетания великокняжеской четы изданы только на русском языке.

⁴² Этому условию не удовлетворяет фейерверк на новый 1760 г., немецкий и французский переводы которого, как следует из наградных ведомостей, были выполнены Х. Д. Остервальдом (см. выше).

⁴³ По документам известно, что описания фейерверков на новый 1757, 1759 и 1761 гг. были подготовлены на немецком языке Я. Я. Штелином (ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 464. Л. 41–41 об.; № 488. Л. 26–26 об.; № 2600, док. 26).

⁴⁴ В данном случае не рассматривались печатные описания частных шуваловских или официальных иллюминаций. Помимо того, что в письме однозначно говорится о фейерверке (а для изобретателей, какими были Ломоносов и Штелин, слова «иллюминация» и «фейерверк» вовсе не были синонимами), стоит отметить, что с 1757 г. П. И. Шувалов отказался от издания печатных описаний

начата Дж. Сартти в конце сентября 1757 г.⁴⁵ и впервые проводилась без посредства Академии наук. Лишь 29 ноября в Академическую канцелярию были присланы рисунки двух планов фейерверка для гравирования, причем говорилось: «что ж касается до описания оных, также и стихов, то присланы быть имеют в непродолжительном времени». То же отмечено и в решении канцелярии: «описаниев с стихами, когда из артиллерии присланы будут, напечатать в типографии».⁴⁶ Прямых указаний на авторство описания ни в материалах артиллерийского ведомства, ни тем более в академических обнаружить не удалось, однако совокупность косвенных признаков позволяет, кажется, атрибутировать данный текст достаточно надежно.⁴⁷

официальных иллюминаций; известные тексты описаний иллюминаций на 5 сентября и 20 сентября 1756 и 1757 гг., а также 25 апреля 1757 г., были сочинены Я. Я. Штелином (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 213. Л. 39–40; № 216. Л. 50–59; № 225. Л. 4–19; ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 462. Л. 1, 59). Расширяя хронологию на частные огненные представления П. И. и И. И. Шуваловых 1754–1755 гг., в список рассматриваемых изданий можно также добавить фейерверки, данные И. И. Шуваловым 24 сентября и в феврале 1755 г. (см. выше), а также иллюминацию 26 сентября 1756 г., представленную перед домом П. И. Шувалова. Ни для одного из этих описаний не известен французский перевод; в описании фейерверка 1755 г. поэтические вставки ограничиваются тремя разрозненными двустихиями (их положительную атрибуцию Ломоносову см.: *Берков П. Н.* Новые тексты Ломоносова: (К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова) // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.* 1961. Т. 20. Вып. 6. С. 507–508).

⁴⁵ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 475. Л. 43–44 об.

⁴⁶ Там же. № 476. Л. 229; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 226. Л. 368.

⁴⁷ О том, что немецкое описание не было составлено Штелином, можно также косвенно судить по его свидетельству о фейерверке на новый 1758 г. в «Истории фейерверков в России»: «Между ним (Сартти. — А. К.) и обер-фейерверкером Мартыновым начались соперничество и ссоры, и поэтому аллегорическое представление разгромленных Юпитером гигантов [нрзб.] происходило не так, как устроил Сартти» (*Штелин Я. Я.* Записки Якова Штелина об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 1. С. 259). Упоминание здесь Юпитера и перемен в плане фейерверка полностью согласуется с документальными сведениями об истории его подготовки. При отправке чертежа фейерверка для гравирования в Академию наук Канцелярия артиллерийского ведомства сообщала: «на которых же местах наклеена белая бумага, то оные места, напечатав, оставить белые впредь до определения»; чертеж сохранился, бумагой на нем заклеена фигура Юпитера (ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП.

В частности, можно добавить, что в соответствии с предложенным Ломоносовым порядком подготовки двух переводов, сопоставление трех стихотворных фрагментов позволяет однозначно говорить о том, что французский текст описания фейерверка на новый 1758 г. переводился с немецкого: во всех случаях незначительных расхождений с русским французский текст следует за немецким.⁴⁸ Не противоречат предположению об авторстве Ломоносова и стилистические данные. Можно указать, например, на встречающееся в ломоносовских сочинениях выражение «дать звук»⁴⁹ («Стремглав повержены, дадут паденьем звуки»). Сама экспозиция фейерверка на новый 1758 г. (изображение врагов России как титанов, которых въяве повергает императрица) повторена в оде на восшествие Елизаветы Петровны 1761 г.: «Посмотрим в Западные страны: / От стрел Российския Дианы / Из превеликой вышины / Стремглавно падают Титаны».⁵⁰

* * *

Несмотря на то, что письмо Ломоносова Штелину связано, скорее всего, с подготовкой фейерверка на новый 1758 г., а не частного фейерверка, представленного перед домом П. И. Шувалова 11 июня 1758 г., обращение к тексту описания последнего позволяет предположить, что автором его также мог быть Ломоносов.

№ 476. Л. 229; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 226. Л. 368–395). Таким образом можно заключить, что важная в идеологическом плане замена фигуры Юпитера на Минерву (стержневой образ приложенных к описанию фейерверка стихов) была инспирирована Мартыновым без посредства Штелина.

⁴⁸ Ср.: а) рус.: «вправду промыслом богиня нам дана»; нем: «Dieß hat Elisabeth zu unsrer Zeit erfüllt. / Die Vorsicht wincket ihr, Sie nahet sich dem Throne»; фр.: «Est plus vrai de nos jours par le pouvoir d'Elise. / La prudence la guide, elle aproche du trône»; б) рус.: «Поправ завистливых и внутрь, и вне врагов»; нем.: «Und dämpft die inneren und äusserlichen Feinde. / Jetzt rüftet sich ihr Arm zum Vortheil Ihrer Freunde»; фр.: «Au dedans, au dehors Sa victoire est complete / Pour aider ses amis, déjà Sa main s'apperte», и др.

⁴⁹ «Сверкнули острые и дали звук мечи»; «Победы нашей дайте звук» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 354, 655).

⁵⁰ Там же. С. 749.

Фейерверк представлял собой «храм славы» Елизаветы Петровны, «окруженный признаками великих дел, произведенных ее щедротами», при этом в описании оговаривалось, что хотя обычаем ставить храмы героям принадлежит лишь языческим временам, а в новое время «героям остались пирамиды,obelisks, мавзолеи, столпы, статуи и прочие знаки для вечного незабвения», но ревность подданных не позволяет вовсе отказаться от идеи храма выдающемуся правителю, из-за чего эти сооружения «изображают символически на медалях, в Мозаике, на мраморе и на других еще благороднейших камнях», а также — с изобретением пороха — и в виде фейерверков.⁵¹ Мало оправданное упоминание мозаики в этом тексте может быть объяснено тем, что автором его выступил Ломоносов,⁵² так как именно на время подготовки фейерверка и его описания — лето и начало осени 1758 г. — пришлось ожидание высочайшего решения о судьбе утвержденного Сенатом по предложению П. И. Шувалова проекта по украшению Петропавловского собора ломоносовскими мозаиками. Проект был подан императрице в конце мая, и судьба его оставалась Ломоносову неизвестной до октября, когда он составил челобитную об ускорении рассмотрения проекта.⁵³ В связи с последним обстоятельством кажется особенно важным тот факт, что описание фейерверка было напечатано в Академии наук много позже гравюр к нему: если изображения были изготовлены для Шувалова к самому фейерверку, 10 июня, то запрос о печатании описания поступил лишь 13 октября, а напечатано оно было не раньше последних чисел октября.⁵⁴ Можно предположить,

⁵¹ Описание фейерверка представленного при высочайшем присутствии... Елизаветы Петровны самодержицы всероссийския пред домом генерала фельдцеймейстера, сенатора, генерала адъютанта, действительнаго камергера, лейбкомпании подпоручника, государственнаго межевщика и разных орденов кавалера графа Петра Ивановича Шувалова июня 11 дня 1758 году. СПб., 1758.

⁵² В 1754 г. мозаика как элемент изобразительного плана огненного представления была введена Ломоносовым в проект фейерверка на день коронации Елизаветы Петровны: «изобразить грот из разноцветных мраморов, мозаичным подобием украшенный» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 549).

⁵³ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 300; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 140–141.

⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 234. Л. 6–18.

что челобитная передавалась императрице способствовавшим продвижению проекта Петром Шуваловым, и именно для его визита к императрице и было отпечатано описание, куда было введено столь нужное для Ломоносова упоминание мозаики.

* * *

Вопрос о возможной атрибуции Ломоносову стихотворных фрагментов в описаниях фейерверков конца 1750-х — начала 1760-х гг. не ограничивается тремя рассмотренными описаниями. В свете ломоносовских опытов перевода немецких иллюминационных надписей на рубеже 1740–1750-х гг., где он стремился не к точности перевода, а к созданию собственных сочинений, заново описывающих и трактующих представлявшиеся картины, вызывает интерес очевидное несоответствие русских и немецких стихотворных надписей в описаниях иллюминаций на 5 и 20 сентября 1756 г., а также в описаниях фейерверков на новый 1757 и 1761 г. Требуется особого рассмотрения вопрос об авторстве описания и стихотворной надписи к иллюминации перед домом М. И. Воронцова на день восшествия на престол Екатерины II 1763 г.,⁵⁵ очевидно находящийся в связи с проектом иллюминации, переписку о котором Воронцов и Ломоносов вели в апреле 1763 г. В связи с этой перепиской может быть также поставлен вопрос об авторстве описания воронцовского фейерверка на день рождения Петра III 1762 г., в том числе появляющихся в нем стихотворных фрагментов.⁵⁶

⁵⁵ Изображение иллюминации для всерадостного и торжественного праздника восшествия на всероссийский престол всепресветлейшая самодержавнейшая великая государыня императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, и для вожделенного ея величества обратного прибытия из Москвы в Санкт-петербург. Представленное пред домом его сиятельства рейхс-графа, канцлера и кавалера Михайла Ларионовича Воронцова. Июня 28 дня 1763 года. СПб., 1763. Следует учесть, что день восшествия на престол совпал с днем возвращения Екатерины II в Петербург после коронационных торжеств (именно этому событию была посвящена переписка Ломоносова и Воронцова); между тем, поэтическая слабость помещенной в описании надписи заставляет отнестись к вопросу об авторстве с очень большой осторожностью.

⁵⁶ Описание аллегорического изображения фейерверка и иллюминации, которые при высочайшем и всемиловейшем присутствии его императорского величества

Внимательное ознакомление с материалами фейерверков и иллюминаций 1756–1763 гг. с точки зрения участия в них Ломоносова ставит существенно больше вопросов, чем дает ответов: относительно уверенно ему могут быть атрибутированы лишь три текста, в большинстве же случаев вопрос об авторстве должен быть рассмотрен с очень большой долей осторожности. Надписи как составляющая позднего творчества Ломоносова остаются предметом, требующим тщательных разысканий; хочется надеяться, что дальнейшие исследования помогут существенно уточнить наши знания в этой области.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении полностью публикуются тексты двух описаний фейерверков, атрибуция которых представляется более сомнительной, чем в случае с надписью на новогодний фейерверк 1759 г. Вопрос об авторстве прозаического текста описаний требует отдельного рассмотрения. При публикации текста орфография и пунктуация модернизированы.

а)

МОГУЩЕСТВО И СЛАВА АВГУСТЕЙШИЯ ЕЛИСАВЕТЫ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, НОВОИЗОБРЕТЕННЫМИ УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫМИ ОГНЯМИ

благочестивейшаго государя императора Петра Третьяго самодержца всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая, в доме его сиятельства канцлера и разных орденов кавалера графа Михаила Ларионовича Воронцова внутри двора представлены были февраля 14 дня 1762 года. СПб., 1762. Об авторстве Ломоносова упоминается в подробном описании дня рождения Петра III, сохранившемся в записи 1-й четверти XIX в. на экземпляре «Сочинений» Ломоносова 1803–1804 гг. из собрания библиотеки Казанского университета (*Л. Заметки при чтении первых двух томов сочинений Ломоносова, издаваемых Академиею наук // Русский филологический вестник. Варшава, 1894. № 4. С. 152–153*); в конце XIX века уверенно приписывал их Ломоносову П. Н. Петров (*История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1884. С. 647*).

НА НОВЫЙ 1758 ГОД ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА АЛЛЕГОРИЧЕСКИ ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ

Могущество, великодушие, мужество, щедрота и прочие высокие дарования и добродетели всемилоостивейшия самодержицы наша препрославлены во всем человеческом роде. Едино геройского ея восшествия на отеческий престол дело не имеет подобного примера ни в каких подлинных известиях, оставшихся от глубокой древности до сих времен. Изображая насильную наглость стремящихся злодеев ея к похищению Петрова престола, видим душевным оком неистовое буйство вымышленных некогда гигантов, восходящих по сношенным в громаду горам к высокому Олимпу для разрушения божеского жилища. Но ту разность находим в нынешней правде от древней басни, что Зевес истощил многократным стрелянием все свои перуны; Российская Минерва единым ударом всех исполинов низвергла. Настоящая война произвела новых титанов, которые против богинь и богов восстали, однако уже слабеют отражения их грома.⁵⁷ Восходят новые тучи праведного гнева великия Елисаветы, усугубит свои удары, которым ничто никогда не могло стоять противу, падут противники, воссияет всеобщая тишина с пресветлым ея велелепием, с вечным благодарением Европы.

Сие представлено аллегорически в нынешнем фейерверке следующим образом:

1) Передний баллюстрад уставлен многими огненными пальмовыми деревьями с сияющими солнцами.

2) Представляется Атлас, имея на плечах своих огненный глобус, который, отворясь, показывает августейшее имя ея императорского величества, украшенное звездами и многими солнцами из разных родов огня, которые изображают имена всей императорской фамилии.

3) Разные фонтаны, огненные колеса разных видов с бомбами и другими примечания достойными огнями.

4) Разные машины, переменяющиеся различными образы, с огненными горшками, серпентонами, звездками и фонтанами.

5) Несколько вертикальных и неподвижных фигур, которые представляют разные огненные изображения, украшенные пукетами, вихрями и прочим.

6) Загорается гора, и представляется Минерва, своим громом поражающая гигантов, которые от одного опровергаются и покрываются развалинами горы.

7) Наконец представляется храм славы, иллюминирован украшен эмблемами, статуями и разными огнями, т. е. вихрями, бомбами, лучами, звездами и прочим, которые покрывают полусферу. Все окончивается великим ракетным пукетом.

⁵⁷ Ср. в немецком тексте: «doch auch jener macht ist bereits durch die Kraft Ihres Donners erschüttert».

Молчите, древние пииты, о титанах,
Зевесом сверженных продерзостных тиранах:
Не басня вашими стихами сложена,
Но вправду промыслом богиня нам дана;
Престола хищников ударом поразила
И славу праотцев своих возобновила;
Возобновила век в едину ночь Петров,
Поправ завистливых и внутрь, и вне врагов.
Заносит новый гром на злых Елисавета,
Гасит огнями огонь пылающего света.
Пусть бреги, острова с горами, страшный лес
Гиганты гордые мостят против небес:
Почувствуют ея божественные руки;
Стремглав повержены, дадут паденьем звуки;
И молния ея преобратится в свет,
Который тишину всеобщую прольет.
Геройской бодростью прославлена, Россия
Восхитит красотой пределы все земные.
Народы будут блеск заимствовать от ней,
Как множество планет от солнечных лучей.
Коль долго здание всемирно будет стройно,
Потоле устоит тобою земля спокойно;
Монархиня, сие усердность говорит,
Что милости твои, того достойны, чтит.
Спешите, красные, спешите, дни и лета,
В которых будем жить без бранного навета.
Будь славен, радостен, любезен, новый год:
Петров взошел тебе навстречу новый плод.

б)

ОПИСАНИЕ ФЕЙЕРВЕРКА, ПРЕДСТАВЛЕННОГО ПРИ ВЫСОЧАЙШЕМ
ПРИСУТСТВИИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЯ, ДЕРЖАВНЕЙШИЯ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ ПРЕД ДОМОМ ГЕНЕРАЛА-
ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРА, СЕНАТОРА, ГЕНЕРАЛА-АДЪЮТАНТА,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО КАМЕРГЕРА, ЛЕЙБКОМПАНИИ ПОДПОРУЧИКА,
ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕЖЕВЩИКА И РАЗНЫХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРА
ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА ИЮНЯ 11 ДНЯ 1758 ГОДУ.

В прославление великих дел геройских между разными великолепными монументами храмы имели в древности первое место, которые в новые веки посвяща-

ются токмо в славу Божию. Героям остались пирамиды, обелиски, мавзолеи, столпы, статуи и прочие знаки для вечного незабвения. Но ревность, движущаяся в почитателях к великим заслугам, не позволяет совсем отнятому быть первому оному роду божественных монументов. Для того изображают их символически на медалях, в мозаике⁵⁸ на мраморе и на других еще благороднейших камнях. В нынешние времена по изобретении пороховой силы представляются храмы артиллерийским искусством. Что хотя в краткое время совершается, однако зрителей очи и дух восхищает, а особливо храбрые сердца движет к военному героизму, чтоб они сами среди огней заслужили себе монументы.

Пример сего — изображенный здесь фейерверк нового изобретения, которым представляется от благодарной верности великолепный храм славы всемилостивейшая наша самодержицы, великия Петровы дщери, матери Отечества, окруженный признаками великих дел, произведенных ея щедротами, которая⁵⁹ к ней зывает сердцами и устами многочисленных верных подданных.

Монархиня, твоим животворящим оком
Живем и движемся в наследии широком.
Его великий Петр, восставив, обновил;
Твой бодрый дух Петра и нас с ним воскресил.
Веления твои суть к подданным щедроты,
И самый труд к трудам нам корень есть охоты.
Твое владение — примерный в мире век!
Обилие твоих сугубо стало рек.
Торги сравнялися свободою с водами,
Твоими что текут обширными странами.
Бежит раздор из них, увидевши предел,
Поставленный тобой между градов и сел.
Перуны новые рука российска мечет,
От коих сопостат и в ярости трепещет.
Какой мы за сие поставим в славу храм,
Достойный дел твоих, подобный небесам?
Воздвигнут чрез тебя, Россия, храм великий,
Где жертвуют тебе, различные языки.
На удивление подсолнечной всех стран
И от противников тебе сей титул дан:
Ты милость и покров, ты мать и героиня.
Коль счастлив тот народ, где царствует Богиня!

⁵⁸ В подлиннике в этом предложении только слово «Мозаике» напечатано с прописной буквы.

⁵⁹ Определение относится к слову «верности».

Н. А. Копанев, Н. П. Копанева

ЛОМОНОСОВ И ПЕРВАЯ ОТСЫЛКА ВОЛЬТЕРУ РУКОПИСЕЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Работа Вольтера над «Историей Российской империи при Петре Великом» началась в феврале 1757 г. по повелению императрицы Елизаветы Петровны, переданному философу И. И. Шуваловым. Труд, о котором француз, по собственному признанию, «мечтал 30 лет»,¹ продвигался сначала столь споро, что первые восемь глав «Истории», составленные по западноевропейским источникам, были отправлены в Россию уже летом 1757 г. Шувалов тут же обратился к Ломоносову и Г. Ф. Миллеру для получения их мнения «о первом эскизе» сочинения просветителя. Ответ Ломоносова не заставил себя ждать, 2 сентября 1757 г. он написал:

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученное от вашего превосходительства милостивое письмо с радостью прочитал и уведал я непременно ваше старание о прославлении бессмертных дел блаженной памяти государя императора Петра Великого на иностранных языках. К сему делу, по правде, г. Волтера никто не может быть способнее, только о двух обстоятельствах несколько подумать должно. Первое, что он человек опасный и подал в рассуждении высоких особ худые примеры своего характера. Второе, хотя довольно может он получить от нас записок, однако перевод их на язык, ему

¹ Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / Édition critique par Michel Mervaud. Oxford, 1999. P. 95 (The complete works of Voltaire. T. 46; далее сокращенно: «Мерво М.» с указанием тома и страниц). Здесь и далее перевод наш.

знаемый, великого труда и времени требует. Что до сего надлежит, то принимаю смелость предложить следующее. Во-первых, должен он себе сделать краткий план, который может сочинен быть из сокращенного описания дел государевых, которое я имею, к чему он и сочиненный мною панегирик не без пользы употребить может, ежели на французский язык переведен будет. Профессор Штрубе перевел уже великую его часть, однако я не мог упросить, чтобы он привел к окончанию, а приказать власти не имею. По сочинении плана и по его сюда сообщении думаю, что лучше к нему посылать переводы с записок по частям, как порядок в плане покажет, а не все вдруг. И как станет он сочинять начало, между тем прочий перевод поспевать может, и так сочинение скорее начаться и к окончанию приходить имеет. Ускорение сего дела для престарелых лет Волтеровых весьма надобно.

У меня сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы. О состоянии России во время царствования государя царя Михаила Федоровича должно сделать краткий экстракт из летописцев наших, к чему я могу употребить несколько времени. Анекдоты при начале сего сочинения не так нужны, притом же нет уже никого, кто бы детские лета государевы помнил, однако и о том постараюсь, чтобы хотя от других слышанное слышать.²

В отличие от Миллера, не сделавшего практически ничего по просьбе Шувалова вплоть до осени 1759 г., о чем красноречиво свидетельствует переписка, опубликованная М. Мерво,³ Ломоносов сразу же принялся за дело; именно им, а также И. Таубертом, была подготовлена первая партия русских источников для работы Вольтера.

Как известно, основной фонд документов, посланных Вольтеру в период его работы как русского историографа, хранится ныне в Библиотеке Вольтера в Российской национальной библиотеке. Их содержание и история поступления хорошо известны. Первый каталог этой коллекции был сделан еще в XIX в. Р. Минцловым.⁴ Описание пяти томов «русских» рукописей Вольтера представлено в «Инвентаре рукописей Библиотеки Вольтера» Ф. Косси.⁵ В самое недавнее время они были также описаны французским историком Мишелем Мерво.⁶ К изу-

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 10. С. 524–526.

³ Мерво М. Т. 46. С. 121; Т. 47. 1255–1261.

⁴ Минцлов Р. Петр Великий в иностранной литературе: Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica). СПб., 1872.

⁵ Caussy F. Inventaire des manuscrits de la Bibliotheque de Voltaire. [Paris, 1913].

⁶ Мерво М. Т. 46, 47.

чению рукописей Вольтера по русской истории обращались и другие ученые: Л. Л. Альбина,⁷ Г. Н. Моисеева⁸ и совсем недавно М. Б. Свердлов.⁹ Все эти работы значительно расширили наши знания о методах работы Вольтера как историографа. Составлены подробные аннотированные описания документов из «русских» томов, с учетом всех помет на бумаге и с точным фиксированием всех номеров, поставленных за 200 лет на страницах рукописей. Вместе с тем во всех случаях рукописи описывались в том порядке, в котором они были переплетены после их привоза из Франции в Петербург, т. е. в порядке, установленном Ж.-Л. Ваньером, последним секретарем Вольтера. Ваньер лучше, чем кто-либо знал все особенности творчества Вольтера последних лет его жизни. Но к формированию томов по русской истории он подошел формально: рукописи были сгруппированы в первую очередь по формату, порядок их поступления в библиотеку Вольтера был нарушен. Между тем именно хронология в подобных случаях является путеводной нитью, позволяющей понять все хитросплетения труда историка, а значит и само историческое сочинение.

Неслучайно М. Мерво отдельно выделил в своем замечательном труде о «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера сюжет о первой отсылке русских исторических документов французскому философу: «Летом 1758 г. Вольтер получил в Страсбурге через венского курьера первый пакет документов из Петербурга. Отсылка этого пакета была объявлена в двух письмах Шувалова от 8/19 мая и от 2/13 июня. Вольтер подтверждает его получение 17 июля». Но, как тут же замечает Мерво, «содержание этого пакета трудно определить. Мы можем уточнить только его часть».¹⁰ Анализируя весь комплекс имеющихся сведений, исследователь предположил, что в первую

⁷ Альбина Л. Л. Источники «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера в его библиотеке // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1989. Вып. 2. С. 153–170.

⁸ Моисеева Г. Н. Из архивных разысканий о Ломоносове («Сокращенное описание дел государя Петра I») // Русская литература. 1979. № 3. С. 123–138.

⁹ Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.

¹⁰ Мерво М. Т. 46. P. 106.

отсылку документов могли войти «Хронологическое сокращение самых достопримечательных событий времени Петра Великого», а также «Сокращенная записка о самоедах и лапонцах» и «Записки» Ломоносова о стрелецких бунтах и регентстве царевны Софьи, переданные им Шувалову 10 октября 1757 г.¹¹

Нам удалось доподлинно установить, какие рукописи вошли в первую, подготовленную в основном Ломоносовым, отсылку документов Вольтеру. Неоднократно возвращаясь к томам рукописей Вольтера, мы заметили, что в них имеется значительная часть, связанная одним и тем же археографическим признаком: совершенно особой нумерацией с написанием номера как «n°», проставленной одним и тем же почерком, скорее всего, в России перед отсылкой этих документов Вольтеру. Первым номером в этом установленном нами перечне идет как раз «Tables Chronologiques des Faits Mémemorables, appartenants à l'histoire de l'Empereur Pierre le Grand»,¹² то есть «Хронологические таблицы самых достопримечательных событий принадлежащих Истории Петра Великого». Номерами такой же графики и такого же почерка обозначены и рукопись о самоедах (n° 4)¹³ и рукопись о стрелецких бунтах (n° 7).¹⁴ Рукопись «Description abrégée de la Russie» («Краткое описание России»)¹⁵ имеет точно такой же по почерку «n° 3». Существует совершенно четкое доказательство того, что именно под номером «3»

¹¹ «Милостивый государь Иван Иванович! Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов еще переписав, имею честь подать чрез сие письмо вашему превосходительству. Сами можете отметить, что вам не рассудится за благо перевести на французский язык. Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора стараюсь привести к окончанию подобным образом. Всепокорнейше прошу не причесть мне в предосуждение, что о своих свидетельствах и трудах при сем прилагаю. Не ради своего самохвальства то сделать осмелился, но чтобы себя оборонить от моих презрителей и поносителей „сверху Парнаских гор долой“» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 527).

¹² РНБ. Библиотека Вольтера. Рукописи. № 5-242. Т. I. Л. 312–320 об.

¹³ *Memoire abrégé sur les Samojedes et les Lapons* // Там же. Т. VI. Л. 373–376А.

¹⁴ *Memoire sur la premiere revolte des Stréletz en 1687* // Там же. Т. VI. Л. 384–391.

¹⁵ Там же. Т. VI. Л. 367–372 об.

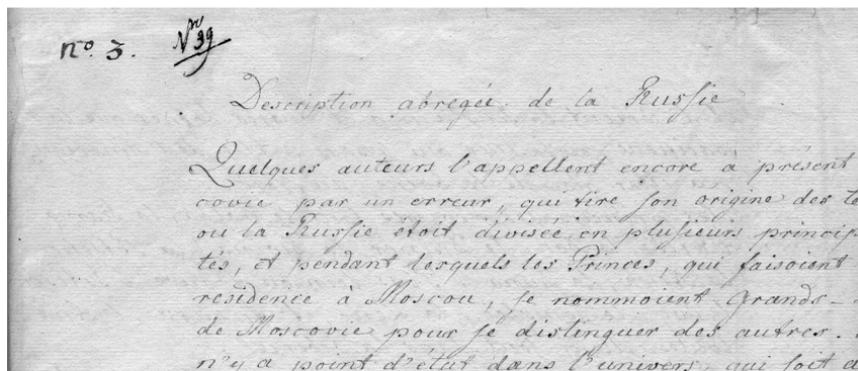

Рис. 1. Description abrégée de la Russie («Краткое описание России») РНБ. Библиотека Вольтера. Рукописи. № 5-242. Т. VI. Л. 367

эта рукопись значилась в первом пакете, отосланном Вольтеру. В одной из своих записок Вольтер сделал примечание, что из «Мемуара номер 3, посланного господином Шуваловым, явствует, что [протяженность России] 2170 французских лье» («Le mémoire, numero 3, envoyé par mr. de Shouvaloff compte 2170 lieues de France»).¹⁶ Таким образом, мы установили рукописи, шедшие под номерами «1», «3», «4», «7» и входившие в первый пакет, подготовленный Ломоносовым. Нам оставалось лишь методично просмотреть весь комплекс документов и выявить другие рукописи, отмеченные тем же самым археографическим признаком. Всего таких рукописей оказалось 18, но с номерами от 1 до 23: рукописи с номерами «2», «6», «8», «9», «12» из этого списка

¹⁶ Мерво М. Т. 47. Р. 1215. Ср. в «Кратком описании» Ломоносова: «Sa longueur contient en ligne droite 9114. Werste de Russie, ou 2170. lieues communes de France sans moindre interruption d'un seul puce de terrain étranger» (РНБ. Библиотека Вольтера. Рукописи. № 5-242. Т. VI. Л. 367; пер.: «Ее протяженность по прямой линии 9114 русских верст, или 2170 французских лье без какого-либо наличия и пяди чужой земли»). Напомним, что книга Вольтера начинается со слов: «L'empire de Russie est le plus vaste de notre hémisphère; il s'étend d'occident en orient, l'espace de plus de deux mille lieues communes de France» («Российская империя является самой обширной в нашем полушарии; она простирается с запада на восток более чем на 2000 французских лье»). См.: Мерво М. Т. 46. Р. 415.

в библиотеке Вольтера отсутствуют. Вот перечень имеющихся в наличии 18 рукописей, расставленных нами по порядку номеров.

№ 1. Tables Chronologiques des Faits Mémorables, appartenants à l'histoire de l'Empereur Pierre le Grand¹⁷ («Хронологические таблицы самых достопримечательных событий, принадлежащих истории Петра Великого»).

№ 3. Description abrégée de la Russie¹⁸ («Краткое описание России»).

№ 4. Memoire abrégé sur les Samojedes et les Lapons¹⁹ («Записка о самоедах и лапонцах»).

№ 5. Description de S. Petersbourg et de ses environs²⁰ («Описание Петербурга и его пригородов»).

№ 7. Memoire sur la premiere revolte des Stréletz en 1687²¹ («Записка о первом стрелецком бунте в 1687 г.»).

№ 10. Récit abrégé de l'Origine de la Marine en Russie²² («Краткий рассказ о начале российского флота»).

№ 11. Etablissement d'une Flote sur la Mer noire²³ («Установление флота на Черном море»).

№ 13. Demandes de Mr. de Voltaire²⁴ («Вопросы г-на де Вольтера»).

№ 14. Etat de tous les Revenûs de la Couronne, et le leur Emploi de l'année 1725²⁵ («Состояние доходов Короны, и их распределение в 1725 г.»).

№ 15. Etat abrégé du Nombre des Males, dans les differents Gouvernements, Provinces et villes de l'Empire de Russie, qui payent la Capitation, suivant le dernier Denombrement qui en fut fait en 1744–1747²⁶ («Краткое исчисление количества лиц мужского пола, платящих подушную подать, в различных губерниях, провинциях и городах Российской империи в соответствии с последней переписью, проведенной в 1744–1747 гг.»).

¹⁷ См. примеч. 12.

¹⁸ См. примеч. 15.

¹⁹ См. примеч. 13.

²⁰ РНБ. Библиотека Вольтера. № 5-242. Т. VI. Л. 377–381.

²¹ См. примеч. 14.

²² Там же. Т. V. Л. 21–30.

²³ Там же. Л. 31–35 об.

²⁴ Там же. Т. I. Л. 325–348.

²⁵ Там же. Т. V. Л. 36–39.

²⁶ Там же. Л. 42–48.

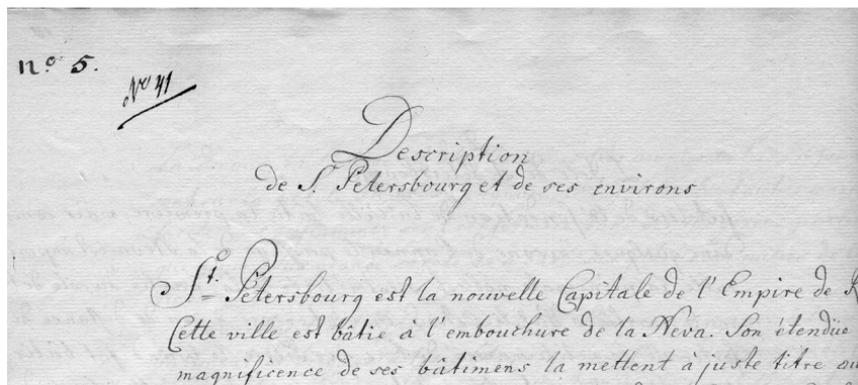

Рис. 2. Description de S. Petersbourg et de ses environs
(«Описание Петербурга и его пригородов»)
РНБ. Библиотека Вольтера. Рукописи. № 5-242. Т. VI. Л. 377

н° 16. Etat abrégé de l'Armée Russe dans l'Année 1725²⁷ («Краткое описание русской армии на 1725 г.»).

н° 17. Repartition des Regimens dans les Gouvernemens en provinces qui sont obligés de fournir à leur entretien par la Capitation établie²⁸ («Распределение полков в губерниях, обязанных их содержать в счет установленной подушной подати»).

н° 18. Etat des Généraux de l'Armée suivant la table imprimée en l'année 1720²⁹ («Перечень генералов армии по списку, опубликованному в 1720 г.»).

н° 19. Etat de l'Artillerie de Campagne et de Garnison en l'année 1725³⁰ («Перечень полевой и гарнизонной артиллерии в 1725 г.»).

н° 20. Etat de la Marine de Russie dans l'année 1725³¹ («Состояние военно-морского флота России на 1725 г.»).

²⁷ Там же. Т. VI. Л. 359–360.

²⁸ Там же. Л. 361–363 об.

²⁹ Там же. Т. V. Л. 51–52.

³⁰ Там же. Л. 59–60.

³¹ Там же. Л. 61–62 об.

№ 21. Reglement, pour fixer le nombre des Officiers et de l'Equippage de chaque vaisseau suivant son Rang³² («Регламент комплектования каждого корабля офицерами и экипажем в соответствии с его рангом»).

№ 22. Denombrement des Dioceses selon leur Rang, ainsi que des Couvents, Eglises, villes et Bourgs compris dans chacun des Dioceses³³ («Перечень епархий по их значимости, а также монастырей, церквей, городов и посадов в каждой епархии»).

№ 23. Denombrement des Males appartenants aux Maisons du Saint Synode, des Eveques et Couvents tant dependants qu'indendants des Dioceses selon la dernière Revision³⁴ («Численность лиц мужского пола, принадлежащих Святому Синоду, епископам и монастырям, как зависимым, так и независимым от епархий по последней ревизии»).

Названия пяти отсутствующих рукописей могут быть частично восстановлены по переписке Ломоносова с Шуваловым. Под номером «2» шло, скорее всего «Сокращение „Краткого летописца“ Ломоносова»,³⁵ после описания Петербурга под номером «б», возможно, шло описание Москвы. Под номером «7» — мы видим «Описание» первого стрелецкого бунта; рукописями с номерами «8» и «9» могли быть «Описание» второго стрелецкого бунта, а также краткая история правления царевны Софьи. В «первый пакет», отправленный Вольтеру, вошло и «Слово похвальное Петру Великому», переведенное на французский язык, о чем Ломоносов писал Шувалову: «...должен он [Вольтер. — Н. К., Н. К.] себе сделать краткий план, который может сочинен быть из сокращенного описания дел государевых, которое я имею, к чему он и сочиненный мною панегирик не без пользы употребить может, ежели на французский язык переведен будет».³⁶

Следует отметить, что темы перечисленных рукописей совпадают с теми темами и их трактовками, которые освещал Ломоносов в других своих работах, посвященных прославлению деяний Петра. Это уже упомянутое «Слово похвальное Петру Великому», а также другая

³² Там же. Т. VI. Л. 365.

³³ Там же. Т. V. Л. 65–66.

³⁴ Там же. Л. 67–68.

³⁵ Рукопись на французском языке хранится в Национальной библиотеке Франции.

³⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 525.

№ 22 ¹⁷¹³

Denombrement
des Dioceses selon leur Rang, ainsi que des Couvents,
Eglises, villes et Bourgs compris dans chacun des
Dioceses.

Diocese:	Couvents		Eglises	Villes et Bourgs
	de Pales grues	de Pales grueses		
	25	17	1150	51

Рис. 3. Denombrement des Dioceses selon leur Rang, ainsi que des Couvents, Eglises, villes et Bourgs compris dans chacun des Dioceses («Перечень епархий по их значимости, а также монастырей, церквей, городов и посадов в каждой епархии») РНБ. Библиотека Вольтера. Рукописи. № 5-242. Т. V. Л. 65

работа, связанная с мозаичными трудами ученого. Хронологически написание сочинений для Вольтера совпадает с разработкой грандиозного мозаичного проекта Ломоносова: в конце января 1758 г. он встретился с П. И. Шуваловым для обсуждения своих намерений создать мозаики как памятник Петру I в Петропавловском соборе,³⁷ а уже 7 апреля по решению Сената представил проект украшения собора.³⁸ Среди тем этих мозаик — «Избавление от стрельцов», «История строения начинающегося флота», «Взятие Азова», «Зачатие и строение Санкт-Петербурга, Кронштадта и Петергофа» и др.³⁹ Вряд ли такие текстуальные и хронологические совпадения исторических и мозаичных работ Ломоносова с рукописями, посланными Вольтеру, можно считать случайными.

Таким образом нам удалось выявить фонд рукописей, которые были подготовлены по проекту Ломоносова. Нетрудно заметить, что

³⁷ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 287.

³⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 123–136.

³⁹ Там же.

до номера «13» идут сочинения по существу самого Ломоносова, часть из которых уже вошла в собрание сочинений ученого.⁴⁰ Остальные номера содержат статистические таблицы, собранные, скорее всего, И. Таубертом по плану Ломоносова, изложенному в ответах на вопросы Вольтера (документ номер «13» нашего списка; он полностью опубликован М. Мерво без указания на авторство Ломоносова⁴¹). В этих ответах Ломоносов советует по статистическим вопросам «получить информацию в правительствующем Сенате»,⁴² добавляя, что «для определения количества войск, которые Петр I содержал и того количества, которое Россия содержит сейчас, надо обратиться в Военную коллегию». ⁴³ Несомненно, что эти рекомендации предназначались не Вольтеру, а Шувалову, хотя и были отправлены последним в Ферней. Неоспоримо, что именно на основании этих рекомендаций Ломоносова и были составлены рукописи с номера «14» по номер «23». Судя по переписке Миллера с Шуваловым и бароном Чуди,⁴⁴ получением этих сведений и документов из правительственных учреждений занимался И. Тауберт.

Итак, замеченный нами признак позволил выделить первый свод рукописей, отосланных Вольтеру для его работы над «Историей Российской империи при Петре Великом», свод, в котором практически все документы или принадлежали перу Ломоносова, или были созданы «под его смотрением», или были составлены государственными коллегиями по его предложению и настоянию. Выясняется и общий замысел русского ученого, стремившегося дать французскому историку инструменты к пониманию истинной истории великого монарха-педагога.

⁴⁰ «[Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи]» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 97–161).

⁴¹ Мерво М. Т. 47. Р. 1165–1177. В настоящее время эта работа Ломоносова является наиболее ценной из неопубликованного до сих пор наследия русского ученого. Все атрибутированные нами Ломоносову рукописи из Библиотеки Вольтера готовятся нами к печати на французском и русском языках.

⁴² Ibid. Р. 1166.

⁴³ Ibid. Р. 1168.

⁴⁴ Ibid. Р. 1258.

Все перечисленные рукописи проникнуты идеей патриотизма, отрицанием надуманного противоречия между древней и новой Россией, стремлением показать военную силу и экономическое изобилие русского государства. Вольтер, получив эти документы, оказался в некотором замешательстве. Во-первых, западные историки редко писали о России как о благополучном и изобильном государстве. Вольтер в своих письмах к Шувалову даже спрашивал (и неоднократно), действительно ли он хочет именно такую историю, ведь в ней более говорится о благополучной стране (о цветущем состоянии Российской империи), чем об императоре. При этом француз настойчиво замечал, что если он слишком хорошо напишет о России до Петра Великого, он не сможет выделить образ императора-преобразователя. Вольтер никак не мог поверить, что земли по Северной Двине, в Карелии и на Вятке более плодородны, чем в Ливонии, и, конечно, он был немало удивлен тем замечанием, что совершенно невозможно сравнивать развитие земледелия в Англии и в России, так как в России земли намного плодороднее и для получения хорошего урожая их не надо так обрабатывать, как в Англии.

Анализ рукописи № 3 — «Description abrégée de la Russie» («Краткое описание России») — показывает также и еще одно существенное различие между позицией Ломоносова — русского патриота и Вольтера — европейского просветителя XVIII века. «Описание» Ломоносова составлено не столько как географическое, но как историко-географическое сочинение. Центром России показана Московская губерния, потом в описании идет Новгородская, Архангельская, Смоленская, Киевская, Белгородская и т. д. губернии в порядке их исторического последовательного присоединения к Москве. По этой логике краткое описание Петербургской губернии шло на 13-м, Выборгской — на 14-м, а Рижской губернии — на 16-м, последнем месте. Таким образом, подчеркивалась централизация, государственное единство России. У Вольтера описание российских губерний подчинялось строго географическому принципу — оно начиналось с Ливонии и заканчивалось Камчаткой. И такое различие было совсем не случайным. Для европейских просветителей, даже для самых доброжелательных и дальновидных, Россия оставалась географическим понятием, «*tabula rasa*» Лейбница, малозаселенным и даже незаселенным пространством, своеобразным транзитным путем в страны Востока.

В замечаниях на первый вариант рукописи «Истории Российской империи» Вольтера Ломоносов заметил что «описание России <...> какое оно есть [у Вольтера. — Н. К., Н. К.] — не может России быть славным, но больше бесчестным и поносительным. Описывает г. Вольтер Лапландию, самоедов, а где многолюдные, плодоносные и наполненные городами княжения и провинции: Ярославская, Тферская, Володимер, Нижней (Новгород) и великое множество городов около Оки и других рек великих?»⁴⁵ В противоположность Вольтеру «Сокращенное описание России» начинается даже не Москвой, а Переславлем-Залесским, Владимиром и Суздалем — первыми, наиболее древними городами Владимиро-Суздальской Руси, с которых начинался титул русских царей как князей Владимирских и далее Московских, Новгородских и т. д. Эти, как и многие другие замечания Ломоносова, не были учтены Вольтером: описание России начинается у него с Ливонии, Ревеля, Петербурга и Выборга. О Переславле и Владимире «просветитель» даже не упоминает, а о Суздале пишет только во втором томе как о месте заточения в монастырь Евдокии Лопухиной.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить обширный корпус французских переводов исторических сочинений Ломоносова, в том числе — ранее не связывавшиеся с его именем труды, среди которых наибольший интерес представляют не вошедшие в Полное собрание сочинений рукописи: «Краткое описание России» (номер «3» по списку), «Описание Петербурга и его пригородов» (номер «5»), «Краткий рассказ о начале российского флота» (номер «10»), «Установление флота на Черном море» (номер «11») и ответы М. В. Ломоносова на вопросы Вольтера по русской истории (номер «13»). Эта находка ставит задачу их перевода на русский язык, публикации и введения в научный оборот.

⁴⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 92.

К ИСТОРИИ ОДНОГО СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА ЛОМОНОСОВА

В период пребывания в Марбурге Ломоносов перевел на русский язык оду Фенелона, которая начинается словами: «*Montagnes de qui l'audace*». Перевод замечателен тем, что он написан правильными силлабо-тоническими стихами, и в силу этого его следует считать важным этапом на пути Ломоносова к созданию новой системы стихосложения. Для того чтобы понять достоинства этого перевода и его значение в истории нашей поэзии, достаточно прочесть первые его строки:

Горы, толь что дерзновенно
Вносите верьхи к звездам,
Льдом покрыты беспременно,
Нерушим столп небесам,
Вашиими под сединами
Рву цветы над облаками,
Чем пестрит вас взор весны.
Тучи, подо мной гремящы,
Слышу и дожди шумящы,
Как ручьев падучих тьмы.¹

Перевод был послан Ломоносовым из Марбурга в Петербургскую Академию наук с очередным отчетом об учебе от 4 (15) октября 1738 г.,²

¹ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 8.

² Там же. С. 866, 867; М.; Л., 1957. Т. 10. С. 768.

но, по-видимому, не произвел там ни на кого должного впечатления и остался по существу незамеченным. Впервые его напечатали в конце 1854 г. в единственном экземпляре в связи с предстоящим празднованием 100-летия основания Московского университета.³ И только в 1865 г. А. А. Куник опубликовал его в научной печати.⁴

Что касается французского текста оды, то он был написан в 1681 г., а напечатан в 1717 г. в качестве приложения к парижскому посмертному изданию романа Фенелона «*Les Aventures de Telemaque*». С тех пор долгое время в последующих изданиях «Приключений Телемака» на французском языке, выходивших как во Франции, так и за ее пределами, сразу после заключительной главы романа печаталась ода «*Montagnes de qui l'audace*». Одно из таких изданий, появившихся позднее 1717 г., Ломоносов приобрел в Марбурге. Помещенный там текст оды и послужил ему оригиналом для перевода. Этот факт никогда не вызывал сомнений у историков литературы. Однако вопрос о том, какое именно издание «Телемака» купил Ломоносов, до настоящего времени нельзя было считать решенным.

В составленном Ломоносовым перечне книг, которыми он обзавелся в Марбурге в период до 4 (15) октября 1738 г., среди изданий форматом in octavo значится книга «*Avanture de Telemaque 1723*».⁵ При толковании этой записи у исследователей возникли затруднения. А. А. Куник предпринял попытки найти издание «*Les Aventures de Telemaque*» 1723 г., но они закончились безрезультатно. Поэтому Куник выдвинул предположение, что Ломоносовым допущена описка, вместо «1723» нужно читать «1732» и что, следовательно, у него было гамбургское издание 1732 г.⁶ М. И. Сухомлинов рассуждал приблизительно так же:

³ Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / Изд. А. А. Куник. СПб., 1865. Ч. 1. С. XXIV, XXV; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 870.

⁴ Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 2. С. 407–417.

⁵ Там же. Ч. 1. С. 131.

⁶ Там же. Ч. 2. С. 418; [Куник А. А.] Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной Ломоносовым // Ученые записки Императорской Академии наук по Первому и Третьему отделениям. СПб., 1855. Т. 3. Вып. 2. С. 262.

«Судя по указанию, сделанному самим Ломоносовым, можно бы подумать, что он пользовался изданием 1723 г. <...> Но такое издание вовсе неизвестно библиографам, и все старания разыскать его оказались безуспешными». То обстоятельство, что Сухомлинов ни в известных ему библиографических пособиях, ни в доступных для него библиотеках не нашел «Телемака», напечатанного в 1723 г., позволило ему усомниться в существовании такого издания и, в отличие от А. А. Куника, предложить версию, в соответствии с которой Ломоносов пользовался роттердамским изданием 1725 г. — «Les Aventures de Telemaque» (Rotterdam, chez Jean Hofhout, 1725).⁷ Авторы комментариев к 8-му и 10-му томам Полного собрания сочинений Ломоносова расценили эти соображения как совершенно обоснованные и целиком согласились с ними.⁸ Г. М. Коровин также полностью принял доводы Сухомлинова: «Ломоносов указывает год издания — 1723, однако, как доказал академик М. И. Сухомлинов, это несомненно было роттердамское издание 1725 г.»⁹

Так в исследовательской и справочной литературе закрепилось мнение, что Ломоносов при составлении списка купленных им в Марбурге книг допустил ошибку, проставив рядом с названием «*Avanture de Telemaque*» неверный год издания — 1723. Между тем выясняется, что у Ломоносова нет никакой ошибки, у него все верно: существует издание романа Фенелона «*Les Aventures de Telemaque*», вышедшее в свет в 1723 г. Вот сведения, имеющиеся на титульном листе этой книги:

Les Aventures de Telemaque, fils d'Ulysse. Composées par feu Messire François de Salignac, de la Motte Fenelon, Précepteur de Messieurs les Enfants de France. Et depuis Archevêque-Duc de Cambrai, Prince du St. Empire. Nouvelle edition Cy-devant revûe & corrigée sur le Manuscrit original de l'Auteur. A present augmentée d'une Table Genealogique de Telemaque, & des Remarques Morales, Politiques, & Historiques, re-

⁷ Ломоносов М. В. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. СПб., 1891. Т. 1. С. 7 (3-й паг.).

⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 867; Т. 10. С. 771, примеч. 20.

⁹ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961. С. 317.

gardants la Fable, ou l'Histoire Ancienne, tirées des meilleurs Auteurs, Lexicographes, & Glossaires. Imprimé suivant la Copie de Paris, Aux depens de Daniel Barteley, MDCCXXIII. Avec privilege de S. M. Imperiale, de S. M. le Roy de Pologne & de S. A. S. l'Electeur de Saxe.

Как видим, здесь приводятся неполные выходные данные: недостает места издания.¹⁰ В то же время обращает на себя внимание имя Даниэль Бартелеми:¹¹ это издатель, который в первой половине XVIII века вел свое собственное дело в имперском городе Ульме.¹² Привилегия, приведенная на титульном листе, служит подтверждением тому, что это издание было напечатано на территории Священной Римской империи. Там оно преимущественно и распространялось. В Марбурге Ломоносов покупал книги у университетского книготорговца Филиппа Казимира Мюллера.¹³ Вероятнее всего, у него и был приобретен «Телемак» 1723 г.¹⁴

¹⁰ В списке книг, приобретенных в Марбурге, в остальных библиографических описаниях Ломоносов наряду с названием той или иной книги указывает и место, и год издания, а в описании «Телемака» — только год: «*Avanture de Telemaque 1723*» (Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 130–132). Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что у Ломоносова был «Телемак» 1723 г., на титульном листе которого место издания опущено, в то время как на титульных листах «Телемака» 1725 и 1732 гг. сообщаются полные выходные данные: Rotterdam, chez Jean Hofhout, 1725; Hambourg, de l'Imprimerie d'A. Vandenhoeck, Libraire à Londres, 1732.

¹¹ Встречаются разные варианты написания этой фамилии: Barteley, Barthelemy, Bartholomaei, Bartholomäi.

¹² О Даниэле Бартелеми см.: *Weyermann A.* Neue historisch-biographisch-artistische Nachrichten von Gelehrten und Künstlern, auch alten und neuen adelichen und bürgerlichen Familien aus der vormaligen Reichsstadt Ulm. Ulm, 1829. S. 14; *Paisey D. L.* Deutsche Buchdrucker, Buchhändler und Verleger: 1701–1750. Wiesbaden, 1988. S. 9. (Beiträge zum Buch- und Bibliothekswesen. Bd 26).

¹³ Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 129, 134; Ч. 2. С. 277, 281. О Филиппе Казимире Мюллере см.: *Hessische Denkwürdigkeiten / Hrsg. von K. W. Justi.* Marburg, 1805. T. 4. Abt. 1. S. 178, 179.

¹⁴ Ломоносов заплатил за «Телемака» 1 флорин 20 крейцеров (Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 131). Принимая во внимание год издания, можно предположить, что Ломоносов купил не новую книгу, а подержанную.

Это довольно редкое издание. Ни А. А. Куник, ни М. И. Сухомлинов, ни Г. М. Коровин не могли найти его. Судя по печатным и электронным каталогам, его нет в крупнейших современных книгохранилищах — ни в наших, ни в зарубежных,¹⁵ но оно имеется в некоторых относительно небольших библиотеках, например, в Тюрингской университетской и земельной библиотеке в Йене (Германия), в Государственной научной библиотеке в Оломоуце (Чехия). Цветное сканированное изображение титульного листа «Телемака» 1723 г. отыскивается в Интернете.

Итак, Ломоносов переводил оду Фенелона «*Montagnes de qui l'audace*» по тексту, помещенному в конце книги «*Les Aventures de Telemaque*», которая была отпечатана в 1723 г. Установление этого факта имеет принципиальное значение, поскольку в публикациях французского текста оды в виде приложения к различным изданиям «Телемака» встречаются существенные разночтения.¹⁶ Между тем, разумеется, при подробном текстологическом изучении перевода для филологов важно иметь перед собой именно тот печатный вариант оригинала, которым пользовался Ломоносов.¹⁷ Оптимальные условия для сравнительного исследования перевода и подлинника могут возникнуть в том случае, если со временем отыщется экземпляр «Приключений Телемака», принадлежавший Ломоносову: не исключена вероятность, что там на страницах с текстом оды обнаружатся его рабочие пометы и записи.

¹⁵ Это издание не учтено ни в печатном каталоге Национальной библиотеки в Париже, ни в авторитетном справочнике А. Чоранеску. См.: *Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale: Auteurs*. Paris, 1929. Т. 50. Col. 734–739; *Cioranescu A. Bibliographie de la littérature française du dix-septième siècle*. Paris, 1966. Т. 2. P. 852, 853.

¹⁶ Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 2. С. 418; [Куник А. А.] Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной Ломоносовым. С. 257, 261; *Ломоносов М. В. Сочинения* М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. Т. 1. С. 7, 8 (3-й паг.).

¹⁷ По этому поводу А. А. Куник писал: «Без исправного французского оригинала ода Ломоносова в некоторых местах не совсем понятна» ([Куник А. А.] Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной Ломоносовым. С. 257).

Вполне возможно, что эта книга, приобретенная Ломоносовым в Марбурге, будет найдена в России. Дело в том, что издание «Телемака» 1723 г. значится в каталоге библиотеки товарища Ломоносова по учебе в Германии Дмитрия Виноградова, составленном в Петербурге после его смерти в 1758 г.: «Les Aventures de Telemaque. 1723. 8vo».¹⁸ Исходя из этого, логично предположить, что у Виноградова оказался ломоносовский экземпляр «Телемака».¹⁹ Это могло произойти при следующих обстоятельствах. Весной 1740 г., покинув Фрейберг после известной ссоры с И. Ф. Генкелем,²⁰ Ломоносов оставил там свои книги, а год спустя в письме из Марбурга к Виноградову позволил ему распорядиться ими по своему усмотрению.²¹ По-видимому, часть из них была продана Виноградовым во Фрейберге, а некоторые, в том числе и «Телемак» 1723 г., вошли в состав его библиотеки, которую он в 1744 г. привез из Германии в Петербург.

* * *

Составители комментариев к 8-му тому Полного собрания сочинений Ломоносова справедливо указывают, что перевод оды Фенелона «замечательно точен», а «некоторые стихи поражают своей исключительной для начинающего переводчика близостью к оригиналу».²²

¹⁸ Хотеев П. И. Библиотека создателя русского фарфора Д. И. Виноградова // Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX в.: Сб. научных трудов. Л., 1983. С. 81, № 94.

¹⁹ Это предположение тем более вероятно, что имеются сведения, в соответствии с которыми Виноградов, в отличие от Ломоносова, купил в Марбурге «Приключения Телемака» 1732 г. издания. См.: Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости: 1711–1741. М.; Л., 1962. С. 463. Ср.: Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. С. 12; Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 37, 38; Хотеев П. И. Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII в. СПб., 2008. С. 247, 248.

²⁰ Подробности этой ссоры см. в кн.: Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости: 1711–1741. С. 384–386.

²¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 431–433.

²² Там же. Т. 8. С. 868.

В связи с этим возникает вопрос о том, в каких условиях, когда и у кого Ломоносов обучался в Марбурге французскому языку, которым до поездки в Германию не владел.

В январе 1739 г. марбургский профессор Христиан Вольф в письме к президенту Академии наук в Петербурге И. А. Корфу наряду с прочим сообщал о Ломоносове и Виноградове: «В немецком языке они уже настолько успели, что не только понимают все, о чем говорится, но и сами могут объясняться по-немецки. Во французском же языке они, по всей вероятности, недалеко ушли вперед, потому что шпрахмейстер не хотел их учить без платы, да и сами они бросили это дело, чтобы сберечь деньги».²³ Познания Ломоносова и Виноградова в немецком языке Вольф оценивал правильно, но в отношении результатов их занятий с французским шпрахмейстером он заблуждался. В частности, судя по всему, Вольф не знал, что Ломоносов успешно перевел оду Фенелона.

Известно, что в Марбурге Ломоносов и Виноградов приступили к изучению французского языка в мае 1737 г.²⁴ В совместном рапорте от 14 (25) марта 1738 г., отправленном в Петербург, они писали, что каждый из них «по сие время держал себе французского шпрахмейстера».²⁵ Затем у обоих возникли денежные трудности, появились долги и от услуг шпрахмейстера пришлось отказаться. В отчете Ломоносова от 4 (15) октября 1738 г. среди предметов, изучавшихся им с марта 1738 г., французский язык уже не значится.²⁶ Таким образом, судя по

²³ Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 133; Ч. 2. С. 280.

²⁴ Там же. Ч. 1. С. 113; Ч. 2. С. 255.

²⁵ Рапорт написан по-немецки. Русский перевод А. А. Куника неточен: осталось непереуведенным важное в данном случае слово «bishego», что значит «по сие время», «до сих пор». См.: Там же. Ч. 1. С. 122 (немецкий текст); Ч. 2. С. 267 (русский перевод).

²⁶ Там же. Ч. 1. С. 129, 130; Ч. 2. С. 277, 278. Виноградов в своем индивидуальном отчете, составленном в Марбурге в октябре 1738 г., сообщает, что он обучался у французского шпрахмейстера в течение 8 месяцев (*Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости: 1711–1741. С. 462*).

этим сведениям, в Марбурге Ломоносов брал уроки у французского шпрахмейстера с мая 1737 г. до марта 1738 г.²⁷

Нужно иметь в виду, что в XVIII веке в немецких университетах новые иностранные языки не входили в число обязательных дисциплин и изучались студентами различных факультетов по их выбору и желанию.²⁸ На уроке с университетским шпрахмейстром обычно присутствовал один студент, т. е. занятия велись в индивидуальном порядке. Курс французского языка был достаточно интенсивным: надо полагать, он предусматривал до 4 уроков в неделю.²⁹

В своих отчетах, посланных из Марбурга в Петербург во второй половине 1737 и весной 1738 г., Ломоносов сообщает о французском шпрахмейстере, но его имени и фамилии не указывает.³⁰ Поэтому особый интерес для нас представляет перечень долгов Ломоносова, составленный им 30 декабря 1738 г. (10 января 1739 г.), где, в частности, записано: «Dem Frantzösische Sprach-Meister Ramet 22 [Thaler]», т. е.

²⁷ Е. Я. Данько пишет, что в Марбурге Ломоносов брал уроки французского языка до конца 1738 г. (*Данько Е. Я. Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 260*). Эти данные повторяются в комментариях к Полному собранию сочинений Ломоносова (Т. 8. С. 871). В обоих случаях даются ссылки на письмо Х. Вольфа к И. А. Корфу от 2 (13) января 1739 г., однако в этом письме никаких конкретных сведений о времени завершения занятий Ломоносова с французским шпрахмейстером нет. См.: Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 132–134; Ч. 2. С. 279, 280.

²⁸ См., например: *Behrens D. Zur Geschichte des neusprachlichen Unterrichts an der Universität Gießen // Die Universität Gießen von 1607 bis 1907. Beiträge zu ihrer Geschichte: Festschrift zur dritten Jahrhundertfeier. Gießen, 1907. Bd 2. S. 331*. Ломоносов и Виноградов изучали в Германии немецкий и французский языки в соответствии с инструкцией, полученной ими от руководства Академии наук незадолго до их отъезда из Петербурга (Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 106; Ч. 2. С. 247).

²⁹ Одноклассник Ломоносова и Виноградова по учебе в Германии петербургский немец Густав Ульрих Райзер брал в Марбурге у французского шпрахмейстера от 2 до 4 уроков в неделю (Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 113; Ч. 2. С. 255).

³⁰ Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 116; Ч. 2. С. 261, 268; *Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 324, 364, 366, 740*.

«Французскому шпрахмейстеру Раме 22 [талера]».³¹ Именно здесь, в списке долгов, Ломоносов единственный раз называет своего учителя французского языка по фамилии — Раме. А. А. Куник, впервые опубликовавший этот документ, в связи с именем Раме не дает каких-либо разъяснений. М. И. Сухомлинов, посвятивший пребыванию Ломоносова в Марбурге специальную статью, не пишет о Раме ничего.³² В Полном собрании сочинений Ломоносова, а также в Летописи его жизни и творчества имя Раме оставлено без комментариев.³³ А. А. Морозов в монографии «М. В. Ломоносов. Путь к зрелости» упоминает о марбургском преподавателе Раме, но полного его имени не приводит, а только отмечает, что, «судя по фамилии», это был «природный француз».³⁴

Для того чтобы внести ясность в этот вопрос, мы обратились к соответствующим историческим материалам, изданным в Германии, и в результате оказалось, что в первой половине XVIII века в Марбургском университете имелась только одна штатная должность французского шпрахмейстера, причем с 1731 по 1741 г. эту должность занимал преподаватель Пьер Раме (Pierre Ramet). Именно у него Ломоносов и брал уроки в 1737 и 1738 гг.

Вот сведения о Пьере Раме, которые удалось установить по немецким источникам и литературе. Он родился около 1690 г. в Орлеане, умер в 1756 или 1757 г., точнее — в промежуток времени между 16 апреля 1756 г. и 7 сентября 1757 г. В молодые годы Раме покинул Францию, скорее всего, уклоняясь от военной службы. С ноября 1718 г. он был шпрахмейстером французского языка в Гисенском университете, где числился под вымышленным именем Жан Пьер Аро де Лоретт. С 25 июня 1731 г. по 23 мая 1741 г. и позднее, с 1744 г., Раме состоял французским

³¹ Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 134; Ч. 2. С. 281; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 325, 741.

³² *Сухомлинов М. И.* Ломоносов — студент Марбургского университета // *Русский вестник*. 1861. Т. 31. Январь. С. 127–165.

³³ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 325, 741; *Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова*. М.; Л., 1961. С. 35, 42.

³⁴ *Морозов А. А.* М. В. Ломоносов. Путь к зрелости: 1711–1741. С. 290.

шпрахмейстером в Марбургском университете.³⁵ Он имел репутацию умелого преподавателя. Считалось, что он обладает хорошим произношением.³⁶ В 1737–1738 гг., когда Ломоносов обучался у него, Пьеру Раме, по-видимому, еще не было пятидесяти лет.

Надо сказать, что за Пьером Раме водилась известная слабость: зачастую он являлся на занятия нетрезвый.³⁷ Эта слабость была свойственна изрядной части учителей как в Европе, так и в России. Поскольку сведений о Раме немного, для того чтобы несколько оживить этот образ, приведем здесь литературно-историческую параллель. Препо-

³⁵ Behrens D. Zur Geschichte des neusprachlichen Unterrichts an der Universität Gießen. S. 336; Auerbach I. Der hessische Löwe und der russische Bär: Die Beziehungen zwischen Hessen-Kassel und Russland. 16.–20. Jahrhundert. Marburg, 2003. S. 82; Romanische und englische Philologie und abendländische Literatur an der Philipps-Universität 1527–1910 [Nach: Gundlach F. Catalogus Professorum Academiae Marburgensis. Die Akademischen Lehrer der Philipps-Universität in Marburg von 1527 bis 1910. Marburg, 1927]. S. [12] (http://www.uni-marburg.de/fb10/romanistik/geschichteterom/rom_prof_gundlach.pdf). Сведения о Раме приводятся также в справочнике, с которым нам, к сожалению, не удалось ознакомиться: Schröder K. Biographisches und bibliographisches Lexikon der Fremdsprachenlehrer des deutschsprachigen Raumes, Spätmittelalter bis 1800. Augsburg, 1995. Bd 4 (Augsburger I & I Schriften. Bd 68).

³⁶ Schwendler J. N. Zuverlässiger Bericht von der gegenwärtigen Verfassung der Universität Marburg. [S. 1.], 1748. S. 23. Рукописные материалы, касающиеся Раме, есть в архивах и библиотеках Гисена и Дармштадта, причем в разных документах он значится как Пьер Лоретт (Pierre Lorette), как Жан Пьер Аро де Лоретт (Jean Pierre Haraut de Lorette) или как Пьер Раме (Pierre Ramet). Имеются данные о том, что в конце 1719 или в начале 1720 г. Раме присутствовал на торжествах по случаю рождения наследного принца, будущего ландграфа Гессен-Дармштадского Людвига IX, и выступал там с поздравлением. Сохранилось письмо Пьера Раме, посланное из Марбурга в декабре 1740 г. гисенскому профессору истории Кристофу Фридриху Аирману. См.: Universitätsarchiv Giessen: Bestandsverzeichnis / Zusammengestellt von E. Schmidt. Giessen, 1969. S. 45 (Berichte und Arbeiten aus der Universitätsbibliothek Giessen. 15); Bestand D 4: Grossherzogliches Haus / Bearbeitet von L. Clemm und H. D. Ebert. Darmstadt, 2006. S. 148 (Repertorien des Hessischen Staatsarchivs Darmstadt); Verzeichnis der Briefsammlungen Cod. Giess. 132–135 in der Universitätsbibliothek Gießen / Bearbeitet und zusammengestellt von H. Schüling. Gießen, 1983. S. 24 (Handschriftenkataloge der Universitätsbibliothek Gießen. № 5).

³⁷ Behrens D. Zur Geschichte des neusprachlichen Unterrichts an der Universität Gießen. S. 336.

даватели-иностранцы — это особый тип людей XVIII века, который замечательно обрисован А. С. Пушкиным в «Капитанской дочке». Там фигурирует француз Бопре, бывший парикмахер и солдат, подвизавшийся в России в качестве учителя. Так вот, шпрахмейстер Раме был под стать его соотечественнику мосье Бопре, которого выписали для обучения Петруши Гринева в симбирскую деревенскую глушь «вместе с годовым запасом вина и прованского масла». Как пишет Пушкин, Бопре не считал себя «врагом бутылки». Однако, несмотря на это, он преподавал так неплохо, что его ученик позднее, поступив на военную службу, в часы досуга свободно читал подвернувшиеся ему французские книги и занимался переводами.³⁸ Что касается шпрахмейстера Раме, то под его руководством Ломоносов в короткое время овладел французским языком настолько, что смог перевести достаточно сложное стихотворение — Фенелонову оду.

Итак, Ломоносов учился у Пьера Раме около года. Необходимо подчеркнуть, что это были систематические занятия со знающим, опытным преподавателем. Таким образом, А. А. Куник ошибался, когда писал, что в Марбурге Ломоносов изучал французский язык «большую частью самоучкой».³⁹ Сам Ломоносов впоследствии довольно скромно оценивал свои успехи в освоении французского языка в период пребывания в Германии: в 1764 г. в одном из служебных документов Ломоносов писал, что он и Виноградов в Марбурге помимо прочего «обучались немецкому языку и во французском положили начало».⁴⁰

Выбор стихотворения для перевода оказался для Ломоносова в какой-то степени делом случая, и на это указывал еще А. А. Куник.⁴¹ В чем же состояла эта случайность? Пьер Раме в своей преподавательской деятельности не применял ничего нового. Его ученики, в том

³⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [Б. м.], 1938. Т. 8 (1-й полутом). С. 279, 280, 299.

³⁹ [Куник А. А.] Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной Ломоносовым. С. 262.

⁴⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 275.

⁴¹ [Куник А. А.] Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной Ломоносовым. С. 258, 263.

числе и Ломоносов, овладевали французским языком, пользуясь обычным для того времени набором учебной литературы. Наряду с грамматикой Ж. Р. Де Пеплие «Nouvelle et parfaite grammaire royale françoise et allemande» (Berlin, 1736), словарем И. Л. Фриша «Nouveau dictionnaire des passagers françois-allemand et allemand-françois» (Leipzig, 1737), разговорником Г. Ф. Платца «Dialogues domestiques» (Nürnberg, 1724), письмовником Х. Ф. Гунольда «Lettres choisies» (Hamburg, 1731) Ломоносов приобрел в Марбурге и книгу Фенелона «Les Aventures de Télémaque» ([S. l.], 1723).⁴² Хорошо известно, что в Германии в преподавательской и ученической среде «Телемак» рассматривался как обязательное текстовое пособие для чтения на уроках французского языка.⁴³ Купив эту книгу в учебных целях, Ломоносов случайно нашел там оду «Montagnes de qui l'audace», которая, вероятнее всего, была вообще первым французским стихотворением, попавшим ему на глаза. Однако нужно признать, что по воле случая в поле зрения Ломоносова оказался именно такой образец французской поэзии, который требовался ему в связи с его собственными занятиями в области теории и практики стихосложения.

Говоря о работе Ломоносова над переводом Фенелоновой оды, конечно, следует учитывать его незаурядные лингвистические способности. Но, по-видимому, при этом надо отдать должное и преподавательскому умению марбургского шпрахмейстера Пьера Раме, несомненная заслуга которого состоит в том, что, обучив Ломоносова французскому языку, он реально способствовал знакомству начинающего русского поэта с европейской словесностью, расширению его общей эрудиции и литературного кругозора.

⁴² Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. С. 131, 132.

⁴³ В России в XVIII веке французский язык также изучали по грамматике Де Пеплие и по «Телемаку» Фенелона. В частности, эти книги использовались в качестве учебных пособий воспитанниками Шляхетного кадетского корпуса в Петербурге. См., например: Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 3. С. 465; Хомеев П. И. Книга в России в середине XVIII в.: Частные книжные собрания. Л., 1989. С. 26, 27, 35.

**ОТНОШЕНИЯ ЛОМОНОСОВА
И СУМАРОКОВА В 1758–1760 ГГ.
(из комментариев к письмам Сумарокова)**

Конфликт Ломоносова и Сумарокова — один из наиболее широко известных эпизодов истории русской литературы, ключевой для понимания развития русской поэзии в XVIII веке. Вопросу этому посвящена обширная литература, предлагающая как те или иные новые материалы, так и дающая принципиальную интерпретацию уже известных фактов. Я позволю себе не останавливаться на ее освещении, поскольку посвящена она преимущественно литературной составляющей конфликта — полемическим текстам Ломоносова, Сумарокова и других поэтов и литераторов 1750–1760-х гг.; важнейшему памятнику литературной культуры этого времени.¹ Несомненно, полемика Ломоносова и Сумарокова (и вокруг их имен) была в первую очередь спором двух выдающихся поэтов за первое место на русском Парнасе;

¹ Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854; Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в. Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х гг. М.; Л., 1936; Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936; Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — нач. 1750-х гг. М., 2001; Основат К. А. Литературный спор Ломоносова и Сумарокова: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005; Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук. СПб., 2011.

именно литературные вопросы питали ее, делали фактом общественной жизни, привлекали современников и поколения потомков. И все же не стоит забывать, что отчасти, по меньшей мере в конце 1750-х гг., одним из факторов взаимного недовольства Ломоносова и Сумарокова оказывались и их служебные и деловые отношения, становившиеся предметом внимания исследователей значительно реже, в том числе и по той причине, что сведения о них чрезвычайно скудны и сводятся преимущественно к письмам Сумарокова к И. И. Шувалову.

Стоит сказать, что письма Сумарокова до сих пор не становились предметом полноценного научного комментария: даже в замечательной публикации В. П. Степанова,² прежде всего по вненаучным причинам (сроки подготовки; издательские требования по соотношению объемов текста и комментария), преимущественное внимание в комментировании было обращено на упоминаемые лица и отдельные произведения, в то время как реалии чиновной, служебной и деловой жизни оказались прокомментированы значительно менее подробно. Попытка подобного комментария была предпринята при подготовке тома писем и документов Полного собрания сочинений Сумарокова, и полученные результаты позволяют, как кажется, не столько пересмотреть отношения Ломоносова и Сумарокова в конце 1750-х гг., сколько внести определенные коррективы и расставить акценты, позволяющие с некоторой долей определенности говорить о том, что именно Сумарокова, по-видимому, приходится считать инициатором и двигателем конфликта.

Со стороны Ломоносова определенный итог этого конфликта подвело известное письмо Ломоносова Шувалову от 19 января 1761 г., где обыграна скатологическая характеристика Сумарокова («знаю, каково в крапиву...») и приведены ставшие крылатыми слова — «дураком быть не хочу, <...> ниже у самого господ Бога».³ Причины столь яростного возмущения Ломоносова неизвестны — почему Шувалову оказалось нужным мирить двух писателей? О чем наговорил Сумароков Ломоносову за час? Известно лишь из дневника Я. Я. Штелина (под-

² А. П. Сумароков / Публ. В. П. Степанова // Письма русских писателей. Л., 1980. С. 68–223.

³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 546.

писанного именем Мизере⁴), что эта встреча произошла 2 января, и началось все с «бешеной выходки г. Сумарокова».⁵ Предполагается обычно, что встреча могла быть организована Шуваловым, чтобы уговорить Ломоносова согласиться с идеей занятия Сумароковым места в Академии наук.⁶ Действительно, в двух последних письмах Сумарокова Шувалову, предшествовавших произошедшей стычке, идет речь о возможности академической карьеры Сумарокова: в более раннем (15 ноября 1759 г.) — «в академической Канцелярии и в Конференции мне ничто быть не препятствует <...> ежели я по всей справедливости не буду в Академии, так я больше утруждать ваше превосходительство не стану», и в более позднем (17 декабря 1760 г.) — «Вы мне изволили предлагать об академическом месте, которое, кажется мне, и принадлежит несколько мне».⁷ Казалось бы, учитывая, что между последним письмом Сумарокова и его стычкой с Ломоносовым прошло всего две недели, между этими двумя фактами действительно существует прямая связь.

Между тем, не стоит забывать, что два процитированных письма хотя и соседствуют в перечне известных нам, но на деле отстояли друг от друга более чем на год. И хотя в первом речь несомненно идет об Академии наук с ее Конференцией и Канцелярией, во втором случае связь «академического места» с Академией наук не столь очевидна. Не стоит забывать, что И. И. Шувалов, хотя и был чрезвычайно влиятельным сановником, формально не имел никаких способов влияния на Академию наук, возглавлявшуюся К. Г. Разумовским. Между тем, как раз на конец 1760 — начало 1761 г. приходится пересмотр Шуваловым руководства созданной им в Петербурге как подразделение Московского университета Академии художеств. В конце октября — начале ноября 1760 г. от дел отошел фактически до того времени осу-

⁴ *Каменский А.* От Петра III к Екатерине II // Екатерина. Путь к власти / Сост. М. Лавринович, А. Либерман. М., 2003. С. 312–313.

⁵ Дневник статского советника Мизере о службе при Петре Третьем // Русский архив. 1911. № 5. С. 5.

⁶ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 853–854; Письма русских писателей... С. 191.

⁷ Письма русских писателей... С. 85–87.

ществлявший административное управление инспектор А. А. Константинов; 10 апреля 1761 г. директором вместо не исполнявшего своих обязанностей князя П. В. Хованского был назначен князь И. П. Щербатов; оба назначения были, предположительно, связаны с открывшимися осенью 1760 г. неурядицами в счетах академии.⁸ Очевидно, Шувалов в декабре искал нового директора; по-видимому, эту должность он и мог предлагать Сумарокову: отсюда и комментарий Сумарокова к возможности получения им этого места — «которое, кажется мне, и принадлежит несколько мне»: пост директора, как показал опыт князя Хованского, был местом и достаточно почетным, и не предполагавшим большого числа реальных обязанностей; к тому же у Сумарокова был уже опыт директорства над имеющим отношение к искусству заведением. В пользу того, что в декабре 1760 г. Шувалов предлагал Сумарокову место именно в Академии художеств, может говорить тот факт, что в то же самое время Сумарокову из средств Академии художеств было дано в долг 800 руб.⁹

Таким образом, во время обеда у Шувалова 2 января 1761 г. служебные интересы Ломоносова и Сумарокова вряд ли могли напрямую пересекаться: они оставались в разных «командах», и если Сумароков и мог припомнить Ломоносову что-то помимо проблем их литературных взаимоотношений, то разве что те административные и финансовые неурядицы, которые возникали у него с руководством Академии наук в 1758 и 1759 гг.

Что касается финансовых неурядиц, то они стали предметом нескольких писем Сумарокова 1758 г. — к И. И. Шувалову и в Штатс-контору. Обстоятельства их хорошо известны.¹⁰ Печатаемая на протяжении 1748–1751 гг. в Академии наук несколько своих сочинений, Сумароков ни

⁸ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств / Под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Ч. 1. С. 27, 54, 682–684.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ [Вяземский П. А.] О Сумарокове // Литературная газета барона Дельвига. 1830. Т. 1. № 28. С. 223; Грот К. Я. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову // Записки 2 отделения имп. Академии наук. 1862. Т. 1. Прил. 1. С. 34–36; Тонкова Р. М. А. П. Сумароков и канцелярия Академии наук в 1762 году // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 387–393; Бухаркин П. Е. [Рец.] Письма

разу — несмотря на неоднократные обещания К. Г. Разумовскому — не заплатил за печатание, и экземпляры отпускались ему по личному указанию Разумовского: сохранилась, например, написанная рукой Г. Н. Теплова в январе 1751 г. (после выхода в свет тиража «Синава и Трувора» и во время публикации «Артистоны» — последнего из числа «задолженных изданий») записка, передающая такое устное распоряжение президента Академии наук с указанием на очередное обещание.¹¹ Общий долг составил 382 руб. 63 коп. Академия наук пыталась несколько раз безрезультатно затребовать у Сумарокова эту сумму; наконец, как удалось установить, в марте 1758 г., когда в академической казне обнаружился недостаток средств, связанный с общим тяжелым состоянием казны из-за начавшихся годом ранее масштабных военных действий, было решено затребовать крупные долги за печатание различных книг и листовых материалов — с Артиллерийского корпуса, с Петербургской портовой таможни и А. П. Сумарокова, причем запросы были отправлены в ведомства, отвечавшие за соответствующую выдачу средств — в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, Коммерц-коллекцию и Штатс-контору; определение было подписано И. Д. Шумахером, М. В. Ломоносовым, Я. Я. Штелином и И. Таубертом.¹² Как следует из документов, сохранившихся в Архиве Академии наук, долг Сумарокова был не только самым крупным и самым давним, но и вновь, в отличие от двух учреждений, не был возвращен.¹³ Установление этого обстоятельства заставляет предположить, что выдвигавшиеся Сумароковым обвинения в адрес Ломоносова — «онный Ломоносов, может быть, принял дерзновение делать таковые на меня нападения оттого, что он часто от пьянства сходит с ума»¹⁴ — не только не имели под собой реальных оснований, но и происходили от того,

русских писателей XVIII века. Л., 1980 // Известия Академии наук СССР. 1982. Т. 41. № 1. С. 88–89.

¹¹ «Il lui a promi<s> de le payer incertement» (т. е. «он [Сумароков] ему [Разумовскому] обещался за это обязательно (? — буквально необязательно) заплатить») (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 148. Л. 192 об.).

¹² Там же. № 469. Л. 111–112, 114–115.

¹³ Тонкова Р. М. А. П. Сумароков и канцелярия Академии наук...

¹⁴ [Вяземский П. А.] О Сумарокове. С. 223.

что Сумароков почти не имел представления о происходившем в канцелярии Академии наук, почему к его обвинениям в ее адрес следует относиться крайне осторожно.

Так, например, в связи с жалобой на требование Академией наук долга Сумароков писал Шувалову: «в Академии с меня нехристианскою выкладкою за работы трагедий правят».¹⁵ Это обвинение вовсе не имело ничего общего с действительностью: по прошествии 10 лет Академия наук требовала с Сумарокова сумму, не превышавшую ни на копейку тот долг, который был записан за ним при печатании, причем стоимость печати оказывалась достаточно низкой. Так, например, один экземпляр менее чем 5-листной трагедии «Хорев» обошелся ему в 1748 г. в 8 коп., в то время как в начале 1759 г. Сумароков согласился на печатание тиража 4-листных выпусков «Трудолюбивой пчелы» по 8,5 коп.¹⁶ Более того, можно предполагать, что заказы на печатание в конце 1750-х гг. принимались у Сумарокова по минимальной цене: так, например, за печать 300 афиш в феврале 1757 г. с него взяли 1 руб. 50 коп., в то время как с комедианта Майкла Стюарта за такой же тираж — 3 руб.¹⁷

Судя по всему, обвинения в адрес Академии наук появлялись в письмах Сумарокова не в результате информированности, а как следствие его собственных рассуждений, основывавшихся на представлении о неприязненном отношении к нему Ломоносова. Так, например, следует очень внимательно относиться к вопросу о возможном цензурном влиянии Ломоносова на издание «Трудолюбивой пчелы». Хорошо известно, что в декабре 1760 г. Сумароков писал Шувалову: «Помилуйте меня... от команды Тауберта, Штеллина, Миллера и Ломоносова по печатанию книг».¹⁸ К тому времени «Трудолюбивая пчела» была

¹⁵ Письма русских писателей... С. 76.

¹⁶ Тираж «Хорева» в 1200 экземпляров обошелся Сумарокову в 95 руб. 36½ коп.; расчет стоимости печати «Трудолюбивой пчелы» складывался — независимо от тиража — из расчета 8 31/50 (т. е. 8,62) коп.: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 110. Л. 496–496 об.; Берков П. Н., Шамрай Д. Д. К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 401.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 219. Л. 132–135.

¹⁸ Письма русских писателей... С. 87.

последним изданием, осуществленным Сумароковым в Академии наук; последний известный конфликт у издания был связан с публикацией «Слова похвального Петру Великому» и относился к началу октября 1759 г. Учитывая, что именно с «Трудолюбивой пчелой» обычно связывали записку Ломоносова о запрете печатания «Вздорных од»,¹⁹ а также две конфликтных ситуации с редакторами журнала Н. И. Поповым и С. К. Котельниковым,²⁰ складывавшихся вокруг направленных против Ломоносова публикаций журнала, можно было бы предположить, что в данном случае имелось в виду реальное преследование. Между тем, не стоит забывать, что в обоих конфликтных случаях (при печатании статей «К типографским наборщикам» и «О мозаике») статьи все же были опубликованы.

Таким образом, верификация обвинений, выдвигавшихся Сумароковым в адрес Ломоносова и Академии наук в конце 1750-х гг. показывает, что вряд ли стоит доверять им в полной мере. Кажется несомненным, что слова Ломоносова в цитирувавшемся выше письме — «Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у господ прошу, чтобы мне с ним не знаться» — были сказаны вполне искренне и могут быть вполне поняты.

¹⁹ Историю вопроса см.: *Алексеева Н. Ю.* Вздорные оды А. П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 5–6.

²⁰ *Берков П. Н., Шамрай Д. Д.* К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы»... С. 309–404.

Е. И. Кислова

**«МОЛЧИТЕ, КАМЕННЫЕ ЗВУКИ»:
ОДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА В РУКОПИСНЫХ КОПИЯХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА***

*Памяти Р. М. Лазарчук,
замечательного ученого
и удивительного человека*

Произведения М. В. Ломоносова сыграли существенную роль в истории русского языка и имеют длительную и богатую историю изучения. Однако мы до сих пор крайне мало знаем о том, как воспринимались тексты российских писателей XVIII века «среднеобразованными» кругами: учениками семинарий, грамотными купцами и мещанами — теми, кто не участвовал в литературной полемике, оставаясь той самой публикой, на фоне которой развивался литературный процесс. Насколько «средние читатели» понимали писателей-современников? Как они соответствовали их представлениям? Ответы на эти вопросы сложно извлечь из сохранившихся источников, однако, как нам кажется, ценным материалом в данном случае являются рукописные копии изданных произведений.

Несмотря на развитие книгопечатания, рукописная традиция играла важную роль на протяжении всего XVIII века: рукописная книга стоила

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-1573.2013.6).

дешевле и была более доступна для небогатых слоев населения; кроме того, рукописные книги могли создаваться для собственных нужд с определенными задачами (например, ученик семинарии выбирал из журналов наиболее любопытные стихотворения, которые также могли становиться образцами для создания собственных текстов).

Произведения Ломоносова пользовались у переписчиков определенной популярностью. Не публиковавшиеся в XVIII веке стихотворения Ломоносова, связанные в первую очередь с так называемой «стихотворной полемикой», также имеют историю бытования в списках, но традиции копирования изданных произведений и текстов, не назначавшихся для печати, имеют принципиальные отличия (примечательно, что последние не встречаются в исследованных нами сборниках, содержащих копии изданных произведений — перечень см. далее). Наличие печатного текста предполагает существование некоего «канонического» варианта, а следовательно, возможность сверки и исправления копии. Разные издания сочинений Ломоносова имеют определенные отличия, которые чаще всего позволяют определить первоисточник рукописной копии. Сама природа поэтического текста ведет к большей стабильности копии: прозаические произведения могли весьма существенно сокращаться или трансформироваться, тогда как пропуски фрагментов текста в одах Ломоносова крайне редки и имеют случайный характер (если, конечно, речь идет о копировании полного текста, а не о выборке с определенными задачами, что происходит, например, в случае риторических сборников). При этом авторство текстов указывается в сборниках далеко не всегда.

Мы исследовали ряд рукописей, содержащих произведения Ломоносова и хранящихся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ и Российском государственном архиве древних актов. Рукописные фонды XVIII века, к сожалению, до сих пор нередко детально не описаны, поэтому невозможно полностью представить сохранившиеся в копиях тексты Ломоносова. Для рукописной коллекции РГБ подобная работа выполнена и опубликована в издании «Ломоносов в книжной культуре России».¹ К указанным в издании копиям мы можем

¹ М. В. Ломоносов в книжной культуре России / Сост. М. Е. Ермакова. М., 2010. С. 89–90.

добавить рукопись «Сборник образцов приветственных речей и стихотворений, составленный в Троицкой духовной семинарии» (РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 32). Можно уверенно утверждать, что есть и другие, до сих пор не известные исследователям копии, сохранившиеся в многочисленных «Сборниках разного содержания», и составление полного перечня — дело будущего.

Нередко произведения Ломоносова появляются в рукописных сборниках, связанных так или иначе с семинарской и церковной средой. Дело в том, что уже во второй половине XVIII века его сочинения наряду со стихами других российских авторов используются в курсах поэтики и риторики как примеры;² заучивание их наизусть служило для наказания «записанных в calculus» учеников семинарий.³ Поэтому тексты Ломоносова были хорошо известны в этой среде.

1. Исследованные рукописи

1. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 746 (далее РГАДА 746) — сборник од Ломоносова. Сборник представляет собой копию первого тома собрания сочинений, изданного в 1751 г., пропущен только раздел «Похвальные надписи», значительно сокращено «Слово похвальное...», после основного текста новым почерком дописана «Ода на день рождения Павла Петровича» 1754 г. В раздел «Оды духовныя» добавлено «Преложение псалма 27» — подражание Ломоносову. Бумага датруется 1751 г.,⁴ сам сборник содержит приписки, которые позволяют утверждать, что он создан двумя учениками семинарии, имя одного из них (Никифор Леонтиевский) сохранилось в латинской записи на обложке сборника.⁵

² *Смирнов С. К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 305.

³ Там же. С. 303.

⁴ *Клетиков С. А.* Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 43.

⁵ Подробный анализ сборника и реконструкцию истории его создания см. в: *Кислова Е. И.* Об одном переложении псалма, приписанном Ломоносову, и статусе отдельных церковнославянизмов в поэтическом дискурсе середины XVIII в. // *Филология: вечная и молодая. Сборник статей к юбилею профессора М. Л. Ремнёвой.* М., 2012. С. 273–302.

2. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 756 (далее РГАДА 756) — «Оды, выбранные из разных наилучших российских стихотворцев», рукопись конца XVIII — начала XIX века. Сборник содержит различные стихотворения Г. Р. Державина, А. И. Тургенева, В. В. Капниста, Н. М. Карамзина, ряд анонимных и самостоятельных стихотворений, в том числе стихи Тихона Беляева на посещение епископом Владимирским и Суздальским Ксенофонтом духовного училища в 1800 г. (л. 43 об. и далее). Последнее позволяет предположить, что сборник был связан с семинарской средой. Ода «Бог» Державина содержит указание на источник: «Из собеседника любителей российской словесности» (очевидно, имеется в виду публикация в «Собеседнике любителей Российского слова», 1784, ч. 13, с. 125). Единственная ода Ломоносова, вошедшая в сборник, — «Ода, выбранная из Иова» (л. 8–10 об.), никакого указания на источник копирования нет.

3. РГБ. Ф. 199 (собрание Никифорова). № 689 (далее РГБ 689) — сборник произведений для хора, на линейных квадратных нотах, рукопись второй половины XVIII века. Переписан одним почерком, причем последнее произведение — анонимный гимн городу Осташкову, в котором отдельно прославляется местный церковный хор — дает возможность предположить, что сборник мог иметь какое-то отношение к этому хору и, соответственно, к местной церковной среде. Наряду с произведениями светского характера (в том числе переписанными анонимно стихами В. К. Третьяковского) в сборнике содержатся переложения псалмов Ломоносова без указания на авторство: «Преложение псалма 14» (л. 3–4), «Утреннее размышление о Божием величестве» (л. 30–32), «Преложение псалма 1» (л. 32–34 об.), «Преложение псалма 26» (л. 34 об.–36 об.).

4. РГБ. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). № 501 (далее РГБ 501) — сборник списков стихотворений Ломоносова, Державина и других поэтов XVIII века, упражнений по риторике и стихосложению на разные темы, датированный 1781–1787 гг. Переписчиком этого сборника был ученик Вологодской семинарии Иосиф Тодорский. Из произведений Ломоносова были переписаны некоторые «Оды похвальные»: «Ода на восшествие» 1746 (л. 27 об.–32), «Ода на день рождения Елизаветы Петровны» 1746 (л. 32 об.–36), «Ода на восшествие» 1747 (л. 36 об.–41 об.), «Ода на восшествие» 1748 (л. 42–47), «Ода на тезоименитство

Петра Феодоровича» 1743 (л. 47–62), «Утреннее размышление о Божием величестве» (л. 62 об.–63), «Ода, выбранная из Иова» (л. 63 об.–66), «Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742 (л. 66 об.–76).

5. РГБ. Ф. 214. № 74 — литературно-исторический сборник из собрания Оптиной пустыни, второй половины XVIII века (далее РГБ 74). Сборник переписывался разными людьми в разное время: он начинается копией «Географии генеральной», опубликованной в 1710 г. и переписанной в 1753 г.; далее следует ряд копий художественных произведений, переписанных разными почерками: это стихотворения Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова и др. В этом сборнике есть указания на источники: журналы «Трудолюбивая пчела», «Полезное увеселение», «Ежемесячные сочинения» и др. Владельческая запись говорит о бытовании «Географии генеральной» в «Троицкой крепости на линии Оренбургской» в 1758 г.; достаточных оснований предполагать создание этого сборника в семинарской или околоцерковной среде нет (хотя его последующее хранение в библиотеке Оптиной пустыни показательно), но такой сборник хорошо показывает интересы «среднеобразованного» слоя россиян. Оды из собрания 1751 г. переписаны одним почерком под отдельным заглавием «Оды» на л. 150–191. Это «Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742 (л. 150–159 об.), «Ода на восшествие» 1746 (л. 160–164 об.), «Ода на день рождения Елизаветы Петровны» 1746 (л. 165–168 об.), «Ода на восшествие» 1747 (л. 169–174), «Ода, в которой ея величеству благодарение от сочинителя приносится... 27 дня 1750 г.» (л. 174–179 об., озаглавлена «Ода на день восшествия на престол» 1748), ода «На день рождения Петра Феодоровича» 1742 (л. 180–183), «Ода на тезоименитство Петра Феодоровича» 1743 (л. 183 об.–186 об.), «Ода на бракосочетание» 1745 (л. 187–191). Оды Ломоносова содержат сверку с печатным оригиналом, выполненную самим переписчиком, но чуть более светлыми чернилами, в результате которой часть допущенных ошибок была устранена. Кроме того, сборник содержит другие тексты Ломоносова: «Оду на день во веки преславный коронования всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисаветы Петровны... сочиненную Иоганном Георгом Боком, а на российский переведенная Михайлом Ломоносовым 1758 г.» (л. 141–143 об.), пьесу «Тамира и Селим».

6. РГБ. Ф. 173. Оп. III. № 32 — «Сборник образцов приветственных речей и стихотворений, составленный в Троицкой духовной семинарии» (далее РГБ 32). Место составления сборника восстанавливается по текстам, связанным с посещением Лавры императрицей, а также по упомянутым в сборнике именам наместников Лавры и ректоров Троицкой духовной семинарии: Арсения Могилянского (1744–1752), Гедеона Криновского (1759–1761) и Лаврентия Хоцятовского (1761–1766). Сборник содержит речи и приветствия на русском и латинском языке, а также силлабические и силлабо-тонические стихотворения различной тематики, преимущественно различные переложения библейских сюжетов, а также авторские тексты («О смерти Петра Великого» Тредиаковского — л. 34–36, стихотворения Державина). Из од Ломоносова в сборнике содержатся следующие: под заголовком «*Carmina varia varioque modo composita*» строфа 32 из «Оды на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742 (л. 50), строфа 3 из «Оды на день рождения Елизаветы Петровны» 1746 (л. 50–50 об.), строфы 12, 16 из «Оды на восшествие» 1746 (л. 50 об.), строфа 5 из «Оды на день рождения Петра Федоровича» 1742 (л. 51), строфа 1 из «Оды на день тезоименитства Петра Федоровича» (л. 51). Далее следуют полностью переписанный текст «Преложение псалма 14» (л. 51), стихотворение «Светящий солнцев конь» 1743 (л. 51 об.–52), приведенное как пример распространения в параграфе 66 «Риторике» 1748 и в параграфе 57 «Письма о правилах российского стихотворства»⁶); басня «Лишь только дневной шум замолк» (л. 52–52 об.), переложение оды Анакреона «Ночною темнотою покрылись небеса» (л. 52 об.–53 об.) и строфа 10 из «Оды на взятие Хотина» 1739. Никаких указаний на авторство Ломоносова или источник копирования в тексте не содержится; после последнего фрагмента следует 2 анонимных стихотворения, но на листе 58 об. без заголовка вновь представлены 10 строфа оды Ломоносова «На день рождения Елизаветы Петровны» 1746, строфа 13 из «Оды на восшествие» 1746, строки 5–10 из 43 строфы «Оды на при-

⁶ «Чрез противные вещи распространяются идеи, когда оных много будет из прочих риторических мест приискано, а после того одна против другой рядом поставятся, н. п. о вступлении весны» (*Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 7. С. 42*).

бытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742, строки 1–7 из строфы 11 «Оды на день рождения Петра Федоровича» 1742. Скорее всего, все эти отрывки выписаны из «Риторики» 1748 Ломоносова и использовались для иллюстрации различных поэтических и риторических фигур.

Состав переписанных стихотворений отражает интерес переписчиков к разным аспектам творчества Ломоносова: если непосредственно после издания собрания сочинений 1751 г. семинаристы создают почти полную копию, пропуская только «Похвальные надписи», то в сборниках конца XVIII века осуществляется выборка: предпочтение отдается либо отдельным текстам из «Од духовных», либо подборке из «Од похвальных». Причем для студента семинарии Иосифа Тодорского выборка «Од похвальных» является образцом для создания собственных поэтических текстов (например, приветствий преосвященному). В наиболее позднем сборнике выбирается для переписывания единственный текст — «Ода, выбранная из Иова», до сих пор остающаяся хрестоматийным текстом Ломоносова.

II. Источники копий

Какие издания текстов Ломоносова могли стать источниками для переписчиков?

При жизни Ломоносова 18 поэтических произведений были напечатаны отдельными изданиями: «...оды, посвященные Елизавете Петровне, Петру III, Екатерине II, „Письмо о пользе стекла“ и др.».⁷ Те же оды были переизданы в составе собрания сочинений. Первый том первой редакции собрания сочинений Ломоносова вышел в 1751 г. и впоследствии был перепечатан в 1768, а также в 1775 и 1795 гг. Считается, что издания 1751 и 1768 гг. полностью идентичны: «Известно, что в 1768 г. был снова напечатан также первый том, во всем идентичный изданию 1751 г.»;⁸ «В 1768 г. Петербургская Академия выпустила

⁷ М. В. Ломоносов в книжной культуре России. С. 17. См. также: Андреева Г. А. Издания собраний сочинений М. В. Ломоносова в XVIII–XX вв. // Книга. Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 3. С. 203–229; Тюличев Д. В. Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Л., 1983. Сб. VII. С. 49–75.

⁸ Тюличев Д. В. Прижизненные издания... С. 54.

в свет его [Ломоносова] двухтомник, в котором первый том полностью повторял издание 1751 г.»⁹ Однако сопоставление изданий показало, что они содержат как ряд орфографических и пунктуационных изменений, так и некоторое количество опечаток,¹⁰ позволяющих в ряде случаев уверенно соотносить копию с тем или иным изданием.

	Издание 1751 г.	Издание 1768 г.
Преложение псалма 143	И так вся жизнь его <i>проходит</i>	И так вся жизнь его <i>преходит</i>
Ода 1 похвальная	Блюдись спустить свой в доли взор, Над тучи <i>оным</i> возвышайся...	Над тучи <i>оных</i> возвышайся
	Народы, ныне научитесь, <i>Смотря</i> на страшну гордых казнь	<i>Смотри</i> на страшну гордых казнь
	Петрополь буди вам пример: Елисавета <i>к вам</i> приходит...	Елисавета <i>к нам</i> приходит
Ода 2 похвальная	Не всяк ли скажет быть чудесно, Увидев <i>мужество</i> совместно С толикой купно красотой?	Увидев <i>множество</i> совместно
Ода 3 похвальная	И естли слаба мыслей сила <i>Приникнуть</i> может в твой чертог...	<i>Проникнуть</i> может в твой чертог
	Ты осужденных кровь щадишь. <i>Так</i> Нил смиренно протекает, Брегов своих он не терзает...	<i>Там</i> Нил смиренно протекает
Ода 7 похвальная	Коль славен севера владетель В тебе, Россия, <i>возрастет!</i>	В тебе, Россия, <i>возрастает!</i>
Ода 8 похвальная	В зенит вступи, <i>прешед</i> границу	В зенит вступи, <i>прошед</i> границу
	Но грудь пронзит народов <i>льстив-</i> <i>ных,</i> Ужасный луч в полки противных Блестя из твоих очей.	но грудь пронзит народов <i>льсти-</i> <i>вых</i>
	Прострешь свои <i>державны</i> длани...	Прострешь свои <i>державы</i> длани

⁹ М. В. Ломоносов в книжной культуре России. С. 18.

¹⁰ См.: Кислова Е. И. Редакторская правка при переиздании первого тома собрания сочинений М. В. Ломоносова в 1768 году // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. М., 2011. С. 282–284.

	Издание 1751 г.	Издание 1768 г.
	Возри в безмерный круг небес: Он <i>зыблется</i> и помавает...	Возри в безмерный круг небес: Он <i>сыплется</i> и помавает...
Ода 10 похвальная	Не медь ли в чреве <i>Етны</i> ржет	Не медь ли в чреве <i>Итны</i> ржет

Собрание сочинений 1757 г., второе прижизненное издание, содержало ряд существенных исправлений текста, но к нему восходит только один исследованный текст (РГБ 689).

В 1778 г. вышло также трехтомное собрание сочинений Ломоносова под редакцией архимандрита Дамаскина (Семенова-Руднева), а в 1784–1787 гг. — шеститомное издание, подготовленное в Петербургской академии наук по инициативе Е. Р. Дашковой, перепечатанное в 1794 и 1803–1804 гг.¹¹

Таким образом, у копиистов второй половины XVIII века был широкий выбор печатных оригиналов, а также, возможно, рукописных копий, с которых продолжали копировать стихотворения. Только в некоторых случаях можно по ряду скопированных опечаток и почти не измененной пунктуации с определенной степенью достоверности предполагать в качестве исходного текста то или иное издание. Так, текст «Собрания сочинений» 1751 г. оказывался наиболее популярным: в 3 рукописях можно обнаружить опечатки, характерные именно для этого издания. Полностью копирует издание 1751 г. рукопись РГАДА 746, устойчиво сохраняющая не только отдельные опечатки, но даже в большей части случаев — знаки препинания. То же самое относится к РГБ 501: анализ текстов позволяет утверждать, что он восходит к варианту собрания сочинений 1751 г., так как текст Иосифа Тодорского содержит ряд совпадающих именно с этим изданием чтений, измененных в переиздании 1-го тома 1768 г. (например, *прешед*, *приникнуть*, *зыблется*, а не *прошед*, *проникнуть*, *сыплется*, как можно было бы ожидать при использовании текста 1768 г.). РГБ 74 также восходит к одам в варианте «Собрания сочинений» 1751 г. (о чем свидетельствуют сохраненные в рукописи варианты, исправленные в других изданиях: *прешед*, *так Нил* и др.).

¹¹ М. В. Ломоносов в книжной культуре России. С. 20–21.

Наличие промежуточных рукописных копий практически всегда остается недоказуемым; возможно, только некоторая стабильность пунктуации и совпадение ее с печатной говорит в пользу непосредственного копирования печатного текста (РГАДА 746 и РГБ 501). В случае с единичными текстами материала заведомо недостаточно для определения источника копирования. Поэтому далее мы вынужденно будем принимать все сделанные изменения как возникшие одновременно, во время переписывания. Даже если рукописные копии-посредники были, они все равно создавались в пределах второй половины XVIII века и, следовательно, отражают более-менее общие представления переписчиков о статусе и стилистических характеристиках тех или иных лексем.

III. Язык переписанных од

Мы рассмотрим наиболее показательную — лексическую — трансформацию. Изменения, которые делали переписчики, показывают «зоны непонятого» при восприятии стихотворений. Например, в строках «Молчите, *пламенные* звуки, / И колебать престаньте свет» Иосиф Тодорский (РГБ 501) правит *пламенные* на *каменные*; вероятно, изменение предопределено сложностью созданного образа и попыткой как-то адаптировать его к картине мира переписчика: камни все-таки звучат более очевидным образом, нежели пламя.¹²

Ряд трансформаций допускался сознательно: устраняются устаревшие формы и неупотребительные церковнославянизмы — таким образом мы получаем ценную информацию о том, что именно осознавалось современниками Ломоносова как архаизм.

Чаще всего правка отмечается в том случае, когда фонетический облик исправляемого слова соотносим с вариантом, предложенным переписчиком: т. к. речь идет о поэтическом тексте, то должно совпадать число слогов и место ударения (*навет* > *совет*, *ей* > *сей*, *полезна* > *любезна* и т. д.); если правка происходит в конце строки, то чаще сохраняется рифма — хотя все эти очевидные принципы могут нару-

¹² Этот же фрагмент вызвал критику А. П. Сумарокова: «Пламенных звуков нет, а есть звуки, которые с пламенем бывают» (*Сумароков А. П.* Стихотворения. Л., 1935. С. 348).

шаться: *среди зверей* > *между зверей* (РГБ 501). Изменение числа слов при замене позволяет предполагать описку: В *пригорках* бьют ключи прозрачны > в *приговорках* (РГБ 74).

Явными описками можно считать изменения, которые полностью противоречат синтаксису, грамматике или смыслу строфы, например, в РГБ 501: Представь мне оную годину / И купно бег светил *по чину...* > пучину («Ода на день рождения Елизаветы Петровны» 1746); Подобно как твой *дед* в полках > день («Ода на тезоименитство Петра Федоровича» 1743); РГБ 74: В *огромные* столпы сберу > Во *громные* («Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург», 1742). Однако таких описок не так много.

1. Замены «по невнимательности», случайные замены

Чаще всего подобные изменения касались местоимений, местоименных наречий, союзов, предлогов — то есть тех элементов текста, которые имеют менее четкое, сравнительно с именами и глаголами, лексическое значение и мало различающиеся формы, например:

РГАДА 746: Не *там* ли царствует любовь? > Не *тут* ли («Ода на бракосочетание» 1745); И меч *Твой* лаврами обвитый / Не обнажен войну пресек > меч *свой* («Ода на восшествие» 1748);

РГБ 74: поля *свои* > твои («Ода на восшествие» 1747), от *сих* утех > от *тех* утех («Ода на день рождения Петра Федоровича» 1742).

Подобные замены, очевидно, не будут уникальными; они могут характеризовать любой переписанный или переизданный текст, т. к. слова этих частей речи привлекают в тексте меньшее внимание переписчика или наборщика и в той или иной степени присутствуют в каждом из проанализированных текстов.¹³

2. Замены, связанные с трансформацией стилистических смыслов

Подобные исправления гораздо более показательны. Замена может осуществляться в рамках одного понятийного поля с изменением или

¹³ См. подробное сравнение изданий 1751 г., 1768 г. и РГАДА 746 в: Кислова Е. И. Язык од М. В. Ломоносова сквозь призму рукописной и издательской традиции XVIII века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 7–25.

без изменения стилистических смыслов; возможна также замена с изменением смысла и одновременно с сохранением или изменением стилистического смысла. При изменении стилистических смыслов чаще всего меняется «уровень книжности» исправляемого слова (повышается или понижается), устраняются архаичные лексемы, устаревшие церковнославянизмы, а также малопонятные переписчикам неологизмы и экзотизмы, то есть устраняется *уже* непонятное или *еще* непонятное. Подобная работа переписчиков и редакторов продолжает традиции древнерусских переписчиков: «Они [лексико-словообразовательные замены. — Е. К.] позволяют судить о том, какие слова в XII–XIII веках осознавались как региональные, устаревшие, просторечные или редкие, какие утрачивали свои древние значения или изменяли стилистические характеристики и т. д.»¹⁴ Очевидно, возросшая стабильность текста в XVIII веке, развитие представления об авторе и авторском тексте в определенных ситуациях не становились препятствием для редактирования. Далее мы сопоставим 3 наиболее полных сборника (РГАДА 746, РГБ 74 и РГБ 501), из которых наиболее близким к печатному оригиналу по времени создания будет РГАДА 746, тогда как РГБ 74 и РГБ 501 созданы при определенной временной дистанции. Именно время оказывается наиболее важным фактором, провоцирующим лексические изменения в переписываемом тексте: если в РГАДА 746 лексических изменений не так много, то в рукописях РГБ их количество будет увеличиваться.

а) Повышение уровня книжности

Тексты Ломоносова в русской культуре были маркированы как высокие, «книжные», поэтому отдельные слова, не имевшие, с точки зрения переписчиков, достаточного уровня «книжности», заменялись на более высокие, то есть более приличные по статусу одам. Характерна замена местоимения *ей* на *сей* (указательное местоимение, имеющее высокие коннотации): Кто море уложил брегами / И бездне положил предел, / И *ей* свирепыми волнами / Стремиться дале не велел? > И *сей*... (РГАДА 746; «Ода, выбранная из Иова»). Возможно даже воз-

¹⁴ Молдован А. М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000. С. 42.

никновение двусмысленности: Когда на трон Она вступила / Как Вышний подал *Ей* венец > Как Вышний подал *сей* венец (РГАДА 746; «Ода на восшествие» 1747).

В РГБ 74 и РГБ 501 в ряде случаев мы также находим примеры исключительно стилистической правки, не затрагивающей смысла текста:

РГБ 74: Но если *хочешь* видеть ясно, / Коль Росско воинство ужасно > *хочешь* («Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург», 1742); *Но ею* весь пространный свет > *Коею* (Там же).

РГБ 501: Сосцами реки *проливает* / И теми всяку тварь питает > *изливает* («Ода на день рождения Елизаветы Петровны» 1746).

В некоторых случаях такая замена может менять ритм строки, например: *Взлети* превыше молний, Муза > *Вознесись* (РГАДА 746; «Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742). В САР глагол *взлетаю* / *взлечу* не имеет стилистических помет, но иллюстрируется фразой *Птица взлетела на кровлю*¹⁵ (САР III 1183), тогда как глагол *возношуся* проиллюстрирован не только цитатами из Библии, но формой аориста: *вознеся и вознесохся* (САР IV 490), что указывает на его книжную и церковнославянскую характеристику. Видимо, для переписчика не книжная маркированность глагола *взлететь* оказывалась настолько противоречащей высокому жанру оды, что оправдывала даже нарушение ритма строки.

В ряде случаев стилистическая правка соотносится с более или менее радикальным изменением смысла строки:

РГАДА 746: «Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742: Уже надежду *отверьгают* / И в мгле свой флот и стыд скрывают (т. е. отказываются от надежды) > *отверзают* (т. е. открывают надежду).

РГБ 74: Наполненный, страшась, чудится: / Как в стих возможно ей *вместиться?* > *вменится*, затем исправлено на *вместится* («Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742); Или ужасную Эгиду / Нося, врагов своих *страшит* > *стражит* (Там же); Дер-

¹⁵ Словарь Академии Российской. СПб., 1783–1794. Далее САР. В статье ссылки на словарь даются в скобках, римская цифра указывает номер тома, а арабская — номер столбца.

зайте ныне ободренны / Раченьем вашим показать, / Что может собственнх Платонов... > реченьем («Ода на восшествие» 1742).

РГБ 501: Что вихри в вихри ударились, / И тучи с тучами *стирались* > *сражались* (Ода 1746).

Можно предположить, что изменения стилистической системы литературного языка привели к большей «чувствительности» переписчиков к отдельным лексемам: в 2 исследованных списках, например, замены касаются лексемы *разрушать*:

РГБ 501: Воззри на стены *разрушенны* > *раззоренны* («Ода на восшествие» 1748).

РГБ 74: Союзы *разрушить* блюдитесь (т. е. избегайте разрушать союзы) > *разрбиать* («Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742). В данном случае причина правки — в том числе глагол *блюстись* в значении «воздерживаться, опасаться» (САР I 234), который уже непонятен переписчику и, очевидно, путается с невозвратным глаголом *блюсти*, поэтому вся строфа требует исправления за счет замены *разрушить*; новый смысл строки — «сохраняйте разрешение союзов».

В Словаре Академии Российской, который соотносим по времени создания с примерной датировкой РГБ 74 и РГБ 501, глагол *разрушаю* не имеет стилистических помет, однако толкуется при помощи глаголов «разоряю, изпроверяю» и примеров «разрушить дом, здание», «разрушить чьи намерения»; в качестве примера приводится строка из оды Ломоносова «Противных разрушит наветы» (САР V 230). Глагол «разоряю», напротив, иллюстрируется в том числе примерами из Библии, что достаточно ясно свидетельствует о его более книжной характеристике (САР IV 643).

В РГБ 501 последовательно правится лексема *клик* («крик, громкое возгласие», САР III 614): Но се различные языки / От рек великих и морей / Согласные возносят *клики* / К тебе, Монархине своей > *лики* («Ода на день рождения Елизаветы Петровны» 1746), Когда от радостной премены / Петровы возвышали стены / До звезд плескание и *клик!* > *лик* («Ода на восшествие» 1747).

Если в первом случае можно предположить замену на «лик» со значением «лицо», то второй пример показывает, что речь скорее идет о *лике* в значении «песнь, гласы поющих или играющих» (САР III 1194).

Оба слова в САР имеют книжные характеристики: *лик* в значении «лицо» имеет прямую помету «славянское» (САР III 1195), *лик* в значении «песнь» иллюстрируется исключительно текстами Св. Писания, что доказывает церковнославянскую характеристику этого слова. Следовательно, в любом случае происходит повышение уровня книжности. Можно предположить, что студент семинарии Иосиф Тодорский должен был хорошо знать слово *лик* в значении «песнь», поэтому своей правкой только повысил уровень книжности строк Ломоносова.

б) Понижение уровня книжности, устранение устаревших лексем

Вторая тенденция заключается в устранении или переосмыслении устаревших лексем и в замене устаревших или «избыточно книжных» форм и лексем на более нейтральные (в том числе книжные по стилистическим характеристикам, но немаркированные как устаревшие). Нельзя сказать, что вторая тенденция противоречила первой: в обоих случаях переписчики и редакторы трансформируют исходный текст в зависимости от своих представлений о его должном облике. Этот процесс также может происходить без изменения смысла строфы и с большим или меньшим изменением:

РГАДА 746: И вокруг довольства исчисляет, / Возлегли *лактем* на Кавкас > *локтем* («Ода на восшествие» 1748) — несмотря на то, что САР дает в качестве основного варианта словарной статьи форму *ла-коть*, «просто же локоть» (САР III 1135).

РГБ 74: В печальнейшей *нощи* сидел > *ночи* («Ода на день рождения Елизаветы Петровны» 1746; в САР основная статья *ночь*, «по сл. ночь» (САР IV 555)); И так от века утвержденных / Как в тяжких Таврских *нутр* горах > *внутрь* («Ода на бракосочетание» 1745); Всегда роскошествует природа, / Искусством рук *побуждена* (т. е. *понуждена, поощрена* (САР I 371)) > *побъждена* («Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742); Стихии, ярость *укрочайте* > *украшайте* («Ода на тезоименитство Петра Федоровича» 1743 — вероятно, вариант *укрочайте* и сам глагол *укрочать* был непонятен, поэтому переписчик не смог заменить его на ожидаемое *укрощайте*).

РГБ 501: Премудрость сядет в суд с тобою / изгонит лесь и *ков* с хулою > *ложь* («Ода на тезоименитство Петра Федоровича» 1743); Различна речь, одежда, нравы, / Но всех *согласна* похвала > *едина*

(«Ода на восшествие» 1748). Вероятно, значение «сходный, подобный, ровный» (САР I 82), которое имеет прилагательное *согласный* в этой строке, оказывалось малоактуальным для переписчика, поэтому произошла замена на более распространенное *единый* в значении «со-вокупный, общий, нераздельный» (САР II 937).

Отдельные лексемы подвергаются последовательной замене, так, например, *крила* у Ломоносова во всех текстах заменены на *крыла* уже в самом раннем из исследованных списков (РГАДА 746), позже такая замена становится всеобщей, в том числе закрепляясь в издании 1768 г.:

РГАДА 746: Покрытым орлими *крилами* / Кто смеет прикоснуться нам? > *крылами* («Ода на восшествие» 1748);

РГБ 74: Объемлет мягкий луг *крилами* > *крылами* («Ода на тезоименитство Петра Федоровича» 1743); Орел, на высоту паря, / По ветру *крила* простирает > *крыла* («Ода, выбранная из Иова»; так же в РГБ 501 и РГБ 689).

В САР статья озаглавлена «Крыло, или Криво», причем в иллюстрирующих этот пример двух цитатах из од Ломоносова также последовательно дается форма «крыло» (САР III: 1025).

В отдельных случаях сохранить чтение оригинала не помогала даже рифма, например, в РГБ 74 (а также в издании 1768 г.): Но грудь пронзит народов *льстивных*, / Ужасный луч в полки противных / Блистая из твоих очей > *льстивых* («Ода на тезоименитство Петра Федоровича» 1743). Вариант «льстивный» не представлен в Словаре Академии Российской и, очевидно, уже осознавался как устаревший.

В редких случаях изменение происходит без очевидного изменения стилистических смыслов и без изменения значения:

РГБ 501: Ты можешь ли Левиафана / На уде *вытянуть* на брег? > *вытащить* («Ода, выбранная из Иова»).

В данном случае одна лексема заменена на другую, причем ни одна из них не имеет в САР книжных помет или церковнославянских иллюстраций (*вытянуть* — САР VI 392; *вытащить* — САР VI 36–37). Примечательно, что сопоставление употребительности этих лексем по Национальному корпусу русского языка показывает употребление лексемы «вытянуть» до 1784 г. при отсутствии «вытащить», но в последнем десятилетии в корпусе присутствует исключительно «вытащить» при почти нулевом употреблении «вытянуть» — что в целом даже

при редуцированном наборе текстов XVIII века, вошедших в НКРЯ, весьма показательно. Выбор переписчика иллюстрирует рост популярности одной лексемы в противовес уменьшению употребительности другой.

Подобный же процесс мы видим в строке «Корабль, что в тихий порт плывет», где Иосиф Тодорский полностью меняет словосочетание: «Корабль, что к пристани плывет» («Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742). Здесь его решение соотносится с мнением составителей САР, поместивших в качестве основной статьи слово *пристань* (САР V 804), а *порт* — только как отсылочное к *пристани* (САР IV 1002); данные НКРЯ также показывают большую употребительность слова *пристань* на протяжении почти всего XVIII века.

в) Корректировка смысла

Наиболее любопытным является изменение смысла отдельных строк Ломоносова в том случае, когда проведенную правку нельзя объяснить стилистическими параметрами слов. Конечно, всегда остается шанс, что мы имеем дело со случайной опiskeй, случайной ассоциативной заменой отвлекшегося переписчика, однако само движение мысли в таком случае может быть интересным.

Наиболее показательна последовательная и повторяющаяся в ряде копий смысловая правка. Так, Иосиф Тодорский (РГБ 501) в трех случаях правит *безмерный* на *безсмертный*: Возри в *безмерный* круг небес («Ода на тезоименитство Петра Федоровича» 1743); Творец и царь небес *безмерных* (Там же); Где был ты, как передо мною / Бесчисленны тьмы новых звезд, / Моей возжженных вдруг рукою, / В обширности *безмерных* мест («Ода, выбранная из Иова»). Во всех трех случаях речь идет о небесах, к которым Ломоносов прилагает категории пространства, тогда как ученик Вологодской семинарии Иосиф Тодорский, видимо, оценивает их с точки зрения конечности, т. е. смертности. По данным НКРЯ, словосочетание *бессмертные небеса* отмечено раньше всего в стихотворениях Н. М. Языкова в 1823 и 1825 гг., то есть можно предполагать, что в конце XVIII века такое словоупотребление не было распространено.

В целом в копии Иосифа Тодорского (РГБ 501) заметно желание по мере сил улучшить Ломоносова, что приводит к многочисленным

лексическим заменам, как синонимическим, так и метонимическим. Например, устраняется оксюморон: Ужасный *чудными* делами / Зиждатель мира искони / Своими положил судьбами / Себя прославить в наши дни > *судными* («Ода на восшествие» 1747). Этот же фрагмент вызывает критику Сумарокова: «Бог велик чудными делами, а не ужасен».¹⁶

Сходная правка представлена и в «Оде на восшествие» 1746 г., однако здесь исправление приводит к появлению неожиданного «синестетического» образа: Но Бог, смотря в концы вселенны, / В полночный край свой взор возвел, / Взглянул в Россию *кротким* оком / И, видя в мраке ту глубоко, / Со властью рек: «Да будет свет» > *громным* оком. Абстрактное заменяется на более конкретное: *Премудрость* тамо зиждет храм > *науки* («Ода на восшествие» 1747), и *тьма* произвела нам свет > *и ночь* (Там же). В строфе «Он *тигров* челюсти терзает» Иосиф Тодорский пишет «он *львовы* челюсти терзает» («Ода на тезоименитство Петра Федоровича» 1743), то есть сознательно меняет одно животное на другое, усиливая значение строки — возможно, под влиянием упомянутого в строфе Самсона.¹⁷ Сопоставление этих лексем в НКРЯ показывает в целом большую употребительность слова *лев* на протяжении всего XVIII века, поэтому замена представляется очевидной.

В некоторых случаях переписчик правит текст, руководствуясь общей логикой. РГБ 501: Сладка *плодам* во время зною / Прохлада влажня росы > *полям* (Ода 1746); В моей послушности *крутятся* / Там Лена, Обь и Енисей > *катятся* (Ода 1748); Там Нил *смирненно* протекает > *пространно* (Ода 1746), Сверкают очи *раздраженны*, / Как уголь, в горниле раскаленный > *развращенны* («Ода, выбранная из Иова»; обе лексемы имеют книжные церковнославянские коннотации и иллюстрируются в САР примерами из Библии (САР I 910 и САР II 741), но усиливается смысл строки).

Этот же принцип представлен и в РГАДА 746: Но злой *навет* хотя начать, / Упадши, сокрушились > *совет* («Преложение псалма 26»).

¹⁶ Сумароков А. П. Стихотворения. С. 349.

¹⁷ Благодарю за это наблюдение А. А. Костина.

Хотя слова «навет» и «совет» также иллюстрируются в САР примерами из Св. Писания и цитатами из од Ломоносова (САР I 1035; 1047), но переписчики выбирают более актуальную и, очевидно, более частотную для себя лексему, изменяющую смысл всей строки.

В отдельных случаях исправление показывает попытку переписчика осмыслить сложный синтаксис Ломоносова. Так, в Оде 1743 г. в финальных строках мы читаем: «Как естли сей предел положен, / Что *выше степень* не возможен, / Куда делами Петр возшел, / Яви сию щедроту с нами, / Да превзойдет Его летами / Наследник имени и дел». Фраза «*выше степень не возможен*»¹⁸ вызвала недоумение Иосифа Тодорского. САР фиксирует для слова «степень» мужской род как основной и женский род «в обыкновенном наречии» (САР V 750). В попытке внести ясность во фразу переписчик создает следующее «улучшение»: Что *выше стен* он невозможен, / Куда делами Петр возшел. Смысл строфы разрушается, но некий более конкретный смысл обретает строка.

г) Малоизвестные топонимы, имена и экзотизмы

В целом переписчики и наборщики делают крайне мало ошибок в малоизвестных словах, вероятно, из-за повышенного внимания, которого они требовали. Однако несколько примеров, отмеченных именно в рукописях, хорошо показывают нам, каким образом переписчики пытались адаптировать текст Ломоносова сообразно своим знаниям — и, следовательно, круг знаний среднего читателя Ломоносова в середине XVIII века.

Первую подгруппу составляют здесь топонимы: несмотря на то, что часть их была плохо известна переписчикам и редакторам, изменений в них очень мало, например:

РГАДА 746: при стенах *Вильманстрандских* > *Вильмандрстраданских* («Слово похвальное», явная описка); *Мавританских гор* > *Мамвританских* («Ода 8 похвальная»).

¹⁸ В «рукописном сборнике, содержащем оды и надписи Ломоносова и состоящем из автографов и писарских копий с поправками автора» (СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 3. № 45), эта фраза читается так: «Что *вышший степень* невозможен» (*Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений и писем. М., 1952. Т. 8. С. 109, примеч.).

Иностранные топонимы ожидаемо неизвестны переписчикам: судя по данным НКРЯ, это одно из первых употреблений прилагательного *мавританский* в русской литературе («Словарь русского языка XVIII века» указывает «Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный Собранием ученых людей. СПб., 1786, т. 1–2» 1786 г., НКРЯ — статью «О торговле вообще» из «Прибавления к Московским ведомостям» 1783 г.,¹⁹ хотя сам корень «мавр-» датируется 1734 г.). Существительное *мавр* как название народа стало употребительным только во второй половине XVIII века. Можно также предположить влияние хорошо известного переписчикам церковнославянского выражения «Мамврийский дуб».²⁰

Более любопытной представляется замена российских топонимов в ряде текстов:

РГАДА 746 и РГБ 74: Возри на горы превысоки, / Возри в поля Свои широки, / Где Волга, Днепр, где *Обь течет* > *обтечет* («Ода на восшествие» 1747).

Вероятно, топоним *Обь* был плохо знаком среднеобразованным кругам европейской части России, и даже перечисление его в одном ряду с другими реками не всегда помогало опознанию слова *Обь* как топонима, а не как предлога/приставки *об*. Действительно, судя по данным НКРЯ, топоним *Обь* мало известен в первой половине XVIII века: он отмечен в «Истории Российской» Татищева (1739–1750) и только во второй половине века встречается в исторических и географических сочинениях («Древней российской истории» Ломоносова (1754–1758), произведениях Радищева, в начале XIX века — в «Истории государства Российского» Карамзина и др.). Отметим, что в «Оде на восшеств-

¹⁹ Вслед за Г. П. Макогоненко статья составителями НКРЯ ошибочно атрибутирована Н. И. Новикову. Как показал В. И. Симанков, на самом деле она представляет собой анонимный перевод из труда К. А. Шёнфилда (*Симанков В. И. Из разысканий о журнале «Прибавление к Московским Вѣдомостямъ» (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н. И. Новикову, И. Г. Шварцу и Ф. В. Каржавину. Харьков, 2010. С. 5).*

²⁰ *Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1993. С. 297.*

вие» 1748 г. этот топоним оставлен без изменений — очевидно, из-за невозможности подобного исправления: «В моей послушности крутятся / Там Лена, *Обь* и Енисей».

В РГБ 74 замененным оказывается топоним «Дон»: Воззри на *Дон* и край Понтийский > *дом* («Ода на прибытие Елизаветы Петровны» 1742) — возможно, под влиянием слова *край*. Этот же переписчик дает более архаичную форму имени Стокгольма: *Стокгольм*, глубоким сном покрытый > *Стекольм* (Там же).

Любопытны представления о географии у Иосифа Тодорского (РГБ 501): Там Лена чистой быстринной, / *Как* Нил, народы напояет > *И* Нил («Ода на восшествие» 1747). Т. е. правка показывает, что Нил и Лена находятся для него на одной территории.

Вторая подгруппа, вызывавшая сложности у переписчиков, — заимствования, в это время еще не вошедшие в широкое употребление. Ярким примером преобразования такого рода стали следующие строки:

Янычар твой свирепо слится
Как Тигр на Росский полк скакал,
Но что? Внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился
(«Ода на взятие Хотина» 1739).

В РГАДА 746 эта строка дана в следующем виде: *Я нычар* твой свирепо *злил*ся. Необходимо отметить, что зона слитного и раздельного написания является одной из самых нестабильных в орфографии этого периода, особенно это касается правописания наречий (*вслед* — *в след*, *повсюду* — *по всюду*), а также написания частиц *не*, *же*, *бы* и подобных. Раздельное написание на месте слитного появляется в рукописи редко и только в том случае, когда часть слова совпадает с предлогом или местоимением и в результате возможно двоякое понимание контекста. Между тем, слово *янычар* совершенно четко написано с пробелом после *я*. Форма глагола 3 л. ед. ч. *слится* представлена и в издании 1751 г. (с которого сделан список), и в издании 1768 г., и исправлена на *злил*ся только в собрании сочинений 1757 г. Однако переписчики догадывались о необходимой замене на *злил*ся, которая может согласовываться с 1 л. ед. ч. местоимения. Таким образом,

непонятное *янычар* *слитя* преобразовано в более понятное *я злился*. Фрагмент *нычар*, возможно, мог восприниматься как некое существительное, образованное по церковнославянской модели *вратарь*.

Слово *янычар* в вариантах *яничарин*, *яныченин*, *янычененин* знакомо древнерусскому языку,²¹ однако в форме *янычар* в «Оде на взятие Хоптина» 1739 г. оно только входит в язык и, как мы видим, еще в середине века плохо понятно среднему читателю, хотя картотека Словаря русского языка XVIII века показывает отдельные употребления этого слова в такой форме в 1703–1705 гг. в «Ведомостях». Только во второй половине века оно активно начнет употребляться в различных произведениях, связанных с русско-турецкой войной, и станет обязательным элементом в одах и стихах, посвященных победам над турками.

Устаревшим к концу XVIII века оказывается слово *готф*, которое активно использует Ломоносов. Так, вместо «*Весельный шум, гребущих крик / Наносят Готфам страх велик*» Иосиф Тодорский пишет: «*Веселый шум, гребущих крик / Наносят смертным страх велик*» («Ода на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург» 1742). Слово *готф* ни в одной из форм (готы, гофы) не вошло в САР и, видимо, оказалось малопонятным и устаревшим, однако его замена была неочевидной, поэтому Иосиф Тодорский меняет его только в одном контексте, сохраняя в других.

Рукописная традиция XVIII века представляется нам крайне любопытным и важным аспектом изучения наследия Ломоносова: она дает возможность хотя бы в некоторых случаях оценить восприятие его текстов «среднеобразованными» читателями. Отметим, что во многих случаях непонятность отдельных лексем и фраз только продолжает нарастать, так как устаревшие к концу XVIII века лексемы будут точно так же непонятны неспециалисту и сейчас, а сложный синтаксис од Ломоносова вызывает те же затруднения у рядового читателя XXI века, что и у ученика Вологодской семинарии Иосифа Тодорского. Стилистические замены, напротив, во многих случаях будут уникальными — они будут характеризовать стилистическую систему второй половины

²¹ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 2003. Т. 3. С. 1659.

XVIII века и показывать те оттенки смысла, которые сейчас уже воспринимаются по-другому.

Сопоставление с оценкой образованных современников — например, с «Критикой на оду» Сумарокова — показывает, что восприятие «средних читателей» будет иметь ряд существенных отличий: в частности, они гораздо более чувствительны к книжным и некнижным характеристикам отдельных лексем и гораздо менее — к семантической и грамматической сочетаемости, на что обращает особое внимание Сумароков. При этом в каких-то случаях церковнославянские по происхождению значения оказываются для копиистов актуальными, а для Сумарокова — уже непонятными. Так, его недоумение вызывает фраза «Все холмы покрывают *лики*»: «Холмы еще не значат множества холмов, а все холмы знаменуют множество холмов. Какие ж *лики* их покрывают? Муз и всех только девять, а не полки», т. е. для него основным значением слова *лик* будет *лицо*, тогда как для копиистов — *песнь*. В этом случае языковая компетенция Ломоносова оказывается ближе «средним читателям», нежели получившим светское образование нового типа. Общей «зоной непонятного» будут являться яркие тропы, созданные Ломоносовым: *пламенные звуки, ужасный чудными делами* и т. д.

В целом рукописные копии и произведенные в них изменения дают интереснейшую картину осмысления классических текстов читателями второй половины XVIII века.

**ПЕРЕВОД И ПОДРАЖАНИЕ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII ВЕКА**

**ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ —
УЧИТЕЛЬ ГОЛЛАНДСКОГО ЯЗЫКА?
(К истории судьбы «Colloquia familiaria»
в России в XVIII веке)**

Формирование в Петровскую эпоху репертуара русской дидактической литературы, предназначенной для удовлетворения потребностей, вызванных нововведениями и реформами царя, характеризуется также появлением целого ряда переводных сочинений, изучение которых, безусловно, может внести ценный вклад в создание картины литературной культуры этого времени.¹

В связи с этим большой интерес представляют сочинения педагогического характера, содержащие жизненные наставления, правила поведения, учебники, образцы разговоров на иностранных языках и т. д. Таковы, например, «Златая книжица о гожении нрав» и «Разговоры дружеские», появившиеся именно в Петровскую эпоху и представляющие переводы двух популярных трактатов известного гуманиста Эразма

¹ Обзор переводов и переводческой деятельности в Петровскую эпоху см.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1908. Т. 84. № 3. С. 1–47; *Николаев С. И.* Первая четверть XVIII века: эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1: Проза. С. 74–93.

Роттердамского (1469 (?)-1536) «De civilitate morum puerilium» и «Colloquia familiaria».

В данной статье будут представлены несколько замечаний о «Разговорах дружеских», которые должны способствовать определению места и значения этого сочинения в рамках переводной педагогической литературы Петровской эпохи и в истории восприятия творчества Эразма Роттердамского в России в XVIII веке.

Прежде чем обратиться к «Разговорам дружеским», уместно рассмотреть кратко вопрос, касающийся распространения сочинений Эразма в Петровскую эпоху в России.

По этому поводу надо уточнить, что в действительности творчество Эразма было уже распространено во второй половине XVII века, как свидетельствует перевод «De civilitate morum puerilium»,² сделанный, по мнению исследователей, не раньше второй половины 60-х гг. или в 70-е гг. этого века.³ Значительное число списков, восходящих

² Трактат «De civilitate morum puerilium», содержащий нормы и указания по этикету для поведения детей в обществе, был опубликован в Базеле в 1530 г. Сразу после своего появления он получил широкий успех, особенно в странах Северной и Центральной Европы, как свидетельствуют его многочисленные издания, переводы и переработки. Для общего представления о «De civilitate morum puerilium», о его изданиях и т. д. см.: *Haeghen F. van der*. Bibliotheca Erasmiana. Répertoire des œuvres d'Erasmus. Nieuwkoop, 1961 (репринт изд.: Gent, 1893); *Gutmann E.* Die Colloquia Familiaria des Erasmus von Rotterdam. Basel; Stuttgart, 1967; *Brüggemann Th., Brunken O.* Handbuch zur Kinder- und Jugendliteratur: Vom Beginn des Buchdrucks bis 1570. Stuttgart, 1987. Kol. 632–656, 1001–1006.

³ Перевод, озаглавленный «Гражданство обычаев детских» или «Гражданство нравов благих», был сделан с польской версии поэта С. Ф. Клёновича, взявшего для своего перевода переработку в вопросно-ответной форме трактата Эразма, принадлежащую немецкому педагогу Рейнхарду Лориху (Reinhardus Lorichius Nadamarius). Отличие в заглавиях объясняется гипотезой о существовании одного перевода с латинского, а другого — с польского. Автором одного из двух переводов считается известный книжник Епифаний Славинецкий (начало XVII века — 1675). Подробнее об этом см.: *Алексеев М. П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века // Славянская филология. Сборник статей, посвященных IV Международному съезду славистов. М., 1958. Т. 1. С. 293; *Численко Н. Д.* «Гражданство обычаев детских» и его польский источник // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 13; *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 196–199.

к концу XVII и к первой половине XVIII века, доказывает, что этот перевод, в котором не упоминается имя Эразма, пользовался большим успехом.⁴

К самому началу XVIII века восходит новый перевод трактата «*De civilitate morum puerilium*», составленный немецким поэтом, переводчиком и учителем И. В. Паузе (1670–1735)⁵ и озаглавленный «Златая книжица о гоении нрав». Паузе, бывший ученик в Галле пиетиста А. Г. Франке (1663–1727), по всей вероятности, осуществил данный перевод около 1705 г., в период своего преподавания в московской гимназии пастора Э. Глюка (около 1652 — около 1705). По мнению исследователей, использованный им источник — это гамбургское издание трактата Эразма 1678 г. на латинском и немецком языках, озаглавленное: «*Liber Aureus Erasmi Roterodami, De civilitate morum puerilium*».⁶

Причину для составления нового перевода «*De civilitate morum puerilium*», где упоминается имя великого гуманиста, можно обнаружить в потребности или в желании самого Паузе снабдить учеников гимназии Глюка авторитетным педагогическим пособием, популярным во всей Европе. Таким именно являлся трактат Эразма наряду с переводами сочинений Я. А. Коменского «*Orbis pictus*» и «*Vestibulum linguae lati-*

⁴ Перечень списков см.: Николаев С. И. Польско-русские литературные связи... С. 196–199.

⁵ Биографию и обзор деятельности И. В. Паузе см.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3: Из истории развития русской поэзии XVIII в. С. 142–254; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 313–332; Мусеева Г. Н. Паузе (Паус) Иоганн Вернер // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 413–415.

⁶ Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 — январь 1725 г. М.; Л., 1958. С. 349; Revunenkova N. V. Erasmus en Russie // Dutch Review of Church History. 1991. № 71-2. P. 139. Об издании 1678 г. см.: Brüggemann Th., Brunken O. Handbuch... Von 1570 bis 1750. Stuttgart, 1991. Kol. 1231–1232. По этому поводу надо заметить, что в библиотеке Franckesche Stiftungen в Галле числится гамбургское издание 1678 г. См.: Klosterberg B. ABC-Büchlein und Bilderbibel. Kinder- und Jugendliteratur in Franckens Stiftungen. Halle, 2000. S. 21 (Begleitband zu der ersten Kabinettausstellung der Bibliothek der Franckeschen Stiftungen zu Halle 7. Mai 2000 — 27. August 2000; Kleine Schriftenreihe der Franckeschen Stiftungen 1).

пае», использовавшихся в гимназии в качестве учебников.⁷ Нельзя сказать все-таки, что труд Паузе пользовался успехом: до сих пор известны только его черновой и белой варианты.⁸

Итак, в 1716 г., когда в Санкт-Петербурге были опубликованы «Разговоры дружеские» — перевод весьма популярного во всей Европе трактата «Colloquia familiaria», — в России были известны уже два рукописных перевода столь же знаменитого пособия Эразма «De civilitate morum puerilium». Первый из них, сделанный во второй половине XVII века без указания имени Эразма, пользовался большим распространением и в первой половине XVIII века, тогда как второй перевод, составленный в самом начале XVIII века в связи с инициативой и с дидактической практикой И. В. Паузе и упоминающий имя Эразма, был в ходу, скорее всего, только в пределах гимназии Глюка.⁹

Полезную информацию о распространении сочинений Эразма в России в Петровское время предоставляют также описи библиотек видных деятелей эпохи. По этому поводу можно заметить, что, например, в библиотеке Феофана Прокоповича (1677 или 1681–1736), поступившей в библиотеку Новгородской духовной семинарии, находились экземпляры изданий «Colloquia familiaria», появившиеся в XVI и XVII веках в Германии и Голландии.¹⁰ Один экземпляр «Colloquia familiaria»,

⁷ *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы... С. 156, 159. Надо заметить, у нас нет доказательств, что Паузе знал предыдущий перевод этого труда Эразма.

⁸ О черновом и белом варианте «Златой книжицы о гоении нрав» и о переводе Паузе см.: *Bragone M. C.* В лаборатории И. В. Пауса-переводчика: черновой и белой варианты его перевода трактата Эразма Роттердамского «De civilitate morum puerilium» // *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag.* Göttingen, 2012. Teil 2: Einflusforschung. S. 11–30.

⁹ Перетц предполагает также, что Паузе выполнил перевод «Liber aureus» для себя как упражнение в русском языке, который, наверно, он еще не знал достаточно хорошо. См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы... С. 231.

¹⁰ *Grigor'eva I. L., Salonikov N. V.* Die Werke des Erasmus im Novgorod des 18. Jahrhunderts // *Germanistisches Jahrbuch der GUS «Das Wort».* 2000/2001. S. 152–153. По описи, составленной в 1779 г., в библиотеке Новгородской духовной семинарии

изданный в Гааге в 1700 г., принадлежал Я. В. Брюсу (1670–1735), усердному сподвижнику Петра I и знатоку иностранных языков, в том числе голландского.¹¹ Можно предположить, что именно этот экземпляр, скорее всего, был использован для перевода «Разговоров дружеских».

В отличие от двух версий «De civilitate morum puerilium» появление перевода «Разговоров дружеских» оказалось непосредственно связанным с указаниями и заботами Петра I, касающимися переводческой деятельности и создания репертуара практической литературы. Выбор пал на сочинение, пользовавшееся в течение веков огромной популярностью во всей Европе и одновременно вызывавшее резкое сопротивление, особенно со стороны католических иерархий.¹² Беглый взгляд на историю составления и судьбу «Colloquia familiaria» может предоставить нужные сведения для изучения и характеристики перевода «Разговоров дружеских», который, как мы уже сказали, был осуществлен на основе позднего издания трактата.

Первое издание «Colloquia familiaria», вышедшее в Базеле в 1518 г. без ведома Эразма и озаглавленное «Familiarium colloquiorum formulae», являлось собранием формул и образцов для разговоров на латинском языке, адресованным школьникам. Первоначальный состав сочинения был обогащен в базельском издании марта 1522 г. включением значительного количества диалогов. Объем трактата увеличивался добавлением новых диалогов в последующих изданиях, которые следовали одно за другим до базельского издания марта 1533 г., содержащего

находилось около 25 изданий сочинений Эразма. См.: *Grigor'eva I. L., Salonikov N. V. Die Werke des Erasmus...* S. 151.

¹¹ Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 122. № 1098; *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 368. По этому поводу интересно отметить, что в библиотеке Петра числилась «Книга Лексикон, или Собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык», составленная Брюсом и вышедшая в Санкт-Петербурге в 1717 г. См.: Библиотека Петра I... С. 60. № 338.

¹² Об истории составления и об изданиях «Colloquia familiaria» см.: *Bierlaire F. Erasme et ses Colloques: le livre d'une vie.* Genève, 1977; *Brüggemann Th., Brunken O. Handbuch... Vom Beginn des Buchdrucks bis 1570...* Kol. 377–413, 1007–1013.

окончательный состав сочинения.¹³ Начиная с базельского издания февраля 1526 г. заглавие сочинения было изменено на «Familiarium Colloquiorum opus».

Диалоги «Colloquia familiaria» использовались в школьной практике для изучения морфологии и синтаксиса латинского языка и для упражнения в переводе и риторике.¹⁴ Пользуясь оружием сатиры, Эразм также указывает в диалогах на пороки современников и рассматривает спорные социальные, политические или религиозные вопросы, относящиеся к войне, исповеди, постам, паломничествам, отпущению грехов и т. д. Кроме того, обсуждаются также вопросы педагогического характера, касающиеся места игры в воспитании и т. д. В «Colloquia familiaria» Эразм предлагает свой идеал гармонической жизни в духе христианской морали, внутри которого разум и вера могут сосуществовать.¹⁵

Итак, «Colloquia familiaria», опиравшиеся на большое количество источников, в том числе на Св. Писание, на античных авторов и отцов церкви, представляли собой одновременно пособие для обучения латинскому языку и трактат большого масштаба, который показывал и обсуждал многочисленные аспекты и проблемы жизни и действительности.¹⁶

¹³ *Brüggemann Th., Brunken O. Handbuch... Vom Beginn des Buchdrucks bis 1570...* Kol. 379, 381, 382, 390.

¹⁴ *Ibid.* Kol. 409.

¹⁵ *Margolin J.-C. Adages et Colloques au crible de la censure inquisitoriale, tridentine et post-tridentine en Europe // Erasme précepteur de l'Europe.* Paris, 1995. P. 135–136.

¹⁶ Назначение «Colloquia familiaria» Эразм подчеркивает, например, в защитительном письме «De utilitate colloquiorum» («О пользе разговоров», 1526), где он заявляет: «Et si laudantur literatores aetate provecti, qui pueritiae crustulis blandiuntur, elementa velint ut discere prima, mihi non arbitror vitio verti debere, quod simili studio iuventutem illecto, vel ad elegantiam Latini sermonis, vel ad pietatem <...> Atqui hic libellus, si tenerae pubi praelegatur, tradet illos ad multas disciplinas magis habiles, ad poetice, ad rhetoricen, ad physice, ad ethice, demum ad ea quae sunt pietatis Christianae». *Пер.*: «Если похвальны те пожилые учителя, что заманивают детей пирожными, дабы те выучили начальные сведения, то тогда я не думаю, что нужно обвинять меня, если я подобным же усердием подвожу юношей к изяществу латинского языка и к набожности <...>. Эта маленькая книга, истолкована будучи милому юношеству, подведет его к многочисленным и более подходящим пред-

Двойная функция подобного рода была присуща также трактату «De civilitate morum puerilium», в течение веков служившему сборником этикетных норм для поведения детей в повседневной жизни и текстом для занятий и упражнений в латинском языке.

Изменения и переработки, неоднократно вносимые в сочинение Эразмом, были вызваны также резким противодействием католических иерархий, так что в результате «*Colloquia familiaria*» были включены Тридентским собором в Индекс запрещенных книг. Запрет был снят только в 1897 г. Сочинение Эразма столкнулось также с неодобрением Лютера, которое обусловило его отрицательное восприятие в странах, где было распространено лютеранство.¹⁷

«*Colloquia familiaria*» имели большой и продолжительный успех во всей Европе, как свидетельствуют их переиздания, сокращенные версии, переводы на разные языки и включение в школьные и университетские программы.¹⁸ В католических странах в связи с противодействием и запретом Церкви использование «*Colloquia familiaria*» в школах было ограничено уже в 1537 г.,¹⁹ а затем, после Тридентского собора, окончательно запрещено.

Какое издание «*Colloquia familiaria*» лежало в основе перевода «Разговоров дружеских»?²⁰ Издание, которое было использовано, это

метам, таким как стихотворчество, риторика, физика, этика, т. е. к относящемуся к христианской набожности». См.: *Erasmus da Rotterdam. Colloquia / Progetto editoriale e introduzione di A. Prosperi. Edizione con testo a fronte a cura di C. Asso. Torino, 2002. P. 1340, 1360 (Biblioteca della Pléiade).*

¹⁷ Исключение представляет положительное отношение Меланхтона, высоко оценившего творчество Эразма. См.: *Brüggemann Th., Brunken O. Handbuch... Vom Beginn des Buchdrucks bis 1570... Kol. 401–408, 410. Об этом также см.: Margo-lin J.-C. Adages et Colloques... С. 112–153.*

¹⁸ О непрекращающемся успехе «*Colloquia familiaria*» свидетельствует также их использование в качестве сборника школьных чтений по латинскому языку во второй половине XX века в Германии. См.: *Brüggemann Th., Brunken O. Handbuch... Vom Beginn des Buchdrucks bis 1570... Kol. 412.*

¹⁹ В 1537 г. специальная комиссия, назначенная папой с целью обсуждения реформы Церкви, подготовила «*Consilium de emendanda ecclesia*», содержащий запрет на чтение «*Colloquia familiaria*». См.: *Brüggemann Th., Brunken O. Handbuch... Vom Beginn des Buchdrucks bis 1570... Kol. 406.*

²⁰ О «Разговорах дружеских» см.: *Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 195. № 213.*

поздняя переработка на латинском и голландском языках «*Colloquia familiaria*», вышедшая в Гааге в 1700 г. под редакцией А. Де Бакера и адресованная ученикам школ Гааги для обучения латинскому языку.

Титульный лист данного издания «*Colloquia familiaria*»:

Selectiora quaedam D. Erasmi Colloquia, quibus accesserunt familiares quaedam colloquendi formulæ, cum quibusdam maximæ usitatis Adagiis, ex variis Auctoribus desumptæ, atque in usum studiosæ juventutis Haganæ adornatæ. Editio secunda, Altera quidem parte Auctior. Opera, et labore Augustini de Bacquer, Hagæ-Comitis.²¹

В обращении к читателю редактор Де Бакер кратко излагает содержание и назначение издания:

Operæ pretium visum mihi fuit, candide Lector, excerpta quædam, et usitiora Desiderii Erasmi Colloquia Familiaria typis, quæ continentur hocce parvo volumine, mandare, ut tenella juvenus, brevissimis, sed et levissimis, ac maximæ usitatis sententiis ediscendis, Paulatim puritati Sermonis Latini adsuesceret.

Addidi, hinc inde, quasdam usitiores Colloquendi Formulas et difficiliores Syntaxeos regulas, Belgico idiomate pro faciliori captu tyunculorum expressas, cum nonnullis Adagiis.²²

²¹ *Пер.*: «Избранные Разговоры Д. Эразма, к которым, вместе с более употребительными пословицами, извлеченными из разных авторов, были прибавлены дружеские разговорные выражения, предназначенные для учащегося юношества Гааги. Второе издание, дополненное второй частью трудом и усердием Августина Де Бакера, в Гааге». Издание, использованное в этой статье, хранится в Библиотеке Гентского университета. Подлинником «Дружеских разговоров» Пекарский считает базельское издание 1559 г., озаглавленное: «*Colloquiorum familiarium opus, postrema autoris manu locupletatum et recognitum. Desid. Erasmo Roterdamo autore*». Он уточняет также, что «Дружеские разговоры» являются частичным переводом подлинника. См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... С. 366–367.

²² *Пер.*: «Мне показалось, счастливый читатель, что достоинство сочинения — предать печати выдержки и наиболее употребительные „Дружеские разговоры“ Дезидерия Эразма, помещенные в этом маленьком томике, чтобы милое юношество привыкало постепенно к чистоте латинского языка посредством кратчайших, легчайших и самых употребляемых изречений, которым необходимо обучиться. Кроме того, я добавил самые распространенные разговорные выражения и наиболее трудные синтаксические правила, выразив их на фламандском языке для облегчения понимания их учениками, вместе с некоторыми пословицами». См.: *Desiderius Erasmus.* Selectiora quaedam Colloquia. Hagæ-Comitis, 1700. P. 1. Здесь и далее ссылки на это издание в тексте с указанием номера страницы.

Издание, предназначенное для изучения латыни, включает выбор диалогов из «*Colloquia familiaria*» на латинском и голландском языках, расположенных в параллельных столбцах. Оно дополнено объяснениями на голландском языке самых трудных синтаксических правил и парадигмами латинских склонений и спряжений.

Сопоставление русского и голландского изданий показывает, что перевод «Разговоров дружеских»²³ воспроизводит состав и расположение текстов переработки Де Бакера. Исключение представляет часть, содержащая объяснения синтаксиса и парадигмы, в которой порядок изложения материала частично отличается от расположения в оригинале.

В русском издании тексты диалогов, переведенные с латинского на славянский, помещены параллельно с текстами диалогов на голландском языке. Славянский перевод служит вспомогательным средством для учеников в прочтении материалов и в изучении голландского языка. Оригинальные тексты на латинском языке не приводятся. Латынь вообще устранена из русского издания, за исключением части, содержащей объяснения синтаксиса и парадигмы, в которой она частично сохраняется.

Характер и назначение «Разговоров дружеских» как учебника голландского языка подчеркиваются на титульном листе и в обращении к читателю:

Разговоры Дружеские. Дезидерия Ерасма. С приложенными общими некими разговоров образцами, и часто употребляемыми пословицами, от различных авторов избранными во употребление хотящим языка галанского учиться юношам. Напечатана повелением царского величества на российском и галанском языках. В Санктъпитербурхе, 1716 году, октября в [...] день (так! — *М. К. Б.*)

Книжицу сию, Разговоры Дружеские именуемую, содержащую в себе различные беседы, яже сочинены суть от Дезидерия Ерасма о различных вещех на латинском языке, ныне типом изобразити потщахомся на руском и галанском языках: сего ради, да бы младенцы хотящие галанскому языку приобучитися, удобее и

²³ Экземпляр «Разговоров дружеских», использованный в данной статье, хранится в Отделе редких книг РНБ. Выражаю свою благодарность Г. А. Фафурину и сотрудникам Отдела редких книг РНБ за оказанную мне помощь.

скорее от разговоров с други своими, все совершенно намерение свое постигнути возмогли (<1 об.>).²⁴

Надо добавить, что, помимо определения назначения издания, обращение к читателю содержит также предостережение для молодых читателей от высказываний Эразма, являющихся наставлениями, не соответствующими учению православной церкви, но в курсе которых молодые ученики должны быть:

Извещаем же и сие, яко многие в себе содержат противные разуму церкви православной восточной речи, которые zde тако положены, яко от самого автора сочинены суть, и то сего ради, да бы юноши, от младых ногтей познавали противников неправое разумение, и приуготовлялися ко ответом <...> не может бо правда без ея противности познаться, но противные противу себе положенные яснее и удобнее познаваемы бывають вещи. Отсюду убо приучайся правости языка галанского купно же чтущи неправое о веры догматех разумение, тщися како на сия возможеша отвещати, и истинное восточныя церкви разумение, противу прелщающих сицевыми изъявити (<2–2 об.>).

По этому поводу можно заметить, что данное предостережение является поздним откликом и неким продолжением споров, которые «Colloquia familiaria» вызвали в свое время у католиков и протестантов.

Что касается авторства перевода «Разговоров дружеских», то часть исследователей связывает его с именем Гавриила Бужинского (ок. 1680–1731), известного проповедника и сподвижника Петра, которому принадлежат переводы «Введения в историю европейскую» С. Пуффендорфа (1718) и «Феатрона, или Позора исторического» В. Стратемана (1724).²⁵ Ему приписывается также составление или

²⁴ *Дезидерий Эразм. Разговоры дружеские.* СПб., 1716. Здесь и далее ссылки на это издание в тексте с указанием номера страницы.

²⁵ *Бегунов Ю. К. Бужинский Гавриил Федорович // Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1: А–И. С. 128; *Revunenkov N. V. Erasme en Russie...* P. 142–143. По поводу авторства «Разговоров дружеских» Перетц выдвигает предположение, что их составителем мог быть Паузе. Ученый ссылается на черновой и белой варианты одного рукописного перевода Паузе, сохранившиеся в БАН, шифры которых: 26. 3. I. 10–11. На самом деле, данные шифры принадлежат «Златой книжце о гожении нрав», т. е. переводу «De civilitate morum puerilium»

участие в составлении пособия по поведению юношей и девушек «Юности честное зеркало» (1717) (оно приписывается также И. В. Паузе), где исследователи обнаружили выписки из «De civilitate morum puerilium» Эразма.²⁶

Приводимые П. П. Пекарским выдержки из переписки царя Петра I с графом И. А. Мусиным-Пушкиным дают интересные сведения об истории составления «Разговоров дружеских» и о заботах царя о переводе сочинения Эразма.

Имя Гавриила Бужинского упоминается в переписке Мусина-Пушкина с Петром I именно в связи с переводом «Разговоров дружеских», по поводу которого царь выразил свое недовольство. Петр считал этот перевод плохим и приказал остановить его печатание (уже были напечатаны 100 экземпляров):

<...> книжки голландских разговоров <...> до нас дошли, которые мы читали, и как мочно видеть, что за скоростью времени или за неискусством переводчиков, переведены гораздо плохо, того для более печатать их не велите, но между тем велите хорошенько выправить.²⁷

В своем письме (10 декабря 1716 г.) Мусин-Пушкин сообщил, что, по утверждению Гавриила Бужинского, перевод на славянский язык был сделан с латинского, что и этим можно было объяснить несоответствие славянского текста голландскому, которое царь с неодобрением подчеркнул:

<...> префект Гавриил мне сказал: переведена-де она книга с латинского языка, того ради, государь, с голландским языком может быть и не сходна.²⁸

Со своей стороны Мусин-Пушкин приказал Гавриилу Бужинскому, чтобы в перевод были включены исправления и «чтобы исправил и речения б клал некоторые русским обходительным языком».²⁹

Эразма, сделанному Паузе. См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы... С. 228–229.

²⁶ Гавриил Бужинский // Русский биографический словарь. Гааг–Гербель. М., 1914. С. 31; *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей... С. 349. № 378 (Приложение VI).

²⁷ *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... С. 367.

²⁸ Там же. С. 368.

²⁹ Там же.

В другом письме (13 января 1717 г.) Мусин-Пушкин повторил, что перевод «Разговоров дружеских» был сделан с латинского, а не с голландского и одновременно передал царю мнение знающего голландский язык генерала Брюса, который, с одной стороны, подчеркнул несходство славянского текста с голландским, а с другой, оценил положительно перевод с латинского:

<...> книга голландских разговоров Еразма переведена с лат<инского> яз<ыка>, а не с голландского, и хранили в переводе сенс и пословицы латинского яз<ыка> изрядно, и казал я г. генералу Брюсу (понеже он голландского яз<ыка> искусен), который мне сказал: хотя же во всем и не сходно с голландск<им> яз<ыком>, однако ж по-славенски переведена хорошо.³⁰

Итак, из переписки Мусина-Пушкина с Петром вытекает, что царя интересовал в первую очередь голландский язык. Кроме того, он заботился, чтобы перевод на славянский передал точно голландский текст и был составлен «обходительным языком», т. е. обиходным языком повседневного общения.³¹

Оставляя в стороне вопрос, касающийся языка «Разговоров дружеских», который вызвал замечания царя и который, безусловно, заслуживает специального исследования, интересно определить, действительно ли удовлетворила эта книга потребность в учебнике голландского языка.

С этой целью уместно рассмотреть часть перевода, содержащую объяснения синтаксических трудностей и парадигмы склонений и спряжений.

Далее приводится отрывок из «Selectiora quaedam Colloquia» и его перевод в «Разговорах дружеских»:

Selectiora quaedam Colloquia
AANMERKINGEN OP DE VERBA DEPONENTIA.

³⁰ Пекарский П. П. Наука и литература в России... С. 368.

³¹ Для прилагательного *обходительный* в «Словаре русского языка XVIII века» дается значение: «связанный с принятым обхождением, обращением людей друг с другом». См.: Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2006. Вып. 16. С. 105. О «простоте языка» и о языковой политике Петровской эпохи см.: Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 13–154.

Het woordekjen VAN.

Staande hy een Verbum Deponens.

Steld al wat agter Van komt in Nom: en al wat voor Van gaat, in die Casus die het Verb: Depon: regeert.

By EXEMPEL.

Op deze ellendige tyden is het de gansche Wereld bekend hoe wreedelijk de Gereformeerde in Vrankrijk vervolgt werden van den Koning.

His conclamatis temporibus universo terrarum Orbi notum est, quam crudeliter Reformatos persequatur Rex Galliarum (54).

Разговоры дружеские

AANMERKINGE OP DE VERBA DEPONENTIA.

Het vvoordekjen (sic!) VAN.

Staande hy een Verbum Deponens.

Steld al wat agter Van komt in Nom: en al wat voor Van gaat, in die Casus die het Verb: Depon: regeert.

By EXEMPEL.

Op deze ellendige tyden is het de gansche Wereld bekend hoe wreedelijk de Gereformeerde in Vrankrijk vervolgt verden (sic!) van den Koning.

Въ сии плачевныи времена, всему кругу земному известно есть, коль жестоко реформатов гонит Король французский (166–167).

Как видно из цитаты, в «Разговорах дружеских» переводчик сохраняет объяснения синтаксических правил на голландском языке и лингвистические термины на латинском (*verba deponentia*). На славянский переведены только краткие примеры. Характер этой части, сосредоточенной на грамматических правилах и объяснениях латинского синтаксиса, изложенных на голландском языке, явно отличается от остальной части трактата, в которой, напротив, основным предметом является голландский язык.

Можно предположить, что, за исключением переведенных примеров, от таких объяснений на голландском языке, касающихся трудностей латинского синтаксиса, было мало пользы для русских учеников, желающих изучать голландский язык («младенцы, хотящие галанскому языку приобучитися»). Такое замечание тем более относится к части, содержащей парадигмы латинских склонений и спряжений, которые не сопровождаются никаким переводом.

«Разговоры дружеские» возникли как учебник для изучения голландского языка, в котором славянский перевод выполняет в общем

вспомогательную функцию. Часть на голландском, включающая объяснения латинского синтаксиса и парадигмы, представляет некое исключение и не служит общему назначению учебника, поскольку предметом трактовки и объяснений в ней является латинский, а не голландский язык.

Можно предположить, что неодобрение царя, касающееся качества перевода, сделанного с латинского на славянский и не соответствующего голландскому оригиналу, относилось также к этой части, которая не предоставляла ученикам никакой помощи в изучении голландского языка.

В заключение можно сказать, что «Разговоры дружеские» являются важным этапом в истории судьбы «*Colloquia familiaria*». В России в Петровскую эпоху сочинение Эразма превращается, хотя и не целиком, в учебник голландского языка, где латинский текст заменяется переводом на славянский, служащий, в свою очередь, помощью в изучении и понимании текстов на голландском. Но, как мы заметили, «Разговоры дружеские» остаются также, хотя и частично, учебником латинского языка.

В свете всего этого можно сказать, что, безусловно, характер и роль «Разговоров дружеских» отодвинули богатое и сложное содержание «*Colloquia familiaria*» на второй план. Это все-таки не исключает, что они могли быть использованы также как сочинение, предлагающее поведенческие нормы, новые учения, обсуждение религиозных, социальных и политических проблем и т. д., т. е. как сочинение, которое могло открыть более широкий взгляд на действительность.

Такой аспект, наряду с рассмотрением славянского перевода в свете лингвистической политики Петра I, безусловно, заслуживает более глубокого изучения для того, чтобы лучше определить место «Разговоров дружеских» в рамках русской дидактической переводной литературы Петровской эпохи.

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ НАРОДНАЯ ГРАВЮРА
И РУССКАЯ ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА
(изображение, текст и внетекстовые элементы)**

Многочисленные русские народные картинки являются переделками западной гравюры, но часто в них прослеживается значительная «русификация». Как известно, XVIII век характеризуется адаптацией западных текстов к русским условиям, которая словами В. И. Лукина (1737–1794) определяется как «склонение на русские нравы». В данном случае речь идет о переделке текста западного происхождения для облегчения его восприятия русским читателем или зрителем, если подразумевается театральная пьеса или предмет изобразительного искусства.

В русской народной картинке функционируют три составных элемента: рисунок, текст и внетекстовые элементы, иначе говоря, контекст, а именно то, что не изображено, но знание чего необходимо для понимания. Зачастую понять русскую народную картинку может помочь история происхождения сюжета и его переноса на русскую почву. Для этого нужно сравнить западноевропейский оригинал, литературные истоки текста (например, прообраз сюжета) с русской переделкой, а также рассмотреть изменения в организации рисунка, в словесном тексте и их взаимодействие с внетекстовыми элементами. Приходится также учитывать и причины этих изменений в связи с семиотической функцией этих трех элементов.

Приведем некоторые примеры того, как важно учитывать историю происхождения сюжета.

Первый пример: Анекдот «Балакирев на своей земле» (ил. 1).

История входит в сборник 1871 г. «Анекдоты Балакирева».¹ Об анекдотах шутов русских царей и цариц XVIII века существуют многочисленные издания: в XIX веке о Балакиреве — 46 изданий.²

Анекдот включен в клеймо народной картинки «Шут Петра Великого Дормидонт остроумный», помещенное на картинке — наверху справа. В этой картинке десять иллюстраций вокруг портрета Дормидонта. Каждая иллюстрация коротко рассказывает и иллюстрирует один анекдот из только что упомянутых сборников. На этом лубке (литография 1888 г.) написано: «Балакирев, прогнан с земли русской, покупает у шведов, накладывает: эта — моя земля». В этой картинке, как и в каждой из остальных, текст очень сжатый, но все становится понятно при обращении к анекдоту, в котором подробно рассказывается:

«Тогда-то, в пылу гнева, его царское величество указал, чтобы шут тотчас же убирался с глаз долой и не смел показываться». Через некоторое время шут появляется с женой под окнами Петра I, «взбешенный этой дерзостью царь выбегает на крыльцо, машет своей дубинкой и кричит шуту:

— Как смеешь ты, бездельник, не повиноваться моему указу и, не испрося моего позволения, являться на моей земле?». Балакирев отвечает: «Тише, царь, не сердись, а одумайся, да спроси. Я ведь не на твоей земле.

— Как не на моей, каналья?

— А вот как: погляди-ка, у меня в одноколке земля шведская. Я купил ее на свои денежки, вот и свидетельство на покупку, которое я там же выправил.

¹ Анекдоты Балакирева, Дакосты, Педрилло, Кульковского, известных шутов, бывших при дворе государя Петра Великого и императрицы Анны Иоанновны. 2-е изд. СПб., 1871. С. 33; Анекдоты, шутки и выходки Балакирева и других русских придворных шутов времен императоров Петра Великого и Анны Иоанновны: В 2 ч. 1885. Ч. 1. С. 34–35.

² Русский фольклор: Библиографический указатель: 1800–1855 / Сост. Т. Г. Иванова, под ред. А. А. Горелова. СПб., 1996. С. 88–91. № 1040–1085.

Балакирь събираетъ казенный
дѣтъ ядись, показывая, свои и го-
леть Красной.

Балакирь поймалъ ворону Испорилъ что
она не поймае Мой выгнришь И ворона выгн-
рылаеи дорывио

Балакирь прогнать съ земли Руской
Покупаеи у Шестопъ накладываетъ
эта мол асильи.

Кто старе поминать, тому казнь
воиь востригъ кодушки.

**ШУТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ДОРМИДОНТЪ
ОСТРОУМНЫЙ...**

Балакирьъ печанъ разбиваетъ стужъ
и восторогъ салъ, доишаеиъ и востъ и востъ
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ

Балакирь въ шестъ Тарага и востъ
сеза престаивать и восторогъ и востъ
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ

А востъ и востъ и востъ и востъ и востъ
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ

Балакирьъ наивеалъ, вывалъ про-
зе что оиъ провалъ на востъ что
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ

Балакирьъ получаеи, увавъ казнь Царевъ,
Надъ разуми на казнь и востъ, где и востъ
онъ садуть, не развиряи и востъ.

Балакирьъ и востъ и востъ и востъ и востъ
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ
и востъ и востъ и востъ и востъ и востъ

Доложено Цезуровъ Москва, 24 Мая 1888 г.

Литографія Н. В. Поговарева Новинскій буль., Деятельскій пер. д. Епифаньевъ.

Ил. 1. Шут Петра Великого Дормидонт остроумный. Частная коллекция

И шут повернул лошадь, медленно отъехал от крыльца. Но царь, смеясь остроумной выдумке, забыл свой гнев, велел воротить шута и принял его в прежнюю милость».³

Источником этого анекдота (и некоторых других о Балакиреве) является история, связанная с проделками Тили Уленшпигеля. Как замечает Э. Малэк, в репертуаре русской «неполезной книги XVII–XVIII веков» важное место занимают похождения шута-плута Уленшпигеля.⁴ Согласно преданию, он — выходец из крестьянской семьи, живший в Германии в XIV веке. Он весело насмехается над своими господами и становится легендарной фигурой, «вокруг которой сгруппировались устные и печатные анекдоты о похождениях всевозможных плутов и пройдох». Первая печатная книга о Тиле Уленшпигеле вышла в 1515 г., когда он становится известным во всей Европе. В России в начале XVIII века стали пересказывать главы польской версии романа, позже создали его русскую версию. Э. Малэк уточняет, как в 1760-е гг. русский читатель получил сокращенный перевод польского Совизжала (Sowizzał).⁵ Таким образом выясняется, как от имени Till Eulenspiegel, по-польски Sowizzał, произошли русские варианты Совизжал и Совесть-Драл.⁶

³ Анекдоты Балакирева, Дакосты, Педрилло, Кульковского, известных шутов... С. 33.

⁴ Malek E. «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков. Warszawa; Łódź. S. 16–18.

⁵ Похождения нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совесть-Драла Большого Носа / Переведена с польского и дополнена с других языков. СПб., б. г. Ч. 1–2. О ней см.: Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958. Автор подчеркивает, что переводчик «не следовал рабски за оригиналом, но принаравливал его к русским вкусам» (С. 30). П. Н. Берков отмечает издания «Похождений» 1781, 1788 (?) и 1798 гг. Также ученый полагает, что ближе всего к «Похождениям» подходит недатированное издание XVII века «Sowizzał krotofilny y smieszny. Urodzenie, żywot, postęki y dokonanie jego dziwne. W Brumszwiku na Bramie taką osobą y postacią jest malowany», особенно в первой части русского «перевода». Выражаю свою благодарность С. И. Николаеву за помощь в отыскании этих сведений.

⁶ Напомним также наблюдение Э. Малэк: «К романам о похождениях дуракушута Эзопа и шута-плута Совесть-Драла примыкает также „Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника и вора, разбойника

В истории, которая нас теперь интересует, рассказывается о том, как Тиль Уленшпигель покупает у крестьянина землю, укладывает ее в повозку и сидит на этой земле. В предыдущей истории герцог прогнал Уленшпигеля со своей территории. Уленшпигель был у крестьянина и узнал, что свой участок тот получил в наследство, это значит, что земля принадлежит крестьянину, а не герцогу. Тогда Уленшпигель купил у крестьянина земли на один шиллинг, наполнил ею свою повозку и отправился к замку герцога. Когда герцог приехал, то рассердился и сказал: «Уленшпигель, я прогнал тебя с моей земли, а если ты опять здесь появишься, я приказал, чтобы тебя повесили». Уленшпигель ответил: «Ваша светлость, я не на вашей земле сижу, а на земле, которую я купил за один шиллинг. Эту землю крестьянин получил в наследство».⁷ Герцог все-таки выгнал его со своего надела вместе с «землей» Уленшпигеля. А тот уехал верхом на своей лошади, и повозка с землей находится еще там, «рядом с мостиком».⁸

В другом варианте иная развязка: король простил Уленшпигеля, но приказал уехать навсегда, затем приговорил к ложной смертной казни, и Уленшпигель умер от страха.⁹ Несомненно, эти анекдоты связаны между собой. Через Польшу эти истории, как и многие другие, были привнесены и в русскую культуру.¹⁰ В очень коротком объяснении

и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похаждений. СПб., 1779“». См.: *Malek E.* «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков... S. 21.

⁷ *Bote H.* Ein kurzweiliges Buch von Till Eulenspiegel aus dem Lande Braunschweig. Wie er sein Leben vollbracht hat. Sechsunneunzig seiner Geschichten / Herausgegeben, in die Sprache unserer Zeit übertragen und mit Anmerkungen versehen von Siegfried H. Sichtermann. Mit zeitgenössischen Illustrationen. Frankfurt am Main, 1978. S. 80–82. За указание этого источника выражаю свою благодарность Альфреду Мессерли.

⁸ Эта история совпадает с анекдотом на польском языке. См.: *Sowiżrał krotochwilny i śmieszny / Krytyczna edycja staropolskiego przekładu Ulenspiegla.* Wydali Radosław Grzeškowiak, Edmund Kizik. Gdańsk, 2005. S. 83–85.

⁹ *Uther H. J.* The types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Helsinki, 2011. Part 2: Tales of the Stupid Ogre, Anecdotes and Jokes, and Formula Tales. P. 323–324. № 1590 (2).

¹⁰ «Польский же был единственным живым иностранным языком, которым владели многие жители Московского государства в XVI–XVII вв. <...> переводы

к лубку содержится только отсылка к полному тексту анекдота, который читатель должен был знать. Интересно сравнить немецкий анекдот с русским подражанием: и контекст другой, и развязка другая. Уленшпигель проигрывает, он вынужден уехать навсегда. Балакирев выигрывает, и Петр I его прощает. Важно было сообщить читателю о мудрости и доброте императора Петра.

Хотя анекдоты, связанные с Уленшпигелем, были популярны в немецкой и польской культуре, но в разных вариантах они входили также во многие другие культуры.¹¹ Эти анекдоты распространялись в России с XVIII века, а рассматриваемый лубок, связанный с изданием таких сборников, принадлежит второй половине XIX века.¹² Как пишет Э. Малэк, «с конца XVII в. шут становится постоянным элементом русского быта <...>, но в центре <многих произведений XVIII века (как переводных, так и оригинальных)> стоит ловкий плут и обманщик»,¹³ и в XIX веке «неполезное чтение» поддерживает интерес к остроумию, и лубок подражает ему. От средневекового смеха над собой культура смеха перешла к смеху над остроумным обманщиком.

Второй пример позволяет нам проследить определенный образ и подражание ему в контекстах двух и трех культур.

Контекст особенно важен. Р. О. Якобсон утверждал, что перевод — это не только лингвистический факт, но и семиотический.¹⁴ Переводить приходится не только словесный текст и не только с одного языка на другой: переводить значит «перенести» текст из одной культуры

с польского делались главным образом в области художественной массовой литературы»», — пишет П. Н. Берков. См.: *Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке...* С. 8, 11. Уже в XVI веке в польской литературе появились многие западные произведения, особенно из немецкой литературы, которые потом перешли на русскую почву.

¹¹ *Uther H. J. The types of International Folktales...* P. 341. № 1635 (Eulenspiegel's Tricks).

¹² См. также: *Иванова Н. Б. Анекдоты о шуте Балакиреве в лубочной литературе и фольклоре // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1978. С. 92–98.*

¹³ *Malek E. «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков...* S. 11–12.

¹⁴ Ср. также теорию Ч. Пирса о «переводе» как процессе, который базируется на трех элементах и на связи их между собой (знак, объект и связь между ними). Знаком может являться все, что возможно связывать с объектом.

в другую, и это касается разных «систем» культуры, не только области языка.¹⁵

Один рисунок в двух разных культурах воспринимается в этих системах по-разному. Поэтому в некоторых случаях (в народной картинке таких случаев весьма много) перевод картинки — это новый лубок, похожий на первоначальную западную гравюру (источник), но и значительно переделанный.

В лубке автор как бы берет иллюстрацию за основу, полностью переделывает текст, рассказывая новую историю. Вот пример: с картины «Объяснение в любви» («La dichiarazione») итальянского художника Пьетро Лонги (Longhi, 1702–1785) была сделана итальянская гравюра, позже — французская (Joseph Flipart, 1727–1797).¹⁶ Позднее итальянский издатель Ремондини¹⁷ переделал в Италии эту гравюру, и уже эти переделанные гравюры продавались в России. Этот сюжет перешел в русский лубок, который «подражает» оригиналу, но и включает эпиграммы Сумарокова,¹⁸ придающие совсем новый смысл переводу гравюры из системы итальянской культуры в систему культуры русской.¹⁹

Другой простой пример — это «Веселое гулянье на мышах» (1820).²⁰ Картинка представляет собой перевод с гравированной в Аугсбурге картинки И. М. Вилля «Кошки в коляске» (1770 — последняя чет-

¹⁵ См., напр.: *Osimo B. Traduzione della cultura // Parole, immagini, suoni di Russia. Saggi di metodologia della cultura / A cura di Gian Piero Piretto. Milano, 2002. P. 35–51.*

¹⁶ Один экземпляр хранится в Эрмитаже. См.: *Дукельская Л. А., Инполитов А. В. Венеция и венецианская жизнь в гравюре XVIII в.: Каталог выставки. СПб., 2004. С. 148. № 71.*

¹⁷ Джанбатиста Ремондини в 1740-е гг. начал издавать в Италии гравюры и для рынка Восточной Европы. О нем и его деятельности см.: *Infelise M. I Remondini di Bassano. Stampa e industria nel Veneto del Settecento. Bassano, 1980; Remondini. Un editore del Settecento / A cura di M. Infelise, P. Marini. Milano, 1990.*

¹⁸ Эпиграммы Сумарокова № 46, 49, 48, в лубке «Разговор мужа с женой», см.: *Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский: В 2 т. СПб., 2002. С. 45. Ил. 80 (французская картинка «Лиза и Колен», переделанная в Русские народные картинки).*

¹⁹ *Пезентти М. К. Итальянские издания русских лубков и лубков для русских в XVIII в. // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. / Под ред. О. Б. Лебедевой, Н. Е. Меднис. Томск, 2009. С. 283–293.*

²⁰ *Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1: Сказки и забавные листы. С. 401–402. № 171.*

верть XVIII века). Аугсбург был в Германии с конца XVII до конца XVIII века «столицей» гравировального искусства и самым важным центром распространения гравюр по всей Европе.²¹

Сюжет немецкой гравюры — катание котов в коляске, запряженной мышами — представлен на фоне прекрасного пейзажа, прорисованного с большим искусством и тщанием. Это подчеркивает связь веселья от прогулки с выгодой от мышиноного труда. Текст на немецком языке просто и коротко гласит: «Лучше пользоваться мышами, чем их убивать».

Русский вариант является значительно упрощенной иллюстрацией того же самого сюжета: кот с кошкой катаются в коляске на шести мышах. Текст на русской картинке намного длиннее и в своем образе противоречит уже освоенному ранее образу перевернутого мира, представленному в небылицах и лубках на знаменитый сюжет «Мыши кота погребают»:

В древние времена, не упомню, в котором годе, нечаянно вздумал кот, в кошку влюбился. Тотчас приказал, в шесть мышей в карету заложить и поехал с ней в поле и веселился; кучер, на козлах сидя, усердно погоняет, а слуга, сзади стоя, сердцем содрогает, чтобы господ своих не прогневить, на себя жизни не лишить. И так довольно они повеселились и с радостью домой возвратились. И поныне живут благополучно, что и обеим проводить время нескучно.²²

Часто русский лубок рассказывает более длинную историю. Как писал Ю. М. Лотман, в случае лубка «аудитория играет с текстом и в текст», а не просто смотрит на него.²³ Эти объяснения помогают в игре во взаимодействии читателя с текстом.

Последний из предлагаемых примеров кажется наиболее интересным. Источник изображения восходит к давнему времени. Сюжет его — «Монах на кресте». Мы пользовались картинками с разными вариантами этого сюжета: «Афонское изображение», русская гравюра (духовный лист) и итальянские гравюры 1486 и 1692 гг.

²¹ *Milano A.* I lубok a confronto con le stampe delle altre culture europee // *Pезенти М. С., Milano A.* Il lубok. Stampe russe tra Ottocento e Novecento = В мире символов. Русская народная картинка XIX–XX вв. Milano, 2011. P. 17–18.

²² *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки... СПб., 1881. Кн. 1. С. 401–402. № 171.

²³ *Лотман Ю. М.* Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М., 1976. С. 248.

Ниже мы сравниваем разные изображения, в основе которых лежит этот сюжет, а также тексты на каждом из них на русском и латинском языках. Особый акцент следует сделать именно на сравнении и на разных контекстах.

Вполне вероятно, что в данном случае речь идет не о переводе одного текста в другой, а о разных реализациях в различных культурах одного и того же сюжета, взятого из общего источника. Сочинение монаха Дионисия Фурноаграфиота, агиографа и художника, проживавшего на горе Афон в 1701–1733 гг., передает интересные правила писания икон. Автор также объясняет, как изображать на иконе жизнь добродетельного монаха.²⁴

Эти указания реализуются во фреске, хранящейся на горе Афон, «Житие истинного монаха» в кафоликоне монастыря Эсфигмену, а также на гравюре «Изображение монашеской чистоты»²⁵ (ил. 2). Этот образ имелся также на входе в собор Соловецкого монастыря,²⁶ и, как мы предполагаем, эта гравюра является подражанием ему.

Ровинский так описывает гравюру, и по афонскому «Наставлению» мы выделяем здесь некоторые ссылки на священные тексты, которым иконописец должен был следовать:

В середине представлен монах, распятый на кресте. На руках его две чаши с огнем;²⁷ к устам привешен замок.²⁸ Надписи на груди: «Закон твой пресреде²⁹ чрева моего». ³⁰Пониже: «Да буду чресла блша препоясана».³¹

²⁴ Дионисий Фурноаграфиот. Ерминия, или Наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом. 1701–1703. М., 1993. С. 215–216.

²⁵ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 156–157. № 777. В отличие от листовой картинки, на фреске изображен обнаженный человек с лентой на глазах и два беса, а не всадник; монах держит две свечи, а не две чаши.

²⁶ См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки... СПб., 2002. С. 36, примеч. 1 («На паперти Соловецкого монастырского собора избражены ... и Монашеская чистота...»).

²⁷ Мф 5: 16: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

²⁸ Пс 140: 3: «Положи, Господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих».

²⁹ Так! Видимо, следует: «посреде».

³⁰ Пс 49: 12.

³¹ Так! Видимо, следует: «Да будут чресла ваша препоясана».

Ил. 2. Монашеская чистота.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 2002. С. 36. № 44

На коленях: «колена моя изнемогоста от поста»;³² ниже: «От всякого пути лукава во брних³³ ногама мойма».

Под крестом и на ступенях ряд надписей: «нищета — и постави — на камени ноze мои — иже бе Хр<ис>т<о>с — и ты сблудеши еме³⁴ пятау» (последняя строка навыворот).

По бокам креста, в клеймах и на дощечках, надписи: «Чистота и послушание зане мира расеяся и аз мирови — сохраню во вся дни; сниди со <к>реста — а еже суть Хр<и>ст<о>вы плот свою распяша со страcми и похотми».

Внизу, слева, «мир» в образе всадника, грозящего монаху копьем. У копыт коня надпись: «мирови умрох».

Справа стоят два дьявола, один с крючком, над ним надпись «дьявол»; другой пускает в монаха стрелы; одна из стрел перевита лентою с надписью: «Не дадите места дьяволу».

Над чашами с огнем надписи: «к теб<е> д<у>ша моя ята — и сеттники (свельники?) горяша моих жожада».

Вверху, в середине, Христос, с буквами в венце: «От о и»; надпись кругом его венца: «буди верен до смерти, и дам ти венец живота».

В руках Христа корона и терновый венец. Под ним надпись (над крестом): «яко ты еси Господи Б<о>же мой и упование мое».

По сторонам Спасителя ангелы с шарами; а на шарах буквы «И<ису>с — Х<ристо>с»; около ангелов, на лентах, надписи:

«Положих устом моим хранило — не приблизится телеси твоему».³⁵

Приведенный текст передает именно то, как описывалась жизнь монаха, которому грозит мир, суета и дьявол. В Православии монах должен отказаться от мира и от суеты, чтобы добиться аскезы. Духовный лист 1848 г., напечатанный в районе Мстеры (раскрашенная литография, упрощенный вариант предыдущих изображений), демонстрирует, как бесы стараются снять монаха с креста, а крест должен являться идеалом монаха (ил. 3).

На итальянской гравюре «*Exemplar veri religiosi*»³⁶ (ил. 4) семь свитков отмечают семь цитат из Нового и Ветхого Завета (из Евангелий

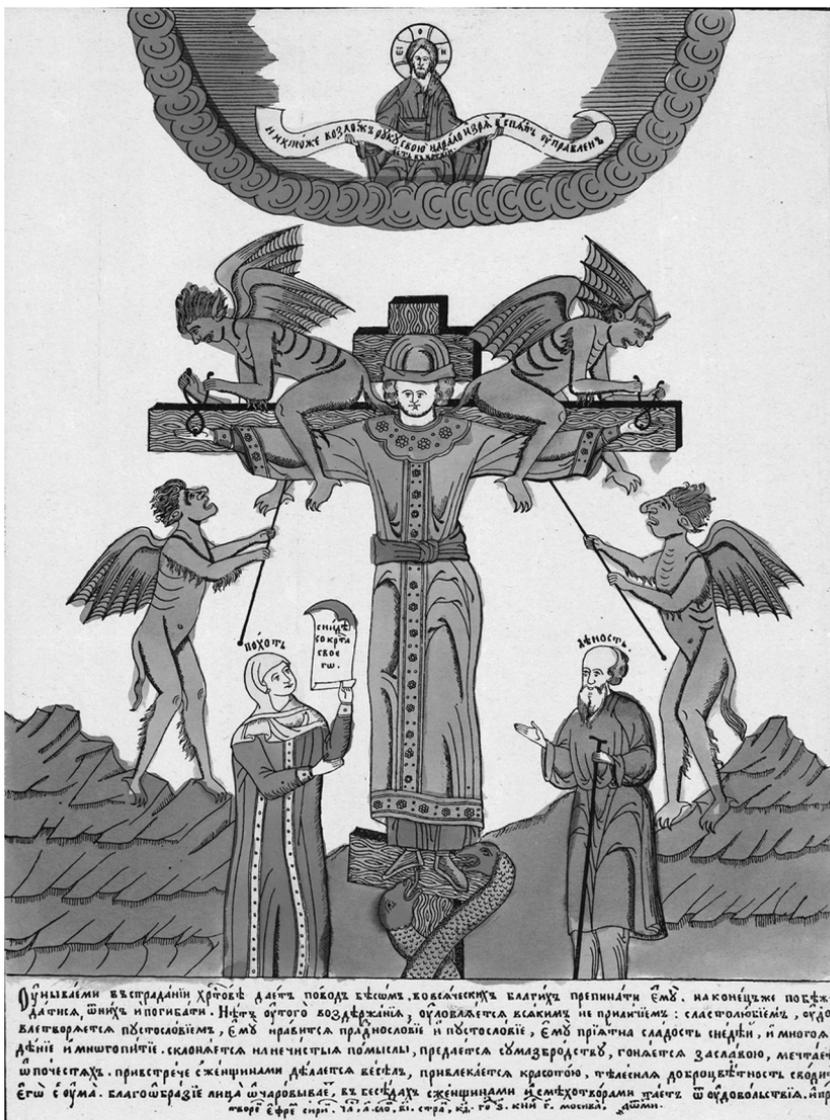
³² Кол 3: 5: «Итак умертвите земные члены ваши».

³³ Так! Видимо, следует: «возбраних».

³⁴ Так! Видимо, следует: «ему».

³⁵ *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Кн. 3. С. 156–157. № 777.

³⁶ Пример монаха истинного (*лат.*). Образ заимствован из произведений Лукино Арконати из Ареццо (Luchino Arconati Aretino, 1424–1501), который писал

Ил. 3. Монах на кресте.

Миланское городское собрание эстампов «Акилле Бертарелли» (Civica Raccolta delle Stampe «Achille Bertarelli», Milano). Иллюстрация публикуется с разрешения Миланского городского собрания им. Акилле Бертарелли, которому мы выражаем свою благодарность. Все права защищены

Exemplar veri Religiosi
 a B. P. Luchino Arcionato Mediolanensi
 Augustiniane Congreg. de Obrenis Lombardie Vicario Gen: XXXVIII.
 sic affirmatum.
 ut ab anno circiter. 1486. depictum invenitur
 in antiquo Vener. Monasterio S. Marię Coronate Mediolani.

Verus Religiosus esse debet miles strenuus in omni temptatione, obediens, et subiectus sine simulatione, nihil habens
 proprium in abiectione, amans Deum super omnia tota mentis intentione, et proximum suum sicut se ipsum abque
 ulla fictione, castus, et continentis ab omni peccati pollutione, humilis, et benignus in omni operatione, et circumpectus
 in omni locutione. Simplex esse debet in sua conversatione.

Verus Religiosus imaginem gerit Crucifixi,
 et est crucifixus Mundo, Carni, et Diabolo.

Sic licet lux vestra coram hominibus
 non luceat, sed solummodo
 coram Patre et Matre
 in celis.

Surgite mortui venite ad iudicium.

Et maledicti in ignem eternum.

Averte oculos meos ne videam vanitatem.

Pone Domine custodiam ori meo, et osium circumstantiam.

Salmo 141.

Et non solum peccatorum mordens conscientiam.

Et verbi tui precipiet.

Religiosus ^{deus} memur, in choro sit devotus, in
 capitulo discretus, obrius in refectorio,
 disciplinatus in omni loco. Prelatum plus
 diligat quam nimeat; nulli se preponat;
 alio se suspendendo subiciat; omnibus
 se benignum exhibeat. Habeat in verbis
 humilitatem, in uisu castitatem in opere
 fidelitatem, in moribus gravitatem, in
 omnibus factis discretionem. sit infra
 se in sui consideratione, intra se in oratione
 supra se in quieta contemplatione, nunquam
 extra se in cordis vagatione.

Verus Religiosus non sit occiosus sed
 quiete carens, voluptatem negligens,
 vagax commodi, pudens in ludis, impa-
 tiens dignitatis, contemptor honoris,
 appetitor depectionis, desiderator
 laboris, pauper in substantia, diues
 in conscientia, humilis ad merita,
 superbus ad vitia, mansuetus ad
 artiter, iracundus ad malum, largus ad
 proximum, pareus ad se ipsum, dulcis
 ad amicum.

Religioso septem accidunt, scilicet pralere, legere,
 contemplari, et operi uacare. sic omnis bonus
 in capitulo, disciplinam in labore meditans,
 tolerantiam in adversitatibus.

et, orare, sua et aliena peccata deslere, meditare
 Religionem habet fervorem in choro, patientiam
 in lectione, deuotionem in oratione,
 humilitatem in prosperitate.

Omnia sua mala prohibet pede suo.

Memorare nouissima tua, et in eternum non peccabis.

Ven: Fratibus eiusdem Congreg. Nouitij
 in Conuentsu S. Marię Coronate Mediolani degenantibus
 Fr. Io. Bapta Galimbertus eorum Magister
 in exemplum proposuit. Anno 1592.

Ил. 4. Exemplar veri religiosi.

Lise G. Stampe popolari lombarde. Milano, 1976. № 155

от Луки и от Матфея, из Псалтири, из Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова). Число свитков можно связывать с «семью словами Христа на кресте». На большом свитке написано семь действий, которые должны характеризовать жизнь монаха. Его призывают петь псалмы, читать, молиться, плакать и размышлять над своими грехами и грехами других верующих, созерцать и работать. Только таким образом монах становится образцом монашеской жизни. Эту идею передает надпись наверху, данная как заглавие: «*Exemplar veri religiosi*». Текст связан с уставом монашеского ордена св. Августина.³⁷

На семи свитках читаем:

1. У правой руки, в которой чаша с огнем: «*Sic luceat lux vestra coram hominibus*». *Пер.*: «Так да светит свет ваш пред людьми» (Мф 5: 16), как на православном варианте;

2. Над головой: «*Surgite mortui venite ad iudicium*». *Пер.*: «Встаньте, мертвые, на суд идите»;³⁸

3. Над левой рукой, которую обвивает змей: «*Ite maledicti in ignem aeternum*». *Пер.*: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный» (Мф 25: 41);

4. У правого глаза монаха: «*Averte oculos meos ne videant vanitatem*». *Пер.*: «Отврати очи мои, чтобы не видеть суеты» (Пс 118: 37);

5. В устах: «*Pone Domine custodiam ori meo, et ostium circumstantiae labys meis*». *Пер.*: «Положи, Господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих» (Пс 140: 3), как на православном варианте;

6. Под левой рукой: «*Stimulus peccatorum mordens conscientiam*». *Пер.*: «Жало, совесть грешников уязвляющее».³⁹

7. У пояса: «*Sint lumbi vestri precincti*». *Пер.*: «Да будут чресла ваши препоясаны» (Лк 12: 35).

в духе сочинений св. Августина. Картина была создана в миланском монастыре св. Марии Венчанной (Santa Maria Coronata) в 1486 г. Гравюра без имени автора — в 1692 г. См.: *Lise G. Stampe popolari lombarde*. Milano, 1976. № 155.

³⁷ Монашеский орден св. Августина (Agostiniani-eremitani) основан в Италии в 1256 г.

³⁸ Это речение не является библейским, источник его пока не установлен.

³⁹ Это речение также не является библейским, источник его пока не установлен.

По бокам за ногами надпись, содержание которой, как мы уже отмечали, — семь действий, которые характеризуют жизнь монаха в католичестве.

Под крестом два свитка:

1. «Ab omni via mala prohibui pedes meos». *Пер.*: «От всякого злого пути удерживаю ноги мои» (Пс 118: 101);
2. «Memorare novissima tua, et in aeternum non peccabis». *Пер.*: «Помни о конце твоём, и вовек не согрешишь» (Сирах 7: 39).

Можно утверждать, что эти образцы для подражания связаны с Ветхим и Новым Заветом. В православии они соотносятся также со словами св. Отцов, таких как Иоанн Златоуст и Василий Великий, Ефрем Сирин, а в католичестве — с проповедями св. Августина, Амвросия, Григория Богослова. Думается, что основная разница между этими «переводами» одного первообраза («монашеская чистота») — в разном понимании монашеского аскетизма. В православном изображении акцент делается именно на аскетизме. Западный монах после реформы св. Бенедикта, согласно уставу бенедиктинского ордена, должен жить в монастыре, соблюдая нищету, молясь и работая, но не так строго соблюдая аскетические правила. В православии монах должен чуждаться или отказаться от мира, от лени и похоти, чтобы достигнуть радикальной аскезы и полного мистицизма.⁴⁰

Мы привели только примеры того, как внетекстовые элементы влияют на переводы гравюр и на реализацию одного и того же сюжета в разных контекстах и в разных культурах. Перевод «подражает», и подражание источнику дает основание для понимания истории культуры как семиотической системы.

⁴⁰ *Bolshakoff S.* Incontro con la spiritualità russa / Prefazione e introduzione di Angelo Amato. Torino, 1990. P. VIII.

**РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ XVIII ВЕКА
ВТОРОЙ ГЕРОИДЫ ОВИДИЯ
(Козицкий, Рубан, Ржевский)**

«Героиды», одно из первых произведений Овидия, — прообраз жанра не только эпистолы, но и элегии. Латинский поэт, любивший экспериментировать с новыми лирическими формами, впервые дает здесь голос героиням мифологии в удивительно современной форме. По мнению М. Л. Гаспарова, здесь Овидий «преображает самые известные мифологические ситуации, рассматривая их с непривычной точки зрения пассивного и страдающего лица».¹

«Героиды», «Героини» или «Послания героинь» состоят из 21 стихотворного письма, написанного элегическим дистихом. В первой части книги — 14 писем таких героинь древних мифов, как Пенелопа, Федра, Дидона, Ариадна, Медея, к их возлюбленным — Одиссею, Ипполиту, Энею, Тезею, Ясону и др. Пятнадцатое письмо принадлежит историческому лицу, это — послание Сафо к Фаону. Остальные шесть посланий, вторая часть книги, представляют собой переписку трех пар: Париса и Елены, Леандра и Геро, Аконтя и Кидиппы. В «Героидах» мифологические героини выступают как авторы-повествователи: они пишут от первого лица, обращаясь к своим возлюбленным.

¹ *Гаспаров М. Л.* Три подступа к поэзии Овидия // Овидий Назон Публий. Элегии и малые поэмы. М., 1973. С. 26.

Преобладающая тематика первой части «Героид» — описание ощущения одиночества, характерной для всех героинь скорби из-за разлуки с возлюбленным. Черты структуры послания таковы: в начальном обращении сообщаются имена отправителя и получателя, затем объявляется повод для написания письма, следует собственно письмо, послание завершается словами прощания. Каждое послание из первой части «Героид» разрабатывает общеизвестный сюжет античной мифологии. Характерные топосы этих посланий — это, например, слезы, которые размывают и стирают написанное, дрожащая или слабая рука женщины, пишущей письмо.

Предметом предлагаемого анализа является сопоставление трех русских переложений героиды II «Филлида к Демофону».² Согласно мифу, Филлида, дочь Ликурга, царя Фракии, влюбляется в Демофонта, сына Тезея и Феды. На обратном пути после Троянской войны буря выбрасывает судно Демофонта на берег Фракии, и Филлида спасает его. Оба влюбляются друг в друга, их свадьба дает Демофону царство и богатство. Внезапно он должен ехать в Афины и обещает вернуться через месяц. Филлида долго ждет его, но когда осознает, что Демофонт больше не вернется, то совершает самоубийство. Филлида превращается в миндальное дерево без листьев. Когда Демофонт наконец возвращается и узнает о ее смерти, он обнимает Филлиду-дерево и плачет. Она чувствует его слезы, и дерево покрывается листьями.³

Миф о Филлиде встречается в творчестве Овидия также в «Науке любви» (III: 37) и в «Лекарстве от любви» (стих 606), где упоминается в связи с ее трагической судьбой. В литературе бытует еще одна Филлида, более распространенная, чем первая. В «Буколиках» Вергилия (Эклога III) под этим именем представлена наивная пастушка, героиня идиллической любви. Такая Филлида встречается у эпигонов пасторальной поэзии XVII–XVIII веков. В изобразительных искусствах

² Вопрос о распространении сочинений Овидия в русской литературе выходит за пределы рассматриваемой темы. Среди последних публикаций об этом предмете см.: *Левитт М.* «Метаморфозы» Овидия в русской литературе XVIII века — Pro et Contra // *Litterarum fructus*: Сб. ст. к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012. С. 142–153.

³ *Phyllis* — древесный лист (*греч.*).

с XIII века в Европу проникает с Востока известное предание об Аристотеле и Филлиде: гетера, в которую влюбился философ, садится на него верхом и символизирует торжество физической любви над разумом. Данное изображение становится популярным в Средневековье и в эпоху Возрождения.⁴

Как утверждают авторы «Истории русской переводной художественной литературы...», в русской литературе XVIII века произведения классиков античности распространялись медленно и с трудом. Особенно Овидий воспринимался русскими как «торжественный» и «книжный» автор, «несмотря на то, что его „Печали“ <...> и „Героиды“ <...> могли трогать сердца почитателей Ж.-Ж. Руссо и Л. Стерна».⁵ В качестве самого значительного переводчика Овидия упоминается В. Г. Рубан: «Имя В. Рубана связывалось в 1790-х гг. с именем Овидия. <...> Рубан переводил с оригинала, но злоупотреблял славянизмами и латинизировал синтаксис, усиливая этим тяжеловесность александрийского стиха».⁶

Библиографические сведения, собранные Е. В. Свиясовым, конкретизируют картину: в течение 45 лет, в 1748–1793 гг., в России появляется 16 переводов отдельных эпистол из «Героид».⁷

Ломоносов первым упоминает в 1748 г. это произведение Овидия в «Кратком руководстве к риторике». Стихи, взятые из послания «Пенелопа к Улиссу», он приводит как пример «зложелательства»; последние слова Ариадны к Тезею представляют для Ломоносова образец «моления и прощания».⁸

⁴ См.: *Brandt R.* Filosofia nella pittura: da Giorgione a Magritte. Milano, 2003. P. 191–205; *Braun L.* Iconographie et philosophie. Strasbourg, 1994–1996. Part 1–2. Приводим самые известные примеры из обширной иконографии картин и гравюр: *Бальдунг Г.* Филлида и Аристотель (1503), *Бургмайер Г.* Аристотель и Филлида (1519), *Кранах Л.* Аристотель и Филлида (1530).

⁵ История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2. Драматургия. Поэзия. С. 180.

⁶ Там же.

⁷ Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. Библиографический указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998. С. 340–341.

⁸ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7: Труды по филологии. С. 143, 282.

В 1759 г. Г. В. Козицкий перевел впервые целиком одну из героид. Вслед за ним другие послания переводят М. М. Херасков, А. А. Ржевский, В. Д. Санковский, И. Ф. Янкович де Мириево, В. Г. Рубан; известны также три анонимных перевода. В среднем каждые четыре года появляется по одному переводу из «Героид». За одним исключением переведены только послания из первой части «Героид».⁹ Самые популярные — это послание Ариадны к Тезею (пять раз) и послание Филлиды к Демофону (три раза). Наиболее усердный переводчик — Рубан, за которым числятся четыре перевода посланий Овидия, из них один был опубликован дважды, см. (в скобках указан номер эпистолы из «Героид»):

- 1748 — Ломоносов (I, X, отрывки);
- 1759 — Козицкий (II);
- 1763 — Ржевский (II), Херасков (X);
- 1764 — Санковский (X, XVII);
- 1774 — Рубан (I, II);
- 1783 — аноним (X);
- 1788 — аноним (IV), аноним (XI);
- 1791 — Рубан (III, XI);
- 1793 — Янкович де Мириево (V), аноним (X).

В эпистоле «Филлида к Демофону» (148 стихов) Овидий выражает скорбь и отчаяние героини, ее печальные мысли, вплоть до решения покончить с собой. Композиция послания такова:

1. В первых двух стихах сообщается, кто пишет, кому и почему: Филлида пишет Демофону, потому что он не вернулся к сроку;
2. Филлида поддается иллюзиям и питает надежду о возвращении любовника, но разочаровывается;
3. Она горько упрекает обманщика, нарушившего этическое правило гостеприимства;
4. Она вспоминает зловещие предзнаменования их брачного союза;
5. В ее понимании, поруганную честь можно искупить только смертью;
6. Несчастливая любящая женщина сочиняет надгробную надпись себе.

⁹ В 1764 г. Санковский перевел героиду XVII (Ответ Елены Парису).

В оригинальной русской литературе имеется трагедия Ломоносова «Демофонт» (1751–1752),¹⁰ где на первый план выдвигается любовь героя к Филлиде. Не вникая в подробности произведения, отметим лишь его черты, касающиеся тематики нашего анализа. Ломоносов вольно развивает сюжет Овидиева послания из «Героид», который служит ему предысторией. При своем первом появлении Филлида кратко излагает события ее встречи с Демофонтом и их любви. Она «ослеплена» любовью и оправдывает нерешительность Демофонта:¹¹ любовники уже клялись во взаимной любви и должны сочетаться браком. Демофонт, однако, уже как будто «устал» от нее и колеблется между Филлидой и другой женщиной, Илионой.¹² В ломоносовской трагедии Демофонт представлен как человек слабый и полный сомнений. Подлинными героинями оказываются обе женщины, стойкие и верные.

Полностью послание «Филлида к Демофонту» было опубликовано на русском языке трижды в течение 15 лет: два раза прозой и один раз стихами.¹³

Первый прозаический перевод эпистолы, опубликованный в «Трудолюбивой пчеле» в 1759 г., принадлежит Г. В. Козицкому (1724–1775).¹⁴ Филолог-классик по образованию, Козицкий учился в Киево-Могилян-

¹⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. С. 411–486. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием номера страниц в скобках. И. Клейн посвятил статью этой трагедии Ломоносова, сравнивая ее с «Андромахой» Расина, на основе которой она была составлена. Клейн И. Ломоносов и Расин («Демофонт» и «Андромаха») // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21: Памяти П. Н. Беркова (1896–1969). С. 89–96. Клейн И. Ломоносов и трагедия // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 28–42.

¹¹ «Но я, ослеплена, причины вымышляю! / И, видя явну лесь, его же изви-няю!» (420).

¹² «Я жалостью к одной и нежностью пленен, / Другой заслугами и должно-стью вручен» (439); «Я благодарность там любовью называл, / Как здесь саму любовь за жалость почитал» (443).

¹³ Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. ... С. 340–341.

¹⁴ Козицкий Г. В. Письмо, сочиненное Публием Овидием Насоном («Угостившая тебя, Димофоонт...») // Трудолюбивая пчела. 1759. № 9. С. 515–524. Подпись: Г. К.

ской академии, продолжил свою учебу в Германии; вернувшись в Петербург, получил работу в Академии наук. Его наставник Ломоносов, высоко ценивший Козицкого, помог ему получить место. Козицкий знал латинский, греческий и еврейский языки. В 1759 г. он сблизился с Сумароковым и печатался в его журнале, первый номер которого открывается его большой статьей «О пользе мифологии». В этой работе Козицкий подробно мотивирует важность мифологии как вспомогательного источника исторических знаний о разных народах¹⁵ и объясняет смысл названия самого журнала.¹⁶ Козицкий публикует здесь и другие переводы из древней классической литературы (Сафо, Овидий, Лукиан, Тит Ливий). Литератор кончил свою жизнь трагично — он почему-то пытался совершить самоубийство и умер несколько дней спустя от нанесенных себе ран. Творчество Козицкого до сих пор недооценено исследователями и заслуживает более глубокого внимания.¹⁷

Козицкий дает своему переводу заглавие: «Письмо, сочиненное Публием Овидием Насоном, „Филлида Димофоонту“». Текст занимает девять страниц журнала; у него нет ни предисловия, ни примечаний. Стихотворный подлинник переведен хотя и прозой, зато на редкость точно: филолог явно намерен передать все смысловые оттенки латинского текста. Авторы «Истории русской переводной художественной литературы...» утверждают, что для него «важна была не форма, а сюжеты, вошедшие в духовный мир западной и русской культуры».¹⁸

¹⁵ «Великое человеческому роду дарование божие — ум, мыслящий и рассуждающий не только о всех видимых, но и от зрения нашего сокровенных вещах, не только о вещественных телах, но и о душах, веществу вовсе непричастных: не меньший воистину дар и слово, без которого мы, может быть, не столь различествовали бы от прочих зверей». См.: Трудолюбивая пчела. 1759. № 1. С. 8.

¹⁶ «Винновны ли в том благоуханные цветы, когда змея из них не полезные, но вредительные высасывает соки? В том намерении и я предложил здесь о пользе мифологии, чтоб читатели, обучаясь и упражняясь в оной наподобие трудолюбивых пчел, то только из нее собирали, что знание их умножить, нравоучение им подать и благополучия их причиною быть может». См.: Трудолюбивая пчела. 1759. № 1. С. 33.

¹⁷ Биографические сведения о нем см.: Степанов В. П. Козицкий Григорий Васильевич // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. С. 93–98.

¹⁸ История русской переводной художественной литературы... С. 182.

При сопоставлении всех трех русских переводов XVIII века данного послания оказалось, что только работа Козицкого является настоящим переводом; остальные публикации — лишь обработки текста Козицкого. Ржевский дает лирический пересказ (надо сказать, очень удачный) мифа о Филлиде, опираясь на перевод предшественника; в случае Рубана мы обнаружили, что тот попросту копирует с незначительными изменениями труд Козицкого.

Рассмотрим подробнее главные черты перевода Козицкого. Его точность — филологическая. Это заметно уже в написании имени «Димофоонт» с двумя *o* в последнем слоге. Примером может послужить начало послания:

Hospita, Demophoon, tua te Rhodopeia Phyllis
Ultra promissum tempus abesse queror¹⁹ (10)

Ср.:

Угостившая тебя, Димофоонт, Родопская твоя Филлида, жалобу на тебя к тебе ж приносит, что ты к уреченному времени сюда не возвратился.²⁰

При передаче понятий, для которых еще не было соответствий в русском языке, Козицкий черпает нужные слова из церковнославянского, что придает переводу языческого текста христианский оттенок. Приведем пример. В жалобах Филлиды выражены этические ценности античной культуры. Она обращается к Демофонту словом *sceleratus* (стих 17) от слова *scelus* (*преступление, злоба*), то есть *преступник* или *негодяй*. Демофонт не сдержал данного Филлиде обета, оскорбив ее не только как царскую дочь (что делает его преступником), но и как женщину (что делает его негодяем). Козицкий выбирает первое значение и переводит *sceleratus* (в смысле: *преступник*) как *беззаконный*, причем данное слово привносит смысловой оттенок *грешник*.

¹⁹ Ovidio, Publio Nasone. Eroidi con testo a fronte / Intr., trad e note E. Salvadori. Milano, 1996. P. 10–19. Героида II приводится по этому изданию, далее указываются страницы в скобках.

²⁰ Козицкий Г. В. Письмо, сочиненное Публием Овидием Насоном «Филлида Димофоонту»... С. 515. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием имени автора и номера страниц в скобках.

Иногда Козицкий русифицирует реалии античного мира. Приведем в качестве примера стихи 115–116, взятые из пассажа, где Филлида перечисляет все отнятое у нее Демофонтом:

cui mea virginitas avibus libata sinistris
castaque fallaci zona recincta manu (16).

Пер.:

<ты>, который взял мою девственность при зловещих предзнаменованиях, / и чистый пояс был развязан неверной рукой.

Козицкий переводит:

<...> которой девство ты в несчастливое нарушил время и целомудренный пояс изменническою развязал рукою (Козицкий: 522).

Примечательно, что в переводе отсутствуют языческие «зловещие предзнаменования», то есть признаки, предвещающие несчастье. Амбивалентное выражение «casta zona» («чистый пояс») с дословным значением «незапятнанная ткань» и с переносным значением «девственность» у Козицкого как будто «христианизируется», превращаясь в «целомудренный пояс». Еще один пример: в стихе 41 словосочетание «taedifera dea» («факелоносная богиня») переведено Козицким как «свеченосная богиня».

Рассмотрим теперь перевод Рубана. Как и Козицкий, он учился в Киево-Могилянской академии. Рубан знал латинский, греческий, французский, немецкий и татарский языки. В 1774 г. он опубликовал в Петербурге отдельной книгой два перевода героид Овидия: «Пенелопа Улиссу, или Одиссею» и «Филлида Димофонту».²¹ Послание Филлиды с 38 объяснительными примечаниями о географических и мифологических именах и не общепонятных выражениях занимает десять страниц. Как уже было сказано, текст второго послания в книге Рубана почти полностью совпадает с переводом Козицкого 1759 г.:

²¹ Овидий Публий Назон. Две ироиды, или Два письма древних ироинь, / сочиненные Публием Овидием Насоном, с приобщением авторовой жизни, содержаний и нужнейших на каждое письмо изъяснений / перевел с латинского на российский язык Василий Рубан. СПб., 1774. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием имени автора и номера страниц в скобках.

(Козицкий: 517)

Где теперь Именей, которым клялся ты, чтоб совокупно со мною жить, который мне поверенным и порукою брака был? Морем, которое все ветрами и волнами воздвигается, которым ты часто ездил, и которым опять намерен был ехать, сим морем и твоим ты мне клялся, разве и того ложно так называешь, который возмущенные ветрами моря укрощает, дедом, Венерою и жестоко меня уязвившим Купидоновым оружием, которое есть лук и свечи; и Юноною, которая милостиво предсидит одрам сочетанных браком, и таинственными празднованиями свеченосной богини.

(Рубан: 17)

Где теперь Именей, которым клялся ты, чтоб жить со мною совокупно, и который мне поверенным и порукою был брака? Морем, которое все волнами и ветрами воздвигается, которым ты часто ездил, и которым опять намерен был ехать. Сим морем и твоим ты мне клялся; разве и того ложно так называешь, который возмущенные ветрами укрощает моря, дедом, Венерою и жестоко меня уязвившим Купидоновым оружием, которое есть лук и свечотчи, и Юноною, которая благосклонно предсидит одрам сочетанных браков, таинственными празднованиями свещеносной богини.

В текстах встречаются лишь незначительные изменения. В частности, Рубан иногда меняет только порядок слов:

Козицкий:

обладать будет;
не дойдет до тебя сия моя жалоба.

Рубан:

будет обладать;
сия моя жалоба не дошла до тебя.

Порой он меняет также пунктуацию:

Козицкий:

Однако конец похваляет дело: дай Бог, чтоб те не имели успеха.

Рубан:

Однако конец *похваляет дело* (курсив в тексте. — М. В.). Дай Бог! Чтоб те не имели успеха.

Местами Рубан проводит легкую стилистическую правку перевода Козицкого:

Козицкий:

беззаконный;
что ты к уреченному времени сюда не возвратился;
для того что я чужестранного предпочла своим;

Рубан:

беззаконник;
что ты к назначенному времени сюда не возвратился;
для того что я чужестранца предпочла своим;

неверный, и отческого обмана наслед-
ником себя показываешь;
я тебе вспоможение дала;
оруженосною.

неверный, и отческого обмана наслед-
ником себя показываешь;
я тебя вспомоществовала;
оруженною.

Любопытную категорию вторжений в текст Козицкого со стороны Рубана представляют собой недоразумения и псевдо-исправления.

Стих 117 Овидия: «*Pronuba Tisiphone thalamis ululavit in illis*» Козицкий переводит: «Сваха Тисифона выла тогда в чертогах», точно передавая значение глагола; у Рубана же читаем: «Сваха Тисифона была тогда в чертогах». Или это опечатка, или Рубан, механически переписывая, совершил ошибку.

Стих 96 Овидия: «*quodque foret velis aura secunda queri*» Козицкий переводит точно: «И жаловаться, что способный был парусам ветер». Рубан, переписывая, опустил слово и дал фразе другой оттенок: «И жаловаться, что способный был ветер».

Любопытно также окончание «перевода» Рубана. Текст, как везде, взят у Козицкого, но последние четыре строки превращены Рубаном в стихи:

Козицкий:

Напишут на гробе моем твое имя
как ненавистного причинителя моей
смерти; и будешь ты потомкам
известен сими или сим подобными
стихами.

Димофоонт умертвил Филлиду, уго-
щенный любящею он подал ей при-
чину смерти, а на смерть употребила
она собственную руку.
(Козицкий: 523–524)

Рубан:

Напишут на гробе моем твое имя как нена-
вистного причинителя моей смерти; и бу-
дешь ты потомкам известен сими или сим
подобными стихами:

Филлиду Димофонт (неверный) умертвил,
Которою любим и угощен был.
Он смерти подал ей причину (через разлуку),
А собственну она воздела руку.
(Рубан: 24)

Почему Рубан перепечатал перевод Козицкого под своим именем? Ответить на этот вопрос мы затрудняемся. Рубан имел «репутацию бездарного графомана и даже алчного стяжателя».²² Можно предполо-

²² Николаев С. И. Василий Григорьевич Рубан // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 71.

жить, что в подготовке издания 1774 г. сыграли свою роль какие-то неизвестные нам финансовые мотивы. Это тем более загадочно, что Козицкий ко времени публикации книги Рубана был еще в живых.

Третья версия эпистолы «Филлида к Демофону» принадлежит Александру Ржевскому. В журнале «Свободные часы» в 1763 г. за его подписью (А... Ржевской) напечатано произведение под названием «Героида. Филлида ко Димифонту» с подзаголовком: «Сочинение Публия Овидия Насона; в русские стихи делана с переводу».²³ Автор сообщает, что он обработал чужой перевод. Он имел в виду перевод Козицкого, как явствует из ряда совпадений. Некоторые примеры будут указаны ниже.

Героида Ржевского снабжена кратким предисловием, заключение которого прямо связывается с начальными стихами: «<...> а обещание было не исполнено, тогда Филлида ко супругу писала тако» (Ржевский: 637). Повторение в первой строке стихотворного текста слова «пишет», в позиции клаузулы, подчеркивает композиционную структуру текста, где предуведомление оказывается слитым с поэтическим текстом.

Само переложение написано александрийским стихом; объем текста в 290 строк вдвое превышает количество стихов у Овидия — 148.

Прозаический перевод Козицкого является для Ржевского исходным текстом его поэтической обработки. В качестве очевидного примера можно привести выше процитированный перевод Козицкого «Однако конец похвалает дело» (Козицкий: 520), который дословно повторяется у Ржевского: «Однако же конец все похвалает дело» (Ржевский: 642). Другой пример может быть показателен для поэтического переложения Ржевским точного содержания оригинала, вслед за Козицким:

Стихи:

*Illa meis oculis species abeuntis inhaeret,
cum premeret portus classis itura meos (14)*

²³ Ржевский А. А. Филлида к Димифонту («Родопска, Димифонт, сие Филлида пишет...») // Свободные часы. 1763. № 11. С. 637–646. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием имени автора и номера страниц в скобках.

Пер.: У меня все еще перед глазами картина твоего отъезда, когда готовый к отправлению флот теснился в моей гавани <...>.

Козицкий:

Всегда глазам моим представляется твое лицо, каково оно в то время было, когда ты отправлялся в путь, и когда уже корабли в моей пристани к отъезду были приуготовлены (Козицкий: 520).

Ржевский:

А ты глазам моим мечтаешься всечасно,
Прелестной вижу взор, лице твое прекрасно,
И так, каков ты был, тогда как отъезжал <...>
(Ржевский: 642).

Рассмотрим, каким образом Ржевский обрабатывает рассмотренное выше место, где отчаяние Филлиды из-за потери девства и чести превращается в ярость.

Козицкий:

Которой девство ты в несчастливое нарушил время, и целомудренный пояс изменнической развязал рукою. Сваха Тисифона выла тогда в чертогах, и пустынная птица пела в ужас приводящие и злополучие предвещающие песни, присутствовала Алектона, обвитую имея голову короткими змеями (Козицкий: 522)

Ржевский:

<...>
Которой в злейший час нарушил девство ты
И, целомудренной коснувшись чистоты,
Изменническою снял пояс ты рукою
И вечно грудь стеснил жестокою тоскою.
Пустынна птица тут воздвигла страшный глас,
Имуца на главе змей на место влас²⁴
Присутствовала здесь в час оный Алектона,
И мстяща за грехи здесь выла Тисифона
(Ржевский: 644)

Здесь поэт явно следует переводу Козицкого, передавая даже более точно содержание Овидиева текста, и сохраняет смысл «зловещих

²⁴ Этот стих ритмически дефектен: не хватает одной стопы.

предзнаменований»; кроме того, Ржевский выразительно описывает «locus horridus», где эринии Алектона и Тисифона (соответственно, «не прощающая, безжалостная» и «мстительница за убийство») представляют собой олицетворение гнева безутешной Филлиды.

Сюжет второго послания передан точно; поэт местами дополняет, местами сокращает содержание, подчеркивая любовные мотивы. Прием амплификации заметен с первых же стихов: в отличие от оригинала Ржевский рассказывает всю историю Филлиды и Демофонта, включая и предысторию:

Родопска, Димофонт, сие Филлида пишет,
Которая тобой питается и дышит,
Которою корабль твой в пристань был впушен,
И коею ты был прият и угощен,
Та жалобу тебе и на тебя ж приносит,
И твоего суда себе с тобою просит.
Ты сделал договор, прощаясь со мной <...>
(Ржевский: 638).

Произведение написано в характерной для Ржевского манере, с избытком различных стилистических фигур и риторических приемов. Например, вопрос Филлиды:

Dic mihi, quid fecit, nisi non sapienter amavi?
Crimine te potui demeruisse meo? (10)

Пер.: Скажи мне, что я сделала кроме того, чтобы любить тебя безумно? Могла бы я со своей виной заслужить твою благосклонность?

Козицкий:

Скажи мне, что я сделала? Разве не умно я тебя полюбила? Так виною моею могла я в тебе взаимную возбудить склонность? (Козицкий: 517)

Ржевский подчеркивает его амплификацией мотива «вины» через полиптотон:

Скажи мне, или чем тебя я оскорбила,
Или виновна тем тебя что полюбила?
Но оною виной винна не пред тобой,
Виновна, коль винна, пред светом и собой <...>
(Ржевский: 638)

Филлида является главной героиней длинного монолога; частые стиховые переносы подчеркивают излияние чувств, и когда в конце героиня уже в полном отчаянии, Филлида у Ржевского восклицает, вздыхает, «ахает» и «увывает», разыгрывает собственную драму как актриса, говорит с паузами, применяя экспрессивные повторы: «Да, так. Конечно так. Есть хитрости и в них!» Или она обращается к Демофону: «Скажи мне...», «Постой. Внемли...». Присутствующие у Овидия «слезы» и «поцелуи» имеются и здесь в избытке. Филлида дает Демофону такие определения, как *изменник*, *неверный*, *беззаконный*, *преступник*, *тиран* (этот эпитет отсутствует у Овидия).

Последние стихи эпистолы, где сама Филлида пишет свою надгробную надпись, особенно расширены Ржевским:

Над гробом будешь ты со именем убицы (так! — М. В.)
Любящая тебя изображен девицы;
И будешь знаем ты потомству своему
Таким стихом или подобным ты сему:
«Филлиду Димофонт, его любящу страстно,
Похитя честь ея во время ей несчасно,
И обольтив ее, тирански умертвил:
Он, сняв с любви плоды, неверность ей явил,
И тем соделал он ея причину смерти;
Она дерзнула жизнь своей рукою стерти»
(Ржевский: 646).

В России XVIII века перевод имеет особую функцию восприятия и обработки литературных мотивов из общего запаса классической и европейской литературы. Систематическое изучение данного явления во всех его тонкостях еще впереди. Отметим, что переводы второго послания «Героид» в общем, а особенно переложение Ржевского, представляют собой один из этапов становления жанра любовной элегии и развития образа женщины как главной героини литературного произведения. Именно «вздохи» и «трепет груди» Филлиды Ржевского торжествуют в стихотворении Карамзина «К Филлиде» 1790 г. Именно «слезы» Филлиды Ржевского орошают постельные принадлежности в стихах Вяземского «К подушке Филлиды» 1815 г.

**ПЕРЕВОД И ПОДРАЖАНИЕ
ТРАГЕДИИ Ж. РАСИНА «БЕРЕНИКА»
В ТРАГЕДИИ Я. Б. КНЯЖНИНА «ДИДОНА»**

Подражательность как существенную черту творчества Княжнина-драматурга отметили уже современники и высказались о ней. И. А. Крылов в своих комедиях и комических операх 1780-х гг. глумливо изображал Княжнина в образе стихотворца-плагиатора Рифмохвата или Рифмокрада,¹ Г. Р. Державин в эпиграмме «Суд о трагиках» писал о «чужих лоскутках» на многих драматических поэтах, в числе которых назван и Княжнин.² Наконец, с легкой руки Пушкина словосочетание «переимчивый Княжнин»³ стало хрестоматийным.

Исследовательское внимание к этой особенности творческой манеры писателя в XIX и XX веках породило литературу не всеобъемлющую и не систематическую, в большинстве случаев ограничивающуюся общими указаниями на сходство отдельных драматических ситуаций и положений, а то и целых сюжетов в трагедиях Княжнина и французских авторов.⁴

¹ Напр., в комедиях «Сочинитель в прихожей» и «Проказники».

² *Державин Г. Р. Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. Грота.* СПб., 1866. Т. 3. С. 520 («Суд о трагиках»).

³ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР.* 1937. Т. 6: Евгений Онегин. С. 12.

⁴ [*Галахов А. Д.*] Сочинения Княжнина (Якова Борисовича). Две части (Полное собрание сочинений русских авторов). Издание Александра Смирдина. СПб., 1847.

В трагедии Княжнина «Дидона»⁵ присутствует ранее не отмечавшийся пласт заимствований из трагедии Ж. Расина «Береника»,⁶ частично определяющий ее драматургическую структуру. Ранее уже было отмечено, что в первой трагедии молодого драматурга, имевшей значительный успех и долго продержавшейся в репертуаре, можно проследить некоторое сходство с двумя предшествующими ей драматическими текстами.⁷ Первый — это популярнейшее в XVIII веке оперное либретто П. Метастазо «Покинутая Дидона», впервые напечатанное в 1724 г.,⁸ а впоследствии перерабатывавшееся автором для многочисленных постановок и для изданий вплоть до 1780 г.⁹ Второй текст — трагедия Ж.-Ж. Лефрана де Помпиньян «Дидона», впервые поставленная в 1734 г. в Париже, тоже долго державшаяся в репертуаре и многократно переизданная, иногда под заглавием «Эней и Дидона».¹⁰

Статья первая // Отечественные записки. 1850. Т. 69. Отд. 5. С. 54; Тихонравов Н. С. О заимствованиях русских писателей // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч. 2. Русская литература XVIII и XIX вв. — Приложения. С. 317; Racine en Russie au XVIIIe siècle: les imitateurs, par Grégoire Gukovskij // Revue des études slaves. Т. 7 (1927). Fasc. 3–4. Р. 241–260; [Кулакова Л. И.] Княжнин // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1947. Т. 4. Ч. 2. С. 236–237.

⁵ Княжнин Я. Б. Избранные произведения / Вступ. ст. подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1961. С. 61–116 («Дидона»). В дальнейшем это издание сокращенно цитируется в тексте с указанием имени автора и страницы.

⁶ Racine J. Œuvres de J. Racine / Par M. Paul Mesnard. Paris, 1965. Т. 2. Р. 341–444 («Bérénice»). В дальнейшем это издание сокращенно цитируется в тексте с указанием имени автора и страницы.

⁷ [Кулакова Л. И.] Княжнин... С. 236–237.

⁸ [Metastasio P.] Didone abbandonata. Drama per musica da rappresentarsi nel teatro di San Bartolomeo, nel carnevale dell'anno 1724. Napoli, 1724.

⁹ Metastasio P. Opere del signor abate Pietro Metastasio. Parigi. 1780 Т. 3. Р. 3–108 («Didone abbandonata»). В России были поставлены оперы Ф. Цопписа (1758) и Б. Галуппи (1766). См.: История русской музыки: В 10 т. М., 1985. Т. 3. XVIII век. Ч. 2. С. 378, 380 (Хронологическая таблица). Сведения о постановке «Оставленной Дидоны» на музыку Ф. Арайя по либретто Метастазо в переводе некоего Янковича в Летнем дворце в мае-июне 1758 г. не подтверждаются ссылкой на конкретный источник. См.: Корндорф А. С. Дворцы Химеры: Иллюзорная архитектура и политические аллюзии придворной сцены. М., 2011. С. 181–182.

¹⁰ О сценической и литературной судьбе этой трагедии см.: Braun Th. E. D. Voltaire, Metastasio, and Le Franc de Pompignan's Didon // The King's Crown: Essays

Нельзя также не отметить популярность сюжета несчастной любви троянского князя и ливийской царицы в российском театре второй половины XVIII века, где помимо оперных и драматических постановок вплоть до 1820-х гг. были нередки также красочные балеты и пантомимы, живописующие их любовь и разлуку.¹¹

Оставив в стороне разбор конкретных случаев творческого использования Княжнинным указанных источников, сосредоточим внимание на отрывках, свидетельствующих об ориентации на трагедию Расина. Если предпринять параллельное чтение явлений 1–3 действия I «Дидоны» и явлений 2–5 действия II «Береники», то можно обнаружить немало сходных элементов в художественной структуре этих двух отрывков. Прежде всего, сходство на уровне фабулы. В трагедии Княжнина Эней сообщает своему наперснику Антенору, что, несмотря на благоприятный момент для брака с царицей Дидоной, он принял решение оставить ее, как велит ему долг. Антенор поддерживает героя в этом решении и ободряет его, однако любовь Энея к Дидоне сильна и предстоящая разлука причиняет ему сильнейшие страдания. Неожиданно является царица и обращается к троянскому князю со словами любви. Тот пытается начать разговор о разлуке, но внезапно решимость покидает его, и он поспешно уходит, оставляя Дидону в недоумении. Оправившись от изумления, царица в разговоре с наперсницей рассуждает о причинах замешательства и ухода Энея, предполагает, что он ревнует к нумидийскому царю Ярбу, и успокаивает себя мыслью, что ревность князя есть неложное свидетельство его любви.

В трагедии Расина происходят те же события, лишь вместо Энея действует римский император Тит, вместо Антенора — вельможа Паулин, вместо Дидоны — иудейская царица Береника, а вместо Ярба упоминается комагенский царь Аршак.

Фабульное сходство рассматриваемых фрагментов сопровождается близостью на уровне детального плана сравниваемых сцен, вплоть до риторических оборотов и приводимых аргументов. Уместно рас-

on XVIII th and XIX th Century Literature, Art, and History Honoring Basil J. Guy. Leuven, 2005. P. 11–20.

¹¹ Очерк этих спектаклей, в котором особое внимание уделено постановочной части, содержится в монографии: *Корндорф А. С. Дворцы Химеры... С. 177–255.*

смотреть лишь несколько наиболее выразительных примеров. Дидона, входя, просит извинить настойчивую поспешность, с которой она прервала доверительный разговор Энея с другом, оправдываясь желанием видеть возлюбленного и сердечным стремлением к нему. Свою тираду она завершает вопросом, о ней ли говорил Эней с Антенором или хотя бы думал о ней. Сходным образом строится первая тирада Береники в явлении 4 действия II. Сначала она просит простить ей нескромное усердие, прерывающее тайну уединения императора, а в конце тирады спрашивает, говорил ли он о ней или хотя бы думал. В ответ на слова Дидоны Эней клятвенно заверяет ее в своей любви, призывая богов в свидетели, однако царица возражает, что клятва эта холодна и неуместна, поскольку больше чем клятвам она поверила бы его вздоху. Сходным образом развивается диалог Тита и Береники: торжественная клятва героя с упоминанием богов и ответ героини о том, что такая клятва холодна и излишня, ибо достаточно одного вздоха. Затем действие в обеих трагедиях идет параллельно. Эней пытается заговорить с Дидоной, но умолкает, та описывает его смущение (безмолвие, отведенный взгляд, вздохи) и называет его возможную причину. Тит умолкает уже на первом слове, Береника отмечает его отведенный взгляд и смущение и пытается указать его причину. Дальнейший ход сцены в двух трагедиях различен, однако весьма скоро приводит к обмену сходными репликами. Эней с сокрушением заявляет Дидоне, что она расточает свои милости неблагодарному. Героиня с удивлением повторяет это слово, выражает сомнение в том, что Эней может быть неблагодарным и вопрошает его, уж не забыл ли он ее любовь, на что Эней вновь заверяет ее в своих чувствах. Сходную игру наблюдаем между Титом и Береникой, с тою лишь разницей, что иудейская царица осведомляется, уж не наскучили ли изъявления ее доброты императору. Рассматриваемые сцены заканчиваются поспешным уходом смущенных героев, которые оставляют своих возлюбленных наедине с наперсницами во власти смятенных дум и переживаний.

Оставшись наедине с Элизой, Дидона недоумевает и обращается к ней за разъяснениями, не провинилась ли она, что означает происшедшее? Та в ответ выражает свою озадаченность, тогда царица принимается рассуждать сама. Она полагает, что, может быть, оскорбила возлюбленного, решает отправиться вслед за ним и потребовать объяс-

нений, однако останавливается и заявляет, что, внимательно рассмотрев все сказанное, поняла, что причина смущения и холодности Энея в его возможной ревности к царю Ярбу. Она считает такое сомнение в ее чувствах беспочвенным. Она отвергла бы притязания соперника, вознамерившегося бросить к ее ногам «тму скиптров и венцов», предпочла бы ему Энея даже в «низкой части» и возвела бы его на свой трон. В заключение Дидона успокаивает себя словами, что ревность троянского князя — верный признак его любви. Заключительная сцена действия II трагедии Расина развивается по сходному плану. Оставшись наедине с наперсницей Фойникой, Береника недоумевает, пытается понять свою вину и значение происходящего, обращается за советом к подруге, видя ее озадаченность, начинает рассуждать самостоятельно. Она выражает намерение идти и требовать объяснений от Тита, затем говорит, что, внимательно разобрав все сказанное, сама поняла причину его смятения: это его ревность к царю Аршаку. Героиня утверждает, что это подозрение легко опровергнуть и в доказательство заявляет, что отвергла бы притязания более могущественного соперника, предложившего ей больше империй и скипетров, чем Тит, а Тита предпочла бы только за то, что он отдаст ей свое сердце. В заключение иудейская царица с радостью уверяет себя в том, что если Тит ревнует, значит, он влюблен.

Описание сходства рассматриваемых сцен оставалось бы дополнить примерами некоторых стихов «Дидоны», которые являются переводом стихов «Береники», однако в разбираемых отрывках, при всей их почти дословной текстуальной близости, невозможно отыскать строк, являющихся собственно переводом, хотя бы и самым вольным. Русский текст, проходя по касательной рядом с французским, остается все же только его подражанием. Доказательством тому служит двустишие, взятое Княжнинным из явления 2 действия II трагедии Расина, где оно находится в диалоге Тита и Паулина, и перенесенное с необходимыми изменениями в разговор Энея и Дидоны. Слова Тита, обращенные к Паулину:

Depuis cinq ans entiers chaque jour je la vois,
Et crois toujours la voir pour la première fois.
(Racine: 397–398).

Парафраз в реплике Энея, обращенной к Дидоне:

Я каждый день тебя на каждый вижу час,
А зрю тебя всегда, как зрел я в первый раз.
(Княжнин: 71)

Другой пример уже более точной передачи оригинала — это слова Береники, обращенные к Титу, ставшие словами Дидоны, обращенными к Энею:

Mais parliez-vous de moi quand je vous ai surpris?
Dans vos secrets discours étais-je intéressée,
Seigneur? Étais-je au moins présente à la pensée?
(Racine: 399).

О ком здесь тайна речь из уст дражайших шла?
О мне ль уста твои любезные вещали?
Иль мысли хоть твои меня ли воображали?
(Княжнин: 69)

Пример более протяженного перевода стихов из трагедии Расина «Береника» в трагедии Княжнина «Дидона» можно указать в другом месте. Имеется в виду явление 7 действия III. Здесь Эней прямо объявляет Дидоне о своем намерении уехать. Дидона упрекает его, молит остаться, грозит браком с его соперником, царем Ярбом. В этом эпизоде нет близкого фабульного сходства с событиями явления 5 действия IV трагедии Расина, хотя в этот момент Береника слышит от самого Тита о его решении отослать ее. Царица корит императора, умоляет отменить задуманное, приводит множество различных доводов в свою пользу и, наконец, угрожает самоубийством и все же не в силах переубедить возлюбленного. Сходство плана отдельных реплик в этих отрывках можно проследить, однако оно не столь ярко выражено и выявляется на значительно менее протяженном отрезке текста. Однако именно здесь находится переведенный фрагмент:

<...> et pour jamais, adieu.
Pour jamais! Ah! Seigneur, songez-vous en vous-même
Combien ce mot cruel est affreux quand on aime?
Dans un mois, dans un an, comment souffrirons-nous,
Seigneur, que tant de mers me séparent de vous?

Que le jour recommence, et que le jour finisse,
Sans que jamais Titus puisse voir Bérénice...
(Racine: 424).

<...> навек прости...

Навек, увы! навек! о, слово преужасно
В любви сгорающим и зревшимя всечасно!
Как месяц, год снести возлюбленной твоей,
Чтоб разделяло нас толь множество морей;
Чтоб начинался день, и день оканчивался,
А ты б, драгой Эней, с Дидоной не видался?
(Княжнин: 88)

Сравнение указанных фрагментов, как кажется, убедительно свидетельствует о том, что при создании своей первой трагедии Княжнин сознательно ориентировался на трагедию Расина «Береника». Не следует думать, однако, что его подражание французскому классику было слепым и рабским. Молодой драматург насыщает свое произведение событиями и речами, сочиненными самостоятельно или заимствованными из других источников, выстраивает оригинальный сюжет из материала, предоставляемого традицией, по-своему лепит характеры мифологических лиц. Однако подготовленный зритель или читатель ощущает отблеск поэтической любви героев Расина в поступках и словах персонажей русского автора. Французский драматург и сам сопоставил трагическое прощание своих героев с прощанием Дидоны и Энея, как оно описано в песни IV «Энеиды» Вергилия. В предисловии к своей трагедии он писал: «В самом деле, ни у одного поэта не найдем мы ничего трогательнее, чем разлука Энея и Дидоны у Вергилия. И кто усомнится в том, что событие, дающее вполне достаточно материала для целой песни героической поэмы, где действие развивается на протяжении многих дней, окажется достаточным и для сюжета трагедии, действие которой длится лишь несколько часов?»¹² Действительно, избрание Княжнинным «Береники» Расина в качестве одного из образцов для драматургической обработки сюжета о любви Дидоны и Энея трудно назвать случайным.

¹² Расин Ж. Трагедии. Л., 1977. С. 129.

Приведенные наблюдения дают возможность уточнить некоторые наши знания в истории литературы. Теперь можно дать точный комментарий к тому месту комедии И. А. Крылова «Проказники» (явление VIII действия I), где Азбукин перед Тянисловом обвиняет Рифмокрада (под этим именем в комедии выведен Княжнин) в краже у «Беренисы».¹³ Ранее это место объяснялось только ссылкой на трагедию Расина как источник заимствования без упоминания «Дидоны» как текста, куда заимствования помещены.¹⁴ Дополнение комментария к самой трагедии Княжнина тоже представляется уместным. Обратившись к более широкому историко-литературному контексту, можно заметить, что это один из самых ранних случаев (если не самый ранний) обращения русских писателей к трагедии Расина «Береника» в качестве образца для подражания и текста для перевода. Как показывает работа Г. А. Гуковского «Racine en Russie au XVIIIme siècle», наиболее популярной драмой Расина для перевода и подражания в России XVIII века была «Андромаха» (ближе всех следовали ее тексту М. В. Ломоносов в «Демофонте» и Княжнин в трагедии «Владимир и Ярополк»), затем в начале XIX века ее сменила «Федра». «Береника» впервые была полностью переведена и опубликована лишь в 1977 г. в собрании трагедий Расина в серии «Литературные памятники» сотрудником Публичной библиотеки Н. Я. Рыковой (1901–1996).¹⁵ Обращение Княжнина к этой драме было для русского театра рубежа 1760–1770-х гг. нетривиальным, творческая свобода трактовки материала для подражания и перевода свидетельствовала о художественной зрелости, по достоинству оцененной современниками и через многие годы взыскательным и нелицеприятным исследователем, каким был Г. А. Гуковский. Хотя представленный материал является новым, он вполне согласуется с выводом

¹³ Крылов И. А. Полное собрание драматических сочинений / Сост., вступ. ст., коммент. Л. Н. Киселевой. СПб., 2001. С. 183.

¹⁴ Там же. С. 605.

¹⁵ К сожалению, этот перевод не указан среди ее трудов в справочном издании: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 2003. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина: 1931–1945. С. 491–493 (авт. — А. Я. Разумов).

ученого: «В таком заимствовании нет ничего неуклюжего: присвоенные мотивы не вырваны из оригинального сюжета, чтобы затем с грехом пополам быть вставленными в новое произведение, и не заметно, чтобы ненужные обрывки „пришли“ вместе с основной пьесой, обличая тем самым неловкость хищения. <...> русские писатели были совершенными мастерами своего дела и пользовались Расином, которого знали, но не следовали за ним».¹⁶

¹⁶ Racine en Russie au XVIIIe siècle: les imitateurs, par Grégoire Gukovskij... Р. 255. Пер. с фр. мой. — А. Д.

Ж. ДЕ ЛАФОН НА РУССКОЙ СЦЕНЕ: ДВА ВАРИАНТА АДАПТАЦИИ

В 1765 г. один из персонажей комедии В. И. Лукина «Щепетильник», галломан Верхоглядов, произносит со сцены следующие слова: «<...> Наш язык самой зверской и коли бы не мы его чужими орнировали словами, то бы на нем добрым людям без орёру дискутировать было бы не можно. Кель диавле! Уже нынче не говорят „риваль“, а говорят „солубовник“. Ха, ха, ха! Какое иниоранство! Да пусть бы говорили, а то уже и пишут, и я слышал, что комедию „Троа фрер риво“ назвали „Три брата солубовники“. Три брата солубовники! Ах! Эти слова умертвят меня».¹

Реплика Верхоглядова касалась факта театральной жизни того времени. 27 августа 1764 г., а затем 13 октября на придворном российском театре под названием «Три брата солубовники» была представлена одноактная пьеса французского драматурга Ж. де Лафона «Les trois frères rivaux» в переводе П. С. Свистунова (1732–1808).

Жозеф де Лафон (1686–1725), сын парламентского прокурора, по желанию отца должен был стать юристом. Однако увлечение поэзией увело его, как ранее П. Корнеля (1606–1684), от юриспруденции к литературному творчеству. Лафон прославился одноактными стихотворными комедиями, в которых французские театралы находили то цитаты

¹ Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы. СПб., 1868. С. 215.

из Мольера, то сюжетные модели других известных драматургов.² Он строил свои пьесы на комизме ситуации, зачастую не заботясь о правдоподобии. Пьеса «Les trois frères rivaux», как рассказал сам автор, публикуя ее текст, родилась зимой 1713 г. из разговора с одним из его друзей, известным комедиантом Пьером Торильером.³ Сюжет ее основывался на недоразумении и навязчивом повторе ситуации.

Действие происходит в Париже. Три брата Лизимоны, капитаны, служащие в одном королевском полку, не зная о намерениях друг друга, сватаются к одной и той же девушке Ангелине и получают согласие на брак, один — от ее отца, другой — от матери, третий — от нее самой.

Лафон считал, что если в пьесе мало мысли, то только сюжет способен выстроить ее действие. Свою задачу как комедиографа он видел в том, чтобы с достаточной мерой приличия развлекать благородных людей. Этой задаче служили и некоторые реплики персонажей, назначение которых выходило за рамки сюжета. Когда мать Ангелины, госпожа Филидор, восклицала: «Фи, мужья-игроки — недостойные мужья. Разве можно любить игру? Довольно и женщин»,⁴ — осведомленные зрители видели в этом замечании ироничное отношение автора к увлечению Торильера, участвовавшего в спектакле, картежной игрой.

Блестящий язык комедии, ее остроумие принесли Лафону настоящую славу, которой он не спешил воспользоваться, предпочитая оставаться в стороне от светского общества.

Русский переводчик Петр Семенович Свистунов полюбил театр, участвуя в юности в кадетских спектаклях. Он перевел комедию Лафона в 1757 г., когда, закончив обучение в Сухопутном шляхетном корпусе, остался при корпусе поручиком. Но только спустя семь лет пьеса Лафона была представлена на сцене.⁵

Перевод Свистунова не попал в печать. Составить представление о нем позволяет единственный сохранившийся список произведения

² Vie de Lafont // Chef-d'œuvre de Lafont. Paris, 1788. P. 1–2 (Petite bibliothèque des théâtres. Vol. 62).

³ Jugements et anecdotes sur les Trois frères rivaux // Ibid. P. VIII.

⁴ Les trois frères rivaux, comédie en un acte et en vers de Lafont // Petite bibliothèque des théâtres. Paris, 1788. P. 7–10. Перевод мой. — Е. К.

⁵ Биографию его см.: Заборов П. П. Свистунов Петр Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 101–103.

в СПб ТБ.⁶ Он датирован 10 декабря 1802 г. Как следует из перечня актеров (Я. Г. Григорьев, М. С. Воробьева, И. А. Савинов, В. С. Ша-рапов), список предназначался для спектакля Московского театра.

П. С. Свистунов перевел стихотворную комедию Лафона прозой, стремясь при этом по возможности точно следовать оригиналу. Так же тщательно он переводил в свое время комедии Мольера, Ж.-Б. Колле де Мессина и М.-А. Леграна.⁷ Он сохранил даже имена действующих лиц, за одним исключением. Слуга Мерлин стал в русском переводе Криспином. Так сразу обозначилось амплуа этого персонажа — известного героя французских комедий.

В переводе Свистунова Криспин, как и его французский прототип, — хитрец и пройдоха, который в пространных монологах формулирует свое отношение к жизни. Комедия открывается сценой, где он излагает суть конфликта между персонажами. Криспин выманивает деньги у всех трех женихов, каждому обещая свою помощь: «Самые добрые три вещи — три кошелька с золотом <...>. Всякой идет прежде ко мне с поклоном и через меня уже сватается <...>, каждый из них думает, что свадьбою любовь его наградится, первой получил уже соизволение от отца, другой от матери, третий от дочери, а я от всех троих получил деньги» (2–2 об.). Криспин умело ведет интригу, и на его плутнях держится весь сюжет пьесы. Параллельно слуга затрагивает в своих монологах общеευропейские сатирические темы того времени. Таково, например, высмеивание «приказных людей». Подьячий «преисполнен притворства, жеманства, показывает себя мудрым человеком и что ни совет, сам первый засмеется своему дурачеству, сам собою любит, словом сказать: голова пустая, хвостун, враль, везде хочет казаться мудрецом, а вместо того везде дураком остается» (4 об.–5). Однако некоторые, особенно острые, высказывания Криспина, как свидетельствует рукопись, подвергались в русском театре существенной правке. В списке СПб ТБ на две трети сокращен его монолог. В нем вычеркнуты слова о бесстыдстве: «<...> нет ничего нужнее и покойнее этого

⁶ СПб ТБ. I.П.3.101. № 1273: «Три брата солубовники. Сочинения господина Дела Фонта». Далее цитаты из этой рукописи даются в тексте с указанием листов в скобках.

⁷ *Заборов П. П.* Свистунов Петр Семенович. С. 102.

для человека! Кто пьет — не бледнеет, а жлет — не краснеет, тот самый светский человек. Так и надобно, это самый лучший способ разбогатиться. Люди нашего века очень жить умеют, совесть им во сне не снится, на кого я ни взгляну, беднячка не вижу, кроме самых простаков, которые с одною честностию жить хотят на свете, а я это лучше знаю, что честностию сыт не будешь, без честности проживешь, а без денег никак не возможно <...>» (12–12 об.).

Действие пьесы в переводе Свистунова развивается живо и динамично. Хотя многие намеки и аллюзии оригинала, очевидно, не могли быть замечены в иноязычной зрительской среде.

Спустя четыре года после перевода Свистунова, в 1769 г., комедия Лафона появилась на русской сцене в переложении А. П. Сумарокова под более подходящим названием «Три брата совместники».⁸ В СПб ТБ сохранился список комедии, сделанный с неизвестной рукописи Сумарокова конца 1768 г. и уточняющий обстоятельства ее создания. На титульном листе воспроизведено «авторово надписание», представляющее собой обращение Сумарокова к директору театра И. П. Елагину. Оно свидетельствует о поспешности, с которой Сумароков готовил пьесу к постановке. Сумароков писал: «Нижайше прошу сию пиесу приказати списати, а оригинал мне по списанию возвратити, но желаю, чтобы мне она по списанию была возвращена без замедления, дабы я ее успел отдать куда надлежит ради напечатания, а желаю, чтобы она представлена была после „Лихоимца“; ибо к трагедии она из печати выйти не может».⁹ Как видно из просьбы Сумарокова, он полагал, что комедия «Три брата совместники» может быть представлена

⁸ В словаре В. И. Даля слово «совместник» толкуется так: «соперник, соревнователь, соискатель или противник, спорящий за обладание чем-либо или для достижения чего-либо, оспаривающий первенство, добывающийся того же, что и другой». См.: *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб.; М., 1882. Т. 4. Р–V. С. 261.

⁹ СПб ТБ. I.XX.3.84. № 14874. Три брата совместника. Комедия Александр (так! — Е. К.) Сумарокова. Бумага с водяным знаком «Pro Patria» датируется 1765–1766 гг. См.: *Клетиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения // Сб. ст. и мат-лов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению*. Л., 1965. № 286. Далее цитаты из этой рукописи даются в тексте с указанием страниц в скобках.

в качестве «малой пьесы» при комедии «Лихоимец», написанной им в том же году. В письме директору Академии наук графу В. Г. Орлову от 2 октября Сумароков сообщал, что комедия уже переписана, отдана актерам «ради учения» и хлопотал о скорейшем ее напечатании.¹⁰ Вероятно, уже тогда Сумароков принял решение о переезде в Москву, чтобы избавиться от надзора Елагина. Он покинул Петербург в марте 1769 г. Спектакль, включающий две комедии: «Лихоимец» и «Три брата совместники», по-видимому, состоялся в начале 1769 г. в Петербурге на сцене Вольного театра.¹¹ Точная его дата не установлена. Пьеса Лафона в переложении Сумарокова шла также в Москве 31 января 1770 г. и 24 ноября 1783 г.¹²

Комедия свидетельствует об уступке Сумарокова новому направлению в отечественной драматургии, прежде вызывавшему его горячие возражения, — «преложению» или «склонению» на русские нравы. Более того, перелагая пьесу Лафона, Сумароков воспользовался приемом, который разработал Лукин. Как отметил П. Н. Берков, «обычно Лукин открывал комедии своими оригинальными сценами и лишь в дальнейшем вкрапывал отдельные реплики, а местами и значительные по объему эпизоды из „прелагаемой“ комедии. Сохранялся в основном сюжетный костяк пьесы, да и то не всегда».¹³

Сумароков перенес действие пьесы в Москву. Супружеская чета Филидоров стала Тигровыми. Так, по мнению Беркова, Сумароков обыграл распространенную в России фамилию Львовых.¹⁴ Героиня Ангелина получила новое имя — Ольга. Братья-соперники Лизимоны стали Изяславом, Ярославом и Светославом Радугиными, слуга Криспин получил имя Кипарис.

Переложение Сумарокова начинается разговором Кипариса и Тигрова. Слуга расспрашивает хозяина, почему он стал много рассуждать

¹⁰ Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для Словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914. С. 96.

¹¹ История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977. Т. 1. С. 450 (Репертуарная сводка).

¹² Там же. С. 469.

¹³ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 77.

¹⁴ Там же. С. 84.

о военной службе и во время молитвы выкрикивал военные команды. Тигров сообщает, что выдает дочь за военного.

Больше всего изменения коснулись роли слуги. Его монологи опущены. Слуга Кипарис у Сумарокова простоват и глуповат. В развитии действия он не участвует. Его функция в пьесе — смешить зрителя. Когда три жениха один за другим приходят свататься, Кипарис принимает их за одного и того же человека, за сумасшедшего. Так в пьесе возникает упоминание Андреевского монастыря. Это была привязка к реальности. В 1762 г. Синод назначил Андреевский монастырь местом для содержания умалишенных. Второй такой привязкой было упоминание Кипарисом песни «То ль награда за мою верность, за мою искренность», которая, по мнению некоторых исследователей, принадлежала самому Сумарокову.¹⁵ Песня была принята публикой с восхищением и вызвала множество подражаний. Ее распевали во всех аристократических салонах и даже во дворце перед императрицей. Для создания национального колорита драматург включает в речь персонажей своей комедии несколько пословиц.

Роли женихов в комедии сокращены и упрощены. В пьесе Лафона и переводе Свистунова братья, узнав о своем соперничестве, ссорятся: «Ты мне должен уступить, я тебе старший брат. — Увидим, любовница ведь не пожитки, на это закона нет, тут я покорный слуга вашему старшинству» (11 об.). У Сумарокова два брата не препятствуют счастью третьего и соглашаются уступить ему невесту, «потому что мы братья и друзья» (19 об.). Автор опустил эпизоды с письмами отца и матери женихам и с анонимным письмом от слуги. В нем один из женихов объявлялся картежником, а другой — любителем женщин, что и вынудило отца невесты согласиться с ее выбором. В переводе Свистунова, как и у Лафона, желание девушки выйти замуж за военного мотивировано: «Она смертно ненавидит приказных людей и хочет быть необходимо замужем за добрым солдатом» (3). У Сумарокова какая-либо мотивировка отсутствует.

Некоторое сходство комедии Сумарокова с переводом Свистунова и с оригиналом обнаруживается в сценах спора супругов Тигровых

¹⁵ Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: Исследования и материалы. М., 1952. Т. 1. С. 67.

из-за женихов и их объяснения с дочерью. Явления 2–4 в комедии Сумарокова соответствуют явлениям 6–8 в переводе Свистунова. Криспин говорит о нраве своей госпожи: «Голова ее, ей-ей, так как месяц, который иногда светел, а иногда темен; ты говоришь „бело“, она говорит „черно“, скажешь „доброе утро“, а она говорит „добрый вечер“» (14). У Сумарокова эта характеристика Тигровой звучит из уст ее мужа: «Вздорная жена всего хуже на свете сем. Сколько лет я мучуся с нею! Я скажу „бело“, а она „черно“. Я „черно“, а она „бело“. Я „направо“, а она „налево“» (10 об.). В оригинале комедии характер госпожи Филлдор сравнивается также с морским приливом и отливом.¹⁶

Сюжет о жене-спорщице, имевший широкое распространение в Европе и попавший в комедию Лафона, был знаком русским читателям по фациям и лубочным картинкам.¹⁷ Сумароков использовал его также в комедии «Пустая ссора» (1750) и в басне «Спорщица». Пьеса «Три брата совместники» была лишена памфлетности, характерной для его ранних комедий. Теперь он предлагал зрителям комизм положений и характеров.

Итак, в 1760–1770-е гг. на русской сцене сосуществовали две несхожие пьесы, восходящие к одному источнику. В переложении Сумарокова, сократившего комедию Лафона и приблизившего ее к пьесам народного театра, сюжет отступал на второй план. Зрителям разных сословий предлагалось посмеяться над своими соотечественниками, жителями Москвы — всегда спорящими и бранящимися супругами и над их глупым слугой. Та же комедия в переводе П. С. Свистунова, сохраняя запутанный сюжет оригинала, увлекала зрителей динамичным действием и обличала их устами Криспина, которому, как шуту, позволялось говорить правду, хотя и в сокращенном варианте. Переводу Свистунова, судя по датировке сохранившейся рукописи (1802), суждена была более продолжительная сценическая жизнь в России. Другие пьесы Ж. де Лафона на русской сцене не ставились.

¹⁶ Les trois frères rivaux, comédie en un acte et en vers de Lafont... P. 17.

¹⁷ Державина О. А. Фация. М., 1962. С. 82–90.

**СТИХОТВОРНАЯ БАСНЯ
М. Н. МУРАВЬЕВА «ИЗГНАНИЕ АПОЛЛОНА»
И ЕЕ ПРОЗАИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Переводы, переложения и другие формы переработки какого-то сюжета объединяет серия общих проблем, в том числе необходимость определения доминанты исходного текста. Пример тому — отношение к своему источнику стихотворной басни М. Н. Муравьева (1757–1807) «Изгнание Аполлона». Это стихотворение, основанное на «античном мифе об Аполлоне, который в наказание за убийство циклопов служил пастухом у фессалийского царя Адмета»,¹ можно называть и самой знаменитой, и самой малоизвестной из басен поэта. С одной стороны, конечные строки, выражающие веру в просветительскую силу искусств, уже через несколько лет после кончины автора стали хрестоматийными, с другой, — в последнее время датировка, литературный контекст и даже текстология произведения оказались затемненными. Вместе с тем их прояснение способствует и решению проблемы источника.

Следует учесть, что жанр нравоучительной басни сопровождал Муравьева на всех этапах его жизни. В конце 1760-х гг. как ученик университетской гимназии он упражнялся, переводя на французский язык фонвизинские переложения двух басен Л. Гольберга;² затем,

¹ Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. С. 551 (Примеч. В. П. Степанова).

² РНБ. Ф. 499. № 34. Л. 3–4.

шестнадцать лет, он начал свой литературный путь изданием томика девятнадцати басен, а еще одну он включил во вторую книгу того же года.³ В его архивах остались: относительно недавно обнаруженные неопубликованные очень ранние⁴ и более поздние басни,⁵ наборный вариант первой книги,⁶ а также следы проекта новой серии басен второй половины 1770-х гг.⁷ и переработки уже опубликованных текстов ввиду публикации «Собрания стихотворений М. Муравьева» в конце 1790-х гг. — начале XIX века.⁸

Большая часть этих материалов вошла в состав начального раздела («Басни») тома стихотворений Муравьева, опубликованного в 1967 г. Л. И. Кулаковой.⁹ Хотя в основном редактор соблюдала последовательность оригинальной книги, она, очевидно, придерживалась одновременно принципов «максимальной полноты» и «последней авторской

³ *Муравьев М. Н.* 1) Басни лейб-гвардии Измайловского полку фурьера Михайлы Муравьева. СПб., 1773. Кн. 1; 2) Баснь. Подражание Лафонтену // Переводные стихотворения лейб-гвардии Измайловского полку каптенармуса Михайла Муравьева. СПб., 1773. С. 15–16. Разбор этих книг выходит за рамки данной работы.

⁴ РГБ. Ф. 178. Картон 11161. № 1. См.: *Алехина Л. И.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей. Раздел II. Творческие рукописи (№ 7, 9, 10, 11); Переводы (Федр, № 121, 122) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1990. Вып. 49. С. 40–41, 70.

⁵ РГБ. Ф. 178. Картон 11161. № 5, 6, 14–18; Переводы: Лафонтен, № 77–81. См.: *Лазарчук Р. М.* Неизвестные тексты М. Н. Муравьева (переводы басен Лафонтена) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 312–316.

⁶ ОР РНБ. Ф. 499. № 45. Притчи лейб-гвардии Измайловского полку капрала Михайла Муравьева. Кн. 1. Авторизованный список с исправлениями постороннего лица.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 232. Л. 139. Черновик.

⁸ Там же. № 154. Беловой список.

⁹ *Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л., 1967. С. 53–80; 293–298. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием автора, года издания и номера страницы в скобках. О баснях Муравьева см. диссертацию: *Radezky I. C.* M. N. Murav'ev. Columbia University. Ph. D., 1980. P. 80–93; а также: *Топоров В. Н.* Из истории русской литературы. М., 2003. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 2. С. 12–19.

воли». В результате в ее издании соседствуют тексты, восходящие к 1772 г. («Столик и колокольчик» из книги «Притчи»), и тексты, переработанные почти тридцать лет позже («Перо», «Зевес и гром»)¹⁰ Раздел завершает «Изгнание Аполлона» с лаконичным указанием, что оно увидело свет в собрании произведений Муравьева (отметим, прозаических!), изданном Карамзиным в 1810 г., а печатается по автографу, здесь безоговорочно датированному 1786 г. (Муравьев 1967: 79–80, 327).

Публикация Кулаковой определила «канон» муравьевских басен едва ли не до сегодняшнего дня. Если в томе «Библиотеки поэта» «Русская басня XVIII–XIX вв.», опубликованном Н. Л. Степановым в 1949 г., басни Муравьева (6) извлечены из издания 1773 г., то в одноименном томе 1977 г. они (8) восходят к собранию 1967 г. и завершаются «Изгнанием Аполлона». Тот же набор находим в антологии, изданной В. П. Степановым в 1986 г.¹¹

Несколько иной подход у издателей недавнего большого собрания «Русская басня XVIII–XIX века: Собрание сочинений».¹² Помимо «наибольшей полноты», они поставили себе целью воспроизвести тексты «по прижизненным изданиям»; в случае Муравьева — даже по наборной рукописи с замечаниями постороннего лица («Притчи») — и «в той последовательности, которую установили сами авторы (или в соответствии с порядком первой публикации)».¹³ Таким образом, рядом с вариантами басен, расположенных в порядке, обратном по сравнению с изданиями «Библиотеки поэта», здесь печатаются и паратекстовые произведения — посвящения и эпилог, а также дружеское послание «К Хемницеру», очевидно, как свидетельство дружбы двух баснописцев.¹⁴ «Изгнание Аполлона» печатается по изданию 1810 г.,

¹⁰ При этом сама исследовательница справедливо подчеркивала глубокие стилистические изменения, внесенные автором при переделке басен (Муравьев 1967: 20).

¹¹ Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1949. С. 127–132; Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. С. 154–161; Русская басня. М., 1986. С. 133–139.

¹² Русская басня XVIII–XIX века: Собрание сочинений. М.; СПб., 2007.

¹³ Градова Б. А., Мартынов Г. Г. К читателям // Русская басня XVIII–XIX века: Собрание сочинений... С. 3.

¹⁴ Русская басня XVIII–XIX века: Собрание сочинений... С. 439–440.

а датируется, как будто предположительно, 1790 г. без объяснения причины отхода от решений Кулаковой.¹⁵

Чтобы разобраться в этом вопросе, следует вернуться к автографу и к первой публикации басни, ранее не привлекавшей внимания исследователей. Автограф, без заглавия и без даты, записан чистой скорописью в одной из тетрадей второй половины 1780-х гг., хранящихся в РНБ.¹⁶ Она содержит в основном тексты, связанные с началом педагогической деятельности Муравьева при дворе, а также отдельные стихотворения, уже опубликованные и снова переписанные,¹⁷ или новые. По всей видимости, к датировке некоторых из них, например, стихотворений «Красноречивою печалью напоая...»¹⁸ или «Черта, как молния, незапна и сильна»,¹⁹ восходит дата, установленная Кулаковой и для «Изгнания Аполлона». Однако анализ почерка позволяет предположить и более позднее время написания: 1788–1789 гг.

Во всяком случае, как известно, басня вошла в состав «Обитателя предместия». Это произведение в форме «периодических листов», напечатанное в первый раз самим Муравьевым при императорской типографии для занятий с великими князьями Александром и Константином летом-осенью 1790 г.,²⁰ затем было включено Карамзиным во вторую часть «Опытов истории, словесности и нравоучения» Муравьева, опубликованных им в 1810 г.²¹ В ГПИИВ в Москве хранится единственный известный прижизненный экземпляр «Обитателя предместия» с карамзинскими пометами и автографом предисловия к «Опытам...».²²

¹⁵ Там же. С. 439. К сожалению, нечаянный пропуск строки 32 лишает смысла мораль басни и не позволяет оценить специфику выбранной редакции.

¹⁶ РНБ. Ф. 499. № 39. Л. 41.

¹⁷ Напр.: Там же. Л. 41 об. «Живописец. Сказка. 1778. Напечатанная в Академических известиях 1779 года в декабре».

¹⁸ Там же. Л. 63.

¹⁹ Там же. Л. 13 об. Ср.: Ф. 499. № 56. Л. 8 об.

²⁰ Обитатель предместия, периодические листы. № 8. Пятница. Октября 18, 1790 г. Л. 31–32. См.: *Западов В. А.* Муравьев Михайла Никитич // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2. С. 310.

²¹ *Муравьев М. Н.* Опыты истории, словесности и нравоучения // *Сочинения Михайлы Никитича Муравьева, изданные по его кончине.* М., 1810. Ч. 2. С. 62–63.

²² Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М., 1964. Т. 4: Периодические и продолжающиеся издания. С. 158. № 194.

Но за исключением единичных орфографических вариантов и знаков препинания ни его издание, ни издания Батюшкова 1815 и 1819 гг.²³ не внесли никаких изменений в напечатанный Муравьевым текст стихотворения. Таким образом, можно говорить об одной «печатной» редакции «Изгнания Аполлона», которую следует признать отражением последней авторской воли Муравьева²⁴ и которую можно сопоставить с рукописной редакцией.²⁵

Автограф состоит из 33 вольных ямбов со сложной, изысканной рифмовкой (чаще охватной, а также парной и перекрестной), не соотносящейся ни с последовательностью стоп (6, 4, 3), ни с синтаксическим членением текста. Хотя строфы написаны и напечатаны подряд, выделяются два двустушия (стихи 1–2; 15–16) и семь четверостиший (одно удлиненное: стихи 21–25), расположенных зеркально по отношению к центральному двустушию укороченных стихов с парной женской рифмовкой («Сердце ожесточенье / О стаде нераченье»).

²³ *Муравьев М. Н.* Обитатель предместия и Эмилиевы письма. СПб., 1815. С. 43–44; *Муравьев М. Н.* Полное собрание сочинений. СПб., 1819. Ч. 1. С. 112–113. О редакторской деятельности Карамзина, Батюшкова и Жуковского см.: *Левин В. Д.* Карамзин, Батюшков, Жуковский — редакторы сочинений М. Н. Муравьева // Проблемы современной филологии. Сб. ст. к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 182–191; *Жулякова Э. М.* В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Т. 1. С. 71–104.; *Росси Л.* «Маленькая трилогия» Михаила Муравьева // *Russica Romana*. 1994. Vol. 1. P. 51–78; *Росси Л.* В поисках неизвестного произведения Михаила Муравьева // *Рукописи. Редкие издания. Архивы*. М., 1997. С. 127–143; *Космолинская Г. А.* Константин Батюшков — редактор «Эмилиевых писем» М. Н. Муравьева // Там же. С. 143–151.

²⁴ Помимо уже процитированных ранних публикаций см.: *Муравьев М. Н.* Сочинения. СПб., 1847. Т. 1. С. 102–103. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием автора, года издания и номера страницы в скобках. Также см.: Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 84–85. Остроумный английский перевод принадлежит перу Ч. Л. Дрейджа: *Muravyov M.* An Inhabitant of a Suburb // *Russian Literature Triquarterly*. 1987. № 20. P. 127–128.

²⁵ Рукописный вариант точно воспроизводится в издании Кулаковой, за исключением строки 10, где слова «вот все его убранство» (Муравьев 1967: 79) из печатного варианта заменяют оригинальные «и вот его убранство». См.: РНБ. Ф. 499. № 39. Л. 41.

Муравьев начинает рассказ с гнева Зевса, не уточняя его причины («На Феба некогда прогневался Зевес»), затем изображает Аполлона, уже переодетого («Смиренно платье, посошок / И несколько цветов: вот все его убранство»), в обществе грубых, невежественных пастухов. Силой его пения и игры на свирели они, однако, скоро превращаются едва ли не в любезных кавалеров: «Влагает в пастырей незнаемую душу, / Учтивость, дружество, приятной разговор, / Желанье нравиться...». Его искусство заманивает дриад, нимф и даже богов Олимпа, так что «сельские поля сравнялись с небесами», и тогда «Зевес изгнанника на небо возвратил». Следует мораль: «Искусства исправляют нравы. / Тот первый варваров в людей преобразил, / Который выдумал для разума забавы».

В печатной редакции басня становится стихотворной вставкой в эпистолярную вставку в рассказ, оформленный по образцу английских нравоучительных журналов Аддисона и Стиля, о времяпрепровождениях просвещенного дворянина, живущего в пригороде. В восьмом листе от «пятницы, октября 18, 1790 года» сообщается, что осенняя погода заставляет его сидеть дома, но успехи современной технологии и торговли позволяют ему наслаждаться продуктами материального и умственного производства далеких стран и времен: от кофе до английских книг и гравюр (Муравьев 1847: 98–101). Акцент сделан столько же на «забавах разума» (Муравьев 1847: 99, отметим перекличку с моралью басни), сколько на «важности торговли» и восхвалении «полезной книги Адама Смита о народном богатстве» приятелем-купцом Кормиловым (Муравьев 1847: 100). А письмо от друга Иринеева, хозяина Берново, еще обогащает картину. Чтобы подкрепить приглашение в свое имение, в конце письма он прилагает «басенку» (Муравьев 1847: 102), доказательство высокого интеллектуального уровня и хорошего вкуса дома.

Разночтения с автографом немногочисленны, но достойны внимания. Возможно, по педагогическим соображениям Муравьев отказывается от игры слов «пенится» — «Пенеев быстрый ток» (стих 8)²⁶

²⁶ В печатном варианте читаем: «Туда, где с шумом бьет Пенеев быстрый ток» (Муравьев 1847: 102).

и яснее мотивирует действия как Аполлона (Муравьев 1847: 103, стих 19): «Он тщится их привести к *невинному* веселью», так и Зевса, в последнем случае с легким налетом юмора (стихи 29–30): «*Соскучив* обладать пустыми небесами, / Зевес изгнанника на небо возвратил». Главное, здесь стихотворение на один стих длиннее, чем в автографе, так как мораль занимает не три, а четыре строки (стихи 31–34):

Искусства укрощают нравы.
Кто первый вымыслил для разума забавы,
Мнил только забавлять: он смертных просветил
И грубых варваров в людей преобратил.

Такое изменение влияет на подразумеваемую строфику: нарушается симметричность зеркальных четверостиший, но само стихотворение обретает законченность кольцевой композиции, начинающейся и завершающейся двустихием с мужской рифмовкой. Мало того, отдельно взятые, последние четыре строки звучат как законченный афоризм. Не случайно Жуковский поставил их эпитафией к пятой части «Собрания русских стихотворений» 1811 г., на место, где в других частях читаются метапоэтические стихи Ф. Г. Клопштока, Ф. Шиллера, К. В. Рамлера и Ж.-Ф. де Лагарпа.

Возвращение «Изгнания Аполлона» к литературному контексту, в котором оно увидело свет, выявляет третий, сугубо педагогический этап басенного творчества Муравьева. И если Лафонтен в посвященном ему «Берновском письме» от 2 октября представлен как человек добрый и простодушный, но поэт отнюдь не детский,²⁷ то в короткой заметке из той же тетради, где находится автограф «Изгнания Аполлона», Муравьев отмечает, что «Басни Г. Ге²⁸ сочинены были для воспитания молодого герцога Кумберландского». Далее он выражает

²⁷ *Муравьев М. Н.* Берновские письма. Экземпляр НБ МГУ. I Ру, 19663. Л. 26–27. Ср.: Муравьев 1847: 163 (с разночтениями). Тонкий анализ басни Лафонтена «Старый кот и молодая мышь» в заметке, на которую первой обратила внимание Р. М. Лазарчук в процитированной выше статье (С. 313), лишен самостоятельного характера и представляет лишь пример риторической организации любого литературного произведения. См.: РНБ. Ф. 499. № 25. Л. 1.

²⁸ Имеется в виду Дж. Гей (Gay, 1685–1732), английский поэт и драматург.

надежду, чтобы «наши остроумцы потрудились что-нибудь скропать подобное в таком же виде», давая следующую характеристику жанра: «Чистота языка, благородная простота выражения без притязаний к прекрасному, к славе», и указывая на немецких поэтов баснописцев «<Х. Ф.> Геллерт, <Ф.> Гагедорн, <М. Г.> Лихтвер и пр.» как на возможные источники новых сюжетов.²⁹

В самом деле, если в свое время хвалили Муравьева за самостоятельность в выборе сюжетных мотивов его басен,³⁰ то в последнее время, с возрастающим интересом к творчеству писателя и к его трактовке этого жанра,³¹ растет и сознание его связи с определенной культурной традицией, в частности, с баснями Лафонтена и Геллерта.³²

В нашем случае мифологический сюжет наталкивает на мысль о его античном происхождении. Миф об изгнании Аполлона упоминается Еврипидом в трагедии «Алькеста» и Овидием во второй книге «Метаморфоз». В трагедии о добровольной жертве жены Адмета для спасения мужа сам Аполлон в начале пролога говорит мимоходом о своей прежней должности пастуха у царя и о причинах этой службы.³³ В поэме в коротком отступлении (кн. II, стихи 679–686) Овидий описывает Аполлона в пастушьей одежде с посохом и свирелью, играющего, чтобы утешить несчастную любовь, но игра его отнюдь не благотворна: стада без присмотра разбегаются, и их крадет Меркурий.³⁴

Муравьев был начитан в творчестве Овидия, и миниатюрный трехтомник его сочинений сопровождал его со школьной скамьи до лет

²⁹ РНБ. Ф. 499. № 39. Л. 23 об.

³⁰ Степанов Н. Л. Русская басня // Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1949. С. XXXIII.

³¹ Пашкуров А. Н. Басни М. Н. Муравьева: у истоков творческой лаборатории писателя // Муравьев и его время. Казань, 2008. С. 48–56.

³² Кроме указанной статьи Р. М. Лазарчук, см.: Петривняя Е. К. «В недавних временах у Геллерта я чел»: художественное наследие Х. Ф. Геллерта в баснях М. Н. Муравьева // Муравьев и его время. Казань, 2010. С. 58–68.

³³ Euripides. Alcestis / Ed. by L. P. E. Parker. Oxford, 2007. P. 9.

³⁴ P. Ovidius Naso. Metamorphoses / Ed. W. S. Anderson. Leipzig, 1977. S. 47. Ср., например, картину «Аполлон пастух» (1673) Франческо Кастильоне (Francesco Castiglione, 1641–1716) и картины и гравюры на тему «Пейзаж с Меркурием и Аполлоном пастухом» Клода Лоррена (Lorrain, 1600–1682).

преподавания.³⁵ Не исключено, что он взял из «Метаморфоз» идею привести физическое описание Аполлона и традиционные атрибуты пастухов: посох и свирель. Однако решение положить эпизод его изгнания в основу назидательной басни восходит к другому, не античному, автору — Фенелону. Имя Франсуа Фенелона (Fénelon, 1651–1715), воспитателя герцога Бургундского, внука и наследника Людовика XIV, не так часто встречается в «Опытах» или записках Муравьева, и только в одном из «Берновских писем» (от 11 октября) в характеристике поэта Антуана-Леонара Тома (Thomas, 1732–1785) мимоходом упомянута «любящая душа» Фенелона.³⁶ Но короткий пересказ Фенелоновой сказки «Histoire d'Alibée (Alibég), Persan»³⁷ в самом начале «Тетради для сочинений» (из «Емилиевых писем»)³⁸ и все «Разговоры мертвых» — достаточное доказательство ориентации Муравьева-учителя на старшего французского «коллегу».³⁹

Во второй книге «Приключений Телемака» в рассказе героя нимфе Калипсо о его неволе в Египте, когда он был принужден пасти стадо царя в пустыне Оазис, важную роль занимает Термозирис, жрец Аполлона и певец, ставший для юноши вторым Ментором. Старец утешал его и побуждал не унывать, а, следуя за Аполлоном, учить пастухов заниматься искусствами (*cultiver les Muses*).⁴⁰ Затем воспроизводится

³⁵ Ленчиненко М. В. «И лиры нежный глас еще не онемел...»: М. Н. Муравьев — читатель Овидия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XV: Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского 20–22 июня 2011. СПб., 2011. С. 331–339.

³⁶ Муравьев М. Н. Берновские письма. Экземпляр НБ МГУ. I Ру, 19663. Л. 29. Ср.: Муравьев 1847: 166 (с разночтениями).

³⁷ См., напр.: Histoire d'Alibég, Persan // Nouveaux Dialogues des Morts, Contes et Fables, Avec un Abregé des Vies des Anciens Philosophes, et un Recueil de leur plus Belles Maximes. Composés pour l'Education d'un Prince. Par feu Mr. <...> Fénelon <...>, Edition nouvelle <...>. Amsterdam, 1727. Т. 2. Р. 112–117; Ср.: Рак В. Д. Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 197. № 1821.

³⁸ Муравьев М. Н. Емилиевы письма... Л. 24. Ср.: Муравьев 1847: 173–174 (с разночтениями).

³⁹ Marcialis N. Caronte e Caterina, dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. Roma, 1989. P. 206–219.

⁴⁰ Fénelon. Les Aventures de Télémaque / Éd. A. Cahen. Paris, 1927. Vol. 1. P. 72–75. Ср. картину Л.-Ж.-Ф. Ларрене (Lagrenée) «Телемак и Термозирис», 1770).

его рассказ, начиная с убийства циклопов, — не из-за смерти Асклепия, как у Еврипида, а якобы за то, что выкованные ими молнии Юпитера мешали Аполлону — богу Солнца и хорошей погоды. Разгневанный начальник убитых циклопов Вулкан просит Юпитера изгнать Аполлона. Детальный пересказ буколических песен бога и описание новой жизни пастухов, им просвещенных, заканчиваются довольно резко: другие боги завидуют людям и призывают Аполлона снова к себе (как у Муравьева в первом варианте).⁴¹

Этот рассказ комментатор А. Кан определил как настоящую басню,⁴² возможно, написанную еще до романа и вставленную в него.⁴³ И действительно, в некоторых изданиях «Басен» Фенелона помещается и этот эпизод.⁴⁴ Поэтому можно сказать, что в стихотворной басне «Изгнание Аполлона» Муравьев не просто заимствовал у Фенелона определенный сюжетный мотив, а старался верно передать основные элементы жанра басни, каким он его понимал в те годы, и в своем тексте использовал все его преимущества, от разностопных стихов и разнородных рифм до звуковых повторов («В простого пастуха себя преобразя»), от тона непринужденной беседы до афористической морали.

Можно заключить, что, не являясь ни переводом, ни, строго говоря, переложением прозаического рассказа Термозириса, стихотворная басня Муравьева, как отдельно взятая, так и в виде вставки в «Обитателя предместия», вписывается в историю русского восприятия «Телемака» на фоне эволюции русской литературы 1760–1790-х гг. Как Тредиаковский, по мнению Пумпянского, выделил эпическую составляющую романа и перевел его гомеровскими языком и метром,⁴⁵ так Муравьев, опознав басню, возвратил ее к более естественной для нее стихотворной стихии. Хотя исходный текст — прозаический, а русские переработки — стихотворные, вследствие выбора различных доми-

⁴¹ Там же. Р. 75–79.

⁴² Там же. Р. 75.

⁴³ Там же. Р. XLIV.

⁴⁴ См., напр.: *Fables de Fénelon / Nouvelle édition ornée de 10 jolies figures* J. Langlumé et Peltier. (Paris) s. a. Р. 52–55.

⁴⁵ [Пумпянский Л. В.] Тредиаковский // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 248–250.

нант, между точным и тяжеловесным переводом Третьяковского⁴⁶ и изящной, легкой переделкой Муравьева нет точек соприкосновения, если не считать безразличного употребления слов «пастырь» и «пастух» для обозначения Аполлона и его товарищей.⁴⁷

Вместе с тем, в комплексе трилогии «Емилиевы письма», «Обитатель предместия», «Берновские письма», т. е. прозаического педагогического произведения, написанного для наследника престола, включающего в себя в фрагментарной форме различные жанры, в том числе и басню о воспитательной функции искусства, Муравьев более или менее сознательно, как в те же годы Радищев, создал свою, современную, уже сентиментальную версию того воспитательно-политического романа, зачинателем которого был Фенелон.⁴⁸

⁴⁶ Третьяковский В. К. Тилемахида, или Странствование Тилемаха сына Одиссея, описанное в составе ироническая пиимы Василием Третьяковским <...> сочиненная Франциском де-Салиньяком де-ла-Мотом Фенелоном <...>. СПб., 1766. Т. 1. С. 26–29.

⁴⁷ Трудно определить лексическую ориентацию Муравьева, в этой басне вообще и в двух вариантах в отдельности, так как он отдает предпочтение то книжным, то разговорным терминам. В автографе находим слова *пастырь* и *поборник*, но и *стараться* и *исправлять*, а в печатном тексте на их месте: *пастух* и *защитник*, *тищиться* и *укрощать*.

⁴⁸ Ср.: [Пушмянский Л. В.] Третьяковский... С. 245–250.

Н. Д. Кочеткова

**«МЕЛАНХОЛИЯ» Ж. ДЕЛИЛЯ:
ПОДРАЖАНИЕ Н. М. КАРАМЗИНА
И ПЕРЕВОД П. Ю. ЛЬВОВА**

Стихотворение Карамзина «Меланхолия. Подражание Делилю» было напечатано в 1802 г. в самом первом номере «Вестника Европы».¹ В том же году в первой части журнала «Новости русской литературы» появился прозаический перевод П. Ю. Львова под названием «Цветы меланхолии. Отрывок из поэмы „Воображение“ г. де Лиля».² Первый номер «Вестника Европы» вышел в субботу 4 января 1802 г.,³ а перевод Львова был напечатан лишь в третьем номере «Новостей». Таким образом, хотя Львов сопроводил свою публикацию указанием: «Ма-

¹ Вестник Европы. 1802. Ч. 1. Январь. № 1. С. 53–54. Позднее Карамзин датировал это стихотворение 1800 г. См.: *Карамзин Н. М.* Сочинения. М., 1820. Т. 1. С. 214.

² Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 33–36. Публикация сопровождалась издательским примечанием, в котором говорилось: «Кто не бывает в иные часы дружен с меланхолиею? Мы просим извинения у г. переводчика, что дали название „Цветы меланхолии“ вместо простого названия „Меланхолия“, потому что она изображена стихотворно. Впрочем, благодаря его и за прежнее доставление многих прекрасных пиэс в „Иппокрену“, просим продолжать свое соучастие и в сем издании <...>».

³ См.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 1997. Т. 1. Журналы (А–В). С. 189.

риинский канал. 1801», она появилась чуть позже, чем стихотворение Карамзина. Не исключено, что Львов решил вступить с ним в соревнование.

Отношения у них были несколько сложные. Издавая «Московский журнал», Карамзин вначале поместил небольшую публикацию Львова, но вскоре решительно отказался от его сотрудничества, что было воспринято с несомненной обидой.⁴ Во всяком случае, почти одновременное обращение двух русских писателей к одному и тому же произведению французского автора едва ли было случайным.

Жак Делиль (Delille, 1738–1813), незаконнорожденный сын адвоката, получил хорошее образование и скоро был признан в научных и литературных кругах; в 1774 г. писателя избрали во Французскую академию. Излюбленным его жанром стала описательная поэма, в которую он привнес и сентиментальные, и преромантические мотивы. Огромный успех имела его поэма «Сады» (*Les Jardins*, 1782).⁵ В 1800-е гг. были изданы поэмы «Сельский житель, или Французские георгики» (*L'Homme des champs, ou les Géorgiques françaises*, 1802), «Страдание» (*La Pitié*, 1804), «Три царства природы» (*Les trois règnes de la nature*, 1806), переводы «Энеиды» Вергилия (1804) и «Потерянного рая» Дж. Мильтона (1804). Еще в 1780-е гг., вскоре после завершения «Садов», французский поэт начал работать над поэмой «Воображение» (*L'Imagination*). Это очень большое по своему объему произведение было опубликовано в двух томах лишь в 1806 г.⁶ Отрывки из него публиковались во французской периодике.

Имя Делиля стало хорошо известно в России после того, как в 1782 г. он преподнес свою знаменитую поэму «Сады» великому князю Павлу Петровичу и его супруге Марии Федоровне во время их путешествия по Европе. Карамзин, описывая Версальский сад в «Письмах русского путешественника», процитировал по-французски несколько

⁴ См. подробнее: *Кочеткова Н. Д.* «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина и «Даша, деревенская девушка» П. Ю. Львова // От Карамзина до Чехова: К 45-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой. Томск, 1992. С. 8–12.

⁵ См.: *Делиль Ж.* Сады / Изд. подгот. Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, И. Я. Шафаренко. Л., 1987 (Лит. памятники).

⁶ *L'Imagination, poème par Jacques Delille.* Paris, 1806. Т. 1–2.

строк из этого произведения, а затем поместил прозаический перевод последующего отрывка, в котором автор сетовал на ущерб, причиненный саду безжалостной порубкой. Перевод отрывка завершался словами: «Растите, осеняйтесь, юные деревья; возвратите нам птичек!»⁷ Плененный «гармоническими стихами» Делиля, Карамзин вторит его интонациям, продолжая свое собственное повествование: «Юные деревья послушались стихотворца, разрослись, осенились <...>».⁸ Автор «Писем» цитирует Делиля и далее: при описании Трианона, булонского дома графа д'Артуа, Марли. Стихами Карамзин переводит еще два отрывка из поэмы «Сады», причем к строке: «Там каждый мрамор — бог, лесочик всякой — храм» делает примечание: «Я удержал в этом славном стихе меру оригинала».⁹ Все это свидетельствует о большом внимании русского писателя к творчеству Делиля, стихи которого он называет «прекрасными». Карамзину был близок его интерес к природе: поэт ее одушевляет, видит в ней то, что созвучно настроению человека. Привлекала русского писателя и музыкальность поэзии Делиля.

В письме к И. И. Дмитриеву от 30 декабря 1798 г. Карамзин спрашивал друга: «Имеешь ли наконец новые Делилевы поэмы?».¹⁰ Спустя два года, 3 декабря 1800 г. Карамзин включил в свое письмо стихотворный отрывок, представляющий собой первоначальный набросок стихотворения «Меланхолия»:

Что Меланхолия? Нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья.
Веселья нет *еще*, и нет *уже* мученья;
Отчаянье прошло, — но слезы осушив,
Она еще взглянуть с улыбкою не смеет.
И, голову свою на руку опустив,
Вид Злополучия (отца ее) имеет.
Блаженство для нее, задумавшись, мечтать
И на прошедшее взор нежный обращать.¹¹

⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 296 (Лит. памятники).

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 304.

¹⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 107.

¹¹ Там же. С. 120.

Вслед за этим наброском из девяти строк, вольно варьирующим текст Делиля, Карамзин написал стихотворение в 46 строк, включив в него написанное ранее, но в переработанном виде.

Комментаторы Карамзина в качестве источника стихотворения «Меланхолия» называют поэму «Воображение», не обращая внимания на несоответствие датировок. Русский переводчик обратился к тексту Делиля в 1800 г. и напечатал свое произведение в 1802 г., а поэма вышла только в 1806 г. Чтобы разрешить загадку, предстояло искать соответствующую французскую публикацию в периодике. Удалось выяснить, что отрывки из поэмы «L'Imagination» публиковались в журнале, очень хорошо известном Карамзину, — в издававшемся в Гамбурге «Северном зрителе» («Spectateur du Nord»).¹² Среди указанных в библиографии отрывков интересующего нас текста не обнаружилось, но по совету В. А. Сомова, специально занимавшегося этим журналом и его издателем П. Ф. Фошем,¹³ были просмотрены *de visu* все выпуски, имеющиеся почти в полном составе в РНБ. Поиски увенчались успехом: фрагмент о меланхолии был опубликован в 1800 г. в шестнадцатом томе журнала, в декабрьском выпуске.¹⁴

¹² В этом журнале в октябре 1797 г. была опубликована статья Карамзина «Письмо в „Зритель“ о русской литературе». Ранее, в феврале того же года, здесь был напечатан перевод повести Карамзина «Юлия» («Julie»). Ю. М. Лотман приписывает ему также статью «Письмо в „Зритель“ о Петре III»: «Lettre au Spectateur sur Pierre III», появившуюся также в февральском выпуске 1797 г. См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника... С. 676–679 (коммент. Ю. М. Лотмана).

¹³ Сомов В. А. Европейский торгово-издательский дом «Пьер Франсуа Фош» и его связи с Россией // Чтения памяти Александры Александровны Зайцевой (1927–1996): Материалы науч. семинара 15 ноября 2007 г. СПб., 2009. С. 137–152; Сомов В. А. Пьер Франсуа Фош — издатель полного собрания сочинений Вольтера // Книжная старина: Сб. науч. трудов / Сост. А. В. Вознесенский. СПб., 2011. Вып. 2. С. 165–174; Somov V. A. Pierre François Fauche, l'imprimeur-libraire européen et ses catalogues // Le livre entre le commerce et l'histoire des idées. Les catalogues de libraires (XVe–XIXe siècle). Études réunies par Annie Charon, Claire Lesage et Eve Netchine. Paris, 2011. P. 59–87. Приношу В. А. Сомову сердечную благодарность за полезные советы.

¹⁴ Le Spectateur du Nord. 1800. Decembre. P. 334–337. Здесь текст имеет несколько разночтений с соответствующим отрывком, вошедшим в полное издание поэмы: L'Imagination, poème par Jacques Delille. Paris, 1806. T. 2. P. 150–152.

Преамбула, предварявшая публикацию в «Северном зрителе», содержала интересные сведения. Здесь сообщалось:

On vient de publier à Paris un Recueil des poésies diverses de Mr. L'Abbé Delille <...> il y a plus que de l'indiscrétion à publier, non seulement sans l'aveu, mais contre le gré de l'Auteur, des fragments inédits, retenus par les personnes, qui les ont entendu réciter plusieurs fois par Mr. L'Abbé Delille en société et que leur mémoire a dérobés à sa complaisance. Il en résulte des lacunes, des inexactitudes, des contresens même, qui ôtent à un pareil recueil une grande partie du prix que l'Editeur a prétendu lui donner en y attachant le nom d'un grand poète. On en trouve jusque le fragment sur la Mélancolie, qui a été cité dans le № 10 du Mercure de France. Le neuvième vers manque, et l'on sent bien que le trente-sixième n'est pas tel que l'a fait Mr. L'Abbe Delille. Jamais, en parlant de la Mélancolie, il n'a dit:

D'un mot, d'un nom, d'un *rire* elle nourrit son coeur.

Il y a d'autres inexactitudes moins chockantes dans ce morceau. Nous pouvons heureusement le rétablir tel qu'il est dans le portefeuille du poète et nous aurions pu le publier avant l'Editeur de Paris, si nous avions connu un motif qui pût nous autoriser à contrarier la volonté de Mr. L'Abbé Delille et excuser un abus de confiance.

Пер.:

Только что в Париже опубликовали сборник стихов господина аббата Делиля <...>. Более чем нескромно публиковать не только без ведома, но против воли автора неизданные фрагменты, которые некоторые слушатели запомнили, когда господин Делиль неоднократно читал их в обществе, и которые их память услужливо похитила. В результате возникли лакуны, неточности, даже бессмыслица, которые лишают в значительной мере подобный сборник той цены, которую ей придает издатель, связывая его с именем большого поэта. Это находим во фрагменте о Меланхолии, который был приведен в № 10 «Mercure de France».¹⁵ Девятый стих отсутствует и очень хорошо заметно, что тридцать шестой не такой, каким он был у господина Делиля. Никогда, говоря о Меланхолии, он не сказал:

Одним словом, одним именем, одним **смехом** она питает свое сердце.¹⁶

Есть другие, менее шокирующие неточности в этом отрывке. К счастью, мы можем восстановить его таким, каков он в портфеле поэта, и мы могли бы его опубликовать до парижского издателя, если бы нам был известен мотив, позволяющий действовать против воли господина аббата Делиля и извинить злоупотребление доверием.¹⁷

¹⁵ Опубликованный здесь текст повторял ошибки сборника. См.: Mercure de France, journal historique, politique et littéraire. 1800. № 10. P. 281–284.

¹⁶ Слово «rire» (смех) появилось вместо слова «rêve» (мечта), что, конечно, было совершенно неуместно.

¹⁷ См.: Le Spectateur du Nord. 1800. Т. 16. Décembre. P. 334–337. Перевод мой. — Н. К.

Явно, что эта публикация привлекла внимание Карамзина и именно она послужила непосредственным источником его стихотворения. Ошибки, допущенные в парижском сборнике стихов Делиля «Poésies diverses»¹⁸ и повторенные в публикации парижского журнала «Mercure de France», никак не отразились ни в подражании Карамзина, ни в переводе Львова, который, очевидно, тоже пользовался французским текстом из «Северного зрителя».

Карамзина мог привлечь отрывок Делиля, посвященный изображению психологического состояния человека в момент перехода от печали к утешению. Еще в кружке московских масонов-литераторов, с которыми в юности был так тесно связан будущий автор «Бедной Лизы», уделялось большое внимание постижению природы эмоций, тонких оттенков чувства. Достаточно вспомнить в этой связи перевод статьи Х. Ф. Геллерта «О приятности грусти», осуществленный А. М. Кутузовым.¹⁹ В произведениях Карамзина многократно встречаются слова «меланхолия», «меланхолик», «меланхолический».²⁰ В «Письмах русского путешественника» при описании окрестностей Базеля упоминается памятник С. Геснеру, воздвигнутый в глубине грота: «В сем тихом гроте, в сем святилище меланхолии, душа чувствует томное уныние и погружается наконец в сладкую дремоту».²¹ Позднее, в «Вестнике Европы» Карамзин опубликовал перевод сочинения С.-Ф. Жанлис «Меланхолия и воображение».²²

Обратившись к тексту Делиля, Карамзин уже в заглавии подчеркнул свое право на поэтическую свободу: его стихотворение — не пе-

¹⁸ Датой выхода этого сборника называют 1801 г., но это явная неточность, судя по публикации в «Северном зрителе». К сожалению, сборник отсутствует в петербургских библиотеках.

¹⁹ Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 3. № 10. С. 141–153. Об атрибуции см.: *Brang P. 1*) А. М. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland: (Zum Problem der Attributierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts) // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1962. Bd 30. H. 2. S. 44–57; 2) Nochmals zu „Kutuzovs“ „O prijatnosti grusti“ // *Ibid*. 1973. Bd 37. H. 1. S. 175–178.

²⁰ См.: *Urai Ya. A Lemmatized Concordance to Letters of a Russian Traveler of N. M. Karamzin*. Sapporo, 2000. Vol. 1. Proper Nouns. A–M. P. 590.

²¹ *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника...* С. 101.

²² *Вестник Европы*. 1803. Ч. 9. № 12. С. 244–279; Ч. 10. № 13. С. 3–37.

ревод, а подражание. В отрывке Делиля 44 строки, у Карамзина — 46, притом что русский автор опускает четыре первых строки и две последних. Таким образом, текст, по сравнению с оригиналом, получает некоторое распространение. Хотя Карамзин выбирает для своего стихотворения, как и Делиль, александрийский стих, но, пользуясь возможностями русского языка, в котором нет фиксированного ударения, обогащает его звуковую сторону, употребляя как мужскую, так и женскую рифму, а также не только смежную рифму, но и перекрестную, и опоясанную. Язык Карамзина прост и очень мелодичен:

О Меланхолия! Нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья!
Веселья нет *еще*, но нет *уже* мученья;
Отчаянье прошло... Но слезы осушив,
Ты радостно на свет взглянуть еще не смеешь
И матери своей, печали, вид имеешь.²³

Следуя в основном за текстом Делиля, Карамзин вносит в него новые нюансы. Так, оксюморон Делиля «счастье несчастных» («bonheur des malheureux») дополняется еще одной удачной находкой: «несчастных счастье и сладость огорченных». Французский автор противопоставляет Меланхолию бурным развлечениям («folie»). Карамзин пишет:

О Меланхолия! Ты им (несчастливым. — *Н. К.*) милее всех
Искусственных забав и ветреных утех.

Так появляются новые, удачно найденные эпитеты: «искусственные», «ветреные». Вместо просто упомянутых французским автором «слез» («pleurs») у русского поэта появляется «тихая слеза». Вместо «тонкий оттенок» («délicate nuance») у Карамзина появляется «нежнейший перелив», что подчеркивает постепенный переход от одного состояния к другому. Делиль называет Меланхолию «дочерью несчастья» («fille du malheur»), и в первоначальном наброске Карамзин более точно следовал за французским текстом: «Вид Злополучия (отца ее)

²³ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 260.

имеет». Эта явно неудачная строка в окончательном тексте была заменена: поэт несколько дополняет описание сложного психологического состояния человека — постепенного перехода от скорби к успокоению, и главным остается у него слово «печаль»:

<...> Но, слезы осушив,
Ты радостно на свет взглянуть еще не смеешь
И матери своей, печали, вид имеешь.

В строке, восстановленной в публикации «Северного зрителя»: «D'un mot, d'un nom, d'un rêve elle pourrit son coeug», Карамзин тоже по-своему расставил акценты: «Ты счастлива мечтой, одною мыслью — словом!» Опустив слово «имя» («nom»), поэт сохранил общий смысл оригинала, но особо выделил самое главное — «слово», то, чем можно выразить и мечту, и мысль.

Соответствующий отрывок в буквальном переводе Львова: «Она тонкая оттенка печали от счастья; она ни веселие, ни страдание; от нее до радости еще далеко, но отчаяния нет уже с нею; а как дочь несчастья она имеет его подобие». «Дочь несчастья» у Львова точно соответствует тексту Делиля.

В программной издательской статье, открывавшей журнал «Новости русской литературы», затрагивался вопрос о переводной литературе. Здесь выдвигались требования, предъявлявшиеся к переводу, и говорилось о необходимости различать перевод и подражание. Переводы должны быть «выработаны старательно, точно, чисто и с сохранением или в необходимых случаях с заменю красоты оригиналов».²⁴ Очевидно, по мнению издателей, этим требованиям вполне удовлетворяли переводы П. Ю. Львова, постоянно печатавшегося в этом журнале. Между тем, как и многие другие его литературные труды,²⁵ перевод Делиля отличается чрезвычайной архаичностью стиля, обилием славянизмов. Переводчик явно стремился к максимально точному воспроизведению оригинала, но это приводило лишь к буквализму и тяжеловесным фразам, не передающим поэтических красот оригинала.

²⁴ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 7.

²⁵ См.: Зорин А. Л., Витенберг Б. Л. Львов П. Ю. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К–М. С. 421–422.

Вот начало этого перевода: «Ах! что за шум разит слух мой? — Се храм падет, римляне! Дела рук ваших подобно вам, разрушаются; но сии веселые места красот своих чрез то не лишились: меланхолия сугубит их приятства. О, милое, непорочное чувствование, паче утешительное, нежели рассеяние буйства!».²⁶ Львов уснащает свой перевод славянизмами: *паче, токмо, зрак, дщерь, грады, мецет, длань*. Он использует весьма нелепые обороты и словосочетания, например: «пригупляет жало болезнования» (в оригинале: «émousser la douleur» — «смягчить печаль»). Переводчик привносит в текст больше пафоса: «Sons des instruments» («звуки инструментов») превращаются у него в «звуки мусикийских орудий», а «clartés des bougies» («сияние свечей») в «сияние пылающих светильников». Отсутствие языкового чутья постоянно проявляется у переводчика, не умеющего передать самую тональность лирического отрывка. Так, когда у Делиля речь идет о «бледной осени, томной рукой обрывающей листы со своей короны» («la pâle automne, / d'une main languissante effeuillant sa couronne»), в тексте Львова появляется совершенно неподходящий эпитет: «бледная осень, *нерадиво* обрывающая листы венка своего». Соответствующий отрывок в стихотворении Карамзина представляет поэтический образ осени, напоминающий человеку у его кончине:

Но осень бледная, когда, изнемогая
И томною рукой венки свой обрывая,
Она кончины ждет.

Поэт дополняет текст Делиля, у которого нет аналогов словам «изнемогая», «кончины ждет». Но все подобные отступления от текста оригинала помогают сохранить его главный настрой, основную тональность, тогда как архаичный буквальный перевод Львова не может дать даже отдаленного представления о достоинствах произведения французского автора. Если Львов действительно хотел вступить

²⁶ Соответствующие строки у Делиля:

Ah! Quel bruit m'a frappé? C'est un temple qui tombe;
Ainsi que les Romains, leur ouvrage succombe.
Mais ce lieu si riant, n'en est pas attristé,
Et la mélancolie accroit la volupté.

в соревнование с Карамзиным, взявшись за перевод того же самого стихотворения, читателям нетрудно было выбрать победителя.

Поэма Делиля «Воображение» никогда полностью не переводилась на русский язык. Известен лишь перевод одного из эпизодов поэмы, осуществленный вологодским поэтом и переводчиком начала XIX века П. А. Межаковым (1788–1865) — «Подземелие. Отрывок из Делилевой поэмы „Воображение“». ²⁷ В России Делиля больше знали как автора поэмы «Сады», переведившейся П. М. Карabanовым (1801), А. А. Палицыным (1814), А. Ф. Воейковым (1816). Делиля изучали в Царскосельском лицее, правда, Пушкин относился к нему уже критически. ²⁸ Но талантливое стихотворение Карамзина, возникшее как подражание Делилю, вошло в тот фонд допушкинской лирики, на которой выросли Жуковский, Батюшков, Гнедич. ²⁹

²⁷ *Межаков П.* Стихотворения. СПб., 1828. С. 176–183.

²⁸ См. *Рак В. Д.* Делиль Жак // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 130–131.

²⁹ Об ориентации Н. И. Гнедича, автора стихотворения «Уныние» (1811), на Карамзина как переводчика Делиля упоминает И. А. Пильщиков. См.: *Пильщиков И. А.* Из истории русско-итальянских литературных связей (Батюшков и Тассо) // *Philologica*, двуязычный журнал по русской и теоретической филологии. 1997. Т. 4. № 8–10. С. 43. Важно, однако, уточнить: «Меланхолия» — не перевод, а подражание Делилю, что подчеркивается в самом заглавии.

«СЛАВНЫЙ ТОМАС» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Антуан-Леонар Тома¹ (Thomas, 1732–1785) вошел в историю французской литературы, прежде всего, как автор знаменитых похвальных слов (éloges):

«Eloge de Maurice, comte de Saxe» (1759);

«Eloge de Henri-François d'Aguesseau, chancelier de France» (1760);

«Eloge de René Duguay-Trouin, lieutenant-général des armées navales» (1761);

«Eloge de Maximilien de Béthune, duc de Sully» (1763);

«Eloge de René Descartes» (1765);

«Eloge de Louis, dauphin de France» (1766);

Наконец, «Eloge de Marc-Aurèle» (1775) — наивысшее достижение Тома в этом столь ценимом в то время «академическом» жанре.² Почти все эти похвальные слова увидели свет на русском языке отдельными изданиями, а два из них вышли в двух разных переводах каждое. Из них только одно похвальное слово не получило известности в России совсем — «Eloge de Duguay-Trouin», скорее всего, потому, что имя этого мореплавателя ничего не говорило русским людям.

¹ В русской печати и вообще в русском культурном обиходе этот автор фигурировал неизменно как «Томас».

² *Micard E. Un écrivain académique au XVIIIe siècle Antoine-Léonard Thomas. Paris, 1924. P. 119–167.*

Ранее других появились у нас похвальные слова герцогу де Сюлли, сподвижнику и другу Генриха IV, и Марку Аврелию, римскому императору — философу и писателю. Переводчиком первого, вышедшего в 1776 г., стал И. Д. Прянишников, сенатский канцелярист, совмещавший служебную деятельность с литературной. Перевод его был не только добросовестно выполнен, но и снабжен примечаниями, разъяснявшими некоторые малоизвестные русским читателям понятия и имена. Переводчиком второго, изданного в 1777 г., был Д. И. Фонвизин, в обильной литературе о котором этому труду посвящено немало страниц.³ Приведем лишь цитату из весьма примечательного отклика на него в «Санкт-Петербургском вестнике»:

Сия книга в рассуждении различных предметов заслуживает внимание общества. Марк Аврелий, император, обожаемый древними римлянами, и ныне еще почитается примером и образцом добродетельных и великих государей. И так похвала, приносимая ему, приносится в то же время и всем государям, уподобляющимся ему, или, лучше сказать, благотворительному божеству. Почитай, общим мнением утверждается, что господин Томас, прославившийся разными сего рода сочинениями, в сем преизящном своем слове умышленном, написал сатиру на правление своего отечества, во время последних лет Лудовика XV. Может статья, что сие было его мнение, но и без того хвала государствованию Марка Аврелия будет всегдашним обличением слабому или не соответствующему пользе народов, а в то же время хвалю всякому премудрому и благотворительному правлению, в котором земные владетели вменияют себе за славу вещать, что они сотворены для своего народа.⁴

Высоко оценил рецензент и мастерство переводчика, «который в переводе своем сохранил силу и красоту подлинника». Напомним также, что почти одновременно Фонвизин познакомился с Тома лично, причем в отличие от других «философов» тот произвел на него благоприятное впечатление.

Приблизительно тогда же «Похвальное слово Марку Аврелию» перевел И. П. Елагин, но перевод его до нас не дошел, и судить о нем мы

³ См., напр.: *Пигарев К. В.* Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 118–119; *Макогоненко Г. П.* Денис Фонвизин: Творческий путь. М.; Л., 1961. С. 171–174; *Стричек А.* Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения. М., 1994. С. 300–305.

⁴ Санкт-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. Февраль. С. 133–134.

можем лишь на основании современных свидетельств. Так, автор следующего (третьего по счету) перевода того же похвального слова, который был осуществлен в 1795 г. и опубликован в 1801 г., И. В. Лопухин сообщал в предисловии, что, по мнению «знатоков», перевод Елагина «делает честь и самому трудившемуся в оном мужу, которого превосходное витийство известно». Между тем, о собственном переводе Лопухин был не слишком высокого мнения, рассматривая его лишь как опыт, предпринятый «для своего упражнения и для прочтения знакомым охотникам и приятелям моим», и, во всяком случае, не считал его достойным «славнейшего Томасова сочинения».⁵

Что касается похвального слова д'Агессо, то, хотя его переводы появились один за другим, в 1783 г. и 1784 г., восходили они к разным французским изданиям: первый к более раннему, второй к одному из последующих, усовершенствованному Тома. Автором первого являлся М. И. Прокудин-Горский, автором второго — Д. И. Хвостов, полагавший, что «великая разница» исходных редакций вполне оправдывает его старания. К тому же, целью его было прославление не столько канцлера при Людовике XV, сколько «законодательницы Севера» Екатерины II и ее сподвижников, которым в его представлении удалось сделать то, что оказалось не под силу французскому министру.⁶

Наконец, следует упомянуть еще несколько переводов из Тома: «Слово похвальное Морицу, графу Саксонскому» по случаю сооружения в Страсбурге надгробного монумента этого знаменитого военачальника (1781) и «Слово похвальное Дофину французскому», т. е. рано скончавшемуся сыну Людовика XV (1789). Автор первого — все тот же Прокудин-Горский, автор второго — «гимназист пятого возраста» Михайло Бородавкин, на литературном поприще, кажется, больше себя ничем не проявивший. Появились также обширный «Опыт о характере, нравах и уме женщин в разные века» («Essai sur le caractère, les mœurs et l'esprit des femmes dans les différents siècles», 1778), переведенный в 1781 г. И. С. Захаровым, и так называемый «discours de

⁵ Слово похвальное Марку-Аврелию, сочиненное г. Томасом, членом Французской Академии. М., 1801. С. 3–4.

⁶ Слово похвальное Генриху Франциску Дагессо <...> сочинение г. Томаса <...>. СПб., 1784. Посвящение кн. А. А. Вяземскому. Предупреждение.

géseption», т. е. речь Тома, произнесенная при его вступлении во Французскую Академию (1767), которую перевел в 1782 г. анонимный «любитель российской словесности».

Известно также, что все похвальные слова Тома в конце XVIII столетия перевел Ф. Г. Карин, но перевод его не сохранился, и знаем мы об этом лишь из примечания к его эпитафии, принадлежащей его другу, уже упоминавшемуся Д. И. Хвостову.⁷

Интерес к Тома-прозаику не ослабел в России и в последующее время. В 1808 г. в журнале «Друг юношества» было помещено «Похвальное слово Картезию» (т. е. Декарту) в переводе Д. И. Воронова.⁸ Публикуя этот переводческий опыт тверского «любителя учености» и находя его «очень хорошим», издатель высоко оценил и самое это сочинение, в котором видел «образец искусства сочинителя, прославившегося во Франции красноречием».⁹

На страницах журналов и разного рода сборников увидело свет множество отрывков из похвальных слов Тома. Так, в 1800 г., в журнале Московского университетского пансиона «Утренняя заря», был опубликован в переводе Семена Родзянко центральный раздел «Похвального слова Марку Аврелию»,¹⁰ навеянный одним из фрагментов «Мыслей» самого императора. Этому переводу предшествовало предисловие «От издателей», где и данный раздел, и все это похвальное слово в целом характеризовались в самых восторженных тонах:

Томас известен в ученом свете. Из многих превосходных его сочинений последнее и превосходнейшее есть похвальное слово Марку Аврелию, откуда взята и «Беседа его с самим собою». Это род драмы — величественной, неподражаемой. Пусть кричат критики: «Это не хорошо, это не по правилам красноречия». Мы им не верим. Кто может предписывать правила великому творческому уму?¹¹

⁷ Друг просвещения. 1804. Ч. 4. № 11. С. 106.

⁸ Друг юношества. 1808. Август. С. 33–103. Сентябрь. С. 36–75.

⁹ Там же. 1808. Август. С. 33–34.

¹⁰ Утренняя заря. 1800. Кн. 1. С. 22–53.

¹¹ Там же. С. 22. Перевод С. Е. Родзянко (1782–1808) в дальнейшем дважды перепечатывался. См.: Образцовые сочинения в прозе. 1811. Ч. 4. С. 31–47; Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах. М., 1825. Ч. 2. С. 330–349.

В 1824 г. появился «Опыт о похвальных словах» в переводе уже упомянутого Воронова, который известил читателей о выходе этой «новой книги» и всячески им рекомендовал ее:

Между ораторами XVIII века, — писал он, — занимает первое место Томас. Похвальные его слова, одобренные Французскою Академиею, удостоены предложенных наград. Таковые счастливые успехи практических опытов внушили ему мысль составить Теорию похвальных слов, или Историю их словесности и красноречия. Дидактическое творение сие, известное под именем Опыта, признано наилучшим из всех произведений его пера, где, аналитически разбирая речи, слова и проповеди древних и новейших писателей, открывает достоинство их и слабую сторону; приятно занимает и вместе наставляет. Так как означенные сочинения составляют высшую отрасль словесности и так как по оной части у нас не имеется классического пособия, то по уважению сего и признано нужным перевести на российский язык сие творение, которое может служить руководством по отделению словесных наук, как в духовных, так и светских училищах.¹²

Тогда же, после сорокалетнего перерыва, увидел свет и «Опыт о характере, нравах и уме женщин в разные века», на сей раз в анонимном переводе.

Издания эти не прошли незамеченными. Правда, в отклике на появление «Опыта о похвальных словах», опубликованном в «Литературных листках», отмечалось, что «слог перевода не везде блестит красотою подлинника».¹³ Немало «недосмотров» обнаружил в нем и рецензент «Сына отечества», находивший совершенно архаичными и некоторые суждения самого Тома.¹⁴ Однако и тот, и другой отзывались об этом трактате и о его авторе весьма почтительно. «Вообще все произведения Тома наполнены благородными мыслями и высокими чувствованиями, которые заставляют иногда забывать напыщенность и изысканность, встречающиеся в его творениях», — говорилось в «Литературных листках», а в «Сыне отечества» Тома был назван «первым из светских ораторов Франции в XVIII веке». Между тем, критик «Московского вестника» не нашел сколько-нибудь сочувственных слов для «Опыта о характере, нравах и уме женщин в разные века». Он недоумевал,

¹² Благонамеренный. 1824. Ч. 26. № 11. С. 360–362.

¹³ Литературные листки. 1824. № 13–14. С. 40–46.

¹⁴ Сын отечества. 1824. Ч. 98. № 47. С. 31–35.

«с какою целию» был предпринят перевод «сей старинной компиляции», и вообще «зачем было издавать такой перевод, который весь можно назвать одним совершенным галлицизмом».¹⁵ Такая реакция на это сочинение вполне понятна: «Московский вестник» являлся органом русских романтиков-шеллингианцев, и просветительский пафос Тома и его поэтическая манера были им предельно чужды.

Следует напомнить, что дань уважения Тома отдал: как переводчик — Н. М. Карамзин¹⁶ и как критик — В. А. Жуковский,¹⁷ а П. А. Вяземский включил в задуманную им (но так и не доведенную до конца) антологию классической французской прозы семь фрагментов из сочинений Тома. Естественно, что в ней среди прочих было представлено «Похвальное слово Марку Аврелию».¹⁸ Кроме того, интерес к Тома-прозаику проявляли такие журналы и сборники, как «Минерва», «В удовольствие и пользу», «Амфион», «Каллиопа» и «Дамский журнал», время от времени помещавшие на своих страницах отрывки из его похвальных слов и трактатов — в более или менее удачных переводах.

Весьма примечательна судьба у нас трех поэтических произведений Тома — послания «*Epître au peuple*» (1760) и двух од «*Les devoirs de la société*» (1762) и «*Sur le temps*» (1762).

Ранее других на русском языке появились «*Les devoirs de la société*» в стихотворном переводе В. П. Петрова («Ни то, ни сию», 1769). Оду Тома он перевел в целом весьма тщательно, но с точки зрения поэтической формы несколько упрощенно: каждая строфа у Тома состояла из трех двенадцатисложных строк и одной шестисложной при перекрестной рифмовке. Петров использовал традиционный для русской одической поэзии сплошной четырехстопный ямб, строфа у него состояла из восьми строк, а рифмовка была опоясывающей (первые четыре строки) и парной (остальные).

¹⁵ Московский вестник. 1827. № 24. С. 447–449.

¹⁶ Карамзин Н. М. Переводы. СПб., 1835. Т. 7. С. 151–153.

¹⁷ Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 99–101.

¹⁸ Стефанович В. Н. Французские просветители XVIII века в переводах П. А. Вяземского // Русская литература. 1966. № 3. С. 84.

В следующем году увидел свет прозаический перевод «*Erître au peuple*», принадлежавший С. В. Нарышкину. В 1774 г. вышел анонимный прозаический перевод обеих названных од, т. е. «*Sur le temps*» и «*Les devoirs de la société*». В 1778 г. под общим заголовком «Сокровище Парнаса, или Переводы лучших стихотворений г. Томаса, славного нынешнего писателя и члена Французской Академии» появился перевод тех же од в стихах, весьма искусно сделанный Ю. А. Нелединским-Мелецким. Переводам его, как и ему самому, была суждена сравнительно долгая жизнь: в 1813 г. поэт переиздал их в сильно переработанном виде, а в 1815 и 1821 г. они вновь увидели свет.¹⁹

Тем временем появлялись новые переводы названных стихотворений, полные и неполные, более или менее точные и вольные. «*Ode sur le temps*» перевели И. И. Пнин,²⁰ Н. А. Радищев,²¹ П. С. Кайсаров²² и некто «Б...вь»;²³ «*Les devoirs de la société*» — Н. И. Гнедич²⁴ и некто «К-ъ Хр...вь».²⁵ Наконец, в 1818 г. в «Сыне отечества» появилось пространное подражание «*Erître au peuple*» писателя и переводчика (а также цензора) В. И. Соца, предварительно прочитанное им в собрании Санкт-Петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.²⁶ И только поэма Тома «*Le Czar Pierre I-er*», над которой французский поэт с огромным увлечением и упорством трудился более двух десятилетий, так ее и не завершив,²⁷ осталась ма-

¹⁹ Вестник Европы. 1813. Ч. 69. № 9–10. С. 22–27; Собрание образцовых русских сочинений и переводов. СПб., 1815. Ч. 2. С. 39–45; Собрание образцовых русских сочинений и переводов. СПб., 1821. Ч. 2. С. 33–38.

²⁰ Санкт-Петербургский журнал. 1798. Ч. 1. С. 1. Пнину перевод атрибутируется предположительно.

²¹ Периодическое издание. 1804. С. 10.

²² Цветник. 1810. Ч. 5. № 1. С. 1–6.

²³ Аглия. 1812. Апрель. С. 42–49.

²⁴ Северный вестник. 1804. Ч. 2. С. 369–374.

²⁵ Московский курьер. 1806. Ч. 3. № 15. С. 195–201.

²⁶ Сын отечества. 1818. Ч. 49. № 41. С. 127–132.

²⁷ Поэма была опубликована лишь спустя семнадцать лет после смерти Тома: *Thomas A.-L. Œuvres posthumes*. Paris, 1802. Т. 1. Р. 1–270. Порядок песен в этом издании («*Chant de la Hollande*», «*Chant de l'Angleterre*», «*Chant I-er. De la France*», «*Chant II. De la France*», «*Chant III. De la France*», «*Chant des mines*») не соответст-

лодоступной русскому читателю. Впрочем, попытка ввести в отечественный культурный обиход эту огромную тяжеловесную поэму, ввиду того, что интерес к произведениям такого рода у нас еще не исчез,²⁸ была все же сделана анонимным любителем литературы. В конце 1800-х или в начале 1810-х гг. он осуществил перевод пяти из шести песен («Песнь о Голландии», три «Песни о Франции», «Песнь о Германии»; отсутствовала лишь «Песнь об Англии»). Этот перевод не был издан и дошел до нас лишь в списках. В печать попал небольшой отрывок из поэмы в вольном стихотворном переводе Алексея Чаплина: это был рассказ о посещении русским царем парижского Дома Инвалидов.²⁹

Окончательно жизнь Тома в русской литературе завершилась к середине 1830-х гг., хотя изредка о нем вспоминали и позднее. Так, в 1880 г. получил известность отзыв о нем А. С. Пушкина, который отнес его к числу «столь же умных, как и честных людей, не бессмертных гениев, но литераторов с отличным талантом».³⁰ Правда, это был уже, при всей его ценности, отзвук давно ушедшей исторической эпохи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже приводятся четыре сравнительно небольших фрагмента неизданного перевода «Царя Петра I». Это начальные строки «Песни о Голландии», отрывки из «Первой» и «Третьей песни о Франции», а также окончание «Песни о рудокопах», фактически — «Первой песни о Германии». В первом фрагменте речь идет об Амстердаме, сыгравшем столь важную

вовал замыслу Тома. См.: *Заборов П. Р.* Петр I во французской эпической поэзии XVIII века // *Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока.* СПб., 1998. С. 158–176.

²⁸ См.: *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955. С. 187–220.

²⁹ Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1822. С. 181–185. Перепечатано: *Новости литературы.* 1823. Кн. 5. № 27. С. 44–46.

³⁰ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. 1949. Т. 11. С. 171.

роль в открытии русским царем Западной Европы. Во втором и третьем рассказывается о пребывании Петра в Париже и его беседе в Версале с Людовиком XIV (плод фантазии поэта). В четвертом — о его возвращении вместе с верным Лефортом из подземного царства на землю (напутствующий героя Исполин — повелитель этого царства). Перевод приводимых фрагментов довольно точен за одним исключением: вместо Рейна в оригинале — Рона; ошибка произошла, по-видимому, вследствие того, что по-французски Рона — мужского рода (*Le Rhône*). Необходимо также пояснить употребленное переводчиком слово *люстр* (фр. *lustre*), означающее «пяtilетие».

В нашем распоряжении было два списка перевода; оба они озаглавлены одинаково: «Царь Петр Первый. Поема Томаса». Один из них, датированный 1811 г., хранится в РИИИ: Ф. 1. Оп. 2. № 212, другой, относящийся приблизительно к тому же времени, — в Рукописном отделе БАН: № 17.16.16. Этот последний, выполненный, судя по почеркам, несколькими лицами разного возраста, и был положен в основу данной публикации. Орфография и пунктуация текста модернизированы; сохранены лишь некоторые его особенности, характерные для эпохи. Номера листов указываются в каждом случае после публикуемого фрагмента.

I

На брегах Амстельских подъемлет ко небесам величественное чело свое великолепный град, где строгое хозяйство народа богатого, кажется, блюдет злато всего мира, где для полезных трудов презираются титла суетной гордыни и посреде сокровищ сохраняется невинность нравов. Петр направляет путь свой к сему граду: повсюду, где ни шествует, зрит образ благословенного обилия.

Л. 2.

Ср.:

Sur les bords de l'Amstel s'élève une cité,
Le temple du Commerce et de la Liberté,
Où, d'un peuple opulent, l'économie austère
De l'or du monde entier semble dépositaire:
Pour d'utiles travaux dédaigne les grandeurs
Et parmi les trésors a conservé des mœurs.
Pierre y porte ses pas; partout sur son passage
De l'heureuse abondance il aperçoit l'image.

Thomas A.-L. Œuvres posthumes. Paris, 1802. T. 1. P. 1.

II

Уже венценосец Севера достиг Парижа; уже представляется взорам его обширная долина и счастливые брега Сены: при виде их сердце героя трепещет от радости. Уже зрит он вдали великолепный град, занимающий обширную окрестность, громадный колосс величия Франции, возрастающий от роскоши и питающий самую роскошь золотом, которое повсюду блистает, повергает государство в нищету, вредит всем его состояниям, исполняет сердце гордынею и изнуряет гладом многие области, но которого благородный вид очаровательным своим блеском представляет величие сильного царства.

Петр вступает в Париж, не изъявляя чрезмерного удивления: он зрел уже славные стены, орошаемые величественною Темзою; однако же, каждый шаг, каждое место представляет взорам его мирную роскошь и пышность искусств, бессмертные произведения, родившиеся в сем веке; но царь прежде всего желает познать Людовика, сего венценосца, которого знаменитые дарования и блистательные успехи возвели Францию на первую степень величия во вселенной. Тако любопытный странник, зрящий плодородный Египет, утучняемый водами Нила, не может удержаться во стенах Каира и, тщаь достигнуть до исходищ благоворныя сея реки, претекает трудную цепь гор, сокрывающих оные, и вопрошает пустыни о величественной урне, из коей священная сия река, оплодотворяющая брега свои, изливает обильные сокровища жизни. Петр шествует в Версалию. И суровое его величие не заемлет украшения от великолепия чуждого.

Л. 61 об.–63.

Ср.:

Mais déjà, vers Paris, le monarque du Nord
Hâte ses pas; bientôt il découvre la plaine
Et les bords fortunés où s'égare la Seine;
De joie, en les voyant, son cœur est agité.
Il aperçoit de loin cette vaste cité,
Dont le contour embrasse un horizon immense,
Colosse de grandeur élevé sur la France,
Que le luxe a formé, que le luxe nourrit,
De l'or amoncelé dont l'état s'appauvrit,
Qui, nuisant aux sujets, enorgueillit les princes,
De la sève de l'or, affame cent provinces,
Mais dont le noble aspect, l'éclat éblouissant,
Offre la majesté d'un empire puissant.
Pierre y porte ses pas avec moins de surprise;
Il vit les murs fameux que baigne la Tamise,
Chaque pas, chaque lieu découvre à ses regards

Le luxe pacifique et la pompe des arts,
Les travaux imposants que ce siècle a vu naître;
Mais c'est Louis, d'abord, qu'il aspire à connaître;
Ce roi, dont le génie et les brillants succès,
Au premier rang du monde, ont placé les Français.
Tel, quand le voyageur voit l'Égypte féconde,
Que le Nil engraisse des tributs de son onde,
Dans les remparts du Caire, il ne peut s'arrêter,
Jusqu'aux sources du Nil, il aime à remonter;
Parcourant de son lit la chaîne tortueuse,
Il demande aux déserts l'urne majestueuse
D'où ce fleuve sacré, fertilisant ses bords,
De la vie, à grands flots, épanche les trésors.
Pierre vole à Versailles, et sa grandeur austère
N'emprunte point l'éclat d'une pompe étrangère.

Ibid. P. 81–82.

III

Аврора, украшая главу свою блистательными лучами, двукратно уже позлачала оными кровы чертогов Людовиковых; и утренняя ночь двукратно уже помрачала день от того времени, как оба венценосца, наставляя себя взаимно, беседовали о высоком искусстве правления, о правилах брани; о умерении одного благородием; о преимуществе награждения пред наказанием; о содержании в священных пределах служителей олтарей божиих, представляющих в лице своем могущество, пред коим все благоговейт, и напоследок о союзе царей с народами и народов с царями. В продолжение разглагольствия о сих великих предметах Петр прилежно внимал Людовику, поверяя все его рассуждения силою собственного своего разума, и тогда даже, как обогащался чуждыми талантами, он размышлял об оных, рассматривал строго правила знаменитого монарха Франции и прилагал их к различным местоположениям царства своего и к самому себе. Так быстрый Рейн да соделает плодоносными три знаменитые страны, стремясь из недр Алпийских гор, колыбели своей, гордится в течении и, будучи уже велик в начале, переходит обширное озеро и, хотя быстротекущие его волны увеличиваются тако, но он воспрещает езеру похищать сокровища его и, сохраняя обширные свои воды, величественно вступает в собственные берега.

Уже Петр оставляет Версалию и направляет путь свой к Парижу. Великолепие одного поразило удивленные очи героя, когда он со берегов Сены первократно взирал на сего величественного царя счастливых градов цветущия Франции. Монарх обширного Севера возвращается в Париж, да приобретет в оном познания, нуж-

ные ему для совершения великих его намерений; он зрел уже Людовика и хочет днесь зреть подданных его и сей прелестный союз наук, законов, нравов и творческих умов, который существует у счастливого народа Франции. В других странах вселенная Петр видел свирепого воина, простодушного земледельца в смиренной его хижине и угрюмого республиканца, с жадностию предающегося торговле. Он видел уже необразованного и дикого человека, едва укрощенного в звериной его силе. Но Париж представляет очам героя человека обходительного, изобретательным своим вкусом делающего богатство благородным, храброго и вместе сострадательного, учтвого без низости, умеряющего величие свое смиренномудрием, приятно украшающегося многими дарованиями, пренебрегающего независимость предков и основывающего счастье свое на повиновении, человека, который да исправит свои нравы, покорился законом, стяжал новые для себя права посредством верховной власти искусств и художеств, удобрил нивы, украсил грады, избрал искусства прежде полезные, а потом служащие пищею роскоши; шествуя медленно от успеха к успеху, содействовал созрению творческого духа, распространил пределы разума и, образуя себя, соделался наконец прекраснейшим творением.

Л. 139–141.

Ср.:

L'Aurore, de rayons ceignant deux fois sa tête,
Du palais de Louis avait doré le faite;
Deux fois la nuit obscure avait chassé le jour
Depuis que les deux rois s'instruisant tour-à-tour
Méditaient l'art profond de gouverner la terre,
D'animer les travaux, de diriger la guerre,
D'enflammer la valeur et de la contenir;
L'art de récompenser bien plus que de punir;
L'art d'enfermer surtout dans leurs bornes sacrées,
Ces ministres des cieux, puissances adorées;
D'unir les rois au peuple, aux rois les citoyens.
En poursuivant le cours de ces grands entretiens,
Pierre écoutait Louis: mais sa noble prudence
Gardait de sa raison la fière indépendance.
Même en s'enrichissant d'un génie étranger,
Il osait le combattre et toujours le juger;
Et de ce roi fameux, balançant le système,
Consultait son climat, son empire et lui-même.
Tel pour fertiliser trois illustres états,
Des Alpes, son berceau, précipitant ses pas,
Déjà fier dans sa course, et grand lorsqu'il commence,

Le Rhône impétueux traverse un lac immense:
Là, ses eaux en roulant se grossissent encor;
Mais il défend au lac d'usurper leur trésor;
Et de ses vastes flots, maintenant l'héritage,
Rentre majestueux dans son propre rivage.
Pierre a quitté Versailles et revole à Paris.
Paris, dans sa splendeur, frappa ses yeux surpris,
Quand la première fois aux rives de la Seine,
Des cités du Français il contempla la reine.
Il revient s'y former pour ses vastes projets.
Il a vu le monarque, il veut voir les sujets,
Voir, chez un peuple heureux, la brillante harmonie,
Des sciences, des lois, des mœurs et du génie.
Ailleurs il observa le féroce guerrier,
Le simple agriculteur dans son simple foyer,
L'âtre républicain, le commerçant avare.
Il a vu de trop près l'homme inculte et barbare,
Dans sa brute énergie, à peine apprivoisé.
Paris offre à ses yeux l'homme civilisé,
Dont le goût créateur ennoblit la richesse,
Belliqueux, mais humain, poli, mais sans mollesse,
Dans sa douce grandeur, sagement tempéré,
De l'essai des talents, avec grâce entouré,
Qui de ses fiers aïeux dédaignant la licence,
Sut fonder son bonheur sur son obéissance;
Pour s'élever aux mœurs, s'accoutumer aux lois,
Par le sceptre des arts, conquit de nouveaux droits,
Sut féconder ses champs, sut embellir ses villes,
Chercha les arts brillants après les arts utiles;
De progrès en progrès marchant avec lenteur,
A mûri dans son sein le génie inventeur,
A de sa raison même agrandi le partage,
Et, formé par lui-même, est son plus bel ouvrage:
Ainsi l'heureux Français se présente à ses yeux.

Ibid. P. 142–143.

IV

«О! koliko, рек Петр, о! koliko величественнейший урок представляет зрелище
сие венценосцам! О, престолы ничтожны во глубине мрачных сих бездн! По край-

ней мере, в ужасных сих пропастях не все еще поглощается; наружные сии останки, уничтожившегося человека суть токмо персть его, но не самый человек. Я то чувствую в моем сердце. Так я чувствую, что высочайшая и непостижимая сила соединяет меня с божеством, гробница разверзается бессмертию человеческому; он умирает, возрождается, падает и восстает; но восстает бессмертным, и предопределение его сим свершается. Тогда жилище его есть небо, а наследие — Бог; тогда он дает последнее и вечное лобзание земле и с презрением взирает на персть свою, развеваемую плугом. И поелику добродетель преживает смерть, то хошу, да благотворения мои напечатлеваются на каждом моем шагу, так, я хошу, чтобы предприятие мое совершилось на Севере и чтобы память моя затмилась, когда все разрушится, и сего довольно для меня...»

«Поспешай, — ответствовал ему Исполин, — поспешай, время летит, неутомимое время теснит и преследует тебя; едва солнце исполнит десять люстр, как ты придешь сюда соединиться со знаменитыми тенями, в мире здесь починующими, я тебя ожидаю...»

Устрашенный герой возбуждается и зрит Лефорту острану себя, Лефорту, который бдел и блюл покой повелителя своего. «Это ты, — рек ему герой, — это ты, возлюбленный мой друг? Предадимся пути... Мне мнится, я воскрес». Чело его было возмущенно; блуждающий взор его, казалось, отвращался или искал вдали призрака, утраивша его. Со удивлением признает он скалу и пещеру, где сон смежил вежды его. «Изыдем, — вещал он Лефорту, — изыдем отсюда, оставим ужасное сие жилище». И с сим словом он шествует спешными стопами ко стране, где рождается день. Лефорт сопровождает его в глубоком безмолвии. Царь всходит ко свету небесному. Зрит оный и с нетерпеливостью устремляется на поверхность земную.

Л. 261 об.—264.

Ср.:

«Ah! pour les rois, dit-il, que de leçons sublimes!
Que de trônes sont bas au fond de ces abymes!
Dans ces gouffres, du moins, tout n'est pas englouti.
Ces restes apparents de l'homme anéanti
Sont la poudre de l'homme, et non pas l'homme même.
Je le sens dans mon cœur; une force suprême
M'attache et me rallie à la divinité.
Les tombeaux vont s'ouvrir sur l'immortalité.
L'homme meurt, il renaît; il tombe, il se relève,
Se relève immortel, et son destin s'achève;
Le ciel est son séjour, son héritage un Dieu;
Il y dit à la terre un éternel adieu,
Et voit avec dédain ses cendres disparues

S'agiter sous les vents, rouler sous les charrues.
Ah! puisque les vertus survivent au trépas,
Mes bienfaits sur la terre imprimeront mes pas.
Oui, que mon grand dessein dans le Nord s'exécute,
Et que je tombe après d'une éternelle chute;
J'y consens». — «Hâte-toi; le temps vole et s'enfuit,
L'inexorable temps te presse et te poursuit.
A peine le soleil aura rempli six lustres,
Tu viendras te rejoindre à des ombres illustres.
Je t'attends». — Le héros s'éveille épouvanté;
Son œil s'ouvre, il revoit Le Fort à son côté;
Le Fort, qui veillait seul au repos de son maître:
«C'est toi, dit-il, c'est toi!.. marchons... je crois renaître».
Son front était troublé; son regard incertain
Semblait fuir ou chercher un fantôme lointain.
Avec étonnement il reconnaît la pierre
Et l'ancre où le soleil a formé sa paupière».
«Sortons, dit-il, quittons ce terrible séjour».
Il s'avance à grand pas aux lieux d'où naît le jour,
A côté de Le Fort, dans un profond silence,
Remonte, et sur la terre impatient s'élançait.

Ibid. P. 229–230.

А. Ю. Веселова

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ЕВРОПЕЙСКИХ САДОВЫХ ТРАКТАТОВ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Формирование терминологии садово-паркового искусства началось в России в Петровскую эпоху.¹ Первоначально этот процесс шел преимущественно в профессиональной среде садовников, среди которых было много иностранцев или отечественных мастеров, прошедших обучение за границей. Используемый ими профессиональный жаргон носил макаронический характер и по большей части состоял из иностранных слов. Об этом можно судить по сохранившимся письмам и подписям к чертежам. Мастера этого времени не нуждались в дополнительной систематизации и популяризации своих знаний и поэтому не занимались написанием или переводами садовых пособий, тем более что труд хорошего садовника оплачивался несравненно выше переводческого. Тем не менее, по инициативе Петра I, поощрявшего садоводство и усадебное строительство, в первой трети XVIII века были предприняты попытки перевода европейских садовых трактатов не только для внутреннего употребления, но и для печати. Работа эта поручалась хотя и профессиональным переводчикам, но дилетантам в садовом деле. Ни одна из таких попыток не увенчалась полным успехом,

¹ В данном случае речь идет именно о садово-парковом искусстве и его теоретическом осмыслении, а не о плодовом садоводстве и огородничестве.

а одна и вовсе закончилась трагически. Так, П. П. Пекарский, ссылаясь на свидетельство Х. Ф. Вебера, ганноверского резидента при русском дворе, приводит историю переводчика Бориса Волкова, который покончил жизнь самоубийством, отчаявшись перевести книгу французского садовника XVII века Ж.-Б. де ла Квинтини, одного из создателей Версаля.² Достоверность этого факта может быть поставлена под сомнение, но даже если это легенда, то она неплохо отражает представление о трудностях, стоявших перед русскими переводчиками садовых книг.

Трудности эти не были преодолены и во второй половине XVIII века, когда по инициативе и при непосредственном участии Екатерины II началась постепенная популяризация садоводства среди рядового дворянства. Ни при Петре I, ни позднее, вплоть до начала 1770-х гг., на русском языке не был издан ни один трактат, посвященный садово-парковому искусству (за исключением нескольких агрономических книг). В период с 1771 по 1805 г. было переведено пять садовых трактатов с английского, немецкого и французского языков (некоторые с языков-посредников), и среди них три принадлежат крупнейшим теоретикам садово-паркового искусства. С 1805 г. начал выходить первый, хотя и компилятивный, но все же самостоятельный труд, написанный русским автором: «Садоводство полное» В. А. Левшина (ранее выходили ботанические книги Левшина). Таким образом, мы имеем довольно четко ограниченный материал, на котором можно проследить некоторые тенденции формирования садовой терминологии. Следует также принимать во внимание, что пока петровская Россия осваивала франко-голландское наследие XVII века, в Европе шла так называемая «прекрасная революция» (great revolution), которая привела к победе английского пейзажного стиля над французским регулярным. В России эта перемена вкуса произошла в течение одного десятилетия и окончательно утвердилась после знаменитого письма Екатерины II Вольтеру начала 1770-х гг. об «англomanии, преобладающей в ее плантомании».³

² Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 224–226. Благодарю С. И. Николаева за любезное указание на этот источник.

³ Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1874. Т. 13. С. 256.

Поэтому былые трудности перевода усилились еще и от того, что переводчики находились вне культурного контекста нового стиля и с разным успехом осваивали его в процессе перевода.

Первым теоретическим садовым трактатом, вышедшим на русском языке в 1771 г., был перевод фрагмента из диссертации Уильяма Чемберса (William Chambers, 1726–1796), касающегося китайских садов.⁴ Как установил Э. Кросс, переводчиком этого фрагмента был Джонсон Ньюман, преподаватель английского языка Морского кадетского корпуса.⁵ Стоит признать, что данный текст был не самым лучшим источником сведений о современных тенденциях европейского садоводства, так как рассматривал незнакомое русскому читателю явление — китайские сады — на фоне еще мало знакомого пейзажного стиля.

Перевод из Чемберса напрямую связан с незавершенным по неизвестной причине проектом двуязычного русско-французского издания трактата Томаса Вейтли (Thomas Whately, 1728–1772) «Замечания о современном садоводстве».⁶ В рукопись был включен упомянутый

⁴ О китайских садах / Перевод из книги, сочиненной господином Чемберсом, содержащей в себе описание китайских строений, домашних их уборов, одеяний, махин и инструментов. СПб., 1771. Это был перевод раздела «Of the Art of Laying out Gardens among the Chinese» из диссертации Чемберса: «Designs of Chinese Buildings, Furniture, Dresses, Machines, and Utensils» (1757).

⁵ Cross A. G. Johnson Newman, a Little-known Englishman in Russian Service in the Second Half of the Eighteenth Century // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. 1993. № 21. P. 36–47.

⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. 291 л. Собственноручная французская рукопись Екатерины II об устройстве садов и перевод ее на русский язык; Английский оригинал: [Whately Th.] Observations on Modern Gardening. London, 1770. Перевод выполнен с французского посредника: Whately Th. L'Art de former les jardins modernes, ou l'art des jardins anglois / Traduit de l'Anglois par François de Paul de Latrie. Paris, 1771. Публикацию современного перевода отрывков из трактата, выполненного Б. М. Соколовым, см.: Соколов Б. Томас Вейтли и рождение английской теории пейзажного парка // Искусствознание. 2006. № 1. С. 144–185. В научный оборот документ введен Э. Кроссом. См.: Cross A. Catherine the Great and Whately's «Observation on Modern gardening» // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. 1990. № 18. P. 21–29. Также см.: Cross A. The English Garden in Catherine the Great's Russia // Journal of Garden History. 1993. Vol. 13. № 3. July–September. P. 178–179; Веселова А. Ю. Еще раз о русских переводах английских садоводческих трактатов (из фондов РГАДА) // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 333–345.

выше фрагмент из диссертации Чемберса о китайских садах.⁷ Следует отметить, что книга Вейтли, безусловно, являлась одним из ключевых текстов для европейского садового дискурса и была, вероятно, лучшим на тот момент выбором для последовательного и внимательного знакомства с теорией пейзажного садоводства. По рукописным материалам видно, что первоначально императрица сама взялась переводить книгу, но, вероятно, не справилась с этой работой и ограничилась переписыванием французского текста. Из сопровождающих рукопись писем следует, что это издание было доведено до этапа набора, но причины, по которым оно не состоялось, пока установить не удалось.

Следующим садовым трактатом, предложенным русскому читателю, стал вышедший в 1776 г. перевод небольшой книжки Джорджа Мейсона (George Mason, 1735–1806) «Опыт о расположении садов».⁸ Это краткий очерк истории садоводства и теории пейзажного стиля, хотя и не самым удачным образом переведенный, но отчасти могущий послужить кратким аналогом обширного произведения Вейтли.

Еще один текст, более других изобилующий ошибками перевода, скорее всего, остался почти незамеченным русскими любителями садов. Тем не менее, он интересен с точки зрения анализа языковых тенденций в этой сфере. Это вставной фрагмент из романа Джозефа Кредока «Письма некоторой духовной особы и его дочери, писанные к его сыну, находящемуся в Лондоне».⁹ Перевод был выполнен Ефимом Ру-

⁷ О соотношении двух переводов из Чемберса, опубликованного и включенного в рукопись Вейтли см.: *Веселова А. Ю.* Еще раз о русских переводах английских садоводческих трактатов (из фондов РГАДА).

⁸ Опыт о расположении садов. СПб., [б. г.]; *Mason G.* An Essay on Design in Gardening. London, 1768. Автор в русском переводе не был указан и также был установлен Кроссом. См.: *Cross A. G.* The English Garden and Russia: An Anonymous Identified // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. 1974. № 2. P. 25–29.

⁹ [Кредок Дж.] Письма некоторой духовной особы и его дочери, писанные к его сыну, находящемуся в Лондоне. СПб., 1784. Перевод Е. П. Рунич. Имя автора иногда передается как «Крейдок». См., напр.: *Топорков А. Л.* Рунич Ефим Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 75. *Cradock Jh.* Village Memoirs: In a Series of Letters Between a Clergyman and His Family in the Country, and His Son in Town. London, 1775. Подробнее см.: *Ананьева А. В., Веселова А. Ю.* Сад в художественной системе романа Дж. Кредока «Сельские

ничем с французского посредника. Фрагмент представляет собой эссе о садово-парковом искусстве лорда Арлингтона, персонажа романа, приложенное к одному из писем. В этом случае переводчик был явно не знаком с садовым дискурсом и не понимал роли этого эпизода в романе.

В 1780-х гг. А. Т. Болотов в журнале «Экономический магазин» (1780–1789) предложил последовательную адаптацию европейской садоводческой теории. Он выборочно перевел и с 1784 г. публиковал там пятитомную «Теорию садового искусства» Кая Кристиана Лоренца Хиршфельда¹⁰ (Christian Cay Laurenz Hirschfeld, 1742–1792), сопровождая главы из Хиршфельда собственными статьями, основанными на личном опыте и содержащими практические советы. Переводы Болотова следует признать едва ли не самыми точными и удачными. Возможно, это связано с тем, что у Болотова, с одной стороны, был почти трехлетний опыт жизни и службы переводчиком в Восточной Пруссии, а с другой — собственный интерес к садам.

Наконец, в 1804 г. с французского языка была переведена книга Рене Жирардена (René-Louis de Girardin, 1735–1808), создателя Эрменонвиля, французской усадьбы, в которой провел свои последние дни Ж.-Ж. Руссо.¹¹

Переводчики садовых книг этого периода прямо жалуются на отсутствие нужных слов. А. А. Палицын в предисловии к своему переводу из Жирардена писал: «В сем роде у нас почти ничего еще не написано и не переведено; у нас даже не введены многие для сего содержания нужные свои слова, хотя некоторые казалось и возможно было общим согласием прибрать и употреблением усилить: почему должно занимать чужие, кои сверх того, что не ясны не знающим языков, всегда неприятно слышатся и делают несносную пестроту в слоге».¹²

мемуары» // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю. Д. Левина. СПб., 2010. С. 19–37.

¹⁰ Hirschfeld C. C. L. Theorie der Gartenkunst. Leipzig, 1779–1785. Bd 1–5.

¹¹ О составлении ландшафтов, или О средствах украшать природу округ жилищ, соединяя приятное с полезным / Сочинение Р. Л. Жерардена (так! — А. В.), владельца и строителя Эрменонвиля. Перевел Александр Палицын. СПб., 1804; Girardin R. L. De la composition des paysages. Paris; Gent, 1777.

¹² О составлении ландшафтов... С. III (Предисловие).

Простая нехватка слов у большинства переводчиков 1780–1800 гг. порождала многочисленные ошибки, затемняющие русский текст, а иногда делающие его и вовсе абсурдным. Так, в переводе из Мейсона *regularity* (англ.) переведено как *порядок*,¹³ хотя этот термин в садовом контексте предполагает прежде всего симметрию; *observation* (англ.) — как *примечание*, когда речь идет об открывающемся обзоре.¹⁴

В трактате Вейтли выражение «*caractère de la scène*» (франц.) дано по-русски как «очертание позорища».¹⁵ Такой перевод уводит русского читателя трактата от разработанной Вейтли теории «характера» местности, в которой «характер» понимается как психологическая категория, близкая к человеческому характеру.

Таких примеров множество, можно привести лишь еще один, пожалуй, наиболее комический. Руничу, очевидно, было незнакомо имя Томаса Вейтли, поэтому он именует его Вилей, следуя сокращению имени, данному в оригинале как *Wh-leu*.¹⁶

Вероятно, переводчики в какой-то мере отдавали себе отчет не только в трудностях, стоящих перед ними, но и в тех препятствиях, какими их тексты изобилуют для читателя. Поэтому они прибегали к определенным стратегиям прояснения темных мест или по крайней мере отсылок к материалу, который может сделать их более понятными. Вряд ли эти стратегии можно считать относящимися только к садовой литературе. Все, что будет сказано далее, в значительной степени может быть отнесено к переводам в любой другой области, особенно если переводчик с нею не знаком профессионально. Более того, отчасти эти процессы находятся в русле общезыковых законов заимствования. Но компактность рассматриваемого материала и значительная доля рефлексии, которую переводчики вносили в свой труд, позволяют предположить, что применяемые ими приемы видны здесь особенно отчетливо и использовались осознанно.

¹³ [Мейсон Дж.] Опыт о расположении садов... С. 30.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Публикацию этого фрагмента см.: Веселова А. Ю. Еще раз о русских переводах английских садоводческих трактатов... С. 341.

¹⁶ [Кредок Дж.] Письма некоторой духовной особы и его дочери... С. 129.

Самым простым способом избежать затруднений с переводом того или иного термина можно признать непосредственное употребление иностранного слова или его транскрибирование и транслитерация. В качестве примера можно привести попытку справиться с английским термином *picturesque* (*живописность*, англ.) из книги Мейсона. Это понятие, одно из ключевых для пейзажного садоводства, было введено Вейтли. В самом русском тексте это слово просто передано транскрипцией, причем на французский лад, а в подстраничном примечании переводчика сформулировано его определение, не только ничего не проясняющее, но, пожалуй, даже вводящее в заблуждение: «Питореск называются все те предметы, которые картину составить и большее действие произвести могут».¹⁷

Другим удобным и часто применяемым способом является русификация иностранного термина по продуктивной модели. Например, в трактате Чемберса *regularity* (англ.) переводится как *регулярство*.¹⁸ Именно так образуется и слово *романтический* (романический), которое доставляло русским переводчикам едва ли не самое большое мучение. Следует отметить, что трудность состояла именно в переводе этого понятия в конкретном контексте: здесь речь идет о «романтических» уголках сада, его частях, создающих особое «романтическое» настроение. В этом отношении показательны различия печатного и неопубликованного вариантов перевода Чемберса. Английское словосочетание «*romantic scenes*», переведенное Ньюманом как «романические позорища»,¹⁹ было заменено, вероятно, русским редактором на словосочетание «из романов взятые».²⁰ Палицын, вводя это понятие, дает сноску: «У нас не принято и усилено употреблением никакое свое слово, которое бы выражало точно аглинское *Romantic*, или хотя французское *Romanesque*, особливо в сем смысле».²¹ Свидетельством

¹⁷ [Мейсон Дж.] Опыт о расположении садов... С. 5. Комментарий в сноске вообще очень распространен и даже может быть выделен как самостоятельная стратегия.

¹⁸ [Чемберс У.] О китайских садах... С. 13.

¹⁹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. Л. 267.

²⁰ [Чемберс У.] О китайских садах... С. 5.

²¹ [Жирарден Р.-Л.] О составлении ландшафтов. С. 96–97 (примеч. перев.).

справедливости этого утверждения является перевод «romantic situations» (англ.) из трактата Мейсона как «чрезвычайные положения».²²

Иногда затруднение в выборе подходящего слова заставляет авторов приводить сразу несколько вариантов перевода или целый синонимический ряд. Например, в переводе из Чемберса встречается пара «аллеи, или обширные гульбища».²³ Следует заметить, что такой способ одновременно отсылать к иноязычной традиции, привычной для специалистов, и вместе с тем предлагать свой вариант перевода прижился и в дальнейшем употреблялся русскими авторами садовых книг, такими как Н. П. Осипов и В. А. Левшин. У этих авторов встречаются такие пары, как «грот, или пещера»,²⁴ «цветоводцы (флористы)»,²⁵ «газон, или муравное место».²⁶

В некоторых особенно сложных случаях переводчик предпочитает описание явления передаче его сути термином. Очень показателен в этом отношении пример из сборника планов английских садов 1798 г., двуязычного немецко-русского издания одного из представителей семьи Манза, датских королевских садовников.²⁷ В немецкой экспликации к первому плану под литерой «к» значится просто «На! На!». Это устоявшееся название скрытой изгороди на дне рва, которую позднее в русской традиции стали именовать «Ах-ах!». Но в планах Манзы этот объект называется по-русски: «Отверстие в стене сада, за коею ров, чтоб дать глазу открытый вид».

²² [Мейсон Дж.] Опыт о расположении садов. С. 6.

²³ [Чемберс У.] О китайских садах. С. 4.

²⁴ Подробный словарь для сельских и городских охотников и любителей Ботанического, увеселительного и хозяйственного садоводства <...> / Собрано из разных иностранных и российских сочинений и записок Николаем Осиповым. СПб., 1791–1792. Ч. 2. С. 90.

²⁵ Садоводство полное / Собранное с опытов и из лучших писателей о сем предмете, с приложением рисунков, Васильем Левшиным <...>. М., 1805. Ч. 1. С. V (Предисловие).

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Планы для расположения и разведения аглинских садов / Изданное Людовиком Христианом Манза = Plans zu anlagen englischer Gärten / Von Ludwig Christ. Mansa. [М., 1798].

Наконец наиболее частым и вместе с тем по-своему творческим приемом, является калькирование, то есть попытка поиска и даже создания русского слова, по своей внутренней форме отражающего содержание понятия. В этом отношении показательно сравнение двух вариантов перевода из Чемберса: опубликованного и оставшегося в рукописи в приложении к книге Вейтли. Переводчик Ньюман в неопубликованном варианте перевода предпочитает избегать заимствованных слов и употребляет *проходы* и *гульбища* вместо *проспекты* и *аллеи* (как в опубликованном переводе), *порядок* вместо *регулярство*, *пещера* вместо *грот*, «орудия, водою действующие» вместо «гидравлические махины» и т. д. В переводе книги Вейтли также заметна осторожность в использовании заимствованных слов, благодаря чему там появились такие словосочетания, как «малые круглые здания» («*rotondes*»),²⁸ «морской победоносный столб» («*colonne rostrale*»).²⁹ Именно этим путем вошло в русский язык словосочетание «увеселительный сад» — калька с английского «*pleasure garden*», встречающееся в одном из вариантов перевода Чемберса и излюбленное Болотовым. Оно не только стало общеупотребительным в садовой литературе, но и было включено в «Словарь Академии Российской», причем как пример к обеим лексемам: *сад* и *увеселительный*.³⁰

Путь адаптации европейской терминологии с параллельной выработкой собственного языка описания сада выбрал Левшин, автор первой самостоятельной садовой книги в России. У него встречаются такие слова, как *прохожи* в значении *аллеи*,³¹ *дальновидности* в смысле открытого вида,³² и, наконец, *стезя*,³³ под которой понимается дорога именно в английском парке.

Таким образом, несмотря на все ошибки, неточности, расхождения в толкованиях и т. д., садоводческая теория на русском языке посте-

²⁸ Веселова А. Ю. Еще раз о русских переводах английских садоводческих трактатов... С. 342

²⁹ Там же. С. 341

³⁰ Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Ч. 1: А–Г. Стб. 662; Там же. СПб., 1794. Ч. V. Стб. 308.

³¹ Садоводство полное... Ч. 1. С. 40.

³² Там же. С. 5.

³³ Там же. СПб., 1808. Ч. 4. С. 369.

пенно начинает приходить к некоторому единству, какое вообще возможно в таких вещах, как профессиональная терминология. К концу первого десятилетия XIX века формирование языка садоописания достигло некоторого уровня, который давал авторам садовых трактатов (как их называли по-русски, «садовников») надежду, что они будут правильно поняты своими читателями. А это позволило перейти к следующему этапу — созданию поэтического языка описания сада, процесса, находившегося в русле общего развития русской лирики и приведшего к появлению ряда художественных текстов о садах и переводов наиболее известных образцов пейзажной лирики, в частности, поэмы Ж. Делиля «Сады».

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ Ж.-Ж. РУССО И ЦЕНзуРА

Произведения Руссо и его идеи оказали огромное влияние на российское общество. Однако цензурная судьба произведений «женевского гражданина» была весьма сложной и неоднозначной.

Особенно это касается важнейших сочинений Руссо, из-за которых он подвергся преследованиям и во Франции, и в Швейцарии, — «Общественного договора», романа «Эмиль, или О воспитании», а также «Исповеди». Цензура произведений Руссо осуществлялась по религиозным, политическим и морально-нравственным мотивам. В тесной связи с проблемой распространения произведений Руссо и цензурных купюр в них стоит проблема перевода.

Цензура произведений Руссо в России ведет свое начало с XVIII века. Уже в 1763 г., через год после появления «Эмиля» в печати, Екатерина II издает распоряжение о запрещении его ввоза в Россию. Она пишет в своем повелении, посланном генерал-прокурору Правительствующего сената А. И. Глебову: «Слышно, что в Академии наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во всем свете запрещены, как, например: Эмиль Руссо, Мемории Петра III, Письма жидовские¹ по французскому и много подобных».² По мнению Екатерины, против «закона» и «доброго

¹ Имеются в виду «Lettres juives» (1736) Ж.-Б. Буайе д'Аржана.

² Сборник русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 7. С. 318.

нрава» направлены не только «Исповедание веры савойского викария», но и педагогическая теория Руссо с его критикой общественных учреждений и проповедью воспитания «естественного человека». Не случайно Екатерина писала госпоже Бьельке: «Особенно я не люблю емилиевского воспитания; в наше доброе старое время думали иначе, а так как между нами есть, однако ж, удавшиеся люди, то я держусь этого результата».³

Любопытный парадокс: несмотря на формальное запрещение, имеется немало переводов из «Эмиля», в первую очередь «Исповедания веры савойского викария», как печатных, так и рукописных.⁴ Несмотря на цензурное запрещение, «Исповедание веры савойского викария» являлось произведением Руссо, которое наиболее часто переводилось на русский язык в конце XVIII — начале XIX века.

В XVIII — начале XIX века переводы «Исповедания веры савойского викария» печатаются под вымышленными заглавиями и без указания имени переводчика. Первый перевод этого важнейшего для характеристики религиозных взглядов «женевского гражданина» произведения вышел в свет в 1770 г. под названием «Размышление о величестве Божии, о Его промысле и о человеке». Предположительно переводчиком являлся С. С. Башилов.⁵ В 1801 г. выходит сокращенный перевод «Исповедания веры савойского викария» под заглавием «Бытие Бога и бессмертие души».⁶ Дважды был переиздан сокращенный перевод «Исповедания веры савойского викария» под названием «Прогулка

³ Сборник русского исторического общества. СПб., 1874. Т. 13. С. 37.

⁴ Рукописные копии перевода С. С. Башилова см.: РНБ. Основное собрание рукописной книги. № 4074 Q III-7. *Руссо Ж.-Ж.* Размышление о величестве Божии, его промысле и о человеке; РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6441. То же; ОПИ ГИМ. Ф. 450. № 341, 342, 343; *Руссо Ж.-Ж.* Исповедание веры наместника савоярда. Три копии. В составе масонского сборника конца 1820-х — 1830 г. «Орган духовный. Колыбель Камня мудрых и некоторые другие изящнейшие назидательные вещи» находится «Молитва и вера Ж.-Ж. Руссо», представляющая собой отрывок из «Эмиля». См.: РГБ. Ф. 178. № 2811. Л. 261–262.

⁵ *Руссо Ж.-Ж.* Размышление о величестве Божии, о Его промысле и о человеке г. Ж.-Ж. Руссо / Переведена 1769 и 1770 года [Семеном Башиловым]. [СПб., ок. 1770].

⁶ *Руссо Ж.-Ж.* Бытие Бога и бессмертие души. Из «Эмиля» г. Руссо. СПб., 1801.

одиннадцатая»: в 1802 и в 1822 гг.⁷ О том, что переведено именно «Исповедание веры савойского викария», говорится в примечании к «Прогулке одиннадцатой»: «Сия прогулка есть сокращение известного „Исповедания веры священника савоярдского“, помещенного в третьей части „Эмиля“». ⁸ Несмотря на то, что в примечании название крамольного произведения «женевского гражданина» приводится открыто, переводчик следует традиции, сформировавшейся в XVIII веке — перевод анонимный, причем его анонимность подчеркивается. В частности, в примечании указывается: «Сии письма <к Мальзербу> и XI прогулка переведены другим, а не г. Мартыновым». ⁹

Только в переводе «Эмиля», выполненном под руководством Елизаветы Дельсаль, «Исповедание веры савойского викария» дается под его подлинным названием, но текст «Исповедания» несколько сокращен. ¹⁰

Другой парадокс состоит в том, что, несмотря на цензурное запрещение «Исповедания веры савойского викария», отрывки из него, прежде всего отрывок об Иисусе Христе и святости Евангелия, а также отрывок, посвященный сравнению Иисуса Христа с Сократом, широко цитируются и используются в богословских и философских сочинениях. Эта традиция также начинается с 1770-х гг., и также, чтобы обойти цензуру, отрывки из «Исповедания веры савойского викария» печата-

⁷ Руссо Ж.-Ж. [Исповедание веры савойского викария] // Философические уединенные прогулки Жан-Жака Руссо, или Последняя его исповедь, писанная им самим, с присовокуплением писем его к Мальзербу, в коих изображается истинный характер и подлинные причины поступков сего славного женевского философа / Пер. с фр. Иван Мартынов. СПб., 1802. Ч. 2. С. 72–178; 2-е изд.: М., 1822. Ч. 2. С. 87–211.

⁸ Руссо Ж.-Ж. [Исповедание веры савойского викария]... С. 72; 2-е изд.: С. 87. Как известно, в книге Руссо «Прогулки одинокого мечтателя» имеется только десять «Прогулок».

⁹ Руссо Ж.-Ж. [Исповедание веры савойского викария]... С. 179; 2-е изд.: С. 212.

¹⁰ Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры Савойского священника // Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Пер. с фр. Елизаветы Дельсаль. М., 1807. Ч. 3. Кн. 5. С. 20–169. О том, что перевод был выполнен воспитанниками пансиона под руководством Елизаветы Дельсаль см.: Макаров М. Н. Материалы для истории русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Ч. 32. № 51–52. Декабрь. С. 113–120.

ются под совершенно другими названиями. Так тремя изданиями выходит книга «Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе, состоящая в наиболее полезных нравоучительных наставлениях, сочиненных древним восточным брамином. С китайского на агглинский, потом на французский, а с сего на российский язык переведена с приобщением повести сыскания на Востоке сей книги, и с дополнением рассуждений о христианском законе европейского мудреца». В данной книге имеется глава «Часть осьмая, или Дополнение из рассуждений европейского мудреца „О законе христианском“», которая представляет собой перевод трех статей первой главы сборника изречений Ж.-Ж. Руссо «*Esprit, maximes et principes*»: «*De Dieu*», «*De la spiritualité de l'âme*», «*De l'Évangile*». Последние две статьи — это отрывки из «Исповедания веры савойского викария».¹¹

Ссылки на Руссо используются и в полемических сочинениях, посвященных опровержению «вольтерьянства» и «неверия». Прямые ссылки на «Исповедание веры савойского викария» в таких случаях не делались, хотя указывалось, что отрывок принадлежит Ж.-Ж. Руссо. Такие отрывки публиковались в сочинениях И. М. Кандорского, А. Баталина, в сборнике, якобы принадлежащем Ж.-Б. Массийону.¹²

Традиция XVIII — начала XIX века использования отрывков из «Исповедания веры савойского викария» в богословских сочинениях продол-

¹¹ Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе... / [Перевел С. П. Колосов]. СПб., 1773. С. 69–85; 2-е изд.: СПб., 1777. С. 58–72; 3-е изд.: СПб., 1785. С. 76–93.

¹² [Кандорский И. М.] Вольнодумец, убежденный в несправедливости его рассуждений, в истине бессмертия души и в любви евангельския веры: Российское сочинение с особенными историческими и нравственными примечаниями. М., 1811. С. 69–72 (Отрывок из «Исповедания веры савойского викария» Ж.-Ж. Руссо об Иисусе Христе и святости Евангелия); Баталин А. Послание к Урании против послания к Урании Вольтера. М., 1829. С. 54–56 (Отрывок из «Исповедания веры савойского викария» Ж.-Ж. Руссо об Иисусе Христе и святости Евангелия); Массийон Ж.-Б. Доказательства против врагов веры, в утверждение верных, в посрамление буйных, и в сугубую пользу всех любящих святую истину и благочестие / Из сочинений славного Масильёна; перевел с французского Михайла Вышеславцев. М., 1802. С. 19–24, 31–35 (Отрывки из «Исповедания веры савойского викария»). Авторство Массийона сомнительно.

жалась и в конце XIX века, хотя публикация этого сочинения до начала XX века была запрещена духовной цензурой. В конце XIX века религиозные взгляды Руссо используются в катехизической деятельности. Духовная цензура шла на это, хотя и не без колебаний. В частности, несмотря на то, что перевод «Исповедания веры савойского викария» не был разрешен духовной цензурой, в 1894 г. выходит третьим и четвертым изданием книга Г. М. Дьяченко «Уроки и примеры христианской веры. Опыт катехизической хрестоматии». Как указано на титульном листе, она является пособием «<...> для законоучителей при преподавании Закона Божия вообще и катихизиса в особенности в высших и средних учебных заведениях, <...> для пастырей церкви при составлении ими катехизических поучений и других видов церковной проповеди и при проведении внебогослужебных собеседований с народом, <...> для родителей и воспитателей при религиозно-нравственном обучении». Тем не менее, в этой книге цитируются размышления Руссо о Евангелии и Иисусе Христе из «Исповедания веры савойского викария», хотя оговаривается: «Вот какое впечатление они (евангелия. — А. З.) сделали на Руссо, не отличавшегося, как известно, верою».¹³ В XX веке этот сборник издавался еще несколько раз, и также в нем цитировались размышления Руссо.¹⁴ Этот же отрывок из «Исповедания веры савойского викария» приводится и в брошюре «Мнение Наполеона и Руссо о божественности Иисуса Христа и святости Евангелия», одобренной духовной цензурой и напечатанной в 1900 г.¹⁵ Однако разрешение духовной цензуры брошюры получила не сразу, в 1882 г. оно не было получено.¹⁶ После более чем восьмидесятилетнего перерыва со времени публикации Е. Дельсаль «Исповедание

¹³ Дьяченко Г. М. Уроки и примеры христианской веры: Опыт катехизической хрестоматии / 3-е, вновь пересмотренное и значительно дополненное изд. М., 1894. С. 223; 4-е изд.: М., 1894. С. 223.

¹⁴ Дьяченко Г. М. Уроки и примеры христианской веры: Опыт катехизической хрестоматии. СПб., 1900. С. 213; 2-е изд.: СПб., 1902. С. 213; 3-е изд.: Пг., 1914. С. 213

¹⁵ Мнение Наполеона и Руссо о божественности Иисуса Христа и святости Евангелия. [Одесса], 1900. С. 3.

¹⁶ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Год 1882. № 1681. Л. 6.

веры савойского викария» вышло в свет только в 1903 г. в издательстве «Посредник»,¹⁷ однако перевод был несовершенен и с большими сокращениями, другой перевод вышел в 1908 г. под заглавием «О Боге». Здесь так говорилось о переводе «Посредника»: «В нашей книге читатель найдет полностью перевод „Исповеди Савойского викария“ без произвольного, больше чем наполовину сокращения его, как это почему-то сделано в издании „Посредника“, и без тех вольностей, которые допущены в этом издании и свидетельствуют лишь о том, что переводчик подчас совершенно не понимал текста».¹⁸ В составе «Эмиля» «Исповедание веры савойского викария» появляется только в 1911 г. в переводе П. Первова,¹⁹ а затем в 1912 и в 1913 гг. в переводе М. А. Энгельгардта.²⁰ После Октябрьской революции «Эмиль» в дореволюционном переводе П. Первова был переиздан лишь в 1981 г. в составе двухтомника «Педагогических сочинений» (это сочинение Руссо занимает весь первый том),²¹ и тогда же, после почти семидесятилетнего перерыва, было вновь напечатано «Исповедание веры савойского викария».

Если цензура «Исповедания веры савойского викария» была цензурой религиозной, а затем, в годы советской власти, цензурой атеистической, то цензура «Общественного договора» имела политический характер.

Для Екатерины II в «Общественном договоре» были неприемлемы негативная оценка деятельности Петра I и пессимистические размышления «женевагражданина» об исторических перспективах России. Однако ввоз «Общественного договора» в Россию не был запрещен.²²

¹⁷ Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры савойского викария / Пер. А. Русановой. М., 1903.

¹⁸ Руссо Ж.-Ж. О Боге. СПб., 1908. С. 3–4.

¹⁹ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Пер. П. Первова. М., 1911.

²⁰ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Пер. с фр. М. А. Энгельгардта. СПб., 1912; Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Пер. с фр. М. А. Энгельгардта. СПб., 1913.

²¹ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. М., 1981. Т. 1.

²² Ретинский Г. К. Цензура в России при императоре Павле // Русская старина. 1875. Ноябрь. С. 458; Также см.: Айзеншток И. Французские писатели в оценках царской цензуры // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 776.

Перевод этого произведения Руссо, хотя не существовало формального запрещения, фактически был под запретом. Даже стихотворение В. В. Попугаева под названием «Ода на пропуск „Contrat social“» было вычеркнуто из сборника «Минута муз» цензором.²³ Мало имеется и рукописных переводов «Общественного договора». Один из немногих — перевод начала XIX века, подготовленный к печати, но не напечатанный.²⁴ Он написан архаичным языком, и, возможно, по цензурным причинам ключевые понятия политической теории Руссо *souverain* и *souveraineté* переводятся как *самодержец* и *самодержавие*. Если «Исповедание веры савойского викария» вызывало интерес в обществе, высоко ценилось в масонских кругах, то «Общественный договор» использовался мыслителями выборочно, он рассматривался скорее как утопия.

В эпоху «дней Александровых прекрасного начала» появляются переводы отрывков из «Общественного договора». В начале XIX века в сборнике «Мысли Ж.-Ж. Руссо, женеvского философа» публикуются отрывки из «Общественного договора», имеющие республиканский характер. И сборник «Дух, или Избранные мысли Ж.-Ж. Руссо» (пер. И. Мартынова. СПб., 1801; 2-е изд.: СПб., 1822), и сборник «Мысли Ж.-Ж. Руссо, женеvского философа» (пер. М. Прокоповича. М., 1804; 2-е изд.: М., 1825) являются переводами из издания «Les pensées de J.-J. Rousseau, citoyen de Genève» (Amsterdam, 1763). В обоих русских переводах воспроизведен не весь амстердамский сборник. В сборнике «Мысли Ж.-Ж. Руссо, женеvского философа» появляются отрывки из «Общественного договора» по следующим темам: «Народы», «Правительство», «Государь и государство», «Законодатель», «Закон», «Деспотизм», «Свобода», «Зависимость». В них излагается учение о договоре ассоциации и суверенитете народа, т. е. основное идейное содержание «Общественного договора». Поэтому в сборнике появляются явные антимонархические, республиканские мотивы, в частности, цитируется характеристика, данная «женеvским гражданином» монархии в сравнении с республикой: «Стоит только взглянуть на гордость

²³ Поэты-радищевцы. М., 1935. С. 788.

²⁴ РНБ. Q II. № 26. Отрывки напечатаны в антологии: Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. СПб., 2005. С. 55–68.

дворян в монархических правлениях: с каким напряжением произносятся они сии слова *услуга* и *служить* <...>. Сколько они презируют республиканцев, которые только пользуются одной свободой, и кои подлинно благороднее их».²⁵ Однако эти отрывки опубликованы только в одном сборнике отрывков из произведений Руссо. В другом сборнике, также являющемся переводом амстердамского издания, «Дух, или Избранные мысли Ж.-Ж. Руссо» помещены в основном отрывки из «Эмиля».

В годы николаевского царствования изложение политических и религиозных идей Руссо сталкивалось с усилением цензурных запретов, переводы его произведений не печатались.²⁶

Начиная с 1880-х гг. в российском обществе растет интерес к идеям Руссо. В то же время начинается углубленное научное исследование его политических и религиозных идей.

В 1872–1873 гг. было разрешено к ввозу и полное собрание сочинений Руссо на французском языке, включавшее и «Общественный договор», однако ввоз «Общественного договора» отдельно на французском языке был запрещен даже в 1905 г. Выдержки из «Общественного договора», приведенные в сборнике отрывков из произведений Руссо на французском языке, были первоначально исключены иностранной цензурой, но затем разрешены в 1897 г.²⁷ В 1887 г. А. С. Алексеев в своей книге «Этюды о Руссо» впервые в мировом руссоведении напечатал на языке оригинала по архивным источникам первоначальный вариант «Общественного договора». Хотя теория общественного договора, с 1870–1880-х гг. излагалась и исследовалась в многочисленных курсах истории политических учений, научных статьях и моно-

²⁵ Мысли Ж.-Ж. Руссо, женеvского философа / Пер. М. Прокоповича. М., 1804. С. 183; Мысли Ж.-Ж. Руссо, женеvского философа / Пер. М. Прокоповича. 2-е изд. М., 1825. С. 226–227.

²⁶ См.: *Айзеншток И.* Французские писатели в оценках царской цензуры... С. 780; Отношение Председателя комитета 2 апреля 1848 г. П. А. Ширинскому-Шихматову по поводу цензурных упущений в «Руководстве ко всеобщей истории» Ф. Лоренца и о пробеле цензурирования учебных пособий 21 февраля 1850 г. № 45 // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra... С. 212–214.

²⁷ *Айзеншток И.* Французские писатели в оценках царской цензуры... С. 781.

графиях, цензура особенно жестко относилась к переводам. В 1882 г. был запрещен перевод «Общественного договора» в «Библиотеке европейских писателей», вместо него были изданы отрывки из «Исповеди», причем цензор нашел в «Общественном договоре» и «крайне либеральные», и социалистические идеи.²⁸ Последняя попытка запретить «Общественный договор» датируется 1905 г.²⁹ Цензурные запреты пали только после революции 1905 г., и тогда за короткий промежуток времени вышли четыре издания основного политического труда «женевского гражданина».³⁰

После Октября, когда советская политическая система явно или неявно во многом испытала влияние руссоистской идейной традиции в ее якобинской интерпретации, «Общественный договор» издавался дважды большими тиражами: в 1938 г. отдельным изданием и в 1969 г. в составе сборника политических трактатов Руссо в переводе А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова.³¹

Несколько другой была цензурная история «Исповеди». Впервые знаменитое вступление к «Исповеди» было опубликовано в 1781 г. в книге А.-Г. Лебег де Преля «Выписка из уведомления о последнем времени жизни Жан-Жака Руссо, о приключении его смерти и какие

²⁸ Доклад цензора В. В. Юза и определение Петербургского цензурного комитета о запрещении опубликования в «Библиотеке европейских писателей» названного сочинения <«Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо> с приложением корректуры его перевода // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra... С. 279–280.

²⁹ *Айзеншток И.* Французские писатели в оценках царской цензуры... С. 781.

³⁰ *Руссо Ж.-Ж.* *Общественный договор* / Пер. В. Ютанова. М., 1906; *Руссо Ж.-Ж.* *Об общественном договоре, или Начала политического права* / Пер. Френкеля. М., 1906; *Руссо Ж.-Ж.* *Общественный договор, или Принципы политического права* / Пер. с фр. С. Нестеровой. М., 1906; *Руссо Ж.-Ж.* *Об общественном договоре* / Пер. Л. Неманова. СПб., 1907.

³¹ *Руссо Ж.-Ж.* *Об общественном договоре, или Принципы политического права*. М., 1938; *Руссо Ж.-Ж.* *Об общественном договоре, или Принципы политического права* // Руссо Ж.-Ж. *Трактаты*. М., 1969. С. 151–256. Перевод «Общественного договора», помещенный в «Трактатах», дважды переиздавался в недавнее время: *Руссо Ж.-Ж.* *Об общественном договоре: Трактаты*. М., 1998; *Руссо Ж.-Ж.* *Об общественном договоре: Трактаты*. М., 2000.

по нем остались сочинения».³² Однако об «Исповеди» знали и ранее. Например, говорится об «Исповеди» в некрологе Жан-Жака Руссо, напечатанном в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», что «Найдены в бумагах его <...> записки его жизни».³³ «Исповедь» много раз переводилась на русский язык, начиная с XVIII века. Первые шесть книг ее были переведены Д. С. Болтиным и опубликованы в 1797 г.³⁴ Для перевода было выбрано женевское издание 1782 г. первой части «Исповеди». Вторая часть в России не публиковалась до 1865 г., хотя она была выпущена в 1789 г. в Женеве, а в 1790 г. ее издает Дю Пейру.³⁵ До 1865 г. печатались также отрывки из «Исповеди».³⁶ Что касается цензурных изъятий, то в русском тексте 1797 г. они таковы же, как и в женевском издании 1782 г. Как отмечает Филипп Лежен относительно первого издания «Исповеди»: «Это удивительно, но первое издание „Исповеди“ (Женева, 1782) было сокращенным. Отсутствовали, в частности, наиболее непристойные пассажи: гомосексуальные предложения, которые юный Жан-Жак получил в приюте для новообращенных в Турине (книга II), сцены эксгибиционизма (книга III) и вновь гомосексуальные предложения, полученные в Лионе (книга IV) — в общей сложности было выпущено около двенадцати

³² *Лебег де Прель А.-Г.* Выписка из уведомления о последнем времени жизни Жан-Жака Руссо, о приключении его смерти и какие по нем остались сочинения, писанного на французском языке г. Любег-Дюпрелем, доктором в Париже и цензором королевским в 1778 году / Пер. с прибавлением некоторых новейших примечаний, с описанием гробницы Жан-Жака и сочиненной ему эпитафии 1780 года, сентября 10 дня. СПб., 1781. С. 43–46.

³³ Санкт-Петербургские ведомости. 1778. 7 авг. (№ 63). Московские ведомости. 1778. 25 авг. (№ 68).

³⁴ Исповедание Жан-Жака Руссо, уроженца и гражданина женевского / Пер. с фр. яз. Дмитрий Болтин. М., 1797. Ч. 1–2: В Женеве.

³⁵ *Gagnebin B.* Notices bibliographiques // Rousseau J.-J. Œuvres complètes. Paris, 1959. Т. 1. P. 1896–1898.

³⁶ Цитату из «Исповеди», напр., см.: Библиотека ученая, экономическая, правоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1796. Ч. 6. С. 149–150; отрывок из книги IV «Исповеди» см.: Корифей. 1803. [Ч. 1. Кн. 4]. С. 61–65.

страниц».³⁷ Цензурные изъятия с небольшими вариантами происходили в течение и XIX, и XX века, в дореволюционное и в советское время.

В частности, и в дореволюционное (с 1865 г.), и в советское время полностью или частично цензурировались: гомосексуальная сцена в приюте для новообращенных в Турине (книга II) и гомосексуальные сцены в Лионе (книга IV). Нравственная цензура, которой подвергалась «Исповедь», точно отражала ситуацию в обществе. Можно сказать, что в нравственной области представления общества о дозволенном и недозволенном двигались по спирали. Уже то, что в 1865 г. появляется первый полный (хотя и с цензурными изъятиями) перевод «Исповеди», говорит об общественных переменах по сравнению с николаевским царствованием. С 1865 по 1917 г. появилось девять изданий «Исповеди» на русском языке, из них семь изданий полных, одно издание в отрывках и одно не оконченное (напечатаны только книги 1–8). В основном это были отдельные издания, но публиковалась «Исповедь» и в журнале «Пантеон литературы».³⁸

Полное издание «Исповеди» без цензурных изъятий — это издание перевода под редакцией Н. А. Бердяева, вышедшее в Киеве в 1905 г. Без цензурных изъятий было и издание под редакцией Бердяева 1904 г., но оно было неполным. Вышло только два из двенадцати заявленных томов собрания сочинений Руссо, в них были напечатаны первые восемь книг «Исповеди», последние четыре книги опубликованы

³⁷ *Lejeune Ph.* Rousseau coupé // Genève, censure, autocensure. Paris, 2005. P. 37.

³⁸ *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь: В 2 ч. / Пер. Ф. Н. Устрялова. СПб., 1865; *Руссо Ж.-Ж.* [Отрывки из «Исповеди»]: [С биографическим очерком Руссо]. СПб., 1882; *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь / Пер. Я. Н. Б-ского и г-жи Чуйко // Пантеон литературы. 1892. № 1 (март). С. 20–52; № 2 (июнь). С. 54–68; № 3 (сентябрь). С. 69–128; № 4 (декабрь). С. 129–153; 1893. № 1 (март). С. 155–218; № 3 (сентябрь). С. 219–259; № 4 (декабрь). С. 259–354; 1894. № 1 (март). С. 355–386; № 3 (сентябрь). С. 387–418; № 4 (декабрь). С. 419–578; 1895. № 1 (март). С. 569–657; *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь / Пер. Ф. Н. Устрялова. СПб., 1898; *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь / Пер. с фр. под ред. С. С. Трубачева. СПб., 1901; *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь: [Кн. 1–8] // Руссо Ж.-Ж. Собрание сочинений: В 12 т. / Пер. под ред. Н. Бердяева. Киев, 1904. Т. 1–2; *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь / Пер. с фр. под ред. Н. А. Бердяева. Киев, 1905; *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь / Пер. с фр. Н. П. Маклецовою. СПб., [1914]; *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь / Пер. с фр. под ред. и со вступ. ст. Л. Е. Владимировой. СПб., 1914. Ч. 1–2.

не были.³⁹ Без цензурных изъятий планировалось и издание перевода «Исповеди» в советское время. Издательство «Academia» хотело издать собрание сочинений Руссо в двух томах,⁴⁰ т. е. предполагалось издать первую и вторую части «Исповеди», однако вышла в свет только первая часть.⁴¹ Здесь имеется и полностью сцена в приюте для новообращенных, и сцена в Лионе. Но вторая часть «Исповеди» так и не появилась в связи с разгромом издательства «Academia». Полностью «Исповедь» была издана в 1949 г., и здесь мы опять видим те же изъятия, что и до революции: пропущены несколько вольных фраз в сцене в приюте для новообращенных,⁴² а также сцена в Лионе. Эти изъятия также связаны с общественной атмосферой: эпоха революционной

³⁹ Этот перевод, отредактированный О. С. Вайнер, был переиздан в 2004 и в 2012 г. (фактически в 2011). См.: *Руссо Ж.-Ж. Исповедь* / Пер. под ред. Н. А. Бердяева и О. С. Вайнер. М., 2004. Восстановленные цензурные изъятия: С. 66, 167–170; *Руссо Ж.-Ж. Исповедь* / [Пер. с фр. под ред. Н. А. Бердяева и О. С. Вайнер]. М., 2012. Восстановленные цензурные изъятия: С. 65, 161–163.

⁴⁰ *Крылов В. В., Кичатова Е. В.* Издательство «Academia»: Люди и книги. 1921–1938–1991. М., 2004. С. 129.

⁴¹ *Руссо Ж.-Ж. Исповедь: В 2 т.* / Пер. М. Н. Розанова. М.; Л., 1935. Восстановленные цензурные изъятия: С. 97, 247–251.

⁴² Имеется в виду отрывок в издании 1935 г.: «Наконец постепенно он дошел до самых непристойных вольностей и, завладев моей рукой, хотел заставить меня делать то же самое. Я освободился стремительным движением, закричал и отпрыгнул назад, не выражая при этом ни возмущения, ни негодования, так как не знал в чем дело; я с такой энергией выражал свое удивление и отвращение, что он оставил меня; но, когда он заканчивал свое беснование, я увидел, как метнулось в сторону камня и упало на пол что-то липкое и беловатое, от чего меня стало тошнить». См.: *Руссо Ж.-Ж. Исповедь: В 2 т.* / Пер. М. Н. Розанова. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 97. В издании 1949 г. дано только начало: «Наконец он дошел до самых непристойных вольностей». См.: *Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя.* М., 1949. С. 86. Необходимо отметить, что первая фраза из этого отрывка в издании 1905 г. была переведена по соображениям цензуры (или самоцензуры) весьма неточно: «Наконец он решил перейти к ужаснейшим вольностям и побудить меня к тому же». См.: *Руссо Ж.-Ж. Исповедь* / Пер. с фр. под ред. Н. А. Бердяева. Киев, 1905. С. 93. В современном переиздании под редакцией О. С. Вайнер дан точный перевод. См.: *Руссо Ж.-Ж. Исповедь* / Пер. под ред. Н. А. Бердяева и О. С. Вайнер. М., 2004. С. 66; *Руссо Ж.-Ж. Исповедь* / Пер. под ред. Н. А. Бердяева и О. С. Вайнер. М., 2012. С. 65.

ломки (в том числе и в сексуальной сфере) закончилась, наступила эпоха «сталинской реставрации» конца 1940-х гг. Издание 1949 г. с небольшой правкой воспроизводилось в 1961 и в 1996 г., а также совсем недавно в 2011 г.⁴³ Однако если до революции цензурные изъятия часто обозначались отточиями, то в СССР официальной цензуры не было, и цензурные изъятия никак не обозначались. В результате сам факт, что в «Исповеди» издания 1949 г. и в последующих изданиях были цензурные купюры, оказался прочно забытым. Так можно объяснить то, что в издании «Исповеди» с новыми комментариями и правкой перевода, вышедшем в свет в 2004 г. и переизданном в 2010 и в 2011 г., эти купюры не восстановлены.⁴⁴ Единственным переводом, вышедшим в XXI веке без цензурных купюр, является вышеупомянутое переиздание перевода под редакцией Н. А. Бердяева.⁴⁵

Итак, при переменах в политическом строе изменяется цензурная судьба религиозных и политических идей и произведений «жениевского гражданина». Перевод «Общественного договора» не печатался по цензурным причинам вплоть до первой русской революции 1905 г., а затем в годы советской власти пропагандировался и издавался большими тиражами, а что касается «Эмилия», то религиозная цензура сменилась цензурой атеистической. Изменения в нравственной цензуре развиваются по спирали: периоды революционной ломки и отмены ограничений сменяются возвращением к старым запретам.

⁴³ Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: В 3 т. М., 1961. Т. 3. Цензурные изъятия: С. 64, 150; Руссо Ж.-Ж. Избранное: Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М., 1996. Цензурные изъятия: С. 57, 138; Руссо Ж.-Ж. Исповедь / Пер. с фр. [М. Розанова, Д. Горбова; предисл. И. Верцмана; коммент. Д. Горбова]. М., 2011. Цензурированы с. 83 и 193.

⁴⁴ Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. Рассуждение о науках и искусствах. Рассуждение о неравенстве / [Сост., вступ. ст. и примеч. В. Мильчиной]. М., 2004. Цензурированы с. 76, 161; Руссо Ж.-Ж. Исповедь; Прогулки одинокого мечтателя / [Сост., вступ. ст. и примеч. В. Мильчиной]. М., 2010. С. 76, 161; Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя / [Сост., вступ. ст. и примеч. В. Мильчиной]. М., 2011. С. 76, 161.

⁴⁵ См. примеч. 39.

М. Г. Альтшуллер

**ЧЕЙ ПЕРЕВОД «ЗОЛОТОГО ОСЛА»
ЧИТАЛ ПУШКИН «В САДАХ ЛИЦЕЯ»
(Из комментария к «Евгению Онегину»)**

Первая строфа «главы осьмой» «Евгения Онегина» начинается воспоминаниями о юности поэта:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал¹ <...>

Речь здесь идет, конечно, о знаменитом романе Апулея «Золотой осел». Вряд ли 15–16-летний юноша читал его в оригинале. «Язык Апулея, отличающийся стилистическим разнообразием и „африканской напыщенностью“ (tumor Africus), был труден для понимания ученику Лицея <...>».² Это замечание совершенно справедливо. Латинский язык Апулея действительно изыскан и необычайно сложен. Исследователь С. П. Маркиш так характеризует его: «Виртуозность

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1995. Т. 6: Евгений Онегин. С. 165.

² Федотова С. Б. Апулей // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 31. Характеристику сложного языка и стиля Апулея см.: Апулей. Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы в XI книгах. Флориды. М., 1956. С. 373–376 (Лит. памятники).

словесного жонглера, его страстность и порывистость, безумная расточительность в средствах языка, причудливая пестрота и вульгарный подчас тон».³ Естественно, возникает вопрос, в каком переводе знакомился Пушкин с приключениями Луция, превращенного волшебной мазью в осла.

Комментаторы склоняются к мысли, что это были французские переводы. Приведем толкование В. В. Набокова:

Луций Апулей, латинский автор второго века, создатель «Метаморфоз» (также известных под названием «Золотой осел» — в подражание грекам), которые в России читались главным образом в безвкусных французских переложениях, например, аббата Компена де Сен-Мартена («Les Métamorphoses, ou l' Ane d' or d' Apulée», 2 тома, Париж, 1707, и последующие издания), на них основывается и тяжеловесная русская версия Ермила Кострова (Москва, 1780–81). Некогда знаменитая история приключений рассказчика, превращенного в осла, содержит несколько блестящих эротических эпизодов, но в целом покажется сегодняшнему читателю еще скучнее, чем Пушкину в 1815 г. или Монтеню в 1580 казался Цицерон».⁴

Можно поспорить, насколько Апулей «скучен» современному читателю, а Пушкину он и вовсе не был скучен! Несправедлив эпитет «тяжеловесный»⁵ для легкого и удобочитаемого перевода Кострова, о котором спустя почти сто лет писали, что «язык Кострова в переводе Апулея по большей части прост и естествен».⁶ Неверно и утверждение, что русская версия Апулея основывается на французском тексте: Костров переводил с латинского. По крайней мере, так написано на титульном листе. Вполне вероятно, что ввиду сложности латинского

³ Апулей. Апология... С. 374.

⁴ Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М., 1999. С. 683–684; возможно, имеется в виду следующее место из «Опытов» Монтеня «О книгах»: «... Цицерон ходит вокруг да около. Его манера хороша для школы, для адвокатской речи, для проповеди, когда мы можем себе позволить вздремнуть немного и еще через четверть часа вполне успеем уловить нить изложения». См.: Монтень М. Опыты. Избранные главы. М., 1991. С. 229.

⁵ В оригинале: «clumsy» — скорее: «неуклюжий».

⁶ Х<аненко> И. Несколько слов о Кострове и о переведенной им книге Апулея «Золотой осел» // Русский архив. 1870. № 3. С. 717.

текста переводчик мог обращаться и к французским версиям.⁷ Поскольку Набоков говорит, что «Золотой осел» читался «главным образом в безвкусных французских переводах», то он, очевидно, склоняется к мысли, что и Пушкин читал их.

Ю. М. Лотман, возможно, следом за Набоковым, категорически утверждает: «Изобилующий фантастическими и эротическими эпизодами роман Апулея „Золотой осел“ был популярен в XVIII веке. П<ушкин> читал его по-французски».⁸

Третий комментатор, М. В. Строганов, допускает возможность чтения русского текста: «Пушкин мог читать и русский перевод Е. И. Кострова <...>».⁹

С. Б. Федотова постулирует равновероятные возможности: «<...> Пушкин читал „Золотого осла“, вероятно, или в русском переводе Е. И. Кострова, или во французском переводе».¹⁰

Думается, можно с большой долей вероятности говорить, что Пушкин читал русского Апулея. Именно эта книга имела, но не сохранилась в его библиотеке.¹¹ Французский перевод, сохранившийся в пушкинском собрании, был издан в 1835 г. и, очевидно, был приобретен в последние годы жизни, что, кстати, свидетельствует о возобновившемся интересе поэта к Апулею: в первом томе разрезана его биография.¹²

Кстати, незначительный эпизод, рассказанный И. П. Липранди, кажется, подтверждает первоначальное знакомство Пушкина именно с русским текстом: «Однажды, завернув к Пушкину, я его застал отвечающим Скине¹³ на записку, при которой этот прислал ему „Les méta-

⁷ Об этом, например, свидетельствует употребление варианта имени «Фотиса», вместо «Фотида», как в переводе М. А. Кузмина.

⁸ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1980. С. 337.

⁹ Онегинская энциклопедия: В 2 т. М., 1999. Т. 1 С. 58 («Апулей»).

¹⁰ Федотова С. Б. Апулей... С. 31.

¹¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Приложение к репринтному изданию. М., 1988. С. 12.

¹² Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиогр. описание): Отд. отт. из изд.: Пушкин и его современники. М., 1988. Вып. 9–10. С. 160.

¹³ Иван Скина — грек, участник войны с турками. См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 401.

morphoses“ d’Apulée. На вопрос мой, что ему вздумалось читать эту книгу, он отвечал, что давно желал видеть французский перевод <...>.¹⁴ Эпизод настолько незначителен, что вряд ли мог быть придуман или вызван какими-либо ошибками памяти. Следовательно, раньше французский перевод Пушкину не попадался, т. е. он читал Апулея по-русски.

К личности Кострова Пушкин испытывал интерес с самой ранней юности, а может быть, и с детства, когда он мог слушать рассказы И. И. Дмитриева, хорошо его знавшего и сохранившего многие анекдоты о жизни, внешности, поведении вечно пьяного, безалаберного и добродушного поэта. О Кострове мог рассказывать лицеистам и Н. Ф. Кощанский, восхищавшийся его стихами.¹⁵

В одном из самых ранних, первом напечатанном стихотворении Пушкина «К другу-стихотворцу» (1814), к которому мы еще вернемся, есть сочувственные строки, характерные для романтического восприятия судьбы творческой личности. Эти строки ставят Кострова в ряд несчастных, нищих и знаменитых поэтов:

Катится мимо них Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камюэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Пушкин помнил Кострова до конца жизни. В «Table-talk» (1835–1836), через несколько лет после «главы осьмой» и за год до смерти, он написал о Кострове несколько доброжелательных абзацев.

Все это позволяет думать, что молодой поэт предпочел прочесть забавный античный роман именно в русском переводе писателя, который был ему интересен и симпатичен с самого детства.

¹⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 293. «Летопись жизни и творчества Александра Пушкина» датирует этот эпизод предположительно 2 июня 1822 г. См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. М., 1999. Т. 1. С. 250.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1: Лицейские стихотворения 1813–1817. С. 562.

Антитеза, с которой начинается восьмая глава, на самом деле более сложна, чем это представляется при первом чтении. Альтернатива «Апулей — Цицерон» предполагает противопоставление скучного школьного урока чтению фривольного романа. «В Лицее изучение текста Вергилия и Цицерона предполагалось по предварительной программе <...> на 5-м курсе, т. е. в 1815–1816 гг.»¹⁶ Латинский язык в 1816 г. преподавал П. Е. Георгиевский, «лекции которого, несмотря на обширные познания, отличались некоторой сухостью и академичностью».¹⁷ Естественно, что юный поэт предпочитал, сбежав с урока, не только вместо Цицерона читать соблазнительного Апулея, но и лазать по крышам:

<...> ленился и проказил,
По кровле и в окошко лазил,
И забывал *Латинский класс*¹⁸ (курсив мой. — М. А.).

Однако в самом начале работы, в первом черновике, антитеза носила несколько иной характер:

Читал украдкой Апулея,
А над Вергилием зевал.¹⁹

Сначала обратим внимание на наречие «украдкой». Даже спустя сто лет после появления русского Апулея он считался совсем не подходящим для отроков: «Разумеется, эта книга в целом не есть кодекс морали, и она не для чтения женщин и детей <...>».²⁰ Надо думать, что

¹⁶ Покровский М. М. Пушкин и античность // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Вып. 4–5. С. 35. Ср.: Дней Александровых прекрасное начало... Пушкинский Лицей: наставники и питомцы. СПб., 1996. С. 78 («Недельное расписание занятий в Лицее в 1816 году»).

¹⁷ Дней Александровых прекрасное начало... С. 67.

¹⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 507 (Черновая рукопись. 24 декабря 1829 г.).

¹⁹ Там же.

²⁰ Х<аненко> И. Несколько слов о Кострове... С. 718. Как пишет современный исследователь, слово «украдкой» подразумевает, что «в „Золотом осле“ изначально есть нечто сладостно-запретное». См.: Бетеа Д. Мифопоэтическое сознание Пушкина: Апулей, «Купидон и Психея» и тема метаморфозы в «Евгении Онегине» // Пушкинская конференция в Стэнфорде: 1999. Материалы и исслед. М., 2001. С. 215.

и в Лицее педагоги отнюдь не поощряли, наверное, даже запрещали подобное чтение. Но своевольный и упрямый ученик «украдкой» глотал запретные страницы. Естественно, что в подобном возрасте его прежде всего занимали эротические эпизоды. В переводе Кострова он мог насладиться ими в полной мере. Приведем для примера рассказ Луция о его любовном свидании со служанкой Фотисой:

<...> имея лук свой напряжен, боюсь, чтоб тетива моя от сильной натуги не прервалась <...> <Фотиса> предстала пред меня для любовных утех. Как Венера, из волн морских исходящая, она румяною рукою на обнаженные и безволосые свои члены, казалось, больше тень наводила, нежели покрывала их от стыда; «сражайся, — говорила она мне, — но сражайся храбро; ибо я тебе не уступлю места и не обращу в тыл; воюй лицом к лицу, если ты мужествен; противоборствуй и закалай меня, ожидая сам себе смерти. Настоящая война не терпит медления». Сие проговоря, вскочила ко мне на кровать и сладостями Венеры насыщала меня дотоле, пока оба мы, душою и телесными изнемогши членами, утомились, изливая дух свой друг ко другу в объятия.²¹

Мы видим, что, за исключением нескольких устарелых служебных слов (*нежели, ибо, дотоле*) и форм (*закалай*), язык Кострова в достаточной мере легок и непринужден, мало отличается даже от современного. Это должно было привлекать именно к русскому переводу заветной книги «украдкой» читавшего ее отрока.

Вернемся, однако, к литературному контексту цитируемого черного варианта восьмой главы «Евгения Онегина». Имя Вергилия прежде всего напоминает нам величественную «Энеиду», прославляющую в исторической перспективе расцвет Римской империи при императоре Августе. Можно усмотреть некоторое пародическое сходство между «Энеидой» и «Золотым ослом». В первой странствует герой Троянской войны в поисках земли для основания могучего государства. Во втором странствует осел в поисках лепестков розы, чтобы сбросить уродливое обличье и снова стать человеком. Эней в пещере соединяется с карфагенской царицей Дидоной, о чем целомудренно рассказы-

²¹ Анулей. «Золотой осел» / В переводе Ермила Кострова: Кн. 1–3. Madrid, 2009. С. 59–60.

вает Вергилий в «Энеиде». Осел-Луций совокупляется с похотливой матроной, о чем со всеми подробностями повествует Апулей и пр.²²

Вместе с тем, в стихах Пушкина за Апулеем и Вергилием угадываются имена их русских переводчиков. В России переводчиком «Энеиды» был В. П. Петров (1738–1799). Вергилий в своей поэме прославил императора Августа. Переводя «Энеиду», перенося на русскую почву памятник древности, Петров прославлял тем самым и «российского Августа» — премудрую императрицу Екатерину. Об этом он сам и заявил недвусмысленно в конце «Предуведомления» к переводу первой песни:

Я в начале труда оными стихами, которые Вергилий прилагает к Августу, <...> имею множайшие и справедливейшие причины воззвать к покрывающей меня монархине:

Ты пети мне велишь, владычица сердец!
Тебе моих трудов начало и конец.²³

Петров был любимцем Екатерины, дружил с Потемкиным, был не только библиотекарем, но переводчиком и чтецом императрицы, постоянно находился во дворце. Монархиня высоко отозвалась о его даровании в европейской печати, дав ему лестную характеристику в своей книге «Антидот» (1770): «Сила поэзии этого молодого автора уже приближается к силе Ломоносова, и у него более гармонии <...> стихотворный перевод „Энеиды“ обессмертит его».²⁴

Обласканный судьбою Петров отличался приятной внешностью. «Лицо его, судя по портрету, было благородно и величественно <...> <он> был, говорят, важной наружности», — вспоминал М. А. Дмитриев.²⁵

²² Вергилий Публий Марон. Собрание сочинений. СПб., 1994. С. 183; Апулей. Апология... С. 285–286.

²³ Вергилий Публий Марон. Еней: Героическая поэма / Публия Вергилия Марона / Пер. с лат. Васильем Петровым. [СПб., 1770]: Без пагинации («Предуведомление»).

²⁴ Цит. по изд.: Кочеткова Н. Д. Петров Василий Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 426.

²⁵ Дмитриев М. А. Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 156–157.

А переводчик озорного Апулея? О невзрачной наружности Кострова говорят все мемуаристы:

<...> человек самой неряшливой внешности <...> невысокий, с лицом большим, по которому у него выступали красные пятна, особенно нос его отличался багрово-красным цветом. Платье его было всегда изношено, особенно локти всегда были протерты, зато парик его был напудрен, убран в букли и при густо напомаженной косе. Этого требовал тогдашний этикет <...>. Впрочем, нередко случалось, что лицо Кострова было все засыпано мукою, букли и прическа растрепаны, и из них выпадали шпильки; коса тоже лезла из ленты и рассыпалась по плечам. А худой испачканный камзол едва держался на плечах, а сам поэт шатался.²⁶

Что же касается отношений с сильными мира сего, то вот один из выразительных анекдотов, о несостоявшемся общении Кострова с императрицей:

В бытность свою в Москве Екатерина II поручила И. И. Шувалову пригласить Кострова к столу своему. Этот истинный и незабвенный мещенат тотчас призвал к себе Кострова, велел одеть его за свой счет и убеждал его неотменно явиться трезвым в назначенный день к нему, чтобы вместе ехать во дворец. Настает день и час. Шувалов беспрестанно посылает за Костровым; но его нигде не нашли. Шувалов принужден был ехать один во дворец и извиняться перед императрицей болезнью поэта. Недели через две является Костров к своему начальнику, который с добродушием сказал ему: «Не стыдно ли тебе, Ермил Иванович, променять дворец на кабак?» — «Побывайте-ка, Иван Иванович, в кабаке; право, не променяете его ни на какой дворец!»

Вельможа, пожав плечами, отвечал на столь хорошо знакомом поэту латинском языке: «De gustibus non disputandum est».²⁷

Костров, завсегдатый кабаков и борделей, избегавший дворцов и пышных хором, наверное, чуждался процветающего придворного, холеного собрата по перу. Во всяком случае, «трезвый, он не любил стихов Петрова».²⁸

²⁶ Пыляев М. И. Старый Петербург. Л., 1990 С. 172–173. В своем рассказе М. И. Пыляев опирался на воспоминания М. Н. Макарова. См.: Макаров М. Н. Карин и Костров. Записки прежних лет // Маяк. 1840. Ч. 4. С. 135–139.

²⁷ О вкусах не спорят (*лат.*). См.: Русская старина, ежемесячное историческое издание. СПб., 1904. Т. 119. С. 656–657.

²⁸ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 69.

В «главе осьмой» «Евгения Онегина» зрелый поэт вспоминает литературные впечатления ранней юности. Тогда в его сознании сложилось яркое романтическое противопоставление сервильного, преуспевшего царедворца и независимого нищего поэта, избегающего царских чертогов.²⁹

Сервилизм Петрова, его тяжеловесные и неумеренные восхваления императрицы вызвали многочисленные остроумные и злые насмешки современников. Особенно доставалось «Энеиде». Противопоставив Вергилия — Апулею, т. е. «Энеиду» — «Золотому ослу», Пушкин, очевидно, вспомнил одного из самых остроумных противников Петрова. В беловых рукописях вдруг вместо Апулея появилась строка: «Читал охотно Елисея».³⁰

«Елисей, или раздраженный Вакх» — знаменитая ирои-комическая поэма В. И. Майкова (1728–1778), вышедшая из печати в 1771 г. Эта поэма представляет собою развернутую травестию «Энеиды» и с самой первой страницы высмеивает русский ее перевод и переводчика. Уже в коротком обращении «К читателю» Майков намекает на пространное «Предупреждение» Петрова к первой песни (14 страниц), называя его «огромным предисловием», а его автора «скардным писцом».³¹

Каждая книга русской «Энеиды» открывается подробным изложением ее содержания. Майков в начале поэмы помещает подробный прозаический пересказ всех ее пяти песен. Первые строки поэмы Майкова пародируют начало первой песни «Энеиды». Ср.:

Пою стаканов звук, пою того героя,
Который, во хмелю беды ужасны строя <...>
(«Елисей»).

²⁹ Эти романтические образы, однако, не помешали Пушкину тогда же, в ранней юности, упомянуть с похвалой Петрова рядом с Державиным в числе одических стихотворцев, воспевающих славу России: «Державин и Петров героям песнь бряцали / Струнами громозвучных лир». См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1994. Т. 1: Лицейские стихотворения. С. 61 («Воспоминания в Царском селе», 1814).

³⁰ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1995. Т. 6: Евгений Онегин. С. 619.

³¹ *Майков В. И.* Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 73. Далее страницы этого издания указываются в тексте в круглых скобках.

Пою оружий звук и подвиги героя,
Что первый, как легла вся в прах от греков Троя³² <...>
(«Энеида»).

Основные эпизоды «Елисея» соответствуют содержанию «Энеиды». Покинув Троию с помощью богов, Эней после долгих опасных странствий достигает Карфагена, где в него влюбляется царица Дидона. Будучи посажен за драку в полицейский участок, Елисей с помощью Ермия (Гермеса) попадает в работный дом (тюрьму для проституток), где в него влюбляется начальница.

Эней подробно повествует о своих злоключениях: Троянский конь, кровавая битва, пожар и разрушение Трои и пр. Елисей пространно (283 стиха!) рассказывает начальнице о битве за покосы между мужиками Валдая и Зимногорья. Как и в «Энеиде», где рассказ Энея переходит из второй книги в третью, рассказ Елисея, начавшись во второй песне, заканчивается в третьей. Особую пикантность повествованию Елисея придает то обстоятельство, что женщины Валдая и Зимногорья славились своим распутством.³³

Пародирует Майков и самый знаменитый и самый трагический эпизод «Энеиды». Эней, побуждаемый богами, вынужден покинуть Дидону. Она приказывает сестре сложить костер, на котором сожгут ее тело после самоубийства. На этот костер кладут:

³² Вергилий. Еней: Героическая поэма... С. 2. См.: Поэты XVIII века. Л., 1958. Т. 2. С. 496–500 (Примеч. И. З. Сермана).

³³ Об этом подробно написал Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву: «...кто не знает валдайских баранок и валдайских развращенных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают <...> Нравы валдайские переселились и в близь лежащий почтовый стан Зимногорье». См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 300 («Путешествие из Петербурга в Москву»; глава «Валдай»). Позднее писал об этом и Пушкин:

У податливых крестьянок
Чем и славится Валдай)
К чаю купи баранок
И скорее поезжай.

См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1995. Т. 3. Ч. 1: Стихотворения 1826–1836. Сказки. С. 35 (<Из письма к Соболевскому>).

Одежду, что носил ее виновник бедств,
Кинжал и образ, кой ей был всего дороже,
Днесь гнева стал предлог, велит вознесть на ложе.³⁴

Побуждаемый Вакхом Елисей покидает начальницу:

Подобно как Тезей оставил Ариадну
И так же изменил любовнице Эней,
Так сделал со своей старушкой Елисей <...>

Оставил он свои и бѣрты и камзол,
Оставил и ее во сне, а сам ушел (110).

В отличие от Дидоны, начальница тюрьмы для проституток скоро утешилась:

Хотя тому прошло не много дней,
Как отбыл от сея Дидоны прочь Эней,
Но она не так, как прежняя, стенала
И с меньшей жалостью Елесю вспоминала;
Она уже о нем и слышать не могла,
Портки его, камзол в печи своей сожгла,
Когда для пирогов она у ней топилась,
И тем подобною Дидоне учинилась (112).

Пушкин очень любил и хорошо помнил «Елисея». Реминисценции из этой поэмы прослеживаются в «Руслане и Людмиле».³⁵ Особенно запомнился ему эпизод с доморощенной Дидоной. Когда А. А. Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) заметил, что Майков «оскорбил общественный вкус своею поэмою „Елисей“»,³⁶ Пушкин немедленно вступился за любимого поэта, цитируя полюбившиеся ему стихи:

<...> зачем <...> обижать Майкова. Елисей истинно смешон. Ничего не знаю забавнее обращения поэта к порткам:

³⁴ *Вергилий*. Еней: Героическая поэма... С. 34.

³⁵ *Альфиуллер М. Г.* Между двух царей. Пушкин, 1824–1836. СПб., 2003. С. 303–305.

³⁶ *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 527.

Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда!

А любовница Елисея, которая сожигает его штаны в печи,

Когда для пирогов она у ней топилась;
И тем подобною Дидоне учинилась.

<...> все это уморительно.³⁷

Так в работе над вариантами первых стихов «главы осьмой» (самый конец 1829 — 1830 г.) вспоминались Пушкину литературные впечатления ранней юности. Тогда его симпатии целиком были на стороне нищего поэта, а не льстеца-царедворца, а литературные вкусы влекли его от тяжеловесных классических поэм к веселому непринужденному слогу русских начинающих романтиков, отвращали от «Беседы любителей русского слова» и привели в «Арзамас».

Вспоминая дни своей молодости, сам тридцатилетний Пушкин был уже совсем другим. Он написал к тому времени державную, эпическую «Полтаву» и прославил Николая I в стихах «Стансы» и «Друзьям». Поэтому вместо упоминания о литературных и общественных баталиях, о которых он размышлял в годы своей либеральной юности, он нейтрально и добродушно рассказал, как отлынивал в школьные годы от скучных латинских занятий, предпочитая им чтение фривольного романа. Так появился далеко не лучший вариант с банальной глагольной рифмой: «расцветал — не читал» и с неуклюжей тавтологией, унылым повтором одного и того же глагола в двух строках:

*Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал* (курсив мой. — М. А.).

³⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1996. Т. 13: Переписка 1815–1827. С. 64 (Письмо к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г.).

Дж. Ларокка

**ОСВАЛЬДО ПЕРИНИ —
ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК А. П. СУМАРОВОВА
(Предварительные замечания)***

Внимание итальянских литераторов к русской культуре XVIII века обнаруживает себя в XVIII и XIX веках.¹

* Я хотела бы выразить благодарность А. О. Дёмину за то, что он подсказал мне тему этого исследования, за его советы и за предоставленное им сравнение двух печатных редакций «Синава и Тривора». Хочу также поблагодарить М. Джирарди, сотрудника Городской библиотеки Вероны, за оказанную мне помощь в архиве библиотеки и за предоставление еще не каталогизированных материалов, хранящихся в ней.

¹ В целом об итальянских переводах русской литературы XVIII в. см.: *Maver Lo Gatto A. I primi traduttori italiani di Krylov nell'edizione parigina del 1825 // Ricerche Slavistiche. XIV. 1966. P. 157–241; De Michelis C. G. Le traduzioni dal russo nel Settecento (Su una dimenticata versione dell' «Ode a Elisabetta» di Lomonosov // Premio città di Monselice sulla traduzione letteraria e scientifica. 10. Monselice, 1981. P. 25–31; De Luca I. Vincenzo Monti traduttore di I. A. Krylov // Vincenzo Monti fra magistero e apostasia / A cura di G. Barbarisi et al. Ravenna, 1982. P. 169–226; De Michelis C. G. Il «Mentzikoff»: una sconosciuta tragedia russa del Settecento? // Rassegna sovietica. 1984. P. 3–40; De Michelis C. G. L'abate Fortis traduttore di Caterina II // Europa Orientalis. 3. 1984. P. 103–112; Rossi Varese M. Una pagina nei rapporti culturali italo-russi. De Coureil e Lomonosov // Rassegna sovietica. 1985. P. 143–162; Giraud G. La traduzione veneziana della «Istorija gosudarstva rossijskogo» // Profili di storia veneta. Secc. XVIII–XX / A cura di U. Corsini. Venezia, 1985. 95–128; Ferrazzi M. Girolamo*

В 1840-е гг. в Вероне некоторое время жил малоизвестный, но весьма многосторонний литератор, заслуживающий особого внимания благодаря его интересу к русской культуре, истории и литературе. Это — историк, писатель, журналист, издатель и политический деятель Освальдо Перини (1826–1890), переводчик двух трагедий А. П. Сумарокова: «Синав и Трувор» и «Семира». Впервые они были опубликованы в 1879 г. и переиздавались в 1882 и в 1885 гг. Биография Перини до сих пор известна не полностью, в ней много лакун и загадок.

Он родился в 1826 г. в семье землевладельца (некоторые исследователи полагают, что он родился в Вероне).² Известно, что Перини учился в Вероне в первом классе гимназии, хотя в целом о его образовании данных мало. Согласно биографу Перини, недавно скончавшемуся сотруднику Веронской городской библиотеки Пино Симони, первые следы Перини обнаруживаются в 1844 г.: восемнадцати лет он оказался в Вероне в связи с весьма любопытным событием. В городке Сант’Анна-д’Альфаедо, недалеко от Вероны, скончался человек, очень известный в этих местах своей скупостью, личность которого до сих пор вызывает споры. Перини сочинил краткую поэму на его смерть, близко подражавшую контрреволюционной поэме «Bassvilliana»³ («Видение», 1793) Винченцо Монти (1754–1828), одного из его любимых поэтов, писателя и представителя итальянского неоклассицизма. Сочинение Перини имело огромный успех среди жителей городка, но вызвало гнев наследников покойного, обвинивших юного автора в клевете. Перини был осужден, но, принимая во внимание его юный возраст, была достигнута договоренность, что он поступит в Веронский институт.⁴

Murari Dalla Corte e il suo poema «Pietro il Grande, Imperadore I ed autocrata di tutte le Russie» // Studi Slavistici. 2010. P. 43–46.

² *Simoni P. Osvaldo Perini (Note biografiche)* // Studi storici veronesi Luigi Simoni. Verona, 1980–1981. Vol. 30–31. P. 503–504.

³ Поэма описывает загробное странствие души Н.-Ж.-Ю. Басвиля (Basseville, 1743–1793), секретаря делегации французского Конвента в Неаполе и в Риме, где он был зверски убит толпой за то, что велел носить своим людям революционную трехцветную кокарду.

⁴ *Simoni P. Osvaldo Perini (Note biografiche)*... P. 503–505.

В 1848 г. Перини все еще находился в Вероне и был свидетелем дней австрийского господства, которые потом он подробно и детально описал в «Трехлетнем Архиве итальянских дел» («Archivio triennale delle cose d'Italia»);⁵

Симони сообщает, что с 1849 по октябрь 1866 г. Перини находился в изгнании. С 1849 по 1853 г. он жил в городе Брено в Ломбардии, недалеко от Брешии, где преподавал в школе. После Брено он жил в Лугано, затем переехал в Кастаньола и Каполаго, где подружился с Каттанео, который спустя некоторое время ходатайствовал, чтобы Перини занял место профессора. В годы изгнания Перини занимался журналистской и политической деятельностью, сотрудничал с Швейцарской типографией Каполаго, которая была тайной типографией патриотов Рисорджименто, основанной журналистом и издателем Алессандро Репетти (1822–1890), и занимался тайным сбором информации и патриотической пропагандой. В 1853 г. Перини покинул Швейцарию, где прожил три года, и уехал в Турин, где нашел временную работу у Репетти. В 1862 г. мы находим его в Милане, а год спустя — на озере Гарда и потом в Комо. В 1866 г. Перини вернулся в Верону, где основал журнал «Веронский исторический архив» («Archivio Storico Veronese») и жил до своей смерти в 1890 г.⁶

Согласно списку его публикаций, единственной связью Перини с Россией представляются его переводы сумароковских трагедий.⁷ В исследованиях Симони данный эпизод предстает второстепенным и помещается в общий контекст переводческой деятельности Перини. По его

⁵ Это сериальное издание было основано в 1849 г. Карло Каттанео (1801–1869), итальянским политиком и деятелем объединения Италии, демократом, близким другом и заступником Перини.

⁶ *Simoni P. Osvaldo Perini (Note biografiche)...* P. 507–520. О журнале Перини и о его личности была опубликована очень резкая критическая статья литературоведа Дж. Броньолиго в журнале Бенедетто Кроче «La critica. Rivista di letteratura, storia e filosofia». *Brogno G. Appunti per la storia della cultura veneta in Italia nella seconda metà del secolo XIX // La critica. Rivista di letteratura, storia e filosofia. Anno XXII. Fasc. 2. 20 marzo 1924. P. 95–99.*

⁷ *Simoni P. Contributo per una bibliografia di Osvaldo Perini // Studi storici Luigi Simeoni. Verona, 1982. Vol. 32. P. 180–181.*

собственному свидетельству, он переводил с французского, английского и русского.⁸

Каковы же были отношения Перини с Россией и ее культурой? Ответ на этот вопрос, хотя и несколько тенденциозный и неполный, можно найти в предисловиях, которые он предпослал своим переводам трагедий Сумарокова. Согласно реконструкции хронологии сочинений Перини,⁹ его первый перевод — это пятое действие «Семиры», опубликованное в 1879 г. к свадьбе Лассотовича–Дионизи.¹⁰ В январе 1882 г. по случаю дворянской свадьбы Джулиари–Реведин Перини выпустил в свет первое действие «Синава и Трувора» в типографии своей жены Чезиры Норис.¹¹ В 1885 г. он опубликовал, опять в Вероне, в той же самой типографии, книгу «Русский театр. Две трагедии Александра Сумарокова, переложенные на итальянский язык» («Teatro Russo. Due tragedie di Alessandro Sumorokow volgarizzate»).¹² В книгу были включены полные переводы «Синава и Трувора» и «Семиры».

В предисловии к пятому действию «Семиры» 1879 г. Перини пишет следующее:

La traduzione, di cui pubblico un saggio, fu intrapresa per occupare qualche ora del giorno durante un inverno passato nel nord, e condotta a termine coll'aiuto d'un amico

⁸ *Perini O.* Novelle e leggende imitate e tradotte / da Osvaldo Perini. Verona, 1872. В 1873 г. вышел сборник индийских новелл, переложенных Перини. Переводчик не указывает исходного языка. *Perini O.* Versioni indiane / Volume unico contenente Il re Nala di Vlamiki e la Sacuntala di Calidasa aggiuntavi una prefazione dell'abate Luigi Gaiter. Verona, 1873. В 1877 и в 1883 гг. опубликованы еще два перевода, по свидетельству автора, с английского. См.: *Perini O.* La Conquista di Granata / Traduzione dall'inglese. Verona, 1877; Dissertazione della Storia dei Re di Roma del dott. T. H. Dyer / Traduzione dall'inglese. Verona, 1883.

⁹ *Simoni P.* Contributo per una bibliografia di Osvaldo Perini... P. 175–189.

¹⁰ *Perini O.* Per Nozze Lassotovitch–Dionisi. Saggio di Traduzione dal Russo. Atto quinto della tragedia di Alessandro Sumorokow La Semira. Verona, 1879. Нам известно о существовании единственного экземпляра, хранящегося в BCVr.

¹¹ *Perini O.* Per Nozze Giuliari–Revedin (Genaio, 1882). Saggio di Traduzione dal Russo. Atto primo della tragedia di Alessandro Sumorokow Il Sinav e Truwor. Verona, 1882. Нам известны два экземпляра этого издания, хранящиеся в BCM и в BCVr.

¹² Известны три экземпляра перевода, хранящиеся в BCNF, в BCVr и в BNVE. Что касается этого последнего экземпляра, см.: CLIO. P. 7959.

carissimo, il signor Nicolò Lusenowsky di Mosca, profondo e distinto conoscitore di lingue, che mi fu per più mesi compagno e fratello e del quale religiosamente conservo un'affettuosa ricordanza.¹³

Пер.:

Перевод, часть которого я публикую, был предпринят, чтобы занять время на протяжении длинной зимы, проведенной мной на Севере, и был завершен благодаря помощи дорогого друга, господина Николая Лусеновского, глубокого и изысканного знатока языков, который на много месяцев стал моим попутчиком и братом, и о ком я свято храню нежное воспоминание.

Высказывания 1879 г. повторяются в издании первого действия «Синава и Трувора» 1882 г. и в предисловии 1885 г.:

Molti anni sono, non sapendo come altrimenti ingannare le lunghe serate d'un inverno eccezionalmente rigido del Nord, stretta relazione amichevole con un erudito e studioso giovane di Maskwa, m'invogliai di conoscerne la lingua e la letteratura e col suo concorso voltai in italiano quattro tragedie intere del Sumorokow, una del Kheraskow, qualche episodio del Petre Veliki (Pietro il Grande) di Lomonosov, alcune favole del Grilow e poche poesie del Puschkin.¹⁴

Пер.:

Много лет назад я не знал, как скоротать длинные вечера необычайно суровой северной зимы, и близкие дружеские отношения с одним молодым эрудитом и ученым из Москвы вызывали у меня желание познакомиться с языком и литературой его страны, и с его помощью я перевел на итальянский четыре полных трагедии Сумарокова, одну Хераскова, некоторые эпизоды «Петра Великого» Ломоносова, некоторые басни Крылова и несколько стихотворений Пушкина.

Di tutta questa ingente mole di fatica e lavoro <...> perdetti la massima parte, e non mi rimasero che quattro tragedie di Alessandro Sumorokow ed una breve poesia intitolata la Primavera, opera d'autor più moderno. Fatta più tardi la conoscenza d'un distintissimo giovane di Mosca, il signor Nicolao Lusenowsky <...> ebbi per suo mezzo la chiave di sciogliere alcune difficoltà che io avevo incontrato nella mia prima versione.¹⁵

Пер.:

Из всего того огромного труда <...> я потерял большую часть и со мной остались только четыре трагедии Александра Сумарокова и одно короткое стихотво-

¹³ *Perini O.* Per Nozze Lassotovitch–Dionisi. Saggio di Traduzione dal Russo... P. 6.

¹⁴ *Perini O.* Per Nozze Giuliani–Revedin... P. 6–7.

¹⁵ *Perini O.* Teatro Russo. Due tragedie di Alessandro Sumorokow volgarizzate. Verona, 1885. P. VIII.

рение, озаглавленное «Весна», сочинение новейшего автора.¹⁶ Спустя некоторое время я познакомился с замечательным юношей из Москвы, господином Николаем Лусеновским <...>, благодаря которому мне удалось разрешить некоторые трудности, встреченные мною в первой редакции моих переводов.

Об этом путешествии в Россию до нас не дошло никаких свидетельств, даже биограф Перини Симони о нем не упоминает. Также пока не установлена личность «замечательного юноши» Николая Лусеновского. Неизвестно также, является ли свидетельство Перини правдивым или это только мистификация. Нужно отметить, что литератор очень хорошо знал французский и мог пользоваться французскими переводами «Синава и Трувора». Первый, стихотворный, появился в 1751 г. в Петербурге и принадлежал Александру Долгорукову.¹⁷ Второй, прозаический, был выпущен дважды Мануэлем-Леонардом Паппадопуло, в 1801 и 1802 г. в Париже.¹⁸ Что касается «Семиры», то один перевод трагедии был издан в прозе без указания места и года издания,¹⁹ а другое издание, также прозаическое, было опубликовано в 1801 г. и переиздано в 1802 г. Итак, мы можем сравнить и проанализировать все дошедшие до нас тексты переводов. Начнем с первого из них — перевода «Семиры».

Пятое действие «Семиры», опубликованное в 1879 г., отличалось в лексическом плане от полной редакции 1885 г., напечатанной вместе

¹⁶ Вероятно, имеется в виду стихотворение «Весна» Ф. И. Тютчева.

¹⁷ *Soumarocow A. Sinave et Trouvore, tragédie russe en vers / Trad. en français par le prince A. Dolgorouky. Saint-Pétersbourg, 1751.*

¹⁸ *Soumarocow A. Sinaw et Trouwor // Théâtre tragique d'Alexandre Soumarocow / Traduit du russe par Manuel-Léonard Pappadopoulos. Paris, 1801. P. 25–122; Soumarocow A. Sinaw et Trouwor // Théâtre d'Alexandre Soumarocow. Tome premier. Théâtre tragique d'Alexandre Soumarocow, traduit du russe, par Manuel-Léonard Pappadopoulos. Tome premier. Paris, 1802. P. 25–122; Soumarocow A. Semira // Ibid. P. 123–232.* Существует также неизданный перевод Леспин де Морамбер (Lespine de Morembert) на французском языке: BNF. Collection Rondel. Manuscrit théâtre russe. M. RE 249. Нам еще не удалось посмотреть французский стихотворный перевод «Синава и Трувора», выполненный А. Долгоруковым. В дальнейшем ссылки на все упомянутые издания см. в тексте с указанием номера страниц в скобках.

¹⁹ *Quérad J.-M. La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique des savants historiens et gens de lettres de la France. Paris, 1838. Vol. 9. P. 229.* Нам еще не удалось ознакомиться с изданием, о котором сообщает Керар.

с полным переводом «Синава и Трувора». В 1879 г. текст вышел в свет по случаю свадьбы дворянина Вальдемаро Лассотовича с Анджелиной Дионизи. За этим переводом стоит любопытная и запутанная история, заслуживающая особого внимания, так как она позволяет прояснить его культурный контекст.

Семья Лассотовичей была родом из Царства Польского, и в Италии их потомки обосновались в Венеции, Мирано, Эсте и Вероне. Вальдемаро родился в Москве 22 ноября 1856 г.²⁰ Его отец, Антонио (1824–1891),²¹ имел тесные отношения с одним из самых главных и просвещенных литераторов Вероны того времени, графом, каноником и издателем Джан Баттиста Карло Джулиари (Giuliani, 1810–1892),²² который именно на свадьбу Вальдемаро с Анджелиной сочинил очерк «Новые анекдоты исторические. На благороднейшее бракосочетание Лассото Лассотовича Дионизи. Документы старинного веронского диалекта (1480–1495)».²³ Из предисловия к этому сочинению можно узнать о знакомстве веронского графа с Антонио Лассотовичем, которому посвящаются первые страницы:

Al Nobilissimo Signore il Sig. Barone Antonio Lassoto Lassotovitch <...> Le Nozze del Vostro primo Figlio carissimo Valdimaro con quel fiore di donzella ch'è la Angiolina de' Marchesi Dionisi, ci rendono persuasi che la Vostra Nobile Famiglia si farà Italiana: e Verona potrà chiamarsi avventurata di annumerarvi fra i suoi. <...> oh!

²⁰ *Spreti V. et al.* Enciclopedia storico-nobiliare italiana. Famiglie nobili e titolate viventi riconosciute dal R. Governo d'Italia. Milano, 1931. Vol. 4. P. 64.

²¹ BCVr. Annunci Funebri.

²² О нем см.: Il canonico veronese conte G. B. Carlo Giuliani (1810–1892). Religione, patria e cultura nell'Italia dell'Ottocento / Atti della giornata di studio. Verona 16 ottobre 1993. A cura di G. P. Marchi. Verona, 1994. В 1886 г. семья получила разрешение добавить фамилию Gianfilippi. О значительной роли семьи Джулиари см.: *Giacobazzi Fulcini F.* Ritratto di famiglia: i Giuliani fra Ottocento e Novecento // Olivato L., Varanini G. M. Palazzo Giuliani a Verona. Verona, 2009. P. 71–73; *Borelli G.* Bartolomeo Giuliani, un patrizio stampatore: scelte e costi editoriali a fine Settecento // Ibid. P. 197–200; *Olivato L.* Palazzo Giuliani nel Settecento. La ricostruzione // Ibid. P. 117–125; *Spreti V et al.* ... Vol. 3. P. 484.

²³ *Giuliani G. C. B.* Nuova serie di aneddoti, Per le Nobilissime Nozze Lassoto Lassotovitch Dionisi. Documenti dell'antico dialetto veronese (1480–1495). Verona, 1879. BCVr. PR. C. 009/28.

avremo anche i Baroni Lassotovitch dalla Russia, che oggi stringonsi in parentela coi Marchesi Dionisi, venuti quà per vetuste memorie pur essi d'oltr'Alpe da Normandia.²⁴

Пер.:

Благороднейшему господину барону Антонио Лассото Лассотовичу <...> Бракосочетание Вашего первенца, драгоценного Вальдимаро, с цветком среди девушек, Анджилиной из рода маркизов Дионизи, убеждает нас, что Ваша благородная семья станет итальянской. И Верона сможет быть счастливой, что Вы будете среди ее народа <...> О! у нас будут также бароны Лассотовичи из России, которые сегодня породнятся с маркизами Дионизи, в древности приехавшими сюда также из-за Альп, из Нормандии.

Будучи разносторонней личностью, Джулиари являлся образцом для многих литераторов Вероны, в том числе и для Освальдо Перини, с которым граф состоял в переписке.²⁵ В частности, нас интересует письмо от 17 мая 1879 г., где Перини спрашивает у Джулиари имя барона Лассотовича, его сына и имя невесты Дионизи: «<...> la prego di indicarmi il nome del barone Lazotowich <...> e del suo figlio che si sposa, non meno che quello della signorina Dionisi. Il perché già Le è noto». *Пер.:* «<...> прошу Вас указать мне имя барона Лазотовича <...> и его сына, который женится, а также имя барышни Дионизи. Причина уже Вам известна».²⁶ Этот документ предвосхищает историю первого, частичного перевода трагедии «Семира». Перини хотел посвятить «Семиру» барону Лассотовичу и предложить ее по случаю свадьбы сына Вальдемаро.

Семья Дионизи тоже играла немаловажную роль в жизни Вероны. Маркиз Габриэле Дионизи (1719–1808) гордился богатым земельным наследством и занимался просветительской деятельностью в Вероне XVIII века. Благодаря ему была спроектирована барочная Вилла Дионизи в городе Черее, недалеко от Вероны, в строительстве которой принимали участие многие знаменитые художники, как, например, Таддео

²⁴ Там же. P. V–VI. Предисловие датировано 21 мая 1879 г.

²⁵ *Girardi M.* *Giuliani in tipografia // Il canonico veronese conte G. V. Carlo Giuliani...* P. 304. Четыре письма Перини к Джулиари см.: BCVr. Carteggio G. V. C. Giuliani. B. 566, Perini Osvaldo.

²⁶ BCVr. Carteggio G. C. Giuliani. B. 566. Perini Osvaldo. Письмо от 17 мая <18>79 г.

Таддеи и Джузеппе Гру.²⁷ Об Анджелине Дионизи (1852–1886),²⁸ упомянутой невесте Вальдемаро Лассотовича, сведений мало. Нам известен лишь фрагмент переписки с графом Джулиари в ноябре 1884 г., несколько лет спустя после ее свадьбы.²⁹ Итак, семьи Лассотовичей и Дионизи имели огромный престиж в Вероне во второй половине XIX века, и именно по этой причине Перини решил посвятить отцу будущего жениха свое сочинение. Его выбор пятого действия «Семиры» для перевода связан с содержанием текста и, в частности, с содержащимся в пятом действии описанием Олега, который изображен справедливым и мудрым царем. Смерть Оскольда и горе Семиры становятся фактически второстепенными. Перейдем теперь к анализу перевода пятого действия «Семиры» 1879 г.

Текст отличается от издания 1885 г. Различия касаются лексических решений, пунктуации, имен персонажей, значимости персонажей, расположения имен персонажей, отсутствия некоторых персонажей³⁰ и времени действия (см. прил. № 1).³¹

Продемонстрировав различия между двумя редакциями переводов, мы должны отметить еще один факт. Расхождения присутствуют и между оригиналом и переводами, перерабатывающими во многих пунктах исходный текст. Если мы сопоставим две итальянские редакции с французским переводом 1801 г., сделанным в прозе Мануэлем-Леонардом Паппадопуло, мы заметим много сходств, хотя, конечно, один текст является прозаическим, а другой стихотворным:

²⁷ *Spreti V. et al. ... Vol. 2. P. 615. Chiappa B. I Dionisi: vicende di un casato e di un patrimonio // Villa Dionisi a Cerea / A cura di B. Chiappa, A. Sandrini. Cerea, 1986. P. 11–34. Cenni N., Coppari M. F., Franzoni L. I segni della Verona veneziana: 1505–1620. Verona, 1993. P. 72–73. Ferrari M. L. Nobili di provincia al tramonto dell'antico regime. I marchesi Dionisi di Verona: 1719–1866. Verona, 1995. P. 336–338.*

²⁸ *Ferrari M. L. Nobili di provincia al tramonto dell'antico regime... P. 98 и BCVr. Annunci Funebri.*

²⁹ Письмо содержит бытовые детали и сообщает о небольшой посылке, которую граф Джулиари отправил Анджелине. См.: BCVr. Carteggio G. B. C. Giuliani. B. 576, de Lassotovitch Angelina.

³⁰ В первой редакции среди персонажей отсутствует Возвед, во втором явлении отсутствует Избрана.

³¹ В первой редакции действие происходит в XII веке, а во второй — в IX веке.

Scène 2

<...>

Sémire

Je fonde tout mon espoir sur le courage de mon frère; et vous, cruel, vous cherchez à renverser mes espérances. Vous savez combien je vous aime, et vous me menacez de votre perte: ah! si vous avez sauvé Oskold du trépas, sauvez-en donc aussi Sémire, et n'abrégez pas des jours que je veux passer avec vous, sous les douces lois de l'hymen. Oui, cher Rostislaw, si Oskold est couronné par la victoire, souffrez qu'à son tour, il couronne notre amour mutuel.

Rostislaw

Les jours de mon bonheur se sont envolés sans retour, et les noirs chagrins me suivront jusqu'au tombeau. Ne me forcez donc point à traîner en ce monde une vie, chargée de douleur et d'opprobre. Mais que dis-je? vous me l'ordonneriez en vain. Tous vos efforts réunis ne m'inspireront plus la moindre lâcheté; et, si vous me suivez dans la nuit éternelle, vous vous rendrez coupable d'un autre forfait. Alors, mon ombre gémissante perçant la voûte des tombeaux, élèverait sa voix jusqu'aux Cieux, pour demander justice contre vous. Elle vous accusera d'avoir abusé de mon amour, pour me traîner à l'ignominie, d'avoir changé ma gloire en déshonneur, et de m'avoir deux fois privé de la vie (216, 217).

В предисловии к французскому переводу Паппадопуло утверждает, что его текст точно соответствует оригиналу и основывается, за исключением пьесы «Артистона», на редакции 1768 г.:

Je ne prétends pas ici faire l'éloge des poètes dont je présente la traduction au public. S'ils ont du mérite, le lecteur éclairé peut lui-même l'apprécier; mais je dois lui rendre un compte fidèle de ma traduction. D'abord, quant aux tragédies de Soumarocow, elles sont traduites d'après l'édition originale de 1768, et de l'imprimerie de l'académie de Saint-Pétersbourg, excepté la pièce d'Aristone (так! — Дж. Л.), qui date de 1751.³²

Пер.:

Не намереваюсь хвалить здесь поэтов, перевод коих представляю публике. Если они обладают достоинством, просвещенный читатель сам сумеет оценить его, но я должен дать ему верный отчет о моем переводе. Прежде всего, трагедии Сумарокова переведены с оригинального издания 1768 г. академической типографии С.-Петербурга, за исключением «Артистона», появившейся в 1751 г.

³² Pappadopoulo M. L. Préface du traducteur // Théâtre d'Alexandre Soumarocow. Т. 1... Р. X.

Тем не менее, французский перевод, как и итальянский, включает некоторые изменения: в нем, как и в итальянском, добавлены восклицания («ah!» и «Oh»), прилагательные («cruel» и «barbaro»), эпитеты («cher Rostislaw» и «Rostislaw diletto»), собственные имена («Semire» и «Semira» вместо «меня») и заменены подчинительные союзы («si» и «se» вместо «когда») и глаголы русского оригинала («fonde» и «posa» вместо «льщуся утешать»; «n'abrégez» и «non abbreviar»,³³ «non dissipar» вместо «не отврати»).

В отличие от французского перевода, который не так верен, как утверждает переводчик, итальянское издание предлагает еще два отличия: 1) много абзацев не соответствует ни русскому, ни французскому изданию и 2) пропущены ремарки, сопровождающие обращения актеров к другим персонажам (см. прил. № 2).

Чтобы попытаться разрешить первую загадку, нужно еще сравнить итальянский текст с другим французским прозаическим переводом «Семиры», выполненным в неизвестном году, указанным Кераром. Что же касается пропущенных ремарок, то Перини, в отличие от Сумарокова и в отличие от французского переводчика, не уделяет большого внимания действиям персонажей. Вероятно, потому что его перевод не предназначен для представления, но, как пишет автор, является только подарком отцу жениха.

Обратимся теперь к «Синаву и Трувору». Первое действие трагедии было напечатано в 1882 г. по случаю свадьбы гарибальдийца Шипио Джулиари, внучатого племянника упомянутого выше Дж. Б. К. Джулиари, с Маргеритой Реведин, и оно идентично второму изданию 1885 г., где трагедия опубликована целиком. Как семья Джулиари и Лассотичей, так и семья Реведин, родом из Венеции, занимала престижное место в веронском дворянстве второй половины XIX века. Маргерита Реведин, любившая окружать себя людьми либеральных взглядов и противниками австрийского режима, была дочерью сенатора Луиджи Реведина и, выйдя замуж за Шипио Джулиари, получила огромное приданое (400 000 лир).³⁴ Перини имел близкие отношения не с семьей

³³ Итальянский перевод 1879 г. здесь — верный перевод с французского.

³⁴ *Olivato L. Varanini G. M. Palazzo Giuliani a Verona...* P. 72–73. Детали этой свадьбы можно найти в неизданном дневнике «Мои драгоценные воспоминания»

Реведин, а с Джулиари. Недаром он посвящает свой перевод Федерико Джулиари, отцу Шипио и племяннику каноника Джан Баттиста Карло. И в этом случае переведенное им первое действие трагедии служит прославлению отца жениха. В нем подчеркивается добродетель и патриотизм Гостомысла, который, зная о любви Ильмены к Трувору, настаивает на ее свадьбе с Синавом во благо своего народа.

Ни в одном из двух изданий автор не указывает, какую редакцию оригинала он использовал. Поэтому необходимо рассмотреть итальянские тексты и сравнить их с редакциями 1751 и 1768 гг. Мы знаем, что во второй редакции Сумарокова стилистические поправки встречаются почти в каждом стихе и что они во многих пунктах значительно различаются.³⁵ В тексте 1768 г. исключено много строк редакции 1751 г., особенно в диалогах Синава и Трувора, переработаны строки. Сопоставим два печатанных оригинала с французским прозаическим переводом 1801 г. и с итальянским текстом (см. прил. № 3).

Уже при первом, поверхностном взгляде можно заметить, что в переводе Перини, как и в переводе Паппадопуло, пропущен последний абзац реплики Гостомысла, содержащийся в первой редакции, и две части реплики Трувора. Во французской версии это подтверждает слова переводчика об использовании редакции 1768 г.³⁶ Но в этот раз итальянское издание сильно отличается от французского, в частности, на уровне синтаксиса и используемой лексики. Например, стих: «Ни мне уж, ни тебе нет власти над тобой», одинаковый в двух русских редакциях и переведенный почти буквально на французский язык, в итальянской версии становится: «Ormai nessuna / Forza ha potere sui tuoi destini». Вместо личного местоимения поставлены более мощные понятия,

(«Mie carissime memorie») матери Шипио и жены Федерико Джулиари Терезы Стаппо (1816–1895). Об этом источнике см.: *Ferrari M. L.* In punta di penna. Vicende di famiglia ed echi dal mondo delle Memorie (1825–1891) di Teresa Strappo (так! — Дж. Л.) // *Giornate particolari. Diari, memorie e cronache / A cura di B. Tarozzi.* Verona, 2006. P. 108–120.

³⁵ Частичное сопоставление редакций см.: *Стенник Ю. В.* Две редакции трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6. С. 247–257.

³⁶ *Pappadopoulo M. L.* Préface du traducteur... P. X.

«Сила» (Forza) и «судьбы» (destini). Более яркий пример — переработка реплики Трувора, открывающаяся перифразой: «L'uomo che batte di virtù le vie / Con fermo incasso, divenire iniquo, / Anco il volesse, non saprebbe» и продолжающаяся изменением оригинала. «Коль будем таковы...» становится «Il santo Dritto se avremmo a calpestar noi grenci» и т. д. Расходясь с французским переводом, итальянский текст переделывает русский оригинал, толкует его. Не исключено, что Перини мог использовать французский перевод в стихах Долгорукого 1751 г., несмотря на то, что, используя французский перевод 1801 г., во многих абзацах он основывался косвенно на редакции 1768 г. Еще одним различием между французским переводом в прозе и итальянским текстом является, как в случае «Семиры», пропуск ремарок, сопровождающих обращения актеров к другим персонажам. Этот факт подтверждает, что театральная постановка итальянского перевода не предусматривалась, предполагалось только поднесение печатного экземпляра Федерико Джулиари.

Итак, анализ итальянских переводов сумароковских трагедий оказался важным по двум причинам. Во-первых, они подвергают сомнению факт прямого перевода с русского языка в отличие от того, что Перини сообщает в своих предисловиях. Даже если он использовал русскую версию, он, несомненно, обращался и к французскому тексту Паппадопуло 1801 г. Для перевода «Семиры» он мог пользоваться именно этим переложением, потому что оно обнаруживает много сходств с итальянским текстом. Однако еще не ясно до конца, использовал ли он французский перевод для «Синава и Трувора». Также правдоподобно, что Перини брал за основу французский текст, а потом его перерабатывал. Учитывая все эти обстоятельства, нужно с осторожностью относиться к сообщению о путешествии автора в Россию и о его знакомстве с неким Николаем Лусеновским. Даже если оно окажется истинным, оно не должно влиять на рассмотрение итальянского перевода, который, как мы видели, выполнен и при помощи французского текста. Во-вторых, несмотря на употребленные источники и на характер переложения, демонстрирующего итальянские литературные вкусы и нравы того времени, трагедии представляют собой первый напечатанный перевод Сумарокова в Италии и заставляют вспомнить

целое поколение ученых, имевших, в отличие от Перини, академическое образование (А. Де Губернатис, Д. Чамполи и др.). Это, конечно, уже другая сторона истории итальянской славистики, но все-таки вклад Перини, пусть с его ограничениями и неточностями, является важным этапом истории итальянских переводов русской литературы XVIII века во второй половине XIX столетия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Оригинал 1768 г.	Итальянский перевод 1879 г.	Итальянский перевод 1885 г.
Действующие лица	Personaggi	Personaggi
Олег, правитель российского престола.	Oleg — <u>Reggente e tutore d'Igor, Czar di Russia</u>	Oleg — <u>Governatore delle Russie.</u>
Оскольд, князь Киевский.	Oskholdo. — Principe <u>spodestato</u> di Kiew.	<u>Oskold</u> — Principe <u>spodestato</u> di Kiew.
Семира, сестра его, любовница Ростиславова.	Semira — sua sorella, amante di	Semira — <u>Sorella di Oskold</u> ed amante di
Ростислав, сын Олегов.	Rostislaw — figlio di Oleg.	Rostislaw — Figlio di Oleg.
Возвед, сродник Оскольдов.	<Omissis>	Wozwed — Parente di Oskold.
Витозар, наперсник Олегов.	Witozar — <u>ministro</u> di Oleg.	Witozar — Ministro di Oleg.
Избрана, наперсница Семиры.	Izbrane — <u>ancella</u> di Semira.	<u>Izbran</u> — <u>Compagna di cattività</u> di Semira.
Вестник.	<u>Messaggeri</u>	<u>Un Messaggero.</u>
Воины.	<u>Soldati etc.</u>	Soldati, <u>paggi, guardie, etc...</u>
Действие в Киеве, в княжеском доме.*	La scena è nel palazzo ducale di Kiew: <u>l'epoca il XII secolo.</u> (8)	La scena è nel palazzo ducale di Kiew. <u>L'epoca verso il secolo IX.</u> (90)

* *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 3. С. 256. Далее ссылки на это издание см. в тексте с указанием номера страниц в скобках. Текст трагедий «Семира» и «Синав и Трувор» используется в редакции 1768 г.

Явление 2	Scena II	Scena II
Семира, Ростислав и Избрана <...> Семира	Rostislaw, Semira <Omissis> <...> Semira	Rostislaw e dette <...> Sem.
	Nel braccio e nel valore	Nel braccio e nel valore
Дух братним мужеством я льшуся утешать,	Posa d' <u>Oskhold</u> ogni mia spe- me: ed ora,	Posa d' <u>Oskoldo</u> ogni mia spe- me. Ed ora,
А ты стараешься надежду раз- рушать,	Barbaro! <u>Cerchi</u> di rovesciar d'un colpo	Barbaro! <u>cerchi</u> rovesciar d'un colpo
И, мною толь любим, грозись меня оставить.	<u>Ogni speranza</u> mia? Tu sai se io <u>t'amo</u> :	<u>Intero l'avvenir?</u> Ben sai se io <u>t'amo</u>
Когда Оскольда ты от смерти мог избавить,	E perderti degg'io?.. Si rea mi- naccia?..	E perderti degg'io? Si rea mi- naccia?
Избави и меня! Не отвори сих дней,	Oh se da morte liberasti <u>Osk-</u> <u>holdo</u> ,	Oh ₂ se da morte liberasti <u>Oskol-</u> <u>do</u> ,
В которы быть хочу супру- гою твоей!	Salva Semira ancor! — I di fe- lici	Salva Semira ancor! I di felici
И если славою Оскольд вой- ну скончает,	Che teco <u>scorrer</u> , Rostislaw, io spero	Che <u>passar</u> teco, o Rostislaw, io spero
Пускай и наше он веселье увенчает.	In soave d'amor nodo congiunta Non <u>abbreviar!</u> — O Rostislaw diletto,	In soave d'amor nodo congiunta, Non <u>dissipar.</u> Oh Rostislaw dil- etto,
	Se riede pur vittorioso <u>Oskhol-</u> <u>do</u> ...	Se riede pur vittorioso <u>Oskol-</u> <u>do</u> ,
	Il nostro amore a <u>coronar ei</u> <u>giunga!</u> .. Rostislaw	Il nostro amore a <u>incoronar ei</u> <u>viene!</u> Rost.
Ростислав		
Прошли драгие дни веселья моего,	Svaniti <u>ei</u> son senza ritorno i giorni	Svaniti son senza ritorno i gi- orni
Я радостей лишен до гроба своего.	Di gioia e speme... I negri af- fanni, a cui	Di gioia e speme! — I negri af- fanni, a cui
Не принуждай меня на свете ты остаться	Preda è quest'alma, seguiran- mi, amica,	Preda è quest'alma, seguiran- mi, amica,
И, срамно живучи, бесчести- ем терзаться.	Fino al sepolcro! — Non voler che io tragga	Fino al sepolcro! Non voler che io tragga
Хоть принуждением меня ты днесь тягчишь,	Su questa terra ignominiosi i giorni	Su questa terra ignominiosi i <u>passi</u>
Но малодушие уж мне не приключишь,	Nell'onta <u>immersi</u> e nel dolor... Che parlo?	Nell'onta <u>immerso</u> e nel dolor. Che parlo?
А если в вечный мрак после- дуешь за мною,	Invan Semira l'imporrebbe... Assai	Invan Semira l'imporrebbe... Assai
Сразишь мя жалостно вто- ричною виною,	Vile divenni nel compir tuoi voti...	Vile divenni nel compir tuoi voti;
И будет тень моя, из темной глубины	Oltre mi tenti invan!.. Pur se mi segui	Oltre mi tenti invan! Pur se mi segui

Действие V	Acte V	Atto V
Явление 7	Scène VII	Scena VII
Семира.	Sémire	Sem.
		Fatale istoria! O angoscia!
О пагубная весть! О мой смущенный дух!	O fatale nouvelle! ô tourments affreux ! (<i>à Vitozar.</i>) Achevez de déchirer mon cœur par ce	<Omissis> Finisci orsù di lacerarmi il cuore! Parla! T'ascolto!
Пронзай сей вестию, пронзай Семирин слух!	récit horrible. (225)	(102)
(324)		

№ 3

Редакция 1751 г.*	Редакция 1768 г.	Французский перевод 1801 г.	Итальянский перевод 1885 г.
Действие III	Действие III	Acte III	Atto III
Явление 1	Явление 1	Scène 1	Scena I
Гостомысл	Гостомысл	Gostosmysle	Gost.
Где должность говорит или любовь к народу,	Где должность говорит или любовь к народу,	Où parlent le devoir et la patrie, là il n'est plus d'amant, de père, de parents. C'est la patrie qui t'a donnée à Sinaw, pour prix de ses services: dès lors, ni toi, ni moi, nous n'avons aucun pouvoir sur toi. Qu'il est avantageux à l'homme, de suivre toujours les lois du devoir! en obéissant à sa voix, son cœur est tranquille, même au sein du malheur: s'il souffre pour lui, cette idée seule allège le poids de ses souffrances. Toute âme pure, qui a le vice en horreur, et qui est fortement pénétrée de	Quando la patria parla Genitori non v'han, nè v'hanno amanti. Qual ricompensa a egregi fatti, offerto T'ha la patria a Sinaw; piegare è d'uopo La fronte e rassegnarti. Ormai nessuna Forza ha poter sui tuoi destini. È dolce D'altra parte seguir l'arduo sentiero Che il dovere ne addita: anco fra i pianti, Anco nella sventura esso è conforto. Esso è sollievo ad ogni pena. — Il vero
Там нет любовника, там нет отца, ни роду: Синаву общества нарек тебя я мздой,	Там нет любовника, там нет отца, ни роду; Синаву общества нарек тебя я мздой,		
Ни мне уж, ни тебе нет власти над тобой. Тот, кто прав должности своей не презирает, Храня ее, в бедах свой дух успокояет:	Ни мне уж, ни тебе нет власти над тобой. Кто должности своей хранение являет, Храня ея в бедах, свой дух успокояет;		
Страдающ за нее, когда он помнит то,	Страдая за нее, когда он помнит то,		
За что он мучится, вся мука та ничто.	За что он мучится, вся мука та ничто.		
Коль чистая душа не хочет быть превратна, За добродетели и мука ей приятна.	Коль чистая душа не хочет быть превратна, За добродетели и мука ей приятна.		

* Синав и Трувор. Трагедия Александра Сумарокова. Представлена в первый раз в 1750 году июля 21 дня на Императорском театре, в Петергофе. СПб., 1751.

Редакция 1751 г.	Редакция 1768 г.	Французский перевод 1801 г.	Итальянский перевод 1885 г.
Кто непорочности устава не прешел За воздаяние, что в мысли он имел, Не быти в честности он тшился, но казаться И добродетельным не может называться. В прибыток и во мзду кто разум свой вперит, Неправду с тем же он раченьем сохранит. (39)	<Omissis> (149–150)	L'amour de la vertu, trouve de la douceur, dans les maux mêmes qu'elle endure pour elle. (69)	Seguace di virtù, pur fra gli strazii, Pur tra gli spasmi un balsamo ritrova Alle ferite onde ulcerato ha il cuore. (42, 43)
Действие II Явление I Трувор	Действие II Явление I Трувор.	Acte II Scène 1 Trouvor	Atto II Scena 1 Truw.
Еще любовника Ильмены ты не знаешь И уж суровости злосердых вспоминаешь, И ужасаешься, несклонную любя, Чтоб страсть не сделала злосердым и тебя.	<Omissis>	Celui qui veut fortement remplir son devoir, ne peut jamais être méchant: ne l'oubliez donc pas, et restez l'égal de vous-même:	L'uomo che batte di virtù le vie Con fermo incasso, divenire iniquo, Anco il volesse, non saprebbe. Eguale Sinaw sarà sempre a se stesso.
Кто хочет помнить долг, не может быть злобен: Не забывай его, не будешь им подобен. Любовью чистый дух удобно возмутить, Но человечества не должно истребить. Представим, что она иным кем воспаленна, Свиристеством страсть ея не будет разрушенна. Что больше будешь ты в ней жар искоренять, То больше будет он себя распространять,	Кто хочет помнить долг, не может быть злобен; Не забывай его и будь себе подобен. <Omissis>	Celui qui veut fortement remplir son devoir, ne peut jamais être méchant: ne l'oubliez donc pas, et restez l'égal de vous-même:	L'uomo che batte di virtù le vie Con fermo incasso, divenire iniquo, Anco il volesse, non saprebbe. Eguale Sinaw sarà sempre a se stesso.

Любовь препятствием
и страхом возрастает
И, в крайность ввер-
женна, на все, что есть,
дерзает.

Коль будем таковы, что
скажет град о нас?

Какой по Северу отсель
раздастся глас?

Что будут мыслили дер-
жавы сей соседы?

Умолкнет славы род,
померкнут все победы,
Которыми мы толь вы-
соко вознеслись;

И для того ль, когда
граждане здесь спас-
лись,

Мы бремя их от них
толь славно отвратили,
Чтоб бременем своим
мы их отяготили.

Наш младший брат
отсель отсутствен:
смею я

Один тебе сказать, что
страждет честь твоя.

Рабы твои, о князь!
твои любезны дети:

Не зачинай иным ты
образом владети!
(25)

Коль будем таковы, что
скажет град о нас?

Какой по Северу отсель
раздастся глас?

Что будут мыслили дер-
жавы сей соседы;

Умолкнет славы ров,
померкнут все победы,
Которыми мы толь вы-
соко вознеслись;

И для того ль, когда
граждане здесь спас-
лись,

Мы бремя их от них
толь славно отвратили,
Чтоб бременем своим
мы их отяготили.

Наш младший брат
отсель отсутствен:
смею я

Один тебе сказать, что
страждет честь твоя.

Рабы твои, о князь!
твои любезны дети:

Не зачинай иным ты
образом владети!
(138)

eh! si nous le transgres-
sons, ce devoir, que dira
cette ville de nous?
quelle voix rentirera
dans tout le Nord? que
penseront les voisins de
cet Empire? La trom-
pette de la gloire se tai-
ra, et nous verrons à-la-
fois se ternir toutes ces
victoires, qui nous ont
élevés au rang suprême.
Ah! quand les citoyens
se sont sauvés dans ces
murs était-ce donc pour
les accabler sous notre
joug, que nous les avons
si glorieusement déli-
rés du joug qui les ac-
cablait. O Sinaw! puis-
que notre frère est ab-
sent de cette cour, c'est
à moi seul, que le de-
voir impose la loi de
vous dire, que vous
flétrissez votre gloire:
vos sujets, Prince, doi-
vent être vos enfans
chérés; ne commencez
donc pas votre règne par
les gouverner en tyran!
(50–51)

Il santo Dritto se avrem-
mo a calpestar noi prenci
Che direbbero i Russi?

Con quai negri
Truci color ci pingeria
la fama

Per la nordiche terre?
Le vicine

Genti che penserebbe-
ro? La tromba

Della gloria saria muta
e vedresti

Adombrato in un pun-
to ogni trionfo

Che al trono ti con-
dusse. Allor che, stretti

Da lungo assedio, a noi
chiesero i Russi

Ed ottennero aita, ahi
forse a trarli

Sotto un giogo novello
e più feroce

Liberati li abbiam col
sangue nostro

Dal giogo che oppri-
mevali? La luce

Non adombrar di tue
guerresche imprese:

A te sien figli i sudditi
e il tuo regno

Non incominci cogli
arbitrii. Alcuno

Dir non possa che qui
regna un tiranno.

(24, 25)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Российской Академии наук
- ВИМАИВиВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
- ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека
- НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- РИИИ — Российский институт истории искусств
- РНБ — Российская национальная библиотека
- СПб ТБ — Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека
- СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
-
- BCNF — Biblioteca Centrale Nazionale di Firenze
- BCVr — Biblioteca Civica di Verona
- BCM — Biblioteca Centrale di Milano
- BNF — Bibliothèque Nationale de France, Paris.
- BNVE — Biblioteca Nazionale Marciana di Venezia
- CLIO — Catalogo dei libri italiani dell'Ottocento (1800–1901) = Catalogue of nineteenth century Italian books (1801–1900). Milano, 1992. Vol. Editori MIN-RIV

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум Петров 22
Август Гай Юлий Цезарь, римский император 262, 263
Августин Аврелий 36, 52, 166
Агессо А.-Ф. д' 219, 221
Аддисон Дж. 203
Айзеншток И. Я. 249, 251, 252
Аирман К. Ф. 104
Александр I, российский император 201
Александр Македонский 47, 48
Алексеев А. С. 251
Алексеев М. П. 140
Алексеева Н. Ю. 14, 113
Алексеев-Попов В. С. 252
Алексей Михайлович, русский царь 86
Алехина Л. И. 199
Альбина Л. Л. 85
Альтшуллер М. Г. 257, 267
Амвросий Медиоланский 167
Анакреон Теосский 18, 119
Ананьева А. В. 237
Андреева Г. А. 16, 66, 120
Андрей Юродивый 125
Анна Иоанновна, российская императрица 154
Анна Петровна, российская великая княжна 74
Апулей 257–265, 268
Арайя Ф. 183
Аристотель, философ 21, 24, 25, 35, 170
Арконати Л. 163
Аро де Лоретт Ж.-П. *см.* Раме П.
Арсений Могилянский 119
Астериер Софист 52
Балакирев И. А. 154, 156, 158
Бальдунг Г. 170
Бартелеми Д. 98
Басвиль Н.-Ж.-Ю. 270
Баталин А. Е. 247
Батюшков К. Н. 8, 202, 218
Баухюйсен Б., ван 43, 44
Башилов С. С. 245
Бегунов Ю. К. 148
Бекхер Г. 21
Белобоцкий Я. А. 22, 23, 30
Белоброва О. А. 22
Беляев Т. 117
Бенедикт Нурсийский 167
Бердяев Н. А. 254–256
Береника, иудейская царица 184
Берков П. Н. 9, 13, 14, 18, 75, 107, 112, 113, 156, 158, 172, 195
Бернштейн С. Б. 121
Бестужев А. А. 267
Бетеа Д. 261
Бешенковский Е. Б. 100
Биларский П. С. 8

- Блок Г. П. 16–18, 63
Боброва Е. И. 143
Богданович И. Ф. 16
Бок И. Г. 118
Болотов А. Т. 238, 241
Болтин Д. С. 253
Бородавкин М. 221
Брагоне М. К. 139, 142
Брюс Я. В. 143, 150
Буайе д'Аржан Ж.-Б. 244
Буало-Депрео Н. 24, 25
Будилович А. С. 9, 37
Буланина Т. В. 21
Булич Н. Н. 107
Бургмайер Г. 170
Буслаев Ф. И. 40
Бухаркин П. Е. 110
Быкова Т. А. 141, 145, 149
Бьельке, корреспондентка
Екатерины II 245
- Вавилов С. И.** 10
Вайнер О. С. 255
Ваньер Ж.-Л. 85
Василий Великий 35, 167
Васильев В. Е. 43
Вебер Х. Ф. 235
Вейтли Т. 236, 237, 239, 240, 242
Вендитти М. 168
Вергилий Публий Марон 35, 50, 188,
210, 261–263, 265–267
Веревкин М. И. 8
Верцман И. Е. 256
Веселова А. Ю. 234, 236, 237, 239, 242
Виль И. М. 159
Виноградов В. В. 27, 29–31, 201
Виноградов Д. И. 25, 100–102, 105
Витенберг Б. Л. 216
Владимиров Л. Е. 254
Воейков А. Ф. 218
Вознесенский А. В. 212
- Волков Б. 235
Волланд И. 21
Вольтер 83–94, 235, 247
Вольф Х. 101, 102
Вомперский В. П. 23, 28
Воробьева М. С. 193
Воровский Я. М. 18
Воронов Д. И. 222, 223
Воронцов М. И. 63, 78, 79
Вышеславцев М. М. 247
Вяземский А. А. 221
Вяземский П. А. 8, 110, 111, 181,
224, 264
- Гавриил Бужинский 148, 149
Гагедорн Ф. 205
Галахов А. Д. 182
Галуппи Б. 183
Гаспаров М. Л. 168
Гацкий Ф. 24
Гедеон Криновский 119
Гей Дж. 204
Геллерт Х. Ф. 205, 214
Гельвия, мать Сенеки 50
Генкель И. Ф. 100
Генрих IV, французский король 220
Георгиевский П. Е. 261
Геродот 35
Геснер С. 214
Глебов А. И. 244
Глебов, оберфейерверкер 68, 69
Глюк Э. 141, 142
Гнедич Н. И. 218, 225
Голубцов И. И. 71
Гольберг Л. 198
Гомер 35
Гонорий Флавий Август, римский импе-
ратор 48
Горбов Д. А. 256
Горелов А. А. 154
Горфункель А. Х. 23

- Готшед И. К. 24, 25, 27, 29, 30, 35, 37,
 38, 41, 54–60
 Градова Б. А. 200
 Грасгофф Х. 37, 55
 Граудина Л. К. 34, 40
 Григорий Богослов 167
 Григорьев Я. Г. 193
 Григорьева И. Л. 142, 143
 Гринберг М. С. 107
 Грот К. Я. 110
 Грот Я. К. 182
 Гру Дж. 177
 Гуковский Г. А. 14, 15, 107, 183, 189
 Гунольд Х. Ф. 106
 Гуревич М. М. 141, 145, 149

 Дакоста (Лакоста Я.) 154
 Даль В. И. 194
 Дамаскин Семенов-Руднев 7, 17, 122
 Даниловский Г. 23
 Данько Е. Я. 25, 102
 Дарий, персидский царь 48
 Дашкова Е. Р. 122
 Де Бакер А. 146, 147
 Де Губернагис А. 282
 Де Пеплие Ж.-Р. 106
 Декарт Р. 219
 Делиль Ж. 209–218, 243
 Дельсаль Е. 246, 248
 Деметрий Фалерский 35
 Дёмин А. О. 182, 269
 Демосфен 35, 37
 Денисов А. 23
 Денисов С. 23
 Державин Г. Р. 12, 117, 119, 182, 265
 Державина О. А. 197
 Дешан Э. 36
 Джирарди М. 269
 Джорджоне (Дж. Барбарелли) 170
 Джулиари Дж. Б. К. 275, 276, 277,
 279, 280
 Джулиари М., урожд. Реведин 272, 279
 Джулиари Т., урожд. Стаппо 280
 Джулиари Ф. 280, 281
 Джулиари Ш. 272, 279, 280
 Дионизи Г. 276
 Дионисий Фурноаграфиот 161
 Дмитриев И. И. 211, 260
 Дмитриев М. А. 263
 Доватур А. И. 18
 Долгорукий А. 274, 281
 Домициан Тит Флавий, римский импе-
 ратор 33, 45, 52, 53
 Дрейдж Ч. Л. 202
 Дрессер М. 21
 Дубровский А. И. 62, 71
 Дукельская Л. А. 159
 Дьяченко Г. М. 133, 248
 Дю Дюк Ф. 51
 Дю Пейру П.-А. 253
 Дюге-Труэн Р. 219

 Евгений Болховитинов 34
 Евдокимова Л. В. 36
 Евдокия Федоровна (Лопухина), русская
 царица 94
 Еврипид, трагик 205
 Екатерина II, российская императрица
 63, 74, 78, 109, 120, 221, 235, 236,
 244, 249, 263, 264, 269
 Елагин И. П. 194, 195, 220, 221
 Елизавета Петровна, российская импе-
 ратрица 61, 62, 65–68, 71–73, 76, 77,
 79–83, 117–120, 124, 126–128, 130,
 134, 135
 Ельчанинов Б. Е. 191
 Епифаний Славинецкий 140
 Ермакова М. Е. 115
 Ефрем Сирин 167

 Жанлис С.-Ф. 214
 Живов В. М. 26, 33, 38, 150
 Жилиякова Э. М. 201

- Жиранден Р.-Л. 238, 240
Жирмунская Н. А. 210
Жирмунский В. М. 17
Жуковский В. А. 201, 204, 218, 224
- Заборов П. Р. 192, 193, 219, 226
Зайцева А. А. 212
Западов В. А. 201
Захаров И. С. 221
Зельченко В. В. 49
Златопольская А. А. 244
Зорин А. Л. 216
- Иванова Н. Б.** 158
Иванова Т. Г. 154
Иоанн II, епископ иерусалимский 52
Иоанн Дамаскин 35
Иоанн Златоуст 35, 50–52, 167
Ипполитов А. В. 159
- Кайперт Г.** 19, 36, 37, 41, 142
Кайсаров П. С. 225
Каменский А. Б. 109
Камознс Л. де 260
Кан А. 206, 207
Кандорский И. М. 247
Кантемир А. Д. 13, 20
Канунова Ф. З. 210
Капнист В. В. 117
Карабанов П. М. 218
Карамзин Н. М. 8, 39, 117, 1338, 39, 117, 133, 181, 201, 209–218, 224
Каржавин Ф. В. 133
Карин Ф. Г. 222
Карл X, французский король (Карл Филипп, граф д'Артуа) 211
Кастильоне Ф. 205
Каттанео К. 271
Кветницкий Ф. 33
Квинтилиан Марк Фабий 21, 25, 30, 36
Керар Ж.-М. 274, 279
Киселева Л. Н. 189
- Кислова Е. И. 116, 121, 124
Кичатова Е. В. 255
Клавдиан Клавдий 48
Клейн И. 172
Клёнович С. Ф. 140
Клепиков С. А. 116, 194
Клопшток Ф. Г. 204
Княжнин Я. Б. 182–190
Ковригина В. А. 141
Козицкий Г. В. 168, 171–177, 179, 180
Козодавлев О. П. 7, 8, 17
Козьма Грек 22, 23, 30
Колле де Мессин Ж.-Б. 193
Колосов С. П. 247
Коменский Я. А. 141
Компен де Сен-Мартен 258
Кондратович К. А. 32, 33, 46
Константин Павлович, российский великий князь 201
Константинов А. А. 110
Корндорф А. С. 183, 184
Корнель П. 191
Коровин Г. М. 97, 99, 100
Корф И. А. 101, 102
Космолинская Г. А. 202
Коссен (Каусин) Н. 24, 25, 27, 30, 35, 36, 41
Косси Ф. 84
Костин А. А. 70, 131
Котельников С. К. 113
Кочеткова Н. Д. 209, 210, 213, 263
Кошанский Н. Ф. 260
Крайский П. 23, 25, 27, 33, 35
Кранах Л. 170
Кредок Дж. 237, 239
Кросс Э. 236, 237
Кроче Б. 271
Крузиус Х. 61
Крылов В. В. 255
Крылов И. А. 182, 189, 269, 273
Ксенофонт Троепольский 117

- Кузмин М. А. 259
Кукушкина Е. Д. 191
Кукушкина М. В. 194
Кулакова Л. И. 183, 199, 201, 202
Кульковский Т. 154, 156
Кулябко Е. С. 9, 100
Куник А. А. 96, 97, 99, 101, 103, 105
Курций Руф Квинт 35
Кутузов А. М. 214
- Ла Квинтини Ж.-Б. де 235
Лаврентий Хотьатовский 119
Лавринович М. 109
Лагарп Ж.-Ф. де 204
Лагрене Л.-Ж.-Ф. 206
Лазарчук Р. М. 114, 204, 205
Лактанций Луций Целий Фирмиан 35
Ламанский В. И. 8
Лами Б. 38
Ларокка Дж. 269
Лассотович Анджелина,
 урожд. Дионизи 272, 275–277
Лассотович Антонио 275, 276
Лассотович В. 272, 275–277
Латапи Ф. 236
Лаусберг Г. 26, 34
Лафон Ж. де 191–197, 205
Лафонтен Ж. де 199
Лахманн Р. 21, 22, 26, 31–33
Лебег де Прель А.-Г. 252
Лебедева О. Б. 159
Левин В. Д. 202
Левин П. 31–33, 42–44, 46
Левин Ю. Д. 238
Левитт М. 169
Левшин В. А. 235, 241, 242
Легран М.-А. 193
Лежен Ф. 253, 254
Лейбниц Г. В. 93
Лемешев К. Н. 37
Ленчиненко М. В. 206
- Леонтиевский Н. 116
Леспин де Морамбер (Lespine de Morembert), переводчик А. П. Сумарокова 274
Лефорт Ф. Я. 227, 232
Лефран де Помпиньян Ж.-Ж. 183
Либерман А. 109
Ливанова Т. Н. 196
Ливий Тит 173
Липранди И. П. 259
Лихачев Д. С. 210
Лихтвер М. Г. 205
Лихуд И. 24
Лихуд С. 21, 23, 24, 30
Ломоносов М. В. 7–136, 170, 172, 173, 189, 269, 273
Лонги П. 159
Лопухин И. В. 221
Лоренц Ф. 251
Лоретт П. см. Раме П.
Лорих Р. 140
Лоррен К. 205
Лотман Ю. М. 160, 210, 211, 212, 215, 259
Лужный Р. 32
Лукиан из Самосаты 36, 173
Лукин В. И. 153, 191, 195
Лукьянова Е. В. 21
Лусеновский Н. (?) 273, 274, 281
Львов П. Ю. 209–218
Людвиг IX, ландграф Гессен-Дармштадский 104
Людовик Фердинанд, французский дофин 219, 221
Людовик XIV, французский король 227–229, 230
Людовик XV, французский король 220, 221
Людовик, герцог Бургундский 206
Люллий Р. 22, 23
Лютер М. 19, 145

- Магритт Р.** 170
Мазен Я. 44, 53
Майков В. И. 265–267
Макарий, епископ Вологодский 21
Макаров М. Н. 246, 264
Маклецова Н. П. 254
Макоконенко Г. П. 133, 220
Максимильен де Бетюн,
 герцог Сюлли 219
Малерб Ф. де 18
Мальзерб К.-Г. Ламуаньон де 246
Малэк Э. 156–158
Манза Л. Х. 241
Мария Федоровна, российская императрица 210
Марк Аврелий Антонин, римский император 219, 220, 222, 224
Маркиш С. П. 257
Мартин А. 25, 27–29, 31
Мартынов Г. Г. 200
Мартынов И. И. 246, 250
Мартынов М. Г. 68–70, 75
Марциал Марк Валерий 42–44, 48
Марченко Н. А. 211
Маслюк В. П. 20
Массийон Ж.-Б. 247
Меднис Н. Е. 159
Межаков П. А. 218
Мейсон Дж. 237, 239, 240, 241
Меланхтон Ф. 21
Мелиссино П. И. 65, 69
Мерво М. 83–85, 87, 92
Мессерли А. 157
Метастазио П. 183
Мизере см. Штелин Я. Я.
Миллер Г. Ф. 83, 84, 92, 112
Мильтон Дж. 210
Мильчина В. А. 256
Минцлов Р. 84
Мискевич Г. И. 34, 40
Михаил Федорович, русский царь 84, 86
Модзалевский Б. Л. 9, 259
Модзалевский Л. Б. 9, 10, 12, 14, 16, 62, 63, 107
Моисеева Г. Н. 19, 24, 85, 141
Молдован А. М. 125
Мольер Ж.-Б. 192, 193
Монтень М. 258
Монти В. 269, 270
Мориц, граф Саксонский 221
Морозов А. А. 11, 17, 100, 101, 103
Мосхейм И. фон 37, 55
Муравьев М. Н. 198–208
Мурыянов М. Ф. 43
Мусин-Пушкин И. А. 149, 150
Мухой А. И. 24
Муций Сцевола Гай 49
Мюллер Ф. К. 98
Набоков В. В. 258
Наполеон I Бонапарт, французский император 248
Нарышкин С. В. 225
Неандер М. 21
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 225
Неманов Л. 252
Немов, подпоручик 68, 69
Нестерова С. 252
Николаев Н. И. 12
Николаев С. И. 32, 33, 45, 46, 67, 139, 140, 141, 156, 169, 177, 178, 235
Николай I, российский император 268
Новиков Н. И. 8, 133
Норис Ч. 272
Ньюман Дж. 236, 242
Овидий Публий Назон 18, 35, 168–181, 205
Оришин А. Д. 34, 40
Орлов В. Г. 194
Орлов Г. Г. 7

- Осипов Н. П. 241
Осповат К. А. 107
Остервальд Х. Д. 69, 70, 74
Остров Е. И. 258–260, 262, 264
Оточкин В. В. 64
Оуэн Дж. 47, 50
- Павел I**, российский император 67, 116, 210
- Павлова Г. Е. 16, 61, 63, 67, 69
Палицын А. А. 218, 238, 240
Паппадопуло М.-Л. 274, 277, 278, 280, 281
Патеркул Гай Веллей 50
Паузе И. В. 141, 142, 148, 149
Пашкуров А. Н. 205
Педрилло (Пьетро Мира) 154, 156
Пезенти М. К. 153, 159, 160
Пекарский П. П. 9, 13, 63, 143, 145–150, 235
Первов П. 249
Перетц В. Н. 141, 142
Перини О. 269–300
Петр I, российский император 17, 70, 80–86, 88, 90–93, 113, 119, 132, 143, 148, 149, 150, 152, 154, 158, 225, 226–233, 234, 235, 249
Петр III, российский император 29, 74, 78, 79, 109, 118–120, 124, 128–131, 244
Петривняя Е. К. 205
Петров В. П. 224, 263, 265
Петров М. 23
Петров П. Н. 79, 110
Пигарев К. В. 220
Пильщиков И. А. 218
Пирс Ч. 158
Писарев Н. Н. 24
Платон, философ 127
Платс Г. Ф. 106
Пнин И. И. 225
- Покровский М. М. 261
Поликарпов Ф. 22
Помей Ф.-А. 24, 30, 35, 36, 41
Помпей Гней Великий 50
Поньрыко Н. В. 23
Попов Н. И. 113
Поповский Н. Н. 15, 16, 62
Попугаев В. В. 250
Пост И. 52
Потебня А. А. 31
Потемкин Г. А. 263
Прокопович М. 250, 251
Прокудин-Горский М. И. 221
Прянишников И. Д. 220
Псевдо-Лонгин 24, 25, 41
Пумпянский Л. В. 9, 12–14, 18, 207
Пуффендорф С. 148
Пушкин А. С. 8, 12, 105, 182, 218, 226, 257–268, 273
Пыляев М. И. 264
- Радау М.** 21, 32, 41–53
Радищев А. Н. 133, 208, 266
Радищев Н. А. 225
Разумов А. Я. 189
Разумовский К. Г. 109, 111
Райзер Г. У. 102
Рак В. Д. 18, 206, 218
Раме П. 102–106
Рамлер К. В. 204
Расин Ж. 172, 182–190
Реведин Л. 279
Резанов В. И. 15
Ремнева М. Л. 116
Ремондини Дж. 159
Репетти А. 271
Репинский Г. К. 249
Ржевский А. А. 168, 171, 174, 178–181
Ровинский Д. А. 63, 159, 160–163
Родзянко С. Е. 222
Розанов М. Н. 255, 256

- Росси Л. 198, 202
Рубан В. Г. 168, 170, 171, 174–178
Рунич Е. П. 237, 239
Русанова А. 249
Руссо Ж.-Б. 260
Руссо Ж.-Ж. 170, 238, 244–256
Рыкова Н. Я. 189
Рылеев К. Ф. 45
- Савинов И. А. 193
Сазонова Л. И. 19, 46
Салоники Н. В. 142, 143
Санковский В. Д. 171
Сарбевский М. К. 32, 33, 46
Сарти Дж. 64, 65, 68–70, 75
Сафо 173
Свердлов М. Б. 85
Светоний Транквилл Гай 45
Свистунов П. С. 191–194, 196, 197
Свиясов Е. В. 170
Семенников В. П. 195
Сенека Луций Анней 18, 47–53
Серман И. З. 15, 25, 266
Сильвестр Медведев 21, 46
Симанков В. И. 133
Симеон Полоцкий 21, 32, 46
Симони П. 270, 271, 273
Сиповский В. В. 9, 11
Скина И. 259
Скуффи Ф. 21, 22
Смирдин А. Ф. 182
Смирнов С. К. 22, 116
Смит А. 203
Соарес К. 21
Соболевский А. И. 139
Соболевский С. А. 266
Соколов А. Н. 226
Соколов Б. М. 236
Соколова Н. В. 16
Сократ, философ 50, 246
Сомов В. А. 212
- Софроний Богословский 40
Софронова Л. А. 33, 46
Софья Алексеевна, русская царица 86, 90, 92
Соц В. И. 225
Спафарий Н. 22
Срезневский И. И. 135
Стафенгаген И. Л. 73, 74
Стенник Ю. В. 280
Степанов В. П. 67, 108, 173, 198, 200
Степанов Н. Л. 200, 205
Стерн Л. 170
Стефан Яворский 22, 23, 27
Стефанович В. Н. 224
Стиль Р. 203
Стратеман В. 148
Стратий А. 49
Стричек А. 220
Строганов М. В. 259
Стюарт М. 112
Сумароков А. П. 8, 13–16, 18, 67, 69, 70, 107–113, 118, 123, 131, 136, 159, 194, 195, 196, 197, 269–300
Сухомлинов М. И. 8–10, 24, 28, 30, 35–38, 41, 54, 63, 96, 97, 99, 103
- Таддеи Т. 277
Тассо Т. 218
Татищев В. Н. 133
Тауберт И. 84, 92, 111, 112
Тезауро Э. 53
Теплов Г. Н. 111
Теренций Публий Афер 35
Тертуллиан Квинт Септимий Флорент 35
Тильманн Г. 51
Тит Флавий Веспасиан, римский император 184
Тихонравов Н. С. 183
Тодорский И. 117, 120, 122, 123, 128, 130–132, 134, 135

- Тома А.-Л. 206, 219–233
Тонкова Р. М. 110
Топорков А. Л. 237
Топоров В. Н. 199
Торильер П. 193
Трелиаковский В. К. 13, 18, 20, 39, 107, 117–119, 207, 208
Тронский И. М. 206
Трубачев С. С. 254
Тукалевский В. 11
Тургенев А. И. 117
Тюличев Д. В. 66, 120
Тютчев Ф. И. 274
- Уильям Август, герцог Камберлендский 204
Унбегаун Б. О. 19
Успенский Б. А. 39, 107, 211
Устрялов Ф. Н. 254
- Фаон** 168
Фафурин Г. А. 147
Федор Алексеевич, русский царь 86
Федоровский И. Н. 71
Федотова С. Б. 257, 259
Фенелон Ф. 95–97, 99, 100, 105, 106, 206, 207, 208
Феофан Прокопович 21–23, 26, 27, 32, 142
Феофилакт Лопатинский 46
Флешье Э. 38
Фонвизин Д. И. 220
Фортунатов Ф. Ф. 31
Фош П.-Ф. 212
Франке А. Г. 141
Френкель, переводчик Ж.-Ж. Руссо 252
Фриш И. Л. 106
- Ханенко И. 258, 261
Харлампович К. В. 44
Хаяутин А. Д. 252
Хвостов Д. И. 221, 222
- Херасков М. М. 171, 273
Хиршфельд К. К. Л. 238
Хмарный И. 44
Хованский П. В. 110
Хотеев П. И. 100, 106
- Цицерон** Марк Туллий 21, 25, 35, 36, 37, 258, 261
Цоппис Ф. 183
Цыганок О. М. 44
- Чамполи** Д. 282
Чаплин А. 226
Чемберс У. 236, 237, 240, 241
Ченакал В. Л. 16
Черейский Л. А. 259
Чехов А. П. 210
Чижевский Д. И. 22
Численко Н. Д. 140
Чоранеску А. 99
Чуди Т.-А. 92
Чуйко, переводчица Ж.-Ж. Руссо 254
Чумичева О. В. 167
- Шамрай** Д. Д. 112, 113
Шамшула В. 19
Шарапов В. С. 193
Шафаренко И. Я. 210
Шварц И. Г. 133
Шёнфилд К. А. 133
Шиллер Ф. 204
Ширинский-Шихматов П. А. 251
Шмараков Р. Л. 48
Штелин Я. Я. 61, 62, 66, 68, 70, 71, 73–76, 108, 111, 112
Штрубе де Пирмонт Ф. Г. 84
Шувалов И. И. 65, 75, 83–87, 90, 92, 93, 108–110, 112, 264
Шувалов П. И. 63–68, 70, 72–78, 81, 91
Шумахер И. Д. 111
- Щербатов** И. П. 110

- Энгельгардт М. А. 249
Эразм Роттердамский 139–152
- Ювенал** Децим Юний 35
Юз В. В. 252
Ютанов В. 252
- Языков** Н. М. 130
Якобсон Р. О. 25, 158
Яламас Д. А. 22
Янкович де Мириево И. Ф. 171
Янкович, переводчик с итальянского 183
- Aldama** J. A., de 52
Amato A. 167
Anderson W. S. 205
Arens A. 26
Asso C. 145
Auerbach I. 104
- Barbarisi** G. 269
Bartelemy (Barthelemy, Bartholomaei, Bartholomäi) D. *см.* Бартелеми Д.
Bauhuysen (Bauhuys, Bauhuis, Bahusius) B., van *см.* Баухюйсен Б. ван
Behrens D. 102, 104
Bierlaire F. 143,
Bolshakoff S. 167
Borelli G. 275
Bote H. 157
Brandt R. 170
Brang P. 41, 214
Braun L. 170
Braun Th. E. D. 183
Broggi Bercoff G. 19
Brognoligo G. 271
Brüggemann Th. 140, 141, 143–145
Brunken O. 140, 141, 143–145
- Caussin** (Caussinus) N. *см.* Коссен Н.
Caussy F. *см.* Косси Ф.
Cenni N. 277
- Charon** A. 212
Chiappa B. 277
Cioranescu A. *см.* Чоранеску А.
Čiževskij D. *см.* Чижевский Д. И.
Clemm L. 104
Coppari M. F. 277
Corsini U. 269
- Danci** J. 40
De Coureil G. 269
De Luca I. 269
De Michelis C. G. 269
Di Salvo M. 19
Dyer T. H. 272
- Ebert** H. D. 104
Estreicher K. 42
- Ferrari** M. L. 277, 280
Ferrazzi M. 269
Flipart J. 159
Fortis A. 269
Franzoni L. 277
- Gagnebin** B. 253
Giacobazzi Fulcini F. 275
Girardi M. 276
Giraud G. 269
Giuliari B. 275
Gottsched J. Ch. *см.* Готшед И. К.
Grasshoff H. *см.* Грасгофф Х.
Grzeškowiak R. 157
Gundlach F. 104
Gutmann E. 140
Guy B. J. 184
- Haeghen** F. van der 140
Hippisley A. 21
Hofhout J. 97, 98
- Infelise** M. 159
- Jacobson** R. *см.* Якобсон Р. О.
Justi K. W. 98

- Keipert H.** *см.* Кайперт Г.
Kizik E. 157
Klosterberg B. 141
- Lachmann R.** *см.* Лахманн Р.
Langlumé J. 207
Lausberg H. *см.* Лаусберг Г.
Lesage C. 212
Lewin P. *см.* Левин П.
Lise G. 165, 166
Lorette P. *см.* Раме П.
Luther M. *см.* Лютер М.
Łuźny R. *см.* Лужный Р.
- Marchi G.** P. 275
Marcialis N. 206
Margolin J.-C. 145
Marini P. 159
Martin A. *см.* Мартин А.
Martyn J. R. C. 47
Masenius I. *см.* Мазен Я.
Maver Lo Gatto A. 269
Mervaud M. *см.* Мерво М.
Micard E. 219
Milano A. 160
Murari Dalla Corte G. 270
- Netchine E.** 212
- Olivato L.** 275, 279
Osimo B. 159
Otwinowska B. 46
Owen (Oven) J. *см.* Оуэн Дж.
- Paisey D. L.** 98
Parker L. P. E. 205
Peltier 207
Piretto G. P. 159
- Pomey F.-A.** *см.* Помей Ф.-А.
Posthius I. *см.* Пост И.
Prosperi A. 145
- Radezky I. C.** 199
Ramet P. *см.* Раме П.
Revunenková N. V. 141, 148
Rossi Varese M. 269
Ruggieri G. 65
Radau M. *см.* Радау М.
- Salvadori E.** 174
Sandrini A. 277
Sarti G. *см.* Сарти Дж.
Schamschula W. *см.* Шамшула В.
Schmidt E. 104
Schröder K. 104
Schüling H. 104
Schwendler J. N. 104
Seebohm A. 167
Sichtermann S. H. 157
Simeoni L. 271
Spreti V. 275, 277
Stratius A. *см.* Стратий А.
- Tarozzi B.** 280
Tilmannus G. *см.* Тильманн Г.
- Uhlenbruch B.** 33
Unbegaun B. O. *см.* Унбегаун Б. О.
Urai Ya. 214
Uther H. J. 157, 158
- Vandenhoeck A.** 98
Varanini G. M. 275, 279
- Wastelius P.** 52
Weyermann A. 98

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3

ЛОМОНОСОВ И СЛОВЕСНОСТЬ ЕГО ВРЕМЕНИ

<i>Н. Ю. Алексеева</i> Итоги и проблемы изучения литературного наследия М. В. Ломоносова	7
<i>Л. И. Сазонова</i> Риторика Ломоносова: актуальные проблемы риторической традиции XVIII века	20
<i>А. А. Костин, С. И. Николаев</i> Неучтенный источник Риторики Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау)	41
<i>К. Н. Лемешев</i> Конспект «Ausführliche Redekunst» и Риторика Ломоносова.	54
<i>А. А. Костин</i> Стихотворные надписи в описаниях фейерверков 1758 и 1759 годов (опыт атрибуции Ломоносову).	61
<i>Н. А. Копанев, Н. П. Копанева</i> Ломоносов и первая отсылка Вольтеру рукописей по русской истории	83
<i>П. И. Хотеев</i> К истории одного стихотворного перевода Ломоносова	95
<i>А. А. Костин</i> Отношения Ломоносова и Сумарокова в 1758–1760 гг. (из комментариев к письмам Сумарокова)	107
<i>Е. И. Кислова</i> «Молчите, каменные звуки»: оды Ломоносова в рукописных копиях второй половины XVIII века	114

ПЕРЕВОД И ПОДРАЖАНИЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

<i>М. К. Брагоне</i> Эразм Роттердамский — учитель голландского языка? (К истории судьбы «Colloquia familiaria» в России в XVIII веке).	139
<i>М. К. Пезенти</i> Западноевропейская народная гравюра и русская лубочная картинка (изображение, текст и внетекстовые элементы).	153

<i>М. Вендитти</i> Русские переводы XVIII века второй героиды Овидия (Козицкий, Рубан, Ржевский)	168
<i>А. О. Дёмин</i> Перевод и подражание трагедии Ж. Расина «Береника» в трагедии Я. Б. Княжнина «Дидона»	182
<i>Е. Д. Кукушкина</i> Ж. де Лафон на русской сцене: два варианта адаптации . . .	191
<i>Л. Росси</i> Стихотворная басня М. Н. Муравьева «Изгнание Аполлона» и ее прозаический источник	198
<i>Н. Д. Кочеткова</i> «Меланхолия» Ж. Делиля: подражание Н. М. Карамзина и перевод П. Ю. Львова.	209
<i>П. Р. Заборов</i> «Славный Томас» в русских переводах	219
<i>А. Ю. Веселова</i> Русские переводы европейских садовых трактатов конца XVIII — начала XIX века и стратегии переводчиков	234
<i>А. А. Златопольская</i> Русские переводы Ж.-Ж. Руссо и цензура	244
<i>М. Г. Альтикуллер</i> Чей перевод «Золотого осла» читал Пушкин в «садах Лицея»? (Из комментария к «Евгению Онегину»)	257
<i>Дж. Ларокка</i> Освальдо Перини — итальянский переводчик А. П. Сумарокова (Предварительные замечания).	269
Список сокращений	288
Указатель имен	289

Научное издание

ЧТЕНИЯ ОТДЕЛА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Выпуск 7

Отв. редакторы:

А. А. Костин, А. О. Дёмин

Редактор

А. Ю. Соловьев

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Художник *Ю. П. Амбросов*

Корректор *Т. В. Никон*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 02.12.2013. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. изд. л. 19. Усл. печ. л. 20.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»

105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40

E-mail: aarheo@mail.ru